

Василий

ГОЛОВАЧЕВ

ПРАВО ЖИТЬ

ОТДЫХ - ОСТАНОВАТЕЛИ

ВАСИЛЬКОВ ИГОРЬ СЕРГЕЕВИЧ

Annotation

В попытке уничтожить Аморфа Конкере Стас Котов, оруженосец Воина Закона, терпит поражение и превращается в исполнителя воли Монарха Тьмы. Теперь Изменение реальности, в результате которого человечество может быть уничтожено, становится неотвратимым. Если не появится человек, готовый принять на себя миссию спасения. Однако, кроме способностей, нужны знания, кроме желания победить – умение воевать, кроме веры в успех – поддержка светлых сил. Даже если герой отыщется, успеют ли Посвященные научить его всему необходимому?

- [Василий Головачев](#)

- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)

- [Глава 23](#)
 - [Глава 24](#)
 - [Глава 25](#)
 - [Глава 26](#)
 - [Глава 27](#)
 - [Глава 28](#)
 - [Глава 29](#)
 - [Глава 30](#)
 - [Глава 31](#)
 - [Глава 32](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
-

Василий Головачев
Смерч

Глава 1

ХАРА СЫЛГЫЛАХ

Первые алмазы в северных отрогах Енисейского горного кряжа, на территории нынешней Эвенкии, нашёл геолог Мамонтов ещё в конце девятнадцатого века. Много позже, весной тысяча девятьсот сорок восьмого года, геологической экспедицией Кураева в пробе галечников на притоках реки Ермокси, являющейся в свою очередь притоком Подкаменной Тунгуски^[1], были также обнаружены алмазы. Общий вес найденных алмазов в те годы превысил две тысячи четыреста карат. А Тычанская алмазоносная россыпь, открытая в тысяча девятьсот пятьдесят втором году, могла дать в сотни раз больше. Кристаллы углерода встречаются там на всём протяжении «бриллиантовой» реки Тычана от устья до впадения в неё реки Сунгтапчу.

Поэтому не было ничего удивительного в том, что Артур Суворов, ныне профессиональный путешественник и искатель приключений, некогда закончивший Дальневосточный университет по специальности «геологоразведка», но потерявший работу вследствие ликвидации регионального управления Дальнегорской партии, нашёл алмазы в аллювии реки Джелиндукон.

Находка эта его обрадовала и окрылила. В последнее время всё труднее становилось изыскивать средства для путешествий, отец резко сократил финансирование проектов сына, телекомпаниям стали платить за репортажи и съёмки на натуре мало, друг Тарас Король женился и тоже перестал спонсировать походы Суворова. Алмазы позволяли какое-то время жить безбедно и осуществить не одну экспедицию в места, куда редко забирались нормальные люди.

Артуру Владленовичу Суворову исполнилось двадцать семь лет. Он был невысок – метр восемьдесят с «миллиметром», но по-спортивному подтянут, жилист, гибок, быстр, голубоглаз, волосы – цвета платины, как говорила мама, обычно отпускал по плечи, бриться не любил, но бороду не отращивал. Ему шла «творческая небритость», свойственная некоторым мастерам культуры и нынешнему молодому

поколению, не привыкшему строго следить за собой. Тем не менее Артур был обаятелен, его улыбка с ямочками на щеках покоряла женщин, и они его «колючесть» охотно прощали.

К этому моменту он успел дважды жениться и дважды развестись, хотя детей не имел. Из-за чего, впрочем, не переживал, а даже наоборот, считал, что с посадкой «цветов жизни» можно и не торопиться. Расходился он с жёнами легко, без напряжения и обид, благодаря своему умению выбираться из любой жизненной ситуации без потерь, а может, из-за природной живости характера. Он был умён, способен мгновенно оценивать информацию и отстаивать свои интересы. Кроме того, Артур не любил покоя, и вся его жизнь проходила в постоянном движении. Он быстро сходился с людьми и без особых сожалений с ними расставался, вследствие чего друзей – настоящих друзей, как говорится, до гробовой доски, не имел. Но и врагов не нажил, хотя часто шёл наперекор чьим-то интересам и расчетам. До открытых столкновений с теми, кого он «обошёл на повороте», не доходило, так как Артур умел сглаживать острые углы и вовремя отступать, а угроз в свой адрес он не боялся в силу оптимизма и крепкого здоровья.

Рисковал Суворов часто, но удача, как правило, ему не изменяла. О будущем же он задумывался редко, справедливо полагая, что всё у него ещё впереди. А замечания деда Игнатия: когда перебесишься, за ум возьмёшься? – он считал обычным старческим брюзжанием, восходящим к домостроевским традициям и наставлениям.

На берег Подкаменной Тунгуски Артура привела жажда найти алмазную «трубу» и освободиться от зависимости денег. А причиной послужил рассказ двоюродного брата Чимкута Романова – Чимкут по матери был русским, его мать являлась родной сестрой отца Артура, а по отцу – эвенком – об алмазных россыпях, найденных по берегам рек Эвенкийского края. Так Артур Суворов сначала оказался в Туре, столице Эвенкии и географическом центре России, а потом на берегах Джелиндукона, в сопровождении эвенка-проводника Увачана, согласившегося по просьбе Артурова брата показать гостю «край, отмеченный небом».

Алмазы они нашли на десятый день путешествия вдоль русла реки, шестого июля. Каким бы неопытным геологом Артур ни был, он всё же мог отличить ультраосновные горные породы от обычных и

определить признаки если и не кимберлитовой трубки, то промежуточного коллектора, как называли коренное месторождение драгоценных камней геологи.

Конечно, найденные кристаллики розоватого и сероватого цвета весом от пяти до одиннадцати карат на вид казались невзрачными и недорогими, но после огранки они должны были заиграть радужными переливами и радовать глаз. А цену огранённых алмазов Артур представлял.

– Моя такой находил, однако, – сказал эвенк Увачан, невозмутимо посасывая трубку. – Давно. Магазин сдавал. Платить мало.

– Ничего, мне заплатят больше, – легкомысленно отмахнулся Артур, уже прикидывая, кому в Москве покажет алмазы. – Тебе тоже достанется, на машину хватит.

– Зачем моя машина, э? – пожал плечами меднолицый охотник. – Олешки есть, однако. Тайга машин не ходит. Я парат огненный вода купить.

– Зачем тебе самогонный аппарат? – удивился Суворов. – Ты же самогон не потребляешь.

– Китайцы продавать буду, они любить самгон, однако.

– Хитришь ты что-то, старик, не слышал я, чтобы китайцы пили наш самогон. Но это твоё дело, тоже бизнес, в принципе, лишь бы менты не загребли. Пошли ещё пару шурфов долбанём.

За три дня после находки первых алмазов они вырубили в галечнике полсотни ям, добыли ещё около четырёх десятков алмазов, и везение кончилось. Камни перестали попадаться напрочь.

– Домой, однако, пора, – посоветовал Увачан. – Шибко комары олешков есть.

Артур хотел было в исследовательском азарте вернуться к верховью Джелиндукона, проверить его боковые осыпи, но потом подумал, что экспедиция и без того удалась, и согласился. Да и комары действительно одолели, несмотря на наличие современных отпугивающих средств – от фумитоксовых спреев до ультразвуковых свистков.

– Никому не говорить, паря, – сказал эвенк, когда они вернулись в лагерь. – Нехорошие люди много, завидовать всегда, убить даже.

– Завистников и в самом деле много, – кивнул Артур, ссыпая найденные алмазы в кисет. – Нам проблемы ни к чему, будем держать

язык за зубами. У меня с собой есть пузырь столичной огненной воды, давай выпьем по глотку, за удачу?

– Давай, – оживился Увачан. – Твоя брат угощать давно, тепло внутри, легко, голова летать, я любить.

– Да уж, иногда голова действительно улетает, – засмеялся Артур, – поэтому надо знать меру.

Они выпили по полкружки кристалловского «белого золота», закусили жареным сигом и полюбовались закатом, предвещавшим скорую смену погоды. Осень в этих местах начиналась рано, в середине августа, а в связи с глобальным изменением климата и вовсе невозможно стало предсказать, какой она покажет нрав. Самодеятельным «геологам» ещё повезло, что с начала июля выдалась хорошая погода, дожди были редкими, а внезапные ночные похолодания и вовсе отсутствовали.

– Гость, однако, – сказал вдруг Увачан, щуря и без того узкие глаза, – байё, женщина.

– Где? – не поверил Артур, у которого от выпитого немного кружилась голова.

– На том берегу, в ерике. Камень большой видишь?

Суворов сфокусировал зрение и в самом деле за камнем на другом берегу реки, где начинался колючий кустарник, заметил фигурку в белом. Достал из палатки бинокль.

Проводник не ошибся. Это была женщина в странном белом одеянии, напоминающем плащ-накидку. Волосы у нее были тоже белые, то ли седые, то ли совсем светлые, лицо красивое, но измученное, и лишь под широкими бровями горели удивительным внутренним огнём зелёные глаза, наполненные страданием и болью. Она почувствовала, что на неё смотрят, подняла лицо, и Артур отшатнулся, получив самый настоящий удар в лоб.

– Твою мать!

– Маган кырдай, о! – прошептал эвенк с суеверным страхом. – Колдуй-баба, белая ястребица, однако... не смотри глаза, денька станешь...

– Кем-кем?

– Слепой совсем... не понимать ничего... яррын голова, слабый...

Артур снова навёл бинокль на скалу, но женщину там уже не увидел. Она исчезла как привидение. И только взгляд её остался в

памяти, тоскливый и одновременно вопрошающий, удивлённый, исполненный необычной внутренней силы. Интересно, чему она удивилась, увидев геолога и его спутника на берегу реки?

– Куда она подевалась?

– Маган кырдай летать и по воде ходить. Плохо встретить, однако. Домой надо быстро-быстро.

– На ночь глядя? Утром двинемся. Да и не боюсь я никак ваших колдуний местных, нету их, легенды одни.

– Не легенды, однако. Сам видел. Хороший маган и плохой совсем. Шаман томтуха встретить и болеть, потом умирать.

– Инфекцию небось подхватил и умер, – проворчал Артур, ворочая окулярами бинокля. – У вас тут никакой санитарии, живёте как два века назад, разве что телевизоры в чумы поставили.

– Живём, – не обиделся Увачан.

Солнце село. На лес упала темнота. Комары повалили гуще.

Артур брызнул на себя из баллончика с фумитоксом, постоял у обреза воды, глядя то на вызвездившее небо, то на лес за рекой, потом полез в палатку. Ни с того ни с сего заболела голова. Он попробовал бороться с болью с помощью медитации и не заметил, как уснул.

Ночью проснулся в поту, не понимая, что с ним и где он находится, прислушался к тишине за стенками палатки, попил холодной родниковой воды, успокоился, уснул снова. И приснился ему удивительный сон, до жути реальный, объёмный и цветной.

Он стоял на плоской вершине скалы, торчащей недалеко от толстой стеклянной стены, разделявшей равнину надвое. Вправо и влево уходила цепочка таких же скал, похожих на застывших каменных стражей. По эту сторону стены равнина была живой, зелёной, поросшей густой травой и ползучим кустарником, по другую мир был сер, тускл, прокопчен, по угрюмой холмистой равнине с чёрными провалами кратеров и ям бродили слоистые белёные дымы, сквозь которые изредка проносились некие призрачные тени, а иногда проглядывал лик кошмарного зверя, похожего на дракона и на человека одновременно.

Небо этого мира было фиолетово-чёрным, в отличие от густо-синего небосклона, раскинувшегося над зелёной половиной равнины. А вот солнце оказалось единым для обеих половин, разделённое точно посередине всё той же колоссальной, уходящей в бесконечность,

стеклянной на вид стеной. Только цвет половинки, освещавшей зелёную, живую часть равнины, был желтым, с оранжевыми протуберанцами, а относящейся к страшному – «адскому» миру – багровым, с чёрными оспинами.

На равнине из-за дальнего холма появились всадники на необычного вида животных, имеющих сходство с верблюдами и слонами. Они приблизились к стеклянной стене, спешили. Мужчина, одетый в облегающий тело серебристый костюм со множеством выпуклых ромбов, вытащил из-за спины сверкнувший меч, шагнул к стене. Женщина – Артур, холодея, вдруг понял, что она очень похожа на увайю, эвенкийскую колдунью, которую они с Увачаном встретили на берегу, – одетая в белый пушистый костюм, догнала спутника, потянула за руку, остановила.

Они начали о чем-то спорить, поглядывая на стену, потом мужчина все-таки настоял на своём и снова двинулся к стене. Женщина опустила на корточки, закрыв лицо ладонями. Мужчина оглянулся, что-то сказал, ткнув пальцем в «коня». Женщина поднялась, побрела назад, сгорбившись, забралась на «верблюдослона».

Мужчина наконец дошёл до стены, в задумчивости склонил голову, смущённый, очевидно, реакцией спутницы. Потом решительно взмахнул мечом и полоснул по стене.

Раздался гулкий треск.

Стена в месте удара покрылась сетью трещин, выгнулась, на землю посыпались искры и дымящиеся осколки стекла, испаряющиеся на глазах.

Мужчина ударил мечом ещё раз.

Грохот, взрыв!

Во все стороны полетели свистящие молнии, в стене образовалась рваная расширяющаяся брешь, из которой на зелёную равнину хлынули полосы тумана, заставив меченосца отступить. А затем из дыры показалась жуткая морда зверя с горящими узкими глазами, похожая и на лицо человека, и на морду дракона.

Мужчина вытянул вперёд засиявший меч.

Зверь в ответ выдохнул клуб дыма и яркого пламени, и мужчину отнесло назад сразу на полсотни метров. Он вскочил на ноги, поднял меч над головой, и тот создал своеобразный купол из голубых извилистых молний, защитивших владельца от новой атаки зверя. Меч

вытянулся, превратившись в копьё, воткнулся в морду зверя, оставив дымящийся шрам. Но зверь махнул лапой, отбил копьё и выдохнул облако не то сизого пара, не то бурлящей жидкости, накрывшее воина с головой.

Тому удалось разрубить это странное вихрящееся облако, сбросить и рассеять его верхнюю половину, в то время как нижняя часть тела воина оставалась погруженной в кипящий пар.

Женщина закричала, направляя «коня» к спутнику, но он обернулся, крикнул в ответ:

– Уходи!

Зверь окончательно выбрался из дыры, поднялся во весь рост над равниной – ни на что не похожая апокалиптическая фигура с колышущимся, вспухающим и опадающим телом и множеством корявых лап. Протянул одну из лап к женщине.

Мужчина извернулся, ударил по лапе мечом, отрубая её.

Зверь оскалился, заревел, превращаясь на мгновение в пульсирующее фонтанами пара облако, и снова плюнул в противника сгустком дыма. Мужчина скрылся внутри этого сгустка, прорубил в нём окно, но больше ничего сделать не сумел.

– Уходи! – прилетел его стихающий хриплый крик.

Затем облако окончательно спеленало воина паутиной белесых струй, он исчез.

Женщина повернула коня, помчалась прочь от места непонятного сражения, то и дело оглядываясь.

Одна из лап монстра потянулась было за ней, догнала, но схватить не успела: женщина исчезла вместе с своим «верблюдослоном», растаяла в воздухе... и Артур проснулся.

Подхватился на локтях, дыша как после бега на сто метров, весь в поту, ощущая чужой страх и чужую боль, лёг на спальник обратно. Но уснуть так и не смог, промаялся до утра, вспоминая сон подетально. Раньше он спал крепко и бестревожно, как младенец, забывая сны уже через минуту. Однако этот сон, закончившийся боем неизвестного воина с вырвавшимся на свободу монстром, был настолько подробен, что казался эпизодом реальной истории. А навеян он был явно встречей с женщиной на берегу Джелиндукона, уж очень она походила на беглянку из сна, спутницу погибшего воина, успевшую чудесным образом спастись.

В палатку заглянул Увачан, как всегда невозмутимый и бесстрастный, выглядевший так, будто и не ложился вовсе.

– Олешки беспокойся, однако, надо быстро ехать. – В глазах эвенка зажёгся огонек, он заметил состояние спутника. – Э, сон плохой видеть?

– Скорее странный, – промычал Артур, начиная одеваться; спал он обычно в одних трусах. – Ты-то чего поднялся ни свет ни заря?

– Чують яккивана, – в нос проговорил охотник.

– Чего ты учуял?

– Бурча-каан и дьяжил-каан. Плохой духи близко, ехать надо.

Артур вылез из палатки, поёжился, – температура воздуха под утро снизилась до плюс пяти градусов, – посмотрел на занявшуюся зарю, и в извилистых полосах облаков над зубчатой линией леса увидел контуры зверя из сна. Вздрыгнул, поёжился еще раз. Показалось, что кто-то пристально посмотрел ему в спину через прорезь прицела и готов спустить курок. Оглянулся: никого.

– Хренов сон!

– Духи смотреть, однако, – понимающе осклабился Увачан. – Хара суорун и хара сылгылах. Очень злой, очень страшный. Надо ехать быстро.

Артур потянулся было к прикладу карабина, торчащему из внутреннего кармана палатки, но передумал, заставил себя успокоиться.

– Собирайся, едем.

Через полчаса они пили чай у костра, посматривая на беспокойно ведущих себя оленей. Лагерь был свёрнут, можно было возвращаться в Туру.

Внезапно Увачан хлопнул себя ладонями по лбу.

– Эх, старый луун, надо быть собак взять!

– Ты чего? – удивился Артур, не понимая охотника.

И вдруг снова почувствовал знакомый угрожающий взгляд.

Вскочил, напрягаясь, метнулся к оленям, выдернул из седельной сумки карабин.

В лесу на другом берегу реки шевельнулись кусты, и на галечник мягко вытек – буквально как струя жидкой гуттаперчи – громадный зверь, помесь тигра, удава и таракана. Ткнулся носом в валун, возле

которого недавно стояла женщина в белом, поднял уродливую голову и посмотрел на оторопевших людей.

– Хара сылгылах! – прошептал эвенк, падая лицом в траву и закрывая затылок ладонями.

Артур сглотнул, держась за карабин, начал тихонько поднимать ствол.

Зверь сверкнул узкими яркими желтыми глазами с вертикальными зрачками, качнул головой, словно предупреждая: не надо стрелять, дружок, не поможет тебе карабин, – ещё раз нюхнул камень и тем же манером скользнул в кусты, бесшумно, плавно, неодолимо, как живой поток жидкого металла.

Давление чужого взгляда на голову снизилось, исчезло.

Артур опустил карабин, смахнул выступивший на лбу пот, глубокомысленно изрёк:

– Пора завязывать с алкоголем, мистика уже всякая начинает мерещиться.

При этом он был совершенно уверен в своей адекватности, да и реакция Увачана подтверждала тот факт, что страшный зверь («хара сылгылах», однако) ему не померещился.

– Вставай, старик, – похлопал Артур охотника по плечу, – убрался твой злой дух, не стал нас есть, не понравились мы ему.

Эвенк забормотал что-то под нос, трясая головой, потом подхватился на ноги, погнал оленя вдоль берега реки.

Артур хмыкнул, сполоснул лицо речной водой, поглядывая на камень, ставший свидетелем двух странных встреч, и направился вслед за проводником. Думал он о том, что такие встречи плюс удивительно яркий сон неспроста. Ему было дано некое знамение, намёк на какую-то иную жизнь, далёкую от обыденной, но понять, что это означает, Артур был не в состоянии. В леших и домовых Суворов не верил, суеверным не был, считая, что все описанные литературой «потусторонние» силы, колдуны и маги являются всего лишь способом заработать имидж или заинтересовать обывателя. Впрочем, существовал ещё один вариант объяснения случившегося: он стал случайным свидетелем абсолютно не касающихся его событий, происходящих вполне реально в местах, не доступных простому смертному. Ведь не остановись он на берегу Джелиндукона в поисках алмазов, так, наверное, и не увидел бы ничего и жил бы себе спокойно,

как остальные мирные граждане России, верхом удовольствия считавшие телепередачи типа «Последний герой».

Снова заболела голова. Перед глазами встал образ женщины в белом, выглянувшей из-за камня.

Может быть, тот зверь (Артур содрогнулся) её преследовал? Недаром же он обнюхивал камень и береговой откос. Интересно, что это за зверь? Реликтовый динозавр, сохранившийся в этих местах со времён мезозоя? Эдакое «лохнесское», точнее, тунгусское чудовище? Или уцелевший член экипажа взорвавшегося над Подкаменной Тунгуской звездолёта (есть и такая версия), известного под названием Тунгусский метеорит?

Артур усмехнулся, получил укол боли в висок, выругался шёпотом.

Собака бешеная! Уж не заболел ли он? Чем? Простудился? Подхватил местную инфлюэнцию? Комарики ведь его кусали разные, мог и малярийный попасться. Только этого нам не хватало...

Он догнал Увачана.

– Дедушка, у вас тут малярией никто не болел?

Охотник оглянулся, глаза у него были чёрные и блестящие, его трясло.

– Увайю приходить, беда быть, совсем пропадать...

– Что ты там бормочешь? Живы будем, не помрём. А зверь и правда был страшненький, я таких не видел.

– Хара сылгылах, злой дух, однако, порчу наводит, плохо всем быть...

– Прекрати шаманить! – прикрикнул на эвенка Артур. – Раз он нас не тронул, значит, сам испугался. Всё будет хорошо. Я знаю, ты умеешь людей лечить, полечи меня, башка трещит.

Увачан внезапно успокоился, перестал дрожать, проворно достал фляжку с водкой из-под меховой накидки (в ней он ходил даже в самую жару), хлебнул. Глаза старика перестали казаться оловянными пуговицами, в них заискрилась жизнь.

– Ты великий мээрген! – торжественно заявил он. – Хара сылгылах испугать! Маган кырдай испугать! Алмазы находить. Ты великий углах мээрген!

– Хорошо, хорошо, согласен, – скривил губы Суворов, – только вот голова болит, как с похмелья.

Увачан покивал, обошёл его кругом, потёр ладонь о ладонь и приложил ко лбу и затылку. Запел что-то на своём языке. Через минуту голова Артура прояснилась.

– Спасибо, колдун, – с облегчением выпрямился он. – Научил бы ты меня своему мастерству, а? Я бы за ценой не постоял.

– Отец учить мне, – поднял палец к небу эвенк. – Слово знать, свобода быть, духи говорить, долго учить, однако.

– Это я понимаю, – вздохнул Артур. – С детства учиться надо. Ладно, поехали, и в самом деле надоело комаров кормить, пора в цивилизацию. Да и с тем зверем неохота ещё раз встречаться. Как ты его назвал? Хара сылгылах?

Увачан изменился в лице, сделал изрядный глоток обжигающей горло жидкости и заторопился к своему оленю.

В Туру они вернулись без особых приключений спустя неделю после встречи со «злыми духами», преодолев по тайге около трёхсот километров.

Глава 2

НЕ ПОРА ЛИ ЗА СТАРОЕ?

Приснился странный сон накануне праздника Чура, бога-покровителя границ и семейного очага, и Василию Никифоровичу Котову, во младенчестве – Балуеву, бывшему контрразведчику-ганфайтеру, перехватчику-волкодаву и комиссару «чистилища», свернувшего свою работу после встречи с Матвеем Соболевым в «розе реальностей».

Соболев, недолгое время замещавший инфарха, верховного координатора иерархов, исполнил обещанное, нейтрализовал Истребителя Закона, или, как его ещё называли, Ликвидатора Круга. Охота за Посвящёнными в дела Внутреннего Круга прекратилась.

Исчез куда-то и Герман Довлатович Рыков, Посвящённый II ступени, президент Купола, метивший в абсолютные властители земной реальности и даже всей «розы». Купол сократил свои ряды, частично ушёл в подполье, частично замаскировался под государственные структуры и «добропорядочные» фирмы. В результате ККК, или «команда контркрим», или ещё точнее – «чистилище», перестало выполнять функции «восстановителя закона возмездия» и приостановило свои операции – бандлики, надеясь, что её услуги обществу больше не понадобятся.

Вахид Тожиевич Самандар, генеральный комиссар «чистилища», ушёл с головой в научную работу, стал директором Международного института боевых искусств (бывшего МИЦБИ) и о себе напоминал редко. Да это было и понятно, так как женщина, которую он любил, стала женой Василия Никифоровича. Сам же Котов с удовольствием окунулся в семейную жизнь, сыграв свадьбу с Ульяной Митиной. Спустя почти год у них появился ребёнок – сын, которого они называли Матвеем в честь Матвея Соболева.

Василий мог бы и не работать, пользуясь наследством бывшего кардинала российского Союза Неизвестных Юрьева, дочь которого Мария вышла замуж за Стаса Котова. Юрьев оставил дочери крупные счета в банках России и за рубежом, которыми она и воспользовалась, переводя суммы на счета мужа и его воспитателя, Котова-старшего.

Однако сам Василий Никифорович сидеть сложа руки не любил, организовал компанию по производству и сбыту пластиковой посуды, стал её президентом и о своём будущем беспокоиться перестал.

Куда подевался Юрий Венедиктович Юрьев, не знал никто, в том числе и его дочь. Впрочем, они со Стасом, владея тхабсом и «мечом-устранителем препятствий», всё чаще переходили границу «розы реальностей» и уносились в неведомые миры, подчиняясь властному зову тайны. Что они искали, можно было только догадываться.

Первое время Василий Никифорович переживал, когда Стас и Маша не возвращались по две-три недели кряду из своих походов, потом привык. Стас был человеком серьёзным, учебу в физтехе бросать не собирался, планировал стать Посвящённым высших ступеней Внутреннего Круга человечества, «круга великого молчания», как его называли, и за его судьбу можно было не волноваться.

Правда, по сведениям Котова-старшего, сам Круг, изначально созданный для стабилизации социума, добычи новых знаний, сохранения старых и нейтрализации опасных, практически перестал существовать в результате войны с Ликвидатором. Две тысячи лет назад он сначала раскололся на Хранителей и Собирателей, а потом последние разделились на иерархов, экспериментирующих на «лепестках» «розы реальностей», и на корректоров уже существующих миров. Те из них, что были послабее, стали членами Союзов Неизвестных, управляющих жизнью государств Земли, что посильнее – ушли «выше», чтобы изменить замыслы Архонтов и самых древних обитателей Материнской реальности – Аморфов. Именно они укротили Аморфа Конкере, претендующего на главенствующую роль в иерархии «розы реальностей», названного Хранителями Монархом Тьмы, захватили его и заточили в одном из подуровней «розы», ограничив свободу и возможности вмешательства в жизнь реальностей. Хотя изредка ему всё же удавалось подчинить себе того или иного иерарха или члена Союза Неизвестных, отчего жизнь в Материнской реальности, в том числе и на Земле, резко изменялась.

Впрочем, подробности деятельности иерархов – Аморфов, Архонтов и Ангелов, да и Мастеров тоже, каким стал сам Василий Никифорович, его не волновали. Он успокоился, перестал интересоваться высшими материями и зажил полной жизнью

довольного судьбой человека. Лишь одно обстоятельство портило ему иногда настроение: обещание, данное Матвею Соболеву, – найти и покарать Рыкова. Однако маршал Купола исчез, а заниматься его поисками Василию Никифоровичу было недосуг. Отказав Юрьеву участвовать в воссоздании Союза Неизвестных России, Котов отошёл – как он сам считал – от деятельности Круга и не претендовал на какие-либо привилегии, награды и власть. Тайно управлять бытием российского социума ему не хотелось.

Правда, изредка в нём просыпался искатель приключений, каким он был во времена службы в контрразведке, а потом в спецназе ФСБ, и Василий Никифорович, свободно управлявший тхабсом, переносился в иные слои-миры «розы реальностей», бродил по равнинам Венеры (тхабс обладал и функциями защиты владельца), плоскогорьям Марса, ледяным метановым полям Титана, уносился еще дальше – к звёздам, и везде натывался на следы былых войн, потрясших «розу» и потрясавших, как оказалось, её до сих пор.

К примеру, однажды он стал свидетелем боя между армадами космических кораблей, принадлежащих разным разумным существам, и вернулся в тягостной задумчивости, вдруг осознав, что войны за власть ведутся постоянно, а кто в них побеждает – светлые или тёмные силы, оставалось неизвестным. Надо было что-то менять в «генеральном плане развития Вселенной», однако заняться этим Котов не рвался.

Ульяна вполне разделяла чувства мужа, но она стала матерью и тоже не стремилась участвовать в корректировке бытия – российского и мирового. Её больше занимало воспитание сына, его здоровье и судьба.

Они переехали в новостройку на Карамышевской набережной, имевшую охраняемую территорию, обустроили четырёхкомнатную квартиру по своему вкусу и зажили вполне комфортно, незаметно отделившись от общества, того общества, устои которого недавно защищали с риском для жизни. Конечно, оба продолжали встречаться с «рядовыми» гражданами, не подозревающими, что существует ещё один слой жизни, о котором они ничего не знают, но Василий Никифорович перестал проникаться их заботами и тревогами. Не очерствел душой, нет, просто изменил свои взгляды на жизнь. Хотя, если честно, ему иногда казалось, что отдых – в каком-то смысле –

после всех потрясений и боёв с криминалом он заслужил и что он имеет право не думать какое-то время о восстановлении справедливости и каких-то там законах возмездия.

А сон ему приснился и в самом деле странный.

Всадники на необычного вида животных, двое – мужчина и женщина. Мрачная холмистая равнина, изрытая кратерами и провалами, покрытая чёрной и ржавой коростой, будто здесь недавно бушевал пожар. Угрюмый замок на горизонте, навевающий тоску и смуту. Примерно так выглядел бы толкиновский Мордор. Или сгоревшая крепость Инсектов.

Последняя мысль заставила Василия Никифоровича пристальнее всмотреться в торопливо спускающихся к реке всадников, но в этот момент из-за горизонта вынеслась длинная стая огромных птиц, формой напоминающая дракона, и бросилась на всадников.

Мужчина вытащил сверкнувший льдистым огнём меч, стал отбиваться от птиц. Впрочем, это были не птицы – гигантские насекомые, похожие на саранчу.

Женщина загородилась от них плащом, потом бросилась в реку, исчезла.

Мужчина некоторое время оборонялся, каждым взмахом сияющего меча проделывая просеки в туче саранчи, но в конце концов скрылся под массой навалившихся насекомых...

И Василий Никифорович проснулся с ясным пониманием того, что со Стасом и Марией случилась беда. Хотел было тихонько встать с постели и пройти в кабинет, но Ульяна вдруг повернулась к нему лицом, прошептала:

– Что тебе снилось? Ты кого-то звал.

Василий Никифорович присел на кровать, помял лицо ладонями.

– Я видел двух всадников, мужчину и женщину, они сражались с тучей огромной саранчи.

– Стас и Маша?!

Котов усмехнулся.

– Ты понимаешь всё с полуслова. Не знаю... может быть, это были они.

– С ними что-то случилось! Их нет уже больше месяца!

– Вернутся, никуда не денутся. – Слова прозвучали фальшиво, неуверенно, и Василий Никифорович рассердился на самого себя. –

Они великолепно оперируют тхабсом, и с ними синкэн.

– Всё равно я бы искала их в «розе».

– Подождём пару дней, я разберусь с делами и схожу в «розу».

Спи, рано ещё.

– Разве ж теперь уснёшь...

Василий Никифорович подошёл к маленькой кроватке сына, поправил простынку, вышел на кухню. Шёл седьмой час утра, но ложиться досыпать уже не стоило. Мысли в голову лезли самые тревожные, и он знал, что причина их – долгое молчание Стаса. Парень никогда не позволял себе задерживаться в «розе» так долго, а раз он не явился ещё две недели назад, значит, для этого имелась веская причина. Может быть, им с Машей встретился кто-нибудь из уцелевших иерархов? Или сам Рыков?

Василий Никифорович невольно сжал кулаки.

Рыков, Рыков, кардинал Союза, маршал Купола... куда же ты подевался, нелюдь позорная?! Где скрываешься? Что делаешь? Какую пакость обдумываешь? Не пора ли заняться твоими поисками вплотную?

На кухню пришла Ульяна в халатике.

– Кофе сварить?

– Лучше чайку и бутерброд с брынзой.

Василий сделал зарядку, умылся, позавтракал с женой, обмениваясь впечатлениями прошедшей Олимпиады: оба болели за российскую сборную, – но мысли о судьбе Стаса и Маши мешали чувствовать себя комфортно, и разговор не получался. Потом проснулся Матвейка, Ульяна принялась возиться с сыном, и Василий Никифорович двинулся на работу с плохим настроением.

А в десять часов утра к нему в кабинет – офис компании Котова находился недалеко от метро «Баррикадная», – заявился Вахид Тожиевич Самандар собственной персоной.

Удивлённый и обрадованный неожиданным визитом, Василий Никифорович встал из-за стола, они обнялись.

– Садись, комиссар. Вот уж кого не ждал сегодня в гости. Охрана тебя видела?

– Нет.

– Я так и думал. Чай, кофе, минералка, коньяк, шампанское?

– Чай, зелёный.

– Привычки свои ты не меняешь. Впрочем, я тоже, хотя в потреблении напитков я более демократичен. Ничего, если тебя увидит секретарша? Или мне самому чай варить?

– Я не являюсь агентом спецслужб.

Василий Никифорович вызвал секретаршу Катю, изумлённо глянувшую на гостя, попросил чаю. Девушка вышла, растерянно оглядываясь на невозмутимого Самандара, одетого в бежевый щегольский летний костюм и белые туфли. В отличие от него Котов выглядел в своих джинсах и ковбойской распашонке как редактор мелкого издательства.

– Не знаешь, где нынче Юрьев?

– Год не видел, – покачал головой бывший генеральный комиссар «чистилища». – Зато я вычислил Рыкова.

Василий Никифорович подобрался, пристально посмотрел на друга и соратника. Сердце заколотилось о рёбра так сильно, что впору было глотать корвалол.

– Где он?!

Вошла Катя с подносом, расставила чашки, вышла.

Самандар занялся чаем.

– Где он? – повторил вопрос Котов, сдерживаясь.

– Не поверишь, он сейчас зампред Госдумы.

Василий Никифорович с недоверием заглянул в непроницаемые карие глаза Вахида Тожиевича.

– Не может быть! Я видел зама председателя Думы по телевизору, это другой человек.

– Рыков изменил внешность. Я проанализировал обстановку в социуме, все последние политические рокировки, финансовые потоки, формирование партийных эгрегоров и... короче, Герман сделал финт ушами, замаскировался, продолжая командовать парадом, и никого не боится.

Василий Никифорович достал из бара початую бутылку водки «Абсолют», плеснул в стакан, залпом выпил.

– Ты уверен?

Самандар вытащил из кармана дискету, щелчком послал собеседнику.

– Здесь все расчёты и выкладки.

Василий Никифорович повертел дискету в руках; пальцы дрожали.

– Я чувствовал, что он где-то рядом... и всё равно не верится.

– Поставь, посмотри.

– Я тебе верю... посмотрю, конечно. И всё же... почему он забыл про нас? Почему не стал преследовать?

Самандар усмехнулся.

– Мы стали беззубыми, старик. Мы ушли из *системы*. Мы решили, что война закончилась, что победа за нами, что жизнь нормализовалась, всё хорошо и можно отдохнуть. Но это далеко не так.

– Что ты хочешь сказать?

Вахид Тожиевич достал ещё одну дискету, бросил Котову.

– Это расчёты и прогнозы состояния социума. Нашего, российского, разумеется. Он резко криминализировался, ушёл «под крышу» государства, сменил методы влияния и способы воздействия на отдельных чиновников и власть в целом. Это видно даже по той литературе, которая нынче издаётся и востребована.

– А что издаётся?

– В первую очередь боевики, в том числе фантастические, детективы, криминальные драмы, маргинальные романы и сексопатологические измышления, порнография.

– Я не читаю боевиков...

– А зря, очень поучительное чтение, весьма наглядный срез того, чем мы живём на самом деле. Налицо кризис социума, Никифорыч, хотя это мало кто понимает: чем дальше в будущее, тем дальше отодвигаются планеты и звёзды, всё дороже становится путь в космос, да и жизнь вообще.

– Что ты предлагаешь?

– Пора выходить из спячки, мастер. Нам на смену никто не пришёл. Купол укрепил свои позиции. Из всех щелей полезла на свет божий всякая нечисть, не получая отпора ни на одном из уровней. Надо срочно менять порядок вещей.

Котов покачал головой.

– Те рецепты, которыми мы пользовались раньше, не помогают, это очевидно.

– Мы выработаем новые. Пора изменить систему власти в стране, взорвать Купол изнутри. Сегодня это глубоко эшелонированная антигосударственная антинародная структура. К правительству не подобраться, все подходы к нему со стороны позитивных сил перекрыты, поэтому таким карманным правительством легко управлять.

– Кому?

– Тому же Рыкову, а через него – нашему знакомцу Конкере. Кстати, по моему убеждению, Монарху Тьмы удалось каким-то образом вырваться из той «запрещённой реальности», куда его упекли адепты Круга, и он взялся за старое, то есть за передел мироустройства.

Василий Никифорович вспомнил свой сон.

– С чего ты взял?

– Я брожу по «розе»... иногда... собираю информацию. По моим сведениям, там началась новая охота за иерархами, что скоро отразится и на Земле.

Котов посмотрел на бутылку водки на столе, поколебался, спрятал в бар.

– Ты случайно Стаса с Машей не встречал?

– Нет, – качнул головой Самандар. – Но по некоторым косвенным данным, они двинулись в сторону пакета заблокированных реальностей «розы».

– На самом «дне» которого прячется тюрьма Монарха, – глухо сказал Василий Никифорович.

– Да.

Они посмотрели друг на друга.

– Дьявольщина! – ударил кулаком о ладонь Котов.

– Спокойно, Никифорыч, эмоциями делу не поможешь. Давай восстанавливать «чистилище», но работать не по низам, а по верхам. «Рыба» нашей власти гниёт с головы, вот её и надо чистить. Ты телевизор когда последний раз смотрел?

– А что?

– Есть такая программа по ТВЦ – «Сияние истины».

– «Караул-программа»...

– Точно, её называют и так. Это очень хорошо организованная утечка информации из криминальных структур, в том числе – очень

высокого полёта. Надо использовать её базу, а также секретные доклады Счётной палаты, и работать по высшим чиновникам государства, проявившим себя как полные мерзавцы. Уверен, мы быстро наведём порядок.

– Сомневаюсь.

– Думай. – Вахид Тожиевич поднялся. – Голова – не роскошь, не средство для поедания пищи, как считает большинство, головой думают.

– Спасибо за информацию, – улыбнулся Василий Никифорович. – Ещё вопрос... о Рыкове... Ты действительно веришь, что он в Думе?

– Теперь его зовут Марат Феликсович Меринов. Кстати, там же, в Думе, я встретил его секьюрити, который очень не хотел, чтобы его узнали.

Самандар помахал рукой хозяину кабинета, направился к выходу и, не дойдя одного шага до двери, исчез.

Василий Никифорович склонил голову к плечу, разглядывая ковёр, на котором только что стоял генеральный комиссар ККК, подумал, что секретарша сильно удивится, когда обнаружит, что гость пропал без следа, но мысль тут же исчезла. Он подсел к столу, включил ноутбук. Посидел немного, глядя на засветившийся экран, и напечатал: Герман Довлатович Рыков – Марат Феликсович Меринов.

Экран вспыхнул ярче, в левом верхнем углу загорелся и погас значок алого цвета в форме паучка – китайский иероглиф цюань, код вызова Монарха Тьмы, и надпись пропала!

Василий Никифорович озадаченно потёр переносицу, не понимая, что случилось. Снова пробежался пальцами по клавиатуре.

На этот раз ничего особенного не произошло, имя Рыкова осталось на экране, только при этом Котову стало казаться, что экран *смотрит* на него, внимательно и оценивающе.

Василий Никифорович оскалился, показал ноутбуку кулак и напечатал: «Станислав Котов, Воин Закона!»

Компьютер словно бы поперхнулся, мигнул, взгляд втянулся в него, как струйка дыма в рот курящего.

– Так-то лучше, – пробормотал Василий Никифорович, понимая при этом, что иероглиф цюань показался ему неспроста: компьютер Котова явно контролировался эмиссаром Конкере, может быть, даже самим Рыковым-Мериновым.

– Ну погоди, сивый Меринов! – сквозь зубы проговорил Василий Никифорович, ещё не приняв окончательного решения. – Я тебя найду!

До вечера он решал рутинные рабочие проблемы компании, провёл ряд переговоров с клиентами, проинструктировал менеджеров, сменил пароли и коды в компьютере, вычистил его и поехал домой в дурном расположении духа. Не давали покоя слова Самандара о том, что Стас и Мария в исследовательском запале ушли в «низовые» или «адовы» миры «розы реальностей», о чём сам Стас ничего своему дяде не сказал. Плюс известие о Рыкове, окопавшемся совсем близко, в Государственной Думе, целый год остававшимся в тени, продолжая, однако, свою деятельность. Самандар был прав, «чистилищу» надо было выходить на «тропу войны», коль государственные службы не могли справиться с беспределом коррумпированного снизу доверху чиновничества.

– У нас гость, – встретила мужа Ульяна, кивнув на гостиную.

Василий Никифорович плеснул на лицо и на плечи холодной воды в ванной, – конец июля выдался жарким и душным, зашёл в гостиную.

С дивана поднялся мрачный Сергей Иванович Парамонов, сын Ивана Терентьевича, в отличие от отца не получивший Посвящение во Внутренний Круг и знавший о нём только из разговоров отца с приятелями. Ему исполнилось пятьдесят лет, был он человеком добродушным, спокойным и веселым, даже если у него не всё получалось в жизни. Но сегодня ему явно было не до веселья.

– Что случилось, Сергей Иваныч? – подал ему руку Василий Никифорович. – На тебе лица нет.

– Работу потерял, – криво улыбнулся Парамонов.

– Не понял. Ты же директор завода и его акционер.

Сергей Иванович действительно был директором асфальтового завода в Мытищах, использующего самые передовые технологии, и являлся одним из его соучредителей и акционеров.

– Да ты садись, садись, – махнул рукой Котов, – сейчас ужинать будем.

– Я уже поел, чай вот допиваю.

– Тогда рассказывай.

Сергей Иванович сморщился, глотнул чаю.

– Что тут рассказывать? Подъехали к заводу два десятка машин, из них высыпало человек сто в форме ЧОПов, но без опознавательных знаков. В руках ломы, бейсбольные биты, отрезки арматуры и труб, «болгарки». Взломали ворота, повязали охрану, оцепили здание заводоуправления и выставили вон всех сотрудников.

– Интересный коленкор. И кто же это сделал?

– «Новые» владельцы завода. Якобы по решению Арбитражного суда. Предъявили документы о смене совета директоров и о новом хозяине.

– Настоящие?

– Липа, разумеется. Они подделали учредительные документы, на основании которых получили в Москомрегистрации самое настоящее государственное свидетельство о собственности, дающее право на чужое имущество. С этими, с позволения сказать, доказательствами бандиты наняли судебных приставов и захватили завод.

– У тебя такая слабая охрана?

– Почему слабая? Десять человек на периметр, правда, не милиция и не ВОХР, свои ребята, грамотные. Только оружие применять не обучены. Смяли их, конечно. Представляешь, что там сейчас делается? Печать у них, пакет документов предприятия у них. – Сергей Иванович безнадежно махнул рукой.

– Неужели вы бессильны? – не поверил Василий Никифорович. – Законные владельцы? А милиция на что, прокуратура?

– Какая там милиция? Мы, само собой, сиднем не сидим, уже подали заявление в суд, в прокуратуру, в мэрию, но пока наши бумаги разберут, производство разорится, а здание эти сволочи продадут. Для них ведь главное – урвать свой кусок под шумок и смыться. Хотя, вполне вероятно, что они завод перепрофилируют или возведут на его месте казино или супермаркет.

– Неужели такое возможно?

– Ты газеты не читаешь? Знаешь, сколько приносит подобный бизнес? До тысячи процентов чистой прибыли! Вот поэтому до суда ничего и не доходит. Во всяком случае за решётку еще никого не удалось отправить, насколько мне известно. Так что я теперь безработный. – Парамонов горько усмехнулся, встал. – Домой поеду, не хочу вам портить настроение. У тебя наверняка своих проблем хватает.

– Посиди чуток. – Василий Никифорович вышел в спальню, переоделся в спортивный костюм, набрал номер на мобильнике. – Вахид, ты сильно занят?

– Читаю прессу, – отозвался Самандар, не удивляясь звонку.

– Надо помочь одному хорошему человеку.

– Когда?

– Желательно прямо сейчас. Форма одежды – парадно-боевая.

Короткое молчание.

– Где встретимся?

– Возле мытищинского метро, через час. Ты даже не спрашиваешь, что мы будем делать и кому помогать?

– Достаточно того, что это знаешь ты. – Самандар отключил связь.

Василий Никифорович хмыкнул, вышел в гостиную.

Сергей Иванович вопросительно посмотрел на него.

– Собирай своих подчинённых и через полтора часа подъезжай к заводу, – сказал Котов.

– Что ты задумал?

– Возвращать захваченное.

– Ты с ума сошёл! Их же там сто человек, и все вооружены!

– Во-первых, не сто, и вооружены они не автоматами. – Василий Никифорович усмехнулся. – Звони своим охранникам и управленцам, к ночи завод будет наш. Сможешь удержать его в случае повторного нападения налётчиков?

Сергей Иванович почесал затылок.

– Позвоню приятелю, он в ОМОНе Северо-Западного округа служит, объясню ситуацию.

– Тогда вперёд, безработный, начинай сборы.

В гостиную выглянула Ульяна с Матвейкой на руках.

– Вы куда на ночь глядя?

Мужчины переглянулись.

– Погуляем, обсудим одну проблему, – сказал Василий Никифорович.

– А дома это сделать нельзя?

– Не волнуйся, мы ненадолго.

– Не верю я тебе, Котов.

– Вот! – повернулся к Парамонову Василий Никифорович, поднимая палец вверх. – Мой дед предупреждал: семья – это зона

повышенной конфликтности, избегай её.

Ульяна засмеялась.

– Ладно, Васенька, я тебе это припомню.

Василий Никифорович подошёл к ней, поцеловал протянувшего к нему ручонки малыша, погладил жену по плечу, махнул рукой гостю:

– Идём.

Они спустились во двор, расселись по машинам: у Парамонова был джип «Шевроле-Нива», у Василия Никифоровича полноприводная «Субару-Дрим» с четырёхсотсильным мотором.

– Может, не стоит с ними связываться? – высунулся в боковое окошко Парамонов. – Это же чистые бандиты!

– Именно поэтому и надо ставить их на место. Подъезжай с ребятами к десяти часам, не раньше, и позвони мне по мобильнику. Всё будет хорошо.

Через сорок минут Василий Никифорович подъехал к площади Мира в Мытищах, нашёл белую «Мазду-7» Самандара, приткнувшуюся к переходу в метро, пересел к нему в кабину.

– Рассказывай, – сказал Вахид Тожиевич бесстрастно; на нём был такой же фирменный спортивный костюм, что и на Котове.

Василий Никифорович коротко ввёл его в курс дела.

– Значит, ты решил просто восстановить поправленную справедливость? – поинтересовался Самандар безразличным тоном. – Или наш поход уже следует считать бандликом «чистилища»?

– Можешь считать, что я согласен с твоими доводами. Будем возрождать ККК.

– «СМЕРЧ».

– Что?

– Предлагаю назвать нашу команду «СМЕРЧ» – от слов «смерть чиновникам», разумеется – продажным, коррумпированным.

Василий Никифорович невольно покачал головой.

– Не слишком ли круто? Это ж нам придётся почти всех чиновников «мочить».

– Не «мочить» – перевоспитывать. Хотя кое-кого из нелюдей действительно придётся ликвидировать физически.

– Ладно, подумаем ещё, как назвать «чистилище». Предлагаю действовать по-простому: оставляем машины у проходной завода, идём внутрь и нейтрализуем каждого, кто попадётся на пути.

– Лучше начать изнутри, с заводоуправления. Ты не разучился пользоваться тхабсом?

– А что, идея неплохая. Начнём оттуда, с начальников. Оружие берём?

– Зачем?

– Тоже верно, меньше хлопот. Тогда поехали, комиссар?

Самандар протянул ему руку, и Василий Никифорович стукнул по ней ладонью.

Глава 3

БАНДЛИК БЕЗ КРОВИ

Как синкэн-гата, обладая свойствами «духовного меча» и «устранителя препятствий», не является оружием, хотя и может использоваться в качестве такового, так и тхабс – в переводе с санскрита «способ действия», иначе – способ взаимодействия разных энергоинформационных состояний, не является собственно «транспортной системой», но может переносить человека в любую точку пространства (и даже – в миры «розы реальностей»), преобразуя человеческое тело в энергоинформационный поток с другим фазовым уровнем.

Василий Никифорович, как Посвящённый Круга II ступени, *знал* возможности тхабса. Это знание дал ему ещё Хранитель Матфей во время войны Круга с Истребителем Закона. Владел тхабсом и Самандар, научившись пользоваться им от Котова. Поэтому им не составило особого труда «уйти» в иное фазовое состояние и выбрать местом выхода заводу управление асфальтового завода.

Из «мембраны перехода» они вышли аккуратно в кабинете директора, который недавно занимал Сергей Иванович Парамонов. В данный момент в нём находились другие люди.

Один сидел в кресле директора: тяжёлое красное лицо с презрительной складкой губ, глазки-буравчики, оттопыренные уши, короткие пегие волосы, серый костюм. Ещё двое располагались напротив: мощного телосложения, коротко стриженный, с лицом боксёра, и постарше, в джинсовой безрукавке и джинсах, с чёрными зализанными волосами и змеиными глазами.

Василий Никифорович сразу окрестил его «юристом».

Реакция у всех троих на внезапное появление гостей в спортивных костюмах была разная.

«Хозяин» удивлённо поднял голову от разложенных на столе бумаг, округлил глаза.

«Боксёр» вскочил; по всей видимости, он играл роль личной охраны «директора».

«Юрист» же сунул руку под мышку, явно собираясь достать оружие. Из всех присутствующих он был самым опасным. И Самандар мгновенно отреагировал на его движение, сделав длинный скользящий шаг и одним ударом по ключице отбивая охоту к дальнейшему сопротивлению. «Юрист» охнул, роняя пистолет, схватился рукой за плечо.

«Боксёр» тоже сунул руку в карман широких чёрных штанов, вспомнив об оружии, но его успокоил Василий Никифорович, использовав всего один «неотбиваемый» приём, так называемый «удар готового результата». «Технику превосходства», культивирующую подобные удары, он постигал ещё будучи в спецназе ФСБ, а потом совершенствовал вместе с Самандаром, который основал школу адекватного реагирования в МИЦБИ.

«Боксёр» упал, как опрокинутый шкаф, даже стены вздрогнули.

Входная дверь приоткрылась, в щель высунулась белобрысая стриженная голова второго охранника, заинтересованного шумом в кабинете директора.

Василий Никифорович щёлкнул его в темя указательным пальцем – особым образом, используя «кулак в воде», то есть принцип резкого ускорения скорости движений, и белобрысый выпал обратно в приёмную со сведёнными к переносице глазами.

Самандар метнулся туда же и вернулся через несколько секунд, показав два пальца: в приёмной на этот момент находилось ещё двое парней из команды захватчиков.

Василий Никифорович шагнул к столу, вежливо коснулся виска двумя пальцами:

– Иван Петрович Сидоров, представитель правозащитной организации «СМЕРЧ». Представьтесь, пожалуйста.

– Э-э-э... – выдавил «хозяин».

Самандар обошёл стол, отвесил ему короткую пощёчину.

«Хозяин» ойкнул, побледнел, протянул было руку к лежащему на столе мобильному телефону и замер, заметив покачивание пальца Василия Никифоровича.

– Сидите смирно, господин хороший. Времени у нас мало, поэтому будем предельно лаконичны. Имя, фамилия, представительство?

– Ак-кунин Г-георгий М-муслимович, – проговорил «директор» трясущимися губами. – Д-директор...

– Насколько мне известно, легитимным директором завода является другой человек.

– Уже не является, – ощерился «юрист». – У нас на руках решение Мытищинского суда...

– А вы кто? – посмотрел на него Василий Никифорович с нехорошим прищуром.

– Судебный пристав Пенкин. Вам придётся ответить за...

– Ответим, – перебил его Самандар, подходя ближе. – Документы.

– Вы не представляете, с кем связались! Мы вас...

Самандар хлопнул пристава ладонями по ушам. Тот вскрикнул, хватаясь за голову, и Вахид Тожиевич точным движением вытащил у него из внутреннего кармана безрукавки удостоверение служителя закона.

– Пенкин Роман Кириллович, старший судебный пристав Мытищинского районного суда.

– Я же сказал, вы пожалеете...

Василий Никифорович резко приблизил к нему лицо, заставив пристава отшатнуться.

– Это ты не представляешь, гадёныш, с кем связался! Не слышал о «чистилище»? Никакая «крыша» тебе не поможет, не мечтай! Теперь о деле. Немедленно прикажите своим подельникам покинуть территорию завода! Мы могли бы и сами её «подчистить», но не хотим крови. Сегодня. Завтра, не дай Бог, вы нас вынудите, начнутся ваши похороны! Я доходчиво объясняю положение дел?

Новоиспечённый «директор» хрюкнул, посмотрел на «юриста», прокашлялся:

– Рома, может, мы... э-э...

– Блефуют они, – скривил губы пристав, – нету никакого «чистилища», и ни о каком таком «Смерче» я не слышал.

Новый удар по ушам, вскрик.

– Вот наше удостоверение, – сказал Самандар, доставая из кармана белую визитку с тиснённым в уголке золотым кинжальчиком и надписью «СМЕРЧ». – С этого дня вы часто будете слышать от коллег о получении таких меток, а то и получать сами. Так вот, вручение такой визитки – по сути, смертный приговор. Мой коллега прав,

сегодня мы тестируем команду и не хотим никого убивать. Завтра начнётся отстрел мерзавцев. Теперь понятно?

– М-м-м... э-э-э... – промямлил потеющий «директор».

Видимо, и пристав наконец проникся уважением к раскрывающимся перед ним перспективам, облизнул губы, кинул быстрый взгляд на пистолет у ног, на дверь. Он был битый волк и не привык сдаваться без боя.

– Никто не придёт, – качнул головой Василий Никифорович. – Завод окружён нашими людьми. Если не хотите кровопролития, уходите подобра-поздорову.

Пристав бросил ещё один взгляд на пистолет, и Самандар, наклонившись, поднял его, подал «юристу» рукоятку вперёд.

– Попробуй, вдруг успеешь?

Пристав встретил его бесстрастный взгляд, переменялся в лице.

– Хорошо, мы уйдём, но завтра я вернусь с ОМОНОм...

– ОМОН уже здесь, ждёт сигнала к атаке, – улыбнулся Василий Никифорович. – И запомни: рыпнешься права качать, которых у тебя нет, и ты это знаешь, – я лично принесу тебе визитку «СМЕРЧа»!

«Юрист» отодвинулся от стола вместе со стулом, хотел что-то сказать, но передумал. Хотя было видно, что он действительно никого не боится и строит какие-то планы.

– Звони Кериму, пусть уводит парней.

Бледный «директор» поднял трясущейся рукой мобильный телефон, набрал номер.

– Керим, снимай братков, мы уезжаем... да, я так решил... и Рома тоже... кончай базар, выполняй! – Акунин выслушал ответ, покрылся испариной, беспомощно посмотрел на представителей «правозащитной организации». – Он сейчас придёт сюда...

Самандар молча вышел из кабинета.

– Кто это – Керим? – поинтересовался Василий Никифорович.

– Сейчас узнаешь, – снова показал зубы «юрист». – Керим – мастер боя, профессионал, бывший афганец, он вас в капусту...

Василий Никифорович без замаха ударил пристава в подбородок, и тот с грохотом улетел в дальний угол кабинета, потерял сознание, замолчал. Вторым ударом Котов разбил телефон «директора». Наставил на него палец.

– Сиди тихо, мразь! Я сейчас вернусь. Выкинешь какое-нибудь коленце – твоим домом станет морг.

– Н-не...

– Вот и ладушки.

Василий Никифорович вышел в приёмную.

Самандара здесь не было.

На полу лежали двое мужчин в серой форме сотрудников частного охранного предприятия, на столе и на диванчике валялись их «орудия труда» – обрезок трубы и бейсбольная бита.

Василий Никифорович выглянул в коридор.

Самандара не было и здесь. Зато от лифта к приёмной шествовала группа молодых и не очень людей в количестве пяти человек, под предводительством смуглолицего здоровяка с косым разрезом глаз. Очевидно, это и был некто Керим, с которым разговаривал руководитель налётчиков, то ли ещё один судебный пристав, то ли командир охраны «хозяина». В руках он не держал ничего – в отличие от остальных, вооружённых дубинками, но Василий Никифорович чувствовал, что этот человек очень опасен. Его надо было нейтрализовать в первую очередь.

Котов отступил назад, закрывая дверь, встал слева.

Дверь открылась через три секунды, но её порог первым переступил не Керим, а один из сопровождавших его парней. За ним всунулся второй верзила с лицом, явно не отягощённым интеллектом. Оба вытаращились на тела подельников на полу, и Василий Никифорович, взяв *темп*, уронил парней точными уколами пальцев в стиле ТУК – техники усыпляющего касания.

И тотчас же в проёме двери возник низкорослый Керим с пистолетом в руке.

Несколько мгновений они смотрели друг на друга – прицельно и оценивающе. Керим, то ли казах, то ли татарин, был очень опытным бойцом, судя по его спокойствию и несуетливой манере поведения, и вряд ли был склонен к компромиссам. Он находился *на службе* и отрабатывал обязанности секьюрити в полной мере.

– Ты кто? – спросил он с характерным горловым акцентом.

– Сотрудник похоронного бюро, – вежливо ответил Василий Никифорович, заметив, как выглядывающие из-за плеч Керима спутники исчезают один за другим.

По-видимому, тот почуял опасность – и сделал ошибку – оглянулся.

Василий Никифорович бесшумно скользнул к нему на ускорении, заметил движение пальца Керима на курке пистолета (шестнадцатизарядный «вальтер» калибра девять миллиметров) – классная реакция у гада! – ушёл с линии огня и ударил противника по руке.

Удар случился одновременно с выстрелом. Пуля попала в окно, раздался звон, на пол посыпались осколки стекла. Придётся Сергею вызывать стекольщика, мимолётно подумал Котов.

Керим между тем оружие из руки не выпустил, попытался выстрелить ещё раз, но возникший за его спиной Самандар не дал ему такой возможности. Охнув, смуглолицый начальник секьюрити «директора» упал лицом вниз, успев-таки нажать на курок. Пуля вонзилась в пол, расколов паркетную досочку.

Переглянувшись, Самандар и Котов связали Керима его же ремнем, вернулись в кабинет «настоящего» директора.

Акунин стоял у стола, вытянув шею, и прислушивался к доносившимся из приёмной звукам. Увидев «чистильщиков», он побелел, поднял руки над головой, забормотал:

– Я ничего никому, только воду пил и ждал, честное слово...

– Заткнись! – оборвал его Вахид Тожиевич.

– Кто командует твоими бандитами на территории завода? – мрачно спросил Василий Никифорович.

– Керим... Мерзоев... он начальник ЧОПа...

Самандар вышел в приёмную, приволок начавшего проявлять признаки жизни Керима. Достал у него из кармана мобильник.

– Прикажи ему вывести людей с территории. Быстро!

Акунин вздрогнул, сглотнул слюну, посмотрел на главного охранника:

– Керим, выводите людей... мы уходим...

Смуглолицый встряхнул головой, глянул на лежащего без движения у стены пристава, оглянулся на Самандара. В глазах его протаяло понимание.

– Спецназ МВД...

– Бери выше, – усмехнулся Василий Никифорович. – «Чистилище». У тебя есть шанс остаться в живых. Звони своим

клеветам.

Самандар развязал руки чоповца, стянутые ремнем за спиной.

Керим потёр запястья, ещё раз глянул на пристава, на «чистильщиков», взял протянутый мобильник.

– Любер, отбой мероприятию, уводи кодлу. – Выслушал ответ, протянул мобильник Котову. – Через десять минут нас не будет. Кто вы всё-таки?

Василий Никифорович оттолкнул телефон.

– Аппарат твой, оставь.

Самандар щелчком направил Кериму визитку ККК. Тот поймал на лету, погладил пальцем золотой кинжальчик, раздвинул узкие губы в хищной улыбке.

– Команда контркрим... давно о вас не было слышно...

– С этого момента будут слышать часто, – пообещал Василий Никифорович. – Ты свободен.

Керим потоптался на месте, бросил взгляд на бледного потеющего Акунина, на пристава, держащегося за голову, молча направился к двери.

– И это дерьмо захвати, – подтолкнул руководителя налётчиков Василий Никифорович. – Мы с ним позже разберёмся. – Повернул голову к приставу. – Помочь?

– Не надо, – оскалился тот, с трудом вставая.

– Документы, – напомнил Самандар.

– Где заводские документы, настоящие? Печать, регистрационные бумаги, лицензия, списки акционеров?

– На столе, – кивнул на три раскрытые папки Акунин. – Всё цело, мы собирались...

– Пошёл вон!

Дверь пропустила налётчиков, закрылась.

– Я провожу, – сказал Самандар, направляясь к выходу.

– А я их встречу у ворот, – улыбнулся Василий Никифорович, – для вящего эффекта.

Он *вызвал* состояние тхабса и через секунду объявился у будки охраны возле ворот, где уже началась суэта: захватчики предприятия стягивались к проходной, не понимая, в чём дело. От Котова шарахнулись, как от привидения. Василий Никифорович засмеялся,

зашёл в будку охраны, включил механизм отпирания ворот, вышел и встал в воротах, расставив ноги.

Вскоре появились ковыляющий пристав, Керим и его начальник, то и дело утиравшийся носовым платком. Увидев «представителя правозащитной организации», с которым они расстались в кабинете директора, все трое резко остановились. Керим на мгновение сбросил с себя маску «азиатской» невозмутимости, взялся за подбородок. Акунин растеряннo оглянулся на здание заводоуправления, на крыльце которого появился Самандар.

– В-вы?!

Василий Никифорович услышал звуки работающих моторов: к заводу съезжались люди Парамонова, – отступил в сторону:

– Убирайтесь!

Толпа налётчиков хлынула через ворота на площадь, стала рассасываться. Ушли, оглядываясь, и Акунин с Керимом. К воротам подбежал растерянный Сергей Иванович.

– Как вам удалось?!

– Всё в порядке, занимайте свой завод, – проворчал Василий Никифорович, чувствуя облегчение и скрытую радость от того, что у них всё получилось. – Документы на месте.

Парамонов махнул рукой своим парням.

– По местам, работаем, как по тревоге! Проверить все цеха, все помещения, через час доложить о положении дел.

Заводчане бросились выполнять распоряжение директора. Вслед за ними удалился и Сергей Иванович, всё ещё находившийся под впечатлением счастливого возвращения собственности.

Василий Никифорович повернул голову к приблизившемуся Самандару:

– Когда ты успел изготовить новые визитки?

– Успел, – безразличным тоном отозвался Вахид Тожиевич. – Двух видов: чёрные и белые.

Василий Никифорович хмыкнул.

– Белые – это...

– Первое предупреждение. Чёрные...

– «Чёрная метка», надо полагать, предупреждение о ликвидации.

– Правильно мыслишь. Но я только что сделал печальный вывод.

– Ну?

– Нас перестали уважать и бояться. Нужны масштабные акции, а не единичные наскоки на подлецов. Нужна *система* наказания. Иначе не стоит и начинать.

– Согласен. – Василий Никифорович подумал. – Но я должен обо всём рассказать жене. Если она не одобрит...

– Хочешь, я с ней поговорю?

– Не стоит, я сам. И поехали отсюда. – Василий Никифорович понюхал воздух. – Как здесь живут люди? Асфальтовый завод всё же, амбре такое, что голова кружиться начинает.

– Привыкли.

– А то ж! Наши люди ко всему привыкают, даже к беспределу чиновников и бандитов. Воюй за них...

Оба оглянулись на завод, на территории которого вспыхнули фонари.

Стало светлее.

Глава 4

МЫ НЕ БЕССМЕРТНЫ

Проиграв бой Истребителю Закона, ставшему, по сути, Ликвидатором Внутреннего Круга человечества, Хранители отступили.

Многие из них откровенно испугались за свою жизнь и перестали служить идее Круга, предпочтя уютную старость в только им известных мирах «розы реальностей». Многие сменили род деятельности, устроившись советниками ныне здравствующих президентов и глав правительств, чтобы хоть как-то поддерживать равновесие социума. Единицы попытались счастья в высших «слоях» «розы», сменив иерархов или же надеясь заменить их в будущем.

Хранитель Матфей, ставший исполняющим обязанности инфарха, то есть главы Иерархии, не смог объединить коллег в единый организм, отказался от Посвящения в сан инфарха и вернулся к исполнению прямых обязанностей – хранить знания, добытые прошлыми цивилизациями Земли, не допускать утечки опасной информации и препятствовать доступу непосвящённых к МИРаМ Инсектов – модулям иной реальности, сохранившимся в недрах Земли с момента исчезновения цивилизации разумных насекомых. Областью его ответственности в данном деле была не только Москва, в подземных пустотах которой хранилось около полутора десятков «замков», созданных самыми разными видами Инсектов десятки и сотни миллионов лет назад, но и вся Россия.

Он видел и агонию Круга, столкнувшегося с Ликвидатором, обладающим новым качеством – умением нейтрализовать «высшие непреодолимости», и ликвидацию самого Ликвидатора Воином Закона справедливости, функции которого короткое время выполнял Матвей Соболев, и захват власти на Земле авешей Монарха Тьмы Рыковым, и расширение тьмы – деструктурирующих реальность тенденций, но не вмешивался в процессы, идущие в социуме. Он ждал нового пришествия Воина Закона, способного создать Архитектора Согласия и навсегда покончить с властью дьявольского Закона переноса вины,

заставить работать Принцип справедливого воздаяния за преступления, причём – немедленно!

Местом жительства Матфей избрал городишко Туру, административный центр Эвенкийского края. Климат Эвенкии ему не очень подходил, зато нравилась природа с богатейшей палитрой красок и нравились люди, населявшие край, не избалованные «благами» цивилизации и сохранившие чистые и ясные души, любовное отношение к природе.

Тридцатое июля Матфей провёл в МИРе, расположенном практически под центром Туры. Это был замок Веспидов, галловых ос, Матфей называл их творение гигаллом – гигантским галлом. «Замок» разумных ос напоминал огромную ягоду ежевики, да и цвет его был красно-пурпурным, с малиновым оттенком, поэтому выглядел он весьма и весьма экзотично. Однако главной его особенностью был не внешний вид, а внутреннее строение, напоминающее гипертрофированных размеров гнездо-улей. К тому же саркофаг царя Веспидов служил здесь своеобразным сейфом, храня одну из Великих Вещей Мира. Эту Вещь сделали не Инсекты, а их предки, получившие собирательное название Предтечи, и каким образом она оказалась во владении Веспидов, Матфей не знал. Но вынужден был охранять её, чтобы она не попала в руки не только обыкновенных людей, искателей приключений, самодеятельных археологов, но и в руки Посвящённых низших ступеней, способных воспользоваться Вещью ради собственной выгоды и пользы и – во вред всему человечеству.

Он уже собирался возвращаться домой, когда почувствовал ментальный вызов.

Чёрное поле космоса, окружавшее Землю и планеты земной реальности, прочертила светящаяся рубиновая нить, достигла Земли, пронзила голову Хранителя, породив каскад невербализованных понятий. Матфей ответил «лотосом» приветствия: его запрашивал Никола Русый, патриарх Хранителей, находившийся в данный момент в Магадане.

Светящиеся струи и символы распались на «объёмы» смысла:

«Приветствую тебя, брат».

«Здрав будь, Никола. Что случилось?»

«Я собираю транзитивный Сход, получена информация чрезвычайной важности. Ты примешь участие?»

«Без сомнений».

«Тогда жди, я согласую иерархию по достаточности защиты, чтобы нам никто не помешал».

Процедура согласования Схода не потребовала много времени. Мгновенная ментальная связь соединила Хранителей таким образом, будто они находились рядом, в одном месте, а не за тысячи километров друг от друга. Всего на связь вышли тридцать два Хранителя, в том числе Архонты, обладающие двадцатой ступенью Посвящения: Васиштха, Петр, Симеон, Сатья-вара, Месхи, Габриэль, не считая самого Николы Русого. Все они откликнулись на призыв патриарха, которому исполнилось уже более тысячи лет, понимая, что Сход по пустякам не собирается.

Матфей поудобней устроился на гладком полу пещеры, где располагался МИР Веспидов, закрыл глаза, ощущая поступающие извне и образующие сеть связи лучики ментальных «голосов» других Хранителей. Вход в общее континуальное поле сознания, образованное эгрегором Схода, напоминал нырок в море светящегося тумана и почти полное растворение в нем. Процесс же объединения ментальных полей продолжал развиваться, стала видна вся поверхность Земли с ярко просиявшими точками контакта – в местах, где в настоящий момент находились Хранители.

Следующий шаг синхронизации индивидуальных пси-полей увёл внутреннее зрение создаваемого полевого организма в структуры материи. Матфей увидел пульсацию электромагнитных полей, их источники, весь диапазон излучений, пронизывающих Землю и Солнечную систему. Затем поле зрения гигантского мыслящего и чувствующего организма Схода сузилось до уровня физических тел, и рядом с Матфеем возникли зыбкие полупрозрачные фигуры остальных иерархов.

«Начинаем Сход», – раздался в мысленном диапазоне голос Николы Русого.

«Кого ты представляешь? – осведомился Хранитель народов Закавказья Месхи. – Чью фигуру управления?»

«Лично себя, – ответил Никола Русый спокойно, зная агрессивно-независимый нрав кавказца. – Я не хочу никем руководить и навязывать своё мнение. Вы знаете, иерархия Круга практически низложена, и каждый из вас волен выбирать тип поведения. Теперь на

Земле диктует свою волю, внушая всем живущим, что мир плох и жесток, впечатывая в сознание, в психику каждого сценарий катастрофы и вечной войны, авеша Конкере, маршал Сверхсистемы Герман Рыков, он же – Марат Меринов. Сила его хотя и не столь велика, как у Ликвидатора, однако нейтрализовать Рыкова ни один из нас не в состоянии. Это можно сделать только сообща».

«С чего ты взял, что мы захотим его нейтрализовать? Он нам не мешает».

«Я просто констатирую факт усиления т ь м ы. Когда Ликвидатор был уничтожен, сброшен в «розу», мы решили, что настала пора техник гармонизации социума, и даже наметили, кто станет Архитектором Согласия. Но он отказался».

«Это был я», – не стал отрицать и прятаться за «фигуру умолчания» Матфей.

«Мы знаем, – буркнул Месхи, – ты испугался».

«Я испугался, – не стал спорить Матфей. – В первую очередь ответственности, а Силы мои на исходе. Да и не бессмертен я».

«Все мы смертны».

«Братья, не будем отвлекаться, – напомнил о себе Никола Русский. – Я получил информацию, которая требует обсуждения».

«От кого?»

«От Светлады».

В общем поле связи на несколько мгновений установилась хрупкая тишина. Все знали, что Светлада была когда-то «светлым духом мечты» инфарха, его совестью, сам же инфарх после событий годичной давности исчез из поля зрения иерархии «розы». Кроме Светлады, инфарх имел ещё и «третье Я» – «светлый дух доброты» – Светлену, которая полностью перешла на земной уровень бытия и стала частью души живой женщины. Но о Светладе не было известно ничего.

«Где она? Откуда взялась? Инфарх объявился?» – слышались реплики членов Схода.

«Она ждёт нашего приглашения, чтобы сообщить важное известие. Но прежде чем дать ей слово, я хотел бы обратить ваше внимание на следующий факт: кто-то, не открывая себя, то есть на уровне сил Элохим Гибор, ведёт интенсивные поиски Великих Вещей Мира, вскрывая один за другим модули иной реальности. А вы знаете,

что абсолютные вещи, созданные в Материнской реальности, попадая в другие реальности «розы», формируют их условия, жёстко организуют их структуру. «Роза реальностей» – пространство допустимых состояний Мироздания, а не всех возможных...»

«Не надо объяснять нам, что такое «роза», – недовольно перебил патриарха Хранитель Канады Джонс-Джонс. – Почему вы уверены, что неизвестный иерарх, – а кто ещё способен вскрыть МИРЫ Инсектов? – ищет Великие Вещи?»

«Потому что я знаю о трёх попытках извлечь Вещи из МИРов, охраняемых моими коллегами. Кстати, я не уверен, что попытки, о которых я ничего не знаю, не увенчались успехом».

В поле общения снова на короткое время установилась тишина. Потом заговорил Хранитель африканского континента Чакха:

«Может быть, это проявление каких-то действий инфарха?»

«Или Воина Закона», – вставил мысль Иакинф.

«Инфарх снял с себя ответственность за судьбы «розы» и убыл в неизвестном направлении. Его место вакантно. Любой из нас может его занять, если мы согласимся на Посвящение такого высокого уровня. Что касается Воина Закона справедливого воздаяния, то он – существо соборное и тоже нуждается в делегировании Сил, которыми мы обладаем. Вполне возможно, его организация нам понадобится в будущем».

«Ты знаешь, у кого сейчас хранится оружие Воина?»

Никола Русый помолчал.

«Синкэн-гата не является оружием в полном смысле этого слова. Прежде всего он – оптимизатор сил баланса, устранитель препятствий на пути Законов Творца, нейтрализатор высших непреодолимостей, каковыми являются любые другие законы, в том числе физические. Но я не знаю, в чьих руках находится синкэн-гата в данный момент. Хотя догадываюсь».

«Матфей, ты был последним, кто контактировал с Воином год назад», – напомнил Хранитель Украины Билык.

«Меч остался у Стаса Котова, Мастера III ступени, сыгравшего роль оруженосца Воина. Однако с тех пор я с ним не встречался».

«Синкэн-гата не просто эффектор магического оперирования, – проговорил бесстрастный Васиштха. – Он еще и ключ к Знаниям Бездн

и олицетворение «сферы света» Самаэль, то есть «жестокость бога». Если он попадёт в руки отщепенцев типа Рыкова, быть большой беде».

«Кроме того, он олицетворяет собой одну из букв имени Творца, – добавил Хранитель Павел. – И не означает ли процесс поиска Великих Вещей, которые также являют собой буквы-символы Творца, попыткой овладеть *силой* Самаэль и концептуально изменить Материнскую реальность?»

В третий раз поле связи Хранителей погрузилось в короткое молчание.

«Именно поэтому я и собрал Сход, – вздохнул Никола Русый, как обыкновенный человек, изнемогший под грузом ответственности. – Боюсь, и в самом деле грядёт новое изменение реальности, которое начнётся со сброса человеческой цивилизации в «яму» регресса, тем более что есть все предпосылки к этому. Берегите Великие Вещи, созданные предками Инсектов и Аморфов, берегите «иглу Парабрахмы», способную превратиться в величайшее по силе разрушения оружие, берегите саркофаги царей Инсектов, древнейшие компьютерные комплексы, способные инициировать тхабс даже у непосвященного, берегите кодоны, являющиеся пси-программаторами, против которых бессильны и Мастера, и Ангелы, берегите Колокол, Трансформатор, трансляторы Тьмы...»

«Довольно, Никола, мы поняли, – угрюмо перебил патриарха Месхи. – Где Светлада? Пусть войдёт в Сход и скажет, что знает».

Матфей невольно напрягся, предчувствуя значимость того, что сообщит всем авеша инфарха.

Светящийся туман общего поля сознания передёрнула судорога неяркой молнии, и «рядом» с Хранителями возникла зыбкая прозрачная фигурка женщины в плаще с капюшоном, скрывающим лицо. Все почувствовали дуновение гордой *силы*, пронизанной печальной аурой кротости, смирения и нежности. Перед адептами Круга действительно открылась «часть души» инфарха, имеющая самостоятельное воплощение в ментальном поле.

Тем не менее лидер кавказских Хранителей проворчал:

«Пусть откроет лицо, я хочу быть уверен...»

Женщина в сияющем плаще откинула капюшон, и у Матфея защемило в груди: на него посмотрела *старуха*!

Да, это была Светлада, не стоило сомневаться в этом, но она выглядела так, словно постарела на сто лет, проведя всё это время в темнице без света, пищи и воды.

Капюшон закрыл лицо Светлады, прекрасное даже в *таком* состоянии. Мягко и печально прозвучал её ментальный голос:

«Прошу прощения, братья. Я отдала слишком много сил, добираясь до земной реальности из «адовых» миров. Не удивляйтесь моему виду. Война в «розе» началась с новой силой, изгнанный из Материнской реальности Истребитель Закона превратился в Зверя Закона и охотится теперь за иерархами по чьей-то команде, уничтожая их одного за другим. Поэтому мне было трудно сохранить контуры воплощения и статус посланницы инфарха. Теперь главное: Конкере вышел на свободу!»

И в четвёртый раз сферу сознания Схода потряс удар тишины.

Кто-то изумлённо ахнул, кто-то выругался.

Матфей сам едва удержался от восклицания, поражённый известием.

«Это правда?» – недоверчиво проговорил Месхи.

«Увы, да, – ответил Никола Русский. – Я послал наблюдателя в «адовы слои» «розы», и он подтвердил, что Стена Отчуждения взломана, причём – с помощью синкэн-гата».

«Кто это сделал?! Зачем?! Когда? Вы знаете?» – слышались мысленные голоса.

«Я знаю, – сказала Светлада горько. – Оруженосец Воина Закона Стас Котов».

«Как это случилось?!»

«Он переоценил свои силы, пытаясь доказать себе самому, а может быть, и своей жене Марии, что он способен контролировать основные параметры «розы». Монарх перехитрил его и, возможно, завладел синкэн-гата».

«Котов погиб?»

«Возможно, он стал частью Конкере».

«А его жена – авеша Светлены?»

«Погибла. Хотя Светлена могла уцелеть. Мы ещё не знаем точно».

«Когда это произошло?»

«Несколько дней назад... и несколько миллиардов лет назад, если принять во внимание тот факт, что Конкере был заперт в прошлом, в

одной из «запрещённых реальностей», с которыми сам же и экспериментировал. Теперь он на свободе».

«Что же нам делать?» – растерянно спросил кто-то.

«Выход один: формировать эгрегор Воина Закона, – сказал Никола Русый твёрдо. – Немедленно начать поиск кандидатуры оператора, которому мы могли бы передать часть своих Сил».

«Но почему вы уверены, что Монарх примется за нас? – подал мысленный голос индеец Сатья-вара. – Лично мы в тюрьму «розы» его не помещали».

«Мы – основа сохранения стабильности Материнской реальности. И если Конкере захочет её изменить, а именно это он и собирается сделать, как это уже было почти миллиард лет назад, когда он «сбросил» Инсектов в «яму масштабной деградации» и направил эволюцию Блаттоптера-сапиенс таким образом, чтобы появились люди, то первым делом он должен уничтожить нас».

«Не согласен», – бросил Сатья-вара, покидая Сход.

«Я тоже в это не верю», – поддержал коллегу Чакха, также «выдёргивая» свою пси-сферу из общего поля связи.

За ним ушли Петр, Симеон, Люй Чень, Джонс-Джонс.

Проворчав что-то о «необходимости решения насущных проблем», покинули Сход Месхи, Павел, Арий и два десятка остальных Хранителей. Остались Матфей, Никола Русый, японец Такэда и Иакинф. Впрочем, двое последних тоже не задержались, пообещав «подумать о своём решении» и помочь, если понадобится.

«Они трусили», – грустно проговорила Светлада.

«Их можно понять, – буркнул Матфей. – Это их выбор».

«Значит, выхода нет? Мы будем сражаться каждый сам за себя?»

«Нужен лидер, – снова буркнул Матфей. – Который способен собрать нас и убедить в необходимости союза. И ещё оператор Воина Закона».

«У тебя есть кандидатуры?»

«Нет, – после паузы ответил Матфей. – Думаю, нужен свободный оператор, никому не известный».

«Я встретила одного человека, – вспомнила Светлада. – У него очень хороший паранормальный энергозапас, хотя по жизненной позиции он шалопай. Однако у меня нет сил для прямого контакта с ним».

«Найди Отступника, он поможет», – посоветовал Матфей.

«Кого?» – не поняла Светлана.

«Тараса Горшина, учителя Соболева, занявшего место декарха».

«Почему его?»

«Только он способен *обнажить суть* человека и *поднять* его до высот Мастера, как это было с Матвеем. Кстати, вопреки воле инфарха».

«Мне ли этого не знать. Хорошо, я поняла. Желаю жить долго, братья».

Фигура Светланы стала таять, исчезла.

«Она скоро совсем эфемеризируется», – произнёс Никола Русский после недолгого молчания.

«Если не вернётся инфарх».

«Он не вернётся».

«Почему?»

«Потому что он до капли истратил всего себя для стабилизации «розы». Матвей Соболев мог бы занять его место, но не захотел. Да и ты тоже».

«Не заставляй меня оправдываться. Я слишком стар для этого».

«В таком случае мы отжили своё. Пришла пора перемен. Хотя я еще хочу побороться за жизнь. Ты поможешь Светлане? Кстати, моему, это её сестра – Светлана».

«Почему ты так думаешь?»

«Я чувствую. Светлана побоялась, что мы не дадим ей слова, поэтому назвалась Светланой».

«Странно всё это...»

«Так ты поможешь?»

Матфей задумался и спохватился лишь тогда, когда Никола Русский вышел из поля связи, не дождавшись ответа.

– Смысла нет, – пробормотал вслух Матфей. – Мы и в самом деле не бессмертны. Но я помогу...

Глава 5

Я НЕ ГЕРОЙ

Ночь после возвращения в Туру Артур провел беспокойно. Снились реки, тучи комаров, шурфы, какие-то бородатые личности, пытавшиеся украсть алмазы из палатки. А потом и вовсе приснилась женщина в белом, которая встретила Суворову и Увачану на берегу Джелиндукона. Она указала на небо, проговорила что-то на незнакомом языке, потом заплакала и исчезла. А на её месте появился молодой человек в белом костюме, с глазами столетнего мудреца. Он погрозил Артуру пальцем, и тот проснулся, не понимая, что его встревожило.

Впрочем, сон этот он тут же забыл, повернулся на другой бок и снова уснул.

Брат поднял его в начале девятого утра, предупредил, что уходит на работу: Чимкут Романов служил заместителем префекта Туры и курировал в местной администрации строительство в городе разного рода коммерческих центров. Был он поутру хмур и неразговорчив, и Артур заметил это:

– Ты чего такой скукоженный, Чим? Случилось что?

– Нехорошие люди, – с отвращением сказал Романов, беря свой рабочий портфель. – Так и норовят обойти законы кривой дорожкой.

– Какие люди?

– Я ответственный за инвестиционный конкурс на строительство торгового центра, а они хотят меня купить, чтобы конкуренты проиграли.

Артур нахмурился.

– Ты поосторожнее с ними, могут ведь и замочить, если на кону большие деньги. Угрожали?

– Сегодня встречаюсь с ними в конторе. Откажу, конечно, так нельзя.

– Может, заявишь в милицию?

– Я сам зампрефекта, у нас своя охрана. Ну, я пошёл. Жена тебя накормит завтраком, отдыхай. С камешками что надумал делать?

– В Москву повезу, не здесь же их продавать.

– Если что – могу найти хорошего человека, он оценит и поможет с реализацией.

– Спасибо, не надо. Возвращайся побыстрее, в ресторан сходим, а то завтра я улечу.

Романов кивнул и ушёл.

Артур полежал в постели расслабленно: после долгих ночёвок в палатке и борьбы с комарами квартира Чимкута казалась раем, – потом решительно встал, еще раз полюбовался на горсть алмазов и спрятал в особый карман джинсовой безрукавки. Сделал зарядку, то есть помахал руками, подрыгал ногами, поприседал и сто раз отжался на кулаках. Умылся и зашёл на кухню, где тихая улыбчивая жена Чимкута Ирина приготовила ему завтрак.

Поговорив с ней о жите-бытье, – оказалось, родилась она в Хатанге, а познакомилась с Чимкутом в Сочи, где они отдыхали летом, – выяснив, что ей очень нравится Тура и вообще природа Эвенкии, Артур направился в местное агентство купить билет на авиарейс до Москвы.

Ирина лукавила. Местные пейзажи действительно были красивы, причем не только летом, но и зимой, однако жить простому человеку в условиях сибирского засилья насекомых – комаров, мошек, мух, гнуса, а зимой – в условиях крепчайших морозов было нелегко. Наверное, в глубине души жена Чимкута мечтала о жизни в южных краях или хотя бы в местах более умеренного климата, просто подчинялась обстоятельствам, главным из которых было местонахождение мужа. С другой стороны, Артур в своих странствиях забредал и на Крайний Север Отечества, где условия жизни вообще были близки к экстремальным, но и там жили люди и не помышляли об отъезде.

Билет удалось купить без проблем.

Суворов пошатался по местному рынку, довольный удачным окончанием «алмазопроискового» сезона, купил красивый кожаный пояс отцу, обшитый мехом россомахи и бисером, а также «эвенкийскую мантру» – оберег в виде разукрашенной бисером круглой розетки из оленьей шкуры, с двенадцатью «кругами жизни». Маме он тоже купил подарок – ичиги, мягкие сапожки из оленьего меха, очень красивые. Не забыл и Чимкута с женой, да и себя побаловал, купив изумительной формы костяной нож из бивня мамонта.

По-видимому, количество его покупок и сумма, которую он потратил на подарки, произвели впечатление на продавцов и прогуливающихся по рынку местных завсегдатаев, потому что Артур вдруг обратил внимание на группки молодых людей, поглядывающих на него издалека. А трое из них даже проводили его до дома Чимкута, испортив Суворову настроение. Несмотря на физические данные и навыки спортсмена-футболиста, – Артур имел первый разряд по футболу, – человеком он был мирным и мастером воинских искусств себя не считал. Лишь в юности занимался пару лет боксом. А дрался он на своём веку всего дважды: один раз – защищая честь девушки, второй – в компании, которую заставила обороняться другая компания. Вообще же ему всегда удавалось не доводить ситуацию до крайних мер, когда без драки было уже не обойтись. Пока обходилось.

В шесть часов вечера пришел Чимкут, явно расстроенный, судя по его задумчивости. Будучи наполовину эвеном, он перенял множество национальных черт отцовского рода, в том числе невозмутимость и немногословие, поэтому по лицу его трудно было судить о тех эмоциях, которые им владели.

– Пошли прогуляемся, – предложил брату Артур. – В кафе посидим, пивка попьем.

Чимкут подумал и согласился. Жену с собой приглашать не стал, сославшись на «мужские разговоры».

Решили не брать машину, а пройти пешком.

К вечеру похолодало, лёгкий ветерок, напоённый луговыми ароматами с берегов Нижней Тунгуски, приятно овеивал лица. Настроение у Артура было приподнятое, и он попытался развеселить брата.

Дошли до кафе «Чапогир», сели за столик, заказали по кружке разливного пива и солёную рыбку.

– Да фиг с ними, не переживай, – сказал Артур, с удовольствием отпив полкружки. – Всё образуется. Меня удивляет только то, что бандиты есть и здесь, в сердце Сибири, где жизнь мёдом никогда не была. Ты не рассказывал о своих проблемах начальству?

– Какому?

– Мэру, губернатору, самому префекту.

– Нет, – качнул головой Чимкут. – У них своих проблем хватает.

– Я слышал, ваш губернатор тоже не из бедных людей, бывший директор «Тунгуснефти».

– Богатый он, может быть, и богатый, только в отличие от бывшего губернатора Чукотки яхты, самолёты и коттеджи за рубежом десятками не скупает. Он даже спорткомплекс в Туре за свои деньги построил.

Артур засмеялся.

– Да, Рома Рэмбович личность одиозная, накрал денег столько, что девать некуда. Говорят, он у самого герцога Виндзорского замок купил, с двенадцатью спальнями и обсерваторией. Плюс «Боинг-767» за сто миллионов долларов, кстати, третий самолёт, да ещё доплатил полтора миллиона за противоракетную систему. Поэтому он и не появляется в России, чувствует, что земля начинает гореть под ногами, правосудие по следу идет.

– Какое там правосудие, – махнул рукой Чимкут. – У нас половина бывших бандитов ходит в чиновниках, от председателей Законодательных собраний, глав администраций и до губернаторов. Все это знают, в том числе прокуратура, а судят только проворовавшихся мелких клерков.

– Тут ты прав, – кивнул Артур. – Я бы многих посадил на нары, будь моя воля. А в первую очередь Рому Рэмбовича. Жаль, куда-то скрылось «чистилище», была такая мощная организация, криминалитет мочила. Но бог с ними со всеми, давай о чём-нибудь весёлом поговорим. Ты на юг отсюда не собираешься податься? Или в центр?

– Что мне там делать? Кто меня там ждёт? Я здесь родился, тайгу люблю. А что касается «чистилища» – слышал я, конечно, что работала такая организация год назад, да только она в Москве, по моему, обреталась. До наших краёв у неё руки не доходили. Между прочим, преступников тут хватает, земля дешёвая, а богатства в ней немереные. Алмазы, золотишко, пушнина тоже. Вот и стреляет братва друг друга, землю делит.

– Тогда на кой тебе такая работа? Ты же молодой ещё, институт окончил, уходи в какую-нибудь коммерческую структуру.

– Ну да, а на государство кто работать станет? – простодушно сказал Чимкут. – Ты вон тоже институт кончал, почему не в бизнес пошёл?

– Я не могу сидеть долго на одном месте, тянет на приключения. Женюсь – остепенюсь.

– Неужели есть кто на примете?

Артур вспомнил женщину в белом, поразившую его своей красотой, покачал головой.

– Не нашёл ещё, так, знакомые только. Да и не спешу я голову совать в семейный хомут. Это тебе повезло, что Ирину встретил, мне пока что не везёт на красивых женщин.

– Красивая женщина – конец света, – изрёк Чимкут, – жениться надо на доброй, в крайнем случае на умной.

– Философ доморощенный, – снова засмеялся Артур. – Сколько ты со своей Ириной живёшь?

– Шесть лет.

– Почему детей не завёл?

Чимкут погрузнел.

– Что-то не получается. Мы уже и к медикам ходили консультироваться, и к целителям. Разводят руками – всё в порядке, мол, здоровы, а детей нет.

– Приезжайте в столицу, я вас познакомлю с учеником академика Гаряева, вас проверят в институте эниомедицины, дадут рекомендации, и всё будет хорошо.

– Ладно, подумаем. Ирина переживает, однако.

Разговор на минуту прервался.

Чимкут заказал ещё по кружке пива, начал чистить вяленого сига. Судя по опущенным уголкам губ, попытка брата настроить его на оптимистический лад не удалась.

А Суворов вдруг почувствовал себя неудобно. словно в кафе подул сырой холодный ветер, принёс туман и запахи болота.

Артур огляделся исподтишка, оценивая свои ощущения, и наткнулся на изучающий взгляд одного из парней веселящейся у стойки бара компании. Парень тут же отвернулся, обыкновенный местный житель с виду: серые штаны, кроссовки, синяя рубаша со шнуровкой на груди, волосы перехвачены синей ленточкой. Затем Артур разглядел, что и у остальных парней точно такие же ленты вокруг головы, и ему остро захотелось смыться из кафе.

Не будь рядом брата, по-прежнему занятого личными переживаниями, он бы так и сделал: юркнул бы в дверь, ведущую на

кухню, оттуда во двор и домой. Однако Чимкут вряд ли понял бы такое поведение, и Артур вынужден был остаться, переживая неприятное чувство дискомфорта, как зубную боль.

Правда, компания парней с ленточками вскоре вывалилась из кафе, заметно снизив уровень шума, но Артура всё равно не оставляло чувство подглядывания в спину, вследствие чего он сделал вывод, что ему просто передалось настроение Чимкута. Хотя бодрости это открытие не прибавляло.

– Пойдём домой, – предложил он, – спать хочу, да и завтра рано вставать, самолёт в восемь вылетает.

– Пошли, – согласился Чимкут. – Вот только рыбку доем.

Посидели ещё несколько минут, перебрасываясь короткими репликами, расплатились, вышли из кафе. До пятиэтажки, в которой жили Романовы, можно было дойти за полчаса, но Артур предложил остановить такси. Чувство скрытого наблюдения не проходило, это нервировало, заставляло напрягаться и оглядываться.

– Что это с тобой? – обратил наконец внимание на его поведение Чимкут. – Здесь всего-то ходьбы два километра. Погода хорошая, я покурю пока.

Они уже отошли от кафе и повернули за угол на улицу Дерсу Узала, малолюдную по причине наступившего вечера. Артур поёжился: похолодало до плюс четырнадцати, а он был в одной футболке с короткими рукавами.

– Лучше бы мы... – начал Артур.

С визгом шин из-за угла вывернулся джип «Лэндкрузер», догнал братьев, резко затормозил, из него выскочили пятеро молодых людей, и Артур с Чимкутом оказались в круге парней с синими ленточками на головах. Тех самых, что сидели в кафе.

– Вам чего, ребята? – обаятельно улыбнулся Артур. – Мы мирные люди, никого не трогаем, идём домой. Может, вы нас с кем-то спутали?

– Заткнись! – бросил самый угрюмый из парней, кряжистый, с бородкой, перевёл взгляд на Чимкута. – Тебя предупреждали, узкоглазый, ты совет проигнорировал, придётся тебя наказать. Бей его!

Парни бросились на братьев, поднимая взявшиеся словно из воздуха палки.

Артур увернулся от одного удара, от другого, получил по спине, вскрикнул от боли.

Не будь рядом Чимкута, он просто-напросто сбежал бы от бандитов, обладая природной реакцией и манёвренностью, но Чимкут упал, и бросить его на произвол судьбы было бы неправильно.

Артур ускорил движения, сумел отнять палку у одного из нападавших, перетянул его же по копчику, подскочил к брату.

– Чим, вставай, забьют, гады!

Чимкут, держась за голову, попытался подняться, однако Артура отвлекли сразу двое, заставляя отбиваться и уклоняться, Чимкуту досталось по затылку от бородача, и он снова свалился на асфальт. Его начали пинать ногами, бить палками по спине и по рукам. Артур ничем не мог ему помочь, с трудом парируя удары, понимая, что долго не продержится. Бойцом он все же был слабым. И в этот момент ураган ударов стих. Парни один за другим как кегли разлетелись в стороны, попадали на тротуар. А рядом с избитыми братьями возник мужчина в белом костюме: среднего роста, не слишком накачанный, сероглазый, с удивительно спокойным и твёрдым лицом. Артуру показалось, что он его уже где-то видел.

Незнакомец глянул на стонущих, копошащихся на тротуаре парней, на джип, перевел взгляд на Артура.

– Машешь палкой быстро, но неумело. – Голос у него был тихий, но выразительный, звучный, и каждое слово как бы резонировало, сопровождалось коротким эхом. – Воинскому искусству не обучен?

– Ни к чему было, – пожал плечами Артур, успокаивая дыхание. Склонился над потерявшим сознание Чимкутом. – Чим, поднимайся, всё кончилось.

Романов не отозвался. По щеке его сползла тоненькая струйка крови.

– Чёрт! «Скорую» надо вызвать!

– Не надо.

Незнакомец в белом подошел к Чимкуту, осмотрел его, не касаясь руками, положил руку на висок, закрыл глаза. Постоял так несколько мгновений. Артуру показалось, что из пальцев спасителя стекли на висок брата струйки нежно-золотистого сияния.

Чимкут вздрогнул, открыл мутные глаза. Зашевелился, сел, упираясь ладонями в асфальт.

– Что это было? Все тело болит...

– Нас крепко отмутили.

– Кто?

– Бандиты в пальто.

– А-а... палыскут эрдыгын... собаки бешеные. – Чимкут заметил лежащие неподалеку тела нападавших, ошеломлённо открыл рот. – Кто это их?!

Артур подал ему руку, помог подняться, посмотрел на незнакомца, продолжавшего рассматривать его в странной задумчивости.

– Кто вы?

– Служба спасения, – усмехнулся обладатель элегантного белого костюма. – Поехали.

– Куда?

– Отвезу вас домой.

– На чём?

Незнакомец кивнул на джип с распахнутыми дверцами.

– Такой транспорт вас устраивает?

– Но это же их машина...

– Какая разница? Хотя, если не желаете ехать...

Артур оглянулся на зашевелившихся парней, подтолкнул Чимкута к джипу.

– Садись.

– Я ничего не понимаю! Какие-то подонки с палками, угрозы... кто этот человек?

– Он сам всё скажет. А эти недоноски хотели поломать тебе руки-ноги, рёбра и отбить остальные не менее важные органы, чтобы неповадно было отказывать их боссу в строительстве центра. Неужели не дошло? Говорил я тебе – сообщи в милицию. Как ты себя чувствуешь?

– Нормально... голова кружится...

Артур бросил подозрительный взгляд на терпеливо ждущего их спасителя, подтолкнул Чимкута к машине. Снова пришло ощущение, что он где-то встречался с этим человеком.

Они сели в джип, и незнакомец повел машину к окраине Туры, не зажигая фар, хотя уже смеркалось, а фонарей на улицах города было не густо.

– Как вас зовут? – поинтересовался Артур.

– Тарас, – ответил тот.

– Меня Артур, моего брата...

– Знаю.

– Вы из милиции?

– Нет.

Джип остановился у дома Романовых.

– Чимкут, будьте добры, поднимайтесь к себе, я хочу поговорить с вашим братом.

– Пойдёмте вместе, жена ужин стоговиг, чаю попьём...

– Позже.

Чимкут вопросительно посмотрел на Артура, молча полез из кабины.

Тарас проводил его взглядом, облокотился о руль, повернул голову к пассажиру.

– Я знаю, что вы любитель острых ощущений и экстремального отдыха. Хотите поучаствовать в приключении, о котором можно только мечтать?

– Это о каком же? – скептически хмыкнул Артур.

– Побывать в прошлом, слетать к звёздам, узнать истинное положение вещей в мире.

– Не слишком ли много для одного человека? – невольно улыбнулся Суворов.

– Хотите?

Артур перестал улыбаться.

– На сумасшедшего вы не похожи. Но и к звёздам слетать может предлагать только... – он пошевелил пальцами, подбирая выражение.

– Псих, – подсказал Тарас, не меняя выражения лица.

И Артур вдруг вспомнил, где он видел этого человека, – во сне!

Сбилось дыхание, ёкнуло сердце.

Он пожевал губами, не зная, что сказать. Это движение не ускользнуло от внимания собеседника.

– Не верите?

– Н-не знаю...

– Хотите, приведу аргументы?

– Н-нет, – качнул головой Артур, криво улыбнулся. – Знаете, мне в общем-то и на Земле неплохо живётся. Звёзды не для меня.

– Струсили?

Артур нахмурился.

– Я не трус! И вы не имеете права...

– Успокойтесь, я не хотел вас обидеть. Судя по вашему послужному списку, вы действительно не лишены известной храбрости. Хотя лично я считаю, что смелость – это страх, загнанный в угол. Однако не хотите – как хотите, насильно мил не будешь. Похоже, Светлана ошиблась в выборе кандидатуры оператора.

– Какая Светлана? Что вы имеете в виду?

– К сожалению, дальнейший наш разговор потерял смысл. Берегите брата, его оппонент настроен решительно и вполне может попытаться устранить несговорчивого чиновника физически. Всего вам доброго.

– Э-э... погодите, – пробормотал Артур. – А если я соглашусь?

– Вы хотите поторговаться? – догадался Тарас.

– Н-нет... впрочем, да, я хочу знать, что меня ожидает.

– Одно могу обещать твёрдо: спокойной жизни у вас не будет. Сумеете уцелеть, пройти Посвящение, стать Воином Закона – достигнете высот, о которых не может мечтать ни один обыкновенный человек.

– А если нет?

– Мы вас с почестями похороним, – приятно улыбнулся Тарас. – Ну так как, подходит вам такая перспектива?

Артур понял, что собеседник уже всё решил, поставил на нём крест, – и разозлился. Сказал с вызовом:

– Я готов! Давайте вашу... аргументацию.

Тарас некоторое время рассматривал его сквозь прищур век, словно взвешивал собственное решение, не зависящее от обстоятельств, вздохнул:

– Что ж, проверим, отступить ещё не поздно.

Суворов хотел пошутить насчёт того, что «не поздно» – это примерно то же самое, что и «не рано», однако в этот момент ему показалось, что на голову упала крыша джипа, и он на мгновение потерял сознание.

Очнулся, внезапно осознав, что не сидит в кабине машины, а стоит на дрожащих ногах в огромном помещении, похожем на горную пещеру с неровными стенами, а напротив играет чудесными переливами золотистого свечения изумительной красоты строение, похожее на десятиэтажной высоты замок причудливых очертаний.

Больше всего замок походил на три десятка золотых колоколов, переходящих друг в друга, покрытых перламутровой чешуёй.

– Что это? – прошептал Артур, вцепляясь в плечо стоящего рядом Тараса.

Тот похлопал его по спине.

– МИР Акридидов.

– Что?!

– Модуль иной реальности, созданный полмиллиарда лет назад Акридида сапиенс – разумными саранчовыми.

– Как мы здесь оказались?

– С помощью тхабса.

– С помощью чего?!

– Есть такой магический способ преодоления расстояний и границ «розы реальностей».

– Не понимаю...

– Потом поймёте. Я покину вас на минуту, осматривайтесь пока.

Тарас вдруг взвился в воздух, сделал пируэт и вознёсся к вершине чудесного творения разумной саранчи, пропал из виду.

Ошеломлённый всем происходящим, Артур сделал несколько шагов по залу пещеры, наконец сообразив, что это и в самом деле подземная пустота высотой в полсотни и диаметром в сто метров. Замок Акридидов стоял точно в её центре, испуская медовое свечение, похожий на слиток золота необычной формы. Он был гармоничен, красив, геометрически правилен, несмотря на странные пропорции, и вместе с тем будил в душе зрителя тревожные ассоциации и дискомфорт.

Артур робко приблизился к основанию замка, долго разглядывал «колокол», гадая, из чего он сделан. Материал напоминал янтарь и одновременно золотистое стекло с искрами внутри, а также сладкий леденец, отчего рот самопроизвольно заполнился слюной. Захотелось даже его лизнуть. Артур дотронулся до «леденца», получил лёгкий электрический укус и отскочил, тряся пальцем.

– Ах ты, зараза!

– Не пугайтесь, я отключил его защиту, – раздался голос Тараса, и проводник опустился рядом на рубчатый пол пещеры. – В принципе, МИРЫ создавались как психодинамические резонаторы для процедуры катарсиса, но выполняли и множество других функций, в том числе –

жилищ царей Инсектов. В данном МИРе царём, вернее, царицей была матка Акридидов, сохранился её саркофаг... и кое-какие Великие Вещи. Но знать вам это пока ни к чему. Пойдёмте, покажу саркофаг.

В боку ближайшего колокола образовалась овальная дыра.

Тарас шагнул в неё, оглянулся.

– Не отставайте.

Артур последовал за ним, чувствуя себя как во сне. Однако стоило ему ещё раз коснуться стенки открывшегося коридора, как ощущение прошло: строение разумных ос вполне ощутимо кусалось электрическими разрядами.

– Когда-то Акридиды завоевали полмира, – оглянулся Тарас на ходу. – Потом их потеснили Блаттоптеры, наши предки.

– Блаттоптеры? Но ведь это, насколько мне помнится...

– Тараканы, правильно. И мы их прямые потомки. Вы этого не знали?

– Шутите...

– Нисколько. Ничего, всему своё время. Я введу вас в курс событий, дам общий тезаурус, остальное вы узнаете сами.

– С ума сойти! Я не представлял, что это всё так... серьёзно.

– Более чем. Итак, повторяю вопрос: не передумали? Ещё не поздно вернуться.

Артур хотел пошутить, что думать он не умеет, зато быстро бегает, и в это время они вышли в необычной формы – сплошное перетекание геометрических фигур друг в друга, от сфер и гиперболоидов до цилиндров и эллипсоидов – внутренний зал замка. Артур остановился, широко раскрыв глаза, забыв разом всё, что хотел сказать.

В центре зала располагалось нечто вроде колыбели, к которой сходились изогнутые полосы и растяжки из прозрачно-янтарного материала. Сама колыбель имела форму сплющенного эллипсоида, и внутри неё виднелось некое рубиново-багровое шипастое тело или скорее скелет с перепонками. Размеры колыбели превосходили металлический гараж, внутри которого вполне мог уместиться БТР, и веяло от всего сооружения холодом и угрозой.

– Что это?!

– Саркофаг Великой Царицы Акридидов, – рассеянно ответил Тарас, оглядываясь по сторонам. – Он же – первобытный компьютер с огромной памятью и быстродействием.

– Компьютер?!

– Саркофаг также выполняет множество функций, одна из них – вычисление параметров оптимальных сред.

Артуру показалось, что «скелет» внутри «колыбели» пошевелился.

– Она живая?!

– Нет, конечно, хотя и мёртвой её назвать трудно. Вы о саранче что-нибудь слышали?

– Почти ничего... прожорлива...

– И агрессивна, что есть, то есть. В мире существует восемь семейств саранчовых, около семи тысяч видов. Вообще же, с момента трансформации Инсектов сохранилось чуть больше половины вида, когда-то населявшего Землю. Согласно Ветхому Завету, саранча – одна из «казней египетских», насланных на людей Богом. На самом деле Акридиды сапиенс появились в нашей реальности задолго до рождения человечества. Хотите взглянуть на их Великую Царицу вблизи?

– Я и отсюда вижу...

Тарас с любопытством посмотрел на спутника.

– Вы видите Царицу сквозь стенки саркофага?

– Ну да, они же прозрачные.

Тарас хмыкнул, с новым интересом разглядывая порозовевшее лицо Суворова.

– Удивительно. Впрочем, это ещё ни о чем не говорит. Возвращаемся.

Показалось, что на голову упал потолок пещеры. Свет в глазах померк. Короткое ощущение полёта...

Он стукнулся коленом обо что-то твёрдое, разглядел джип, повернул голову: Тарас стоял рядом, руки в карманах, лицо безмятежное, в глазах сомнение.

– Идите домой. В скором времени я навещу вас в Москве. Не говорите никому о нашей встрече.

Артур кивнул и двинулся к дому Чимкута, деревянно переставляя ноги. Голова «дымилась и потрескивала», как разгорающийся костёр, но он старался идти прямо, не показывая, что потрясён и ошеломлён увиденным и услышанным.

В двух шагах от Тараса сгустился воздух, выдавил из себя фигуру старика в тёмном плаще. На Тараса взглянули синие светящиеся глаза.

– Зачем ты показал ему МИР Акридидов?

– Хотел увидеть его реакцию, – усмехнулся проводник Артура, не удивившись появлению Хранителя. – Реакция хорошая, человек способен удивляться и чувствовать прекрасное. Но я всё равно не понимаю, почему выбор Светлены пал на него.

– Он похож на Матвея Соболева, разве ты этого не заметил? И он скрытый паранорм.

– Может быть. Но он далеко не воин, да и воспитан иначе, как перекатиполо. Не опасно ли давать такому человеку истинное Знание?

– Путь воспитает его.

– Это лишь в том случае, если он не испугается и не отступит.

Матфей проводил сочувствующим взглядом спину Суворова, свернувшего за угол дома.

– Будем надеяться.

Они посмотрели друг на друга и исчезли.

Глава 6

МОМЕНТ ИСТИНЫ

Ульяна не одобрила решение мужа возродить «чистилище», но и не стала его отговаривать. Только посоветовала применить к делу системный подход, а не работать, как прежде, по «шестёрочным низам» российского криминалитета.

Василий с ней согласился. Он и сам понимал, что, если чиновничье-криминальному беспределу не бить по рукам на всех уровнях, снизу доверху, систему власти не научишь жить по закону. Уровней же этих они с Вахидом Тожиевичем насчитали пять.

Первым был «президентский».

Сам президент ничего не мог предпринять без одобрения поддерживающей его команды, куда входили советники, эксперты и чиновники Администрации, без участия которых не продвигался в жизнь ни один президентский указ.

Второй уровень образовывали министры правительства, сам премьер и главы Законодательных собраний, а также губернаторы, назначаемые президентом, но опять же – только с согласия ближайших помощников.

Третий уровень контролировал второй: собственно Государственная Дума, надстройка над ней – Совет Федерации, подчинённые им структуры.

К четвёртому Василий Никифорович и Самандар отнесли прокуратуру и судебную систему, всё чаще покупаемые криминалом. Так, по данным Высшей квалификационной коллегии судей, в прошлом году слушались сорок пять уголовных дел в отношении судей, но ни один из них не был обвинён в получении взяток. Запачкавшихся служителей Фемиды просто тихо лишили полномочий, некоторых перевели на другие участки, и лишь единицы получили наказание в виде условных сроков на два-три года. В тюрьму никто из них не сел.

И, наконец, пятый уровень составили чиновники среднего звена государственной машины, контролирующие таможню, систему

лицензирования, природные ресурсы, банковскую систему, расходование государственных средств, приватизацию и торговлю.

Конечно, Котов и Самандар понимали, что им не обойтись без «чистки» низовых звеньев коррумпированных властных структур, но приоритетным это направление деятельности «СМЕРЧА» считать было нельзя. Эти люди были исполнителями воли высших фигур госвласти, хотя при этом они тоже нередко проявляли инициативу, чтобы урвать более лакомый кусок.

– Да-а... – почесал в затылке Василий Никифорович, сидя перед экраном компьютера Самандара у него дома. – Нам двоим с такой мощной системой не справиться.

– Никто и не говорит, что мы будем работать вдвоём, – хладнокровно заметил Самандар. – Я уже начал подыскивать кадры. Предлагаю принять в наш «СМЕРЧ» в качестве комиссара первого зама Верховного атамана Союза казаков России. Год назад на него было совершено нападение, а совсем недавно убили его девятнадцатилетнюю дочь и восьмидесятилетнюю тётю. Он согласится.

– Причина известна? – помрачнел Котов.

– Дочь атамана приехала к тёте в посёлок Малино под Зеленоградом...

– Я имею в виду причину нападения на него самого.

– Скорее всего, Владимир Медведев имел какие-то документы по истории казачества, которые решили изъять у него убийцы. Он занимался теорией казаческого движения, писал статьи, готовил аналитические доклады о ситуации в стране и редактировал казачью газету «Правь».

– Кому понадобилось нападать на его семью?

– Думаю, тому, кто не заинтересован в освещении подлинной истории отечества. Разберёмся.

– Хорошо, допустим, он присоединится к нам. Но в комиссариате должно быть не менее пяти-семи комиссаров.

– Есть ещё две кандидатуры: Юрьев и Парамонов Иван Терентьевич. С Иваном я уже беседовал, он согласен.

– Но ведь Юрьев хотел возродить Союз Незвестных...

– Он где-то в «розе», насколько мне известно, надо поискать бывшего кардинала. Если он согласится, Рыкову до нас не добраться.

– Вряд ли Юрий Венедиктович согласится. Он лидер по натуре и всегда стремился занимать главенствующие посты.

– Ты будешь возражать, если он возглавит «СМЕРЧ»?

Василий Никифорович задумался.

– Пожалуй что и нет. Лишь бы он не загордился, не стал сатрапом. Кто ещё?

– Помнишь полковника Синельникова из МУРа? Он занимался «стопкримом», когда с нами были Соболев и Горшин.

– Кто же забудет такую колоритную личность? – невольно улыбнулся Василий Никифорович. – Разве он ещё жив?

– Жив, хотя и был серьёзно ранен, работает в Генпрокуратуре, старший советник юстиции, генерал.

– Он не пойдёт. Синельников – человек закона, его трудно соблазнить работать против коллег, хотя и ради более важного принципа, ради восстановления Закона справедливого возмездия.

– Когда мы сбросим ему полную информацию о коррупции в высших эшелонах власти, он присоединится к нам.

– Не уверен, но попытка не пытка. Кого ещё ты наметил в комиссары?

– Твою жену, – спокойно ответил Вахид Тожиевич.

Василий Никифорович вздёрнул брови, с сомнением заглянул в узкие чёрные глаза соратника, редко отражающие эмоции.

– Ты в своём уме?

– Не в твоём же.

– А ты подумал о последствиях? Разве ты забыл, что Уля родила мне сына, которому еще не исполнилось и двух месяцев?

– Прежде чем что-либо предложить, я обычно долго думаю. Могу привести аргументы.

– Приводи.

– Во-первых, она по роду – берегиня, что немаловажно. Во-вторых, она умна. В-третьих, она посвящена в тайны Круга и много знает. В-четвёртых, Ульяна всегда выбирала правильную стратегию поведения, насколько мне известно, что опять же имеет для нашей организации большое значение. В-пятых...

– Достаточно.

– Есть ещё и в-шестых.

– Хорошо, я с ней поговорю, однако будь готов к тому, что она откажется войти в комиссариат. Да и ребёнка воспитывать надо, кормить, ухаживать за ним и беречь.

– Пока мы будем утрясать кадровые вопросы, пройдёт время, а там твоему сыну найдется няня. Мне, кстати, тоже надо закончить одну важную работу.

– Какую?

Самандар пробежался пальцами по клавиатуре, и на экране появилась надпись: «Теория расходимостей и отражений Материнской реальности в «розе» допустимых состояний материи».

Василий Никифорович с любопытством посмотрел на чеканный профиль Вахида Тожиевича.

– Это как понимать?

– «Лепестки розы» – суть варианты матричной реальности, как планеты Солнечной системы – суть отражения Земли. Но это не главное. Изучая «розу», я пришёл к выводу, что история разума в Универсуме – это история непрерывных войн. Создаётся впечатление, что войны – стержень развития всех цивилизаций «розы», не будь их, разум вообще бы не развивался.

– Это спорно, – хмыкнул Котов.

– Я опираюсь на факты. На что опираешься ты?

Василий Никифорович подумал.

– Скорее всего, на эмоции. Но я пораскину мозгами и найду контраргументы.

– Не найдёшь. Хотя мозгами шевелить иногда полезно. Между прочим, я нашёл предпосылки выхода на Доцивилизацию.

– А это куда?

– Инсектам и Аморфам предшествовала самая древняя в нашей реальности разумная система, я назвал ее Доцивилизацией Предтеч. Возможно, в скором времени я выйду на неё.

– Каким образом?

– Саркофаги Инсектов являются не простыми компьютерами, но компьютерами с базой, распределённой во времени. А это означает, что с их помощью можно пробить потенциальный барьер прошлого.

Василий Никифорович покачал головой.

– По-моему, у тебя поехала крыша.

– У меня её никогда и не было, – не обиделся Самандар, выключая компьютер. – Начинаем работать?

– Нужно начать с воссоздания системы безопасности.

– У меня сохранились кое-какие связи. Веня Соколов уже ищет кадры.

Василий Никифорович кивнул. Соколов, бывший афганец, капитан разведки, год назад командовал мейдером, то есть спецгруппой Самандара. Он проявил себя крепким профессионалом и мог ощутимо увеличить эффективность работы службы безопасности «чистилища».

– Отлично! Тогда вперед и с песней!

Бросив взгляд на универсальный календарь с часами, висевший на стене кабинета Самандара, он вышел, зафиксировав в памяти час и день рождения «СМЕРЧа»: первого августа, двенадцать часов дня.

* * *

К удивлению Василия Никифоровича, Ульяна согласилась стать комиссаром возрождённого «чистилища». Главным аргументом этого решения стала идея сдерживания мужа от слишком рискованных и непродуманных действий.

– Сыну нужен отец, – сказала она с очаровательной улыбкой. – Мне – муж, а «СМЕРЧу» – мудрый руководитель.

– Но Матвейке всего два месяца, – заикнулся Василий Никифорович, – ты не сможешь одновременно и работать, и сидеть с ним.

– Поговорю с Катей, двоюродной сестрой, она побудет няней. Опыт работы в детсаду у неё немалый. Конечно, будет тяжело, но ведь вы без меня не справитесь.

И Василий Никифорович проглотил вертевшуюся на языке очередную порцию возражений. Было бы смешно начинать уговаривать жену не соглашаться, предложив ей сначала обратное.

На следующий день Самандар позвонил ему и предложил провести бандлик.

– Подожди, мы же ещё не собрали силы... – опешил Василий Никифорович.

– Нет сил терпеть, – признался Вахид Тожиевич. – Моего дальнего родственника чуть не убили на рынке за то, что он попытался торговать по закону, снизить цены. Пора кончать с этим рыночным беспределом.

Василий Никифорович присвистнул.

– Будь у нас даже армия, мы с этой мафией не справимся. К тому же ты сам предлагал работать по «верхам».

– «Верхи» от нас не уйдут, нужно и «низы» лечить от всякой бандитской заразы. У меня есть предложение – привлечь к этому делу казаков.

– В Москве?

– Они есть везде, недаром же Верховный атаман имеет резиденцию в столице.

– Ну, не знаю...

– Приезжай, обсудим план действий. Кстати, подъедет и Медведев.

– Кто?

– Зам Верховного атамана. Я с ним уже беседовал, он согласен работать с нами.

Василий Никифорович покрутил головой.

– Ну ты даёшь, старик! Когда успел?

– Едешь?

– Еду.

– Жду.

Василий Никифорович почесал в затылке, хотел было по привычке сообщить жене о предложении Самандара, но передумал. Вахид Тожиевич не упомянул об Ульяне ни слова, значит, не хотел впутывать женщину в те истории, где требовались чисто мужские качества.

Владимир Семёнович Медведев мало походил на казака, какими их представлял Котов. Интеллигентного вида, несуетливый, спокойный, чуть смущённый знакомством с людьми, предложившими ему неординарную работу, он больше напоминал тихого учителя истории. Однако в глазах заместителя Верховного атамана Союза казаков мерцал огонёк сдержанной гордости и силы, отчего Василий Никифорович сразу проникся к нему уважением и симпатией. Этот человек знал многое, владел собой и мог за себя постоять.

– У Владимира Семёновича есть деловое предложение, – сказал Самандар после взаимных представлений. – Воевать с рыночной мафией мы пока на равных не можем. Но есть другой выход.

– Что может быть эффективней отстрела? – усмехнулся Василий Никифорович.

– Правильное объяснение ситуации, – ответно усмехнулся Владимир Семёнович.

– Это что-то новое.

– Это просто хорошо забытое старое. Когда-то на Руси работали законы справедливого распределения обязанностей и благ, а также законы выбора ответственности.

– Домострой, что ли?

– Задолго до Домостроя. Люди были отлично информированы о том, что их ожидает в случае того или иного деяния. Того, кто преступал границы закона, сначала учили просчитывать последствия своих шагов, а если не помогало – изгоняли из общины. Как правило, преступники – то есть преступившие закон – возвращались обратно, ибо выжить в одиночку было практически невозможно. Но я отвлёкся. Конкретно о деле. Когда я жил в Ростовской губернии, наши рынки тоже заполнили выходцы с Кавказа и из сопредельных государств – Азербайджана, Армении, Грузии, Молдавии. Честным людям стало невозможно торговать своим товаром, так как условия диктовали «дикие капиталисты», владельцы рынков, по сути – бандиты. А поскольку государственная власть оказалась бессильной, – милицию просто покупали на корню, – то в процесс вмешались казаки.

– Рейды? – прищурился Василий Никифорович.

– Нет, рейды не помогли бы. Мы поступили иначе. Начали с Восточного рынка в самом Ростове. Поставили у входа на рынок кунг, повесили объявление: «ЮКОН. Юридическая консультация рыночной деятельности». Всё по закону – лицензия, разрешение властей, крыша – частное охранное предприятие и Союз казаков. К объявлению добавили список платных услуг, оказываемых юристами, в том числе – разрешение торговых споров и защита населения. Местным – скидка.

– Ну-ну, – заинтересовался Василий Никифорович. – И чем всё закончилось?

– Приходят к продавцам сборщики дани, а те им говорят: обращайтесь в «ЮКОН», все претензии к ним. Бандиты к нам, а у нас

всё по закону, не подкопаешься. Народ сначала не верил, потом валом повалил. Конечно, и стрелки назначали, и разборки устраивали, пришлось пострелять самых рьяных. Зато стало тихо, беспредельщики сами ушли с рынка.

— Ясно, — кивнул Котов, посмотрел на невозмутимого Самандара. — А что, идея неплохая. Казаков в Москве мало, да и никто их всерьёз не воспримет, а вот охранная структура из представителей спецслужб может дать нужный эффект. Только надо заручиться поддержкой на достаточно высоком уровне.

— У нас есть выход на мэра и на министра внутренних дел, — сказал Медведев. — Верховный атаман учился с ним в одной школе.

— Тогда я согласен. Однако эффект такого воздействия мы получим далеко не сразу. Должно пройти время, месяцы и годы, пока население обратит внимание на изменение ситуации.

— За полгода управимся. Зато эффект будет достаточно стойким и долговременным.

— Хорошо, давайте попробуем. Начинать надо с законодательной базы.

— У меня есть кое-какие разработки, — показал свою специфическую смущённую полуулыбку Владимир Семёнович.

— Это не их случайно искали ваши враги?

— Не знаю, может быть, хотя в моём архиве есть и более значимые документы.

— Кстати, как идёт расследование убийства вашей дочери и тёти?

— Буксует, — пожал плечами Медведев.

Василий Никифорович встретил взгляд Самандара.

— Мы не можем помочь?

— Веня Соколов уже работает, кое-какая информация собрана. Будем готовить бандлик.

— Что будете готовить? — вежливо спросил Владимир Семёнович.

— По нашей терминологии бандлик — ликвидация банды.

— Я бы хотел участвовать в... э-э... бандлике. Однако прежде всего нужны доказательства...

— Мы разрабатываем операции только после всестороннего изучения материалов и доказательств. Нас пытались подставить не один раз, и только благодаря железным аргументам народ нам поверил.

Иначе мы давно превратились бы в одну из преследуемых террористических групп.

– У меня имеются кое-какие сведения...

– Прекрасно. – Василий Никифорович вышел на кухню и вернулся со стаканом кефира. – Давайте обсудим все имеющиеся у нас факты по этому делу.

Благодаря связям Самандара и самого Медведева удалось получить много дополнительных данных о врагах Союза казаков среди высших должностных лиц государства. Через два дня, третьего августа, Вахид Тожиевич вычислил заказчика нападения на заместителя Верховного атамана Союза казаков и конкретных исполнителей. Сообщение Самандара на собрании комиссаров «СМЕРЧа» вызвало эффект разорвавшейся бомбы.

– Заказчиком нападения на Владимира Семёновича, – сказал он, – является Константин Филиппович Мелешко, глава службы безопасности Государственной Думы. Кроме того, он служит ещё и заму председателя Думы Марату Феликсовичу Меринову как начальник личной охраны.

– Рыкову! – сцепил челюсти Василий Никифорович.

– Рыкову, – кивнул невозмутимый Вахид Тожиевич. – По моим подозрениям, он управляет и президентом, и правительством, оставаясь в глубокой тени. Но цель его – власть над всей матричной реальностью, так как именно сегодня он является координатором всех уцелевших Союзов Неизвестных.

– А Хуан Креспо? – поинтересовался Парамонов. – Год назад координатором был он.

– Хуан Креспо сбежал в «розу», спасаясь от Ликвидатора.

– Извините, друзья, – смущённо сказал Медведев. – Я не совсем понимаю, о чём идет речь.

Комиссары переглянулись. Всего на собрании присутствовало четверо человек, Ульяна осталась дома с ребёнком. Её старались привлекать к работе как можно реже и только в том случае, когда решались глобальные проблемы.

– Я дам ему пакет общих понятий, – сказал Самандар. – Пока же давайте решать конкретную задачу. Предлагаю устроить засаду на

Костика Мелешко и выяснить, чего хотела его команда от Владимира Семёновича.

Медведев вопросительно посмотрел на Вахида Тожиевича.

– Вы серьёзно?

– Привыкайте к тому, – ответил за Самандара Парамонов, – что мы не юмористы из «Аншлага». Если мы что-либо предлагаем, значит, имеем полную информацию об объекте воздействия.

– Извините, я ещё плохо представляю ваши возможности...

– Наши.

– Наши возможности и силы.

– Всему своё время. Итак, коллеги, представляю следующий план бандлика. – Самандар включил компьютер.

* * *

Константин Мелешко прошёл хорошую школу жизни и считал себя крутым профессионалом. Впрочем, он и в самом деле многое знал и многое умел, отучившись в Десантной академии Генштаба в Рязани и три года отвоевав в Чечне и Таджикистане. Во всяком случае, за его спиной был немалый опыт боевых действий, контртеррористических операций, разведрейдов и специальных миссий по передаче ценных сведений секретного характера и денежных вознаграждений боевикам. Кроме того, он владел рукопашным боем, ничего не боялся, угрызениями совести не мучился и был готов выполнить любое задание вышестоящего начальства.

На Рыкова Мелешко начал работать ещё во времена «Стопкрима», когда Герман Довлатович был одним из комиссаров «чистилища». С тех пор он оставался при нём, знал о патроне немало, был посвящен в тайны его «подпольной» деятельности и мысли не допускал, что кто-то может вынашивать планы относительно его собственного перехвата. Поэтому, встретив на выходе из Госдумы двух пожилых седобородых мужчин, похожих на священников, Константин даже не посмотрел в их сторону. Он в этот момент разговаривал с одним из своих подчинённых, Гариком Шнуром, который часто выполнял деликатные поручения командира.

Дальнейшие события показали, что есть профессионалы покруче, чем «супер» Мелешко, каким он себя считал. А так как начавшиеся действия длились всего две секунды, никто из посетителей Думы, проходивших через подъезд № 5 со стороны Конюшковской улицы, а также охрана, не поняли, что произошло.

Навстречу Мелешко и Шнуру шагнул ещё один седой господин в строгом чёрном костюме, и оба они внезапно потеряли сознание, словно на них рухнул потолок вестибюля.

Стариком был Иван Терентьевич Парамонов, а «потолком вестибюля» – гипноиндуктор «удав» или «глушак» в просторечии, выбивший из головы Мелешко и Шнура способность мыслить. При этом они не потеряли способности чувствовать, видеть и слышать, просто перешли в «состояние не-мысли».

– Идёмте с нами, – взяли их под руки седые «старцы», встретившиеся им ранее. – Всё в порядке, всё под контролем, вы спокойны, и вам хорошо. Делайте, что говорят.

Охранников Марата Феликсовича Меринова вывели из здания через подъезд для персонала Думы, усадили в чёрную «Тойоту-Камри» с флажком на капоте и депутатским номером, и та уехала, не особенно спеша.

Допрашивали пленников, ведущих себя смирно, как примерные дети, в гараже Самандара.

Спутник Кости Мелешко знал мало, лишь подтвердил, что в расправе с дочерью атамана Медведева участвовала спецгруппа под командованием капитана Вахтанга Ираклишвили, выполнившего приказ Мелешко. Сам Гарик Шнур к этой операции отношения не имел.

Однако надежда на то, что Мелешко поделится с «чистильщиками» подробностями дела, не оправдалась. Несмотря на подавленную после выстрела из «глушака» волю, Константин Мелешко не стал отвечать на вопросы. Точнее, после первого же вопроса он вдруг побелел, затрясся и потерял сознание.

– Что с ним? – встревожился Медведев; в операции захвата он не участвовал и прибыл к месту допроса по звонку Котова.

– Блок, – разочарованно развёл руками Василий Никифорович. – Сработала программа защиты памяти.

– Какая программа?

– Рыков запрограммировал своего телохрана именно на такой случай, чтобы тот не выболтал тайны босса.

– Разве это возможно?

– В наше время всё возможно. – Василий Никифорович тронул склонившегося над Мелешко Самандара за плечо. – Как он?

– Не труп, но вряд ли очнётся нормальным человеком, – буркнул Вахид Тожиевич, разгибаясь. – Рыков не щадит никого ради исполнения своих планов, он всадил ему программу, стирающую всю память. Парень на всю оставшуюся жизнь останется идиотом.

– Сволочь!

– Что будем делать? – неуверенно проговорил Медведев.

– Искать капитана Ираклишвили. Может быть, он не запрограммирован так жёстко, как Мелешко.

– А если и он зомби?

– Тогда придётся звонить самому Рыкову.

– Меринову.

Василий Никифорович и Самандар обменялись понимающими взглядами.

– Вы шутите? – не понял их мимики Медведев, переводя глаза с одного на другого.

– В каждой шутке есть доля шутки, – улыбнулся Котов. – Кстати, Рыков теперь будет знать, что мы начали с ним войну, и примет контрмеры.

– Ты боишься? – приподнял бровь Самандар.

Василий Никифорович подумал, почесал кончик носа.

– Боюсь.

– Тогда не стоило начинать всю эту бодягу со «СМЕРЧем».

– Я боюсь не за себя.

– Ульяна владеет тхабсом. Вдобавок ко всему можно приставить к ней усиленный мейдер охраны из проверенных людей.

Василий Никифорович посмотрел на закатившего глаза личного телохранителя Рыкова и промолчал. Сжалось сердце. Интуиция подсказывала, что он напрасно согласился принять жену в состав комиссариата «чистилища». Но было уже поздно что-либо менять.

Мелешко и его подчинённого отвезли в парк Сокольники и оставили на полянке за шеренгой кустов, зная, что их вскоре

обнаружат гуляющие и сообщат в милицию. Дальнейшая судьба секьюрити Рыкова комиссаров «СМЕРЧа» не интересовала.

Медведев, потрясённый продемонстрированным коллегами мастерством перехвата, уехал домой. Котов, Самандар и Парамонов отправились на квартиру Вахида Тожиевича. Там они расположились в гостиной вокруг журнального столика и с чашками чая в руках обсудили план дальнейших конкретных «чисток» социума.

В первую очередь решили заняться коррупцией в тех властных коридорах, которые курировали оборонную промышленность. В результате их действий оказались приватизированными уникальные стратегические предприятия, поставляющие военную технику Министерству обороны России. Эти же структуры вынашивали планы и дальнейшей передачи объектов оборонки в частные руки, чего нельзя было допустить никоим образом. И за всей этой кампанией оголтелого предательства интересов государства стояла мрачная фигура босса Купола, заполучившего колоссальные возможности влияния на жизнь России, даже не будучи её президентом или общественно и политически значимой фигурой.

– Предлагаю также не забывать о «низах», на которых держится вся пирамида Купола, – добавил Самандар. – Извините за тавтологию. Мы должны сформировать сочувствующий нашей деятельности эгрегор, иначе поддержки народа не добиться. А без этой моральной и энергетической подпитки работать эффективно «СМЕРЧ» не сможет.

– У тебя есть конкретные предложения? – осведомился Парамонов.

– Целый пакет. Борьба с незаконно возводящимися особняками в экологически чистых районах, на берегах рек и озёр, ничего не дала. Предлагаю наметить план их уничтожения. Начать же надо с домов самых одиозных фигур. Хочется также отловить пару банд, занимающихся авторэкетом на дорогах.

– Чиркачи? – догадался Василий Никифорович.

– Особенно меня интересуют те, кто их прикрывает со стороны ГАИ и милиции. Их надо «учить» в первую очередь. Исполнителей же бить смертным боем, а машины жечь.

– Что это ты так настроен против них? – удивился Иван Терентьевич. – Неужели напоролся?

– Не я, одна моя знакомая. Эти негодяи заставили её заплатить за подставу три тысячи долларов.

– Хорошо, этому действительно пора положить конец. Что ещё?

– Мочить вербовщиков девчонок, попадающих затем не в «престижные клубы» за рубежом, а в руки рабовладельцев. Вообще у меня составлен целый список объектов прямого воздействия, хотите взглянуть?

Василий Никифорович и Парамонов переглянулись.

– Показывай.

– Идёмте в кабинет.

Самандар включил ноутбук, проверил защитные системы, вывел на экран разработанный им план работы «чистилища» по «низам».

Среди объектов воздействия были и продажные судьи, и прокуроры, таможенники и чиновники мэрий, банкиры бандитов и террористов, полковники и генералы, торгующие оружием и секретами отечественных военных технологий, медики, торгующие младенцами, мелкие клерки, подписывающие документы за вышестоящих лиц или «теряющие» важные указы министров и президента, а также лидеры бандитских группировок, занимающихся прямым разбоем и грабежом. Всего в списке Самандара насчитывалось триста двенадцать пунктов, за каждым из которых стояла та или иная социальная проблема.

– Я многого не знал, – мрачно покачал головой Иван Терентьевич. – Это же полный беспредел!

– Могу показать план работы по «верхам», – бесстрастно сказал Вахид Тожиевич. – Он разработан по результатам последних исследований «караул-команды» ТВЦ и Счетной палаты. Там гораздо более впечатляющие факты.

– Не сегодня. – Парамонов посмотрел на часы. – Мне пора в поликлинику. Кстати, спасибо за помощь брату. Он до сих пор в шоке от вашей операции. Но не будете же вы и дальше лично заниматься реализацией «низового» плана?

– «Низами» будут заниматься Веня Соколов и Юлик Буркин. Их группы практически сформированы и ждут целеуказаний.

– Хорошо, звоните, если понадобится.

Парамонов ушел.

Самандар выжидательно посмотрел на задумчивого Котова.

– У тебя какие-то сомнения?

– Я переживаю за Стаса, – признался Василий Никифорович. – Чую, с ним и с Машей случилась беда. Надо попытаться отыскать их в «розе». Тебе придётся какое-то время обходиться без меня, я иду на их поиски.

– Когда?

– Сегодня вечером. Больше ждать нельзя.

– Хорошо, я решу кое-какие проблемы и пойду с тобой. Рыков наверняка попытается задавить нас, и без помощи Стаса с его синкэн-гата нам не обойтись.

Василий Никифорович вспомнил свой сон, вздохнул. Он уже не верил, что когда-нибудь увидит парня, ставшего ему сыном, но очень хотел, чтобы это случилось.

Глава 7

ПОХОД В «РОЗУ»

Это был не первый поход Посвящённых в «розу реальностей», представлявшую собой пространство допустимых состояний мира, поэтому они знали, что можно брать с собой, а что нельзя. В принципе, все вещи были лишними, включая оружие. Переходя границы «лепестков розы», путешественники невольно изменяли их параметры, и каждая взятая с собой вещь фундаментальной реальности, каковой была земная, жёстко структурировала «иллюзорные» реальности, подстраивая их условия под единый «абсолютный алгоритм».

Они взяли с собой лишь специальные ножи из углеродистой керамики, оставшиеся у Самандара с прошлых времён, не читаемые «магическими детекторами» граничных сторожей, и по фляжке с водой. Остальное – защиту и транспорт – должен был обеспечить тхабс – особое «магическое заклинание», имеющее силу физического закона. Недаром тхабс называли «следом» Безусловно Первого, Творца Мироздания, «сдавшего» его «в аренду» своему ученику, оказавшемуся впоследствии первым в истории Вселенной Отступником.

Условились, что в случае непредсказуемых изменений ситуации каждый будет «включать» тхабс, не дожидаясь реакции спутника. Оба знали, что даже тысячные доли секунды иногда решают судьбы великих воинов и магов, и были готовы подчиниться не мысли, а инстинкту, опережающему любую реакцию сознания.

Как-то в разговоре с Котовым Иван Терентьевич затронул тему потенциальных возможностей тхабса, имеющего некие интервалы использования. Но это было давно, и Василий Никифорович помнил лишь то, что тхабс может изменять состояние владельца не только в интервале «разрешённой неизвестности», дающей право переходить границы «розы», но и в интервале «разрешённой хроноинверсии». Однако вспомнил об этом Котов только сейчас, перед самым походом, пожалев, что не выяснил у Парамонова суть темы.

– Забыл что? – оценил его застывший взгляд Самандар, проницательный, как психиатр.

– Нет, ничего, всё в порядке, – встряхнулся Василий Никифорович. – Вспомнил давний разговор с Иваном Терентьевичем.

– О чём?

– Потом поговорим. Ты готов?

– Как пионер.

– Тогда помчались. Сначала выходим в «мир А», потом решим, куда двигаться дальше. Не напороться бы на сторожевых псов.

Василий Никифорович имел в виду особые программы контроля границ реальностей, способные приобретать физическую сущность и плоть.

– Асата убил ещё пентарх Удди, – пожал плечами Самандар. – Если никто его не заменил, нас не перехватят.

– Посмотрим.

Василий Никифорович задержал дыхание и мысленным усилием *сдвинул* диапазоны чувственного восприятия мира вокруг. Сработал тхабс. Сознание вылетело за пределы всех частотных уровней психики и тут же восстановилось вновь.

Путешественники оказались в «мире А» – «ближайшем» к Материнской реальности «лепестке розы», представлявшем собой мир искусственных объектов. Оба уже не раз посещали сей не слишком гостеприимный уголок «розы» и теперь с любопытством начали озираться, вспоминая пейзажи и сооружения.

Со времени боя семёрки землян с пентархом Удди здесь ничего не изменилось.

Город, некогда славившийся своим архитектурным разнообразием и совершенством, перестал существовать. Все его здания оплыли, как стеариновые свечи, превратились в полупрозрачные и молочно-белые сталагмиты, частью растрескавшиеся, частью рухнувшие на землю. Здание, на крыше которого появились Посвящённые, осело, превратилось в горбатый мост, расколотый пополам, но ещё держалось. Лес, заполнявший в давние времена пространство между зданиями, изменился до неузнаваемости, превратился в «мотки проволоки» и «паутинные наросты» красного цвета.

Изменилась даже равнина, где произошло столкновение людей с иерархом Круга: она теперь напоминала своеобразный, застывший во время шторма океан зеленовато-синего цвета. Город теперь стоял в

круглой чаше диаметром в несколько километров и, казалось, вот-вот будет затоплен бушующими волнами.

В густо-фиолетовом небе «подсферы А» светились два тусклых желтых «одуванчика», мало напоминающие звёзды или планеты. Что они собой представляли, не знал ни Котов, ни Самандар.

– Похоже, хозяин А-уровня здесь так и не появился, – нарушил молчание Василий Никифорович. – Не помнишь, кто из иерархов отвечал за него?

– Никогда не интересовался.

Самандар подошёл к краю бугристой крыши здания, глянул вниз, вернулся.

– Нам нужен проводник. Или хотя бы кто-нибудь, кто видел Стаса с Марией.

– Может, попробуем вызвать стража границы?

– Как? Постучать в рельс? Посвистеть?

Василий Никифорович усмехнулся.

– Ты плохо знаешь возможности тхабса. Иван Терентьевич говорил, что тхабс может даже отправлять адепта в прошлое.

– Сказки. К тому же не я плохо знаю возможности тхабса, а он подчиняется мне, освобождая свои силы в соответствии с уровнем Посвящения. У меня всего третья ступень, это порог Элохим Мириам, чего явно недостаточно для инициации остальных диапазонов тхабса. Может быть, тебе удастся? Твой уровень выше.

– Всего на одну ступень.

– Попробуй.

Василий Никифорович с сомнением пригладил волосы на затылке, посмотрел на «одуванчики» в небе А-мира. Показалось, один из них подмигнул.

– Ладно, попытка не пытка. Таблеточку бы мне...

– Какую таблеточку? – не понял Самандар.

– Анекдот вспомнил. Приходит больной к врачу: «Доктор, вы мне эти таблетки прописали, чтобы я сильнее стал?» – «Да, а в чём дело?» – «Я пузырьёк не могу открыть».

Вахид Тожиевич остался невозмутимо-озадаченным, и Котов невольно засмеялся:

– Похоже, анекдоты тебе надо рассказывать дважды. А таблеточка, увеличивающая силы, не помешала бы.

Он сосредоточился на связи с внутренним пространством подсознания, где были записаны законы управления тхабсом, но не стал преодолевать порог «включения» магического оперирования. Деликатно «постучался в запертую дверь»:

«Я хочу, чтобы меня услышали жители этого мира. Как это сделать?»

По сознанию словно провели пушистой кисточкой, заставляя мысли «метаться и потрескивать», как электрические искорки.

«Эй, есть тут кто живой?» – мысленно позвал Василий Никифорович, ощущая эйфорический прилив крови к голове.

И тотчас же его мысленный голос набатом ударил с небес, покатился во все стороны, как гром после удара молнии.

Вздрогнул Самандар, хватаясь за рукоять ножа.

Вздрогнул сам Котов, не понимая, почему слышит мысленно произнесённую им фразу в звуковом диапазоне.

Из развалин и зарослей «паутинолеса» под стенами зданий города прилетело гулкое эхо, и всё стихло.

– Получилось? – осведомился Самандар.

– Не знаю, – смутился Василий Никифорович. – Опыта нет. Может, тхабс меня неправильно «понял».

– Но он все-таки послушался... – Самандар не закончил.

Мир вокруг потряс громовой рёв!

Здания-сосульки города, покрытые трещинами, зашатались, некоторые из них рухнули, превращаясь в облака белой сверкающей пыли. Площадь неподалёку от здания, на крыше которого стояли земляне, треснула, из её центра в небо ударил фонтан светящегося сиреневого тумана. Этот фонтан расплылся грибообразным облаком на высоте двухсот метров, чуть выше уровня крыши, и с треском превратился в самого настоящего циклопа: уродливая фигура с толстыми ногами, покатые плечи, громадный живот, волосатая грудь, блестящая безволосая голова-бугор с одним глазом, в руке гигантская палица с шипами. Циклоп заметил путешественников, поднял палицу.

– Кто меня звал?! – раздался гулкий, едва ли не уходящий в инфразвук голос.

– Мы, – ответил Василий Никифорович, отчего-то совсем не испытывая страха. – Кто ты?

– Я Асат, страж границы!

– Врёт, – хладнокровно заметил Самандар. – Асата уничтожил Удди, прямо на моих глазах.

– Я не вру, – прогрохотал циклоп, вздымая палицу выше. – Я не живое существо, я адаптированная программа контроля границы.

– Может быть, его кто-то восстановил? – предположил Василий Никифорович. – В другом облике?

– Возможно. Кто тебя воссоздал?

– Меня адаптировали под новые граничные условия.

– Кто?

– Мастер Мастеров.

– Инфарх, что ли? – хмыкнул Вахид Тожиевич. – Насколько мне известно, кресло инфарха уже год как вакантно. Кто его занял?

– Я его не видел, но, кроме него, никто не может реализовать программу контроля границ на таком уровне.

– Что же ты собираешься делать? Неужели попытаешься нас уничтожить?

– Мне приказано проводить вас туда, куда скажете.

Котов и Самандар озадаченно переглянулись.

– Ты что-нибудь понимаешь? – осведомился Василий Никифорович. – Кто мог знать, что мы собираемся путешествовать по «розе» в поисках Стаса и Маши?

– Это невозможно... если только...

– Что?

– Если только за нами не следит кто-нибудь из уцелевших иерархов.

– Кому мы нужны?

Самандар поднял голову.

– Кто приказал тебе помогать нам? И почему ты уверен, что мы – те самые люди, кому ты должен помочь?

– Вы позвали, я пришел. Знание у меня внутри. Но поспешите, здесь оставаться небезопасно.

– Почему?

– В «розе» продолжается охота на людей Круга, вас скоро вычислят и нейтрализуют.

– Странно, – заметил Василий Никифорович, – он свободно говорит по-русски...

– Он не говорит по-русски, – так же тихо отозвался Самандар. – Мы так воспринимаем его мыслеречь. Однако, если он прав, надо сматывать удочки.

– Куда? Домой?

– На одной из планет Галактики находится «тюрьма для героев», помнишь?

– Где сидели Иван Терентьевич и Уля?

– Предлагаю махнуть туда, пока Асат выполняет приказ неизвестного инфарха. Вдруг Стас тоже сидит там?

– У него синкэн...

– Кто знает, с ним меч или нет. Может быть, Стас попал под удар охотников за иерархами и промедлил.

– Не может быть!

– В любом случае давай начнём поиски оттуда. – Самандар посмотрел на циклопа, терпеливо дожидавшегося решения людей. – Ты в курсе, кто именно охотится на иерархов?

– Зверь Закона.

– Кто?!

– Его изгнали из Материнской реальности в «розу», и он начал охоту за иерархами Круга. Это всё, что мне известно. Поторопитесь, сюда кто-то идёт, я чувствую колебания границы.

– Посмотреть бы одним глазком на этого Зверя...

– Уходим, – твёрдо заявил Василий Никифорович. – Веди нас к «тюрьме героев». Знаешь, где она находится?

– Три миллиона сто сорок девять тысяч сто первый «слой»...

– Поехали!

Циклоп протянул огромную волосатую длань.

Земляне, обменявшись взглядами, влезли на неё.

Циклоп сжал их в ладони, свет в глазах путешественников погас...

Оба знали, что каждый мир-лепесток «розы реальностей», с одной стороны, является континуумом со своими физическими законами, с другой – материальным телом, таким, как планета или звезда. Достичь его можно было либо с помощью преодоления потенциального барьера, которым служит вакуум, космическая пустота, либо с помощью магического оперирования, то есть с помощью тхабса.

Но чтобы долететь до планеты на окраине Галактики, где в незапамятные времена кто-то соорудил «тюрьму для героев», потребовалось бы около десяти тысяч лет, даже если двигаться со скоростью света. Тхабс же перенёс циклопа и землян в этот «слой розы» мгновенно.

Море подсвеченного снизу голубоватого тумана.

Над ним торчат три десятка круглых, светящихся, как полупрозрачные стеклянные трубы, столбов с плоскими вершинами, диаметром от двухсот метров до километра.

Чёрное небо с незнакомым рисунком созвездий.

Циклоп вырос из тумана огромной горой, утопая в нём по плечи. Каждый столб возвышался над туманом всего метров на десять. Что скрывал туман в своей таинственной глубине, не было видно, как бы ни напрягали зрение путешественники.

– Мы на месте, – прогрохотал циклоп, держа раскрытую ладонь над туманом.

– Видим, – отозвался Самандар, озираясь. – Ты случайно не знаешь, кто сидит в каждой камере?

– Данная информация мне недоступна.

– Но, может быть, ты слышал о парне по имени Стас Котов? Он был оруженосцем Воина Закона.

– Нет, не слышал. Но в этой тюрьме не может быть заключён Воин Закона. Она для Посвящённых, не достигших ступени оперирования без ограничений.

– Кто её создал?

– Предтечи.

– Какие Предтечи? – заинтересовался Самандар. – Инсекты, Аморфы?

– Первые Думающие, задолго до Аморфов.

– Ну-ка, ну-ка, поподробней...

– Остынь, Вахид, – поморщился Василий Никифорович. – У нас нет времени для теоретических изысканий.

– Это же как раз по моей теме, – виновато покосился на него Самандар.

– Успеешь ещё заняться этой проблемой. Пошли искать Стаса.

– Как?

– Будем проверять каждую камеру. – Василий Никифорович кивнул на россыпь столбов, торчащих из тумана. – Другого пути нет.

– Не хотелось бы всё время сидеть у этого урода на ладони, – проворчал Вахид Тожиевич. – Неуютно здесь.

– Другого транспорта у нас нет.

– Может, он способен трансформироваться? – Самандар оценивающе посмотрел на циклопа. – Асат, нам неудобно стоять на твоей ладони, измени форму под летательный аппарат.

– Слушаю и повинуюсь, – проревел циклоп басом.

В следующее мгновение его тело вспухло, превратилось в клуб светящегося сизо-сиреневого дыма – кроме ладони, на которой находились земляне. Этот клуб с треском пророс ртутно-блестящей паутиной, съёжился, оделся корочкой и превратился в диск с прозрачным пузырьём кабины. Пузырь откинулся, приглашая пассажиров.

Переглянувшись, путешественники перелезли с ладони циклопа в кабину летательного аппарата, и ладонь рассыпалась тающими дымными хлопьями.

Никаких сидений в кабине не оказалось, но её высота была достаточна, чтобы люди стояли, не сгибаясь.

– Потерпим, – проворчал Василий Никифорович в ответ на взгляд спутника. – Асат, неси нас от столба к столбу.

– Слушаю и повинуюсь, – раздался в кабине тот же гулкий бас, хотя аппарат не имел ни рта, ни динамика, способных издавать звуки. Самандар был прав: голос стража границ «розы» люди слышали на мысленном уровне.

Аппарат скользнул к ближайшему столбу из мутновато-прозрачного стекла, представлявшему собой одну из камер планетарной тюрьмы, завис над ним.

Василий Никифорович напряг зрение.

С виду – глубокая шахта, освещённая свечением «стеклянных» стенок. На дне – рябь снежных барханов, застывшее озерцо с подсвеченной снизу зеленоватой водой. На берегу россыпь ледяных глыб и нечто вроде скелета, наполовину вмёрзшего в лёд озера. И ни следа жизни.

– Это и есть герой? – кивнул на скелет Вахид Тожиевич.

– Почему герой? – не понял Котов.

– Тюрьма ведь предназначена для геров, не так ли? Насколько я понимаю, её создал кто-то из Аморфов...

– Предтеч.

– Ну Предтеч, разницы мало. Причём этот создатель явно был Монархом Тьмы или же его папашей. А поскольку в любом социуме всегда находятся люди... э-э, существа, любящие свободу, они, естественно, начинают бороться с Монархом, и тот помещает их в тюрьму.

– Логично, – согласился Василий Никифорович.

– Вот мне и любопытно, кто этот герой, кому принадлежит скелет.

– Орилоуну, – отозвался Асат, ставший летающей тарелкой; он принял риторическое рассуждение Самандара за вопрос.

– Кому? – в один голос переспросили пассажиры.

– В вашей Галактике есть планета Орилоух с цивилизацией, организованной воплощёнными в разумные процессы математическими формулами. Это одна из таких материально реализованных формул.

– Бред! – хмыкнул Самандар. – Как это формула может быть разумной?

– На данный вопрос у меня нет ответа.

– Удивительный мир, – задумчиво проговорил Василий Никифорович. – Как мало мы ещё знаем. И как много, наверное, в нашей Вселенной цивилизаций и странных форм жизни.

Самандар промолчал. Асат тоже. Он реагировал только на прямые вопросы.

– Полетели дальше.

Диск с пассажирами переместился к соседнему столбу.

Такая же «глубокая шахта» с молочно-белыми полупрозрачными стенами, но пейзаж внутри другой.

Засохший, чёрный, растопырчатый, шипастый лес. Несколько голых бугров с асимметричными белыми скалами на вершинах. Ничего живого. Смерть и запустение.

– Никого не вижу, – пробормотал Самандар. – Асат, кто здесь сидит? То есть сидел?

– Маатанин.

– Расшифруй.

– Представитель цивилизации маатан, «живых энергоинформационных консервов».

– Неужели есть и такая форма жизни?

– В одном из «лепестков розы», сконструированном Предтечами.

– Как он выглядел, этот маатанин?

– Чёрная глыба на холме. И он ещё живой.

Самандар и Котов с одинаковым интересом глянули на глыбу, принятую ими за каменный останец.

– Никогда бы не подумал, что это разумное существо, – признался Василий Никифорович.

– Я тоже. Почему он не двигается? Спит? Медитирует? Находится в бессознательном состоянии?

Асат не ответил. Будучи конкретной программой контроля границы «розы», он знал лишь самое необходимое, что входило в его обязанности.

– Может, попробуем его освободить? – предложил Самандар.

– С помощью наших перочинных ножигов? – скептически отозвался Котов. – Нужен синкэн-гата. И если мы будем подолгу задерживаться возле каждой камеры, никогда не проверим всю тюрьму.

– Мы и так не сможем это сделать за один раз. Нужен другой подход.

– Какой?

– Сориентируй тхабс ещё раз, пусть позовет Стаса.

– Тхабс не радиопередатчик и не громкоговоритель.

– Тогда давай пошлём Асата, пусть осмотрит камеры сам, он сделает это гораздо быстрее.

Василий Никифорович почесал в затылке.

– Иногда ты меня поражаешь, старик. Отличная мысль. Давай обобщем ближайшую группу камер и отпустим Асата, раз уж он подчиняется нам. А сами подождём.

– Асат, ты всё слышал?

– Я понял, мастер.

– Действуй.

За несколько минут они облетели все столбы местного скопления камер в количестве сорока штук и убедились, что Стаса ни в одной из них нет.

Большинство камер-столбов пустовало, их узники давно умерли, и системы жизнеобеспечения планеты-тюрьмы перестали поддерживать внутри камер даже минимум бытия.

В двух отыскались пленники.

В одной камере – беловолосый гигант ростом с пятиэтажный дом; он сидел на берегу водоема, затянутый в комбинезон из блестящих выпуклых ромбов, и ловил рыбку обыкновенной – если не считать размеров – удочкой. На глядевших на него с «крыши» камеры землян он не обратил никакого внимания. То ли не заметил, то ли привык к своему положению и не верил, что его могут когда-нибудь освободить.

– Уэллс, – хмыкнул Василий Никифорович.

– Какой Уэллс? – не понял Самандар.

– Герберт. Читал его фантастику? «Человек-невидимка», «Война миров»...

– Читал в глубоком детстве.

– У него есть роман «Пища богов». Отведавшие этой пищи люди становились великанами. Этот парень внизу очень похож на одного из таких великанов.

– Не знаю, как насчёт персонажей уэллсовских романов, но скорее всего это атлант или гипербореец. По некоторым историческим данным, они тоже были гигантами.

– Но не пятнадцатиметрового роста. Наверное, это житель какой-нибудь другой реальности, допускающей такие размеры у её жителей. Жаль, что у нас нет синкэн-гата, освободили бы паренька.

– Кто знает, что у него не уме? Может, он свихнулся от долгого сидения взаперти, видишь, как спокоен? Возьмёт и порубает нас в капусту.

– Не порубает, – покачал головой Василий Никифорович. – Здесь сидят те, кто сражался с адептами Тьмы, выражая волю Воина Закона. Они не должны превращаться в своих антиподов.

Самандар покривил губы, но смолчал. Хотя у него было своё мнение на сей счет.

Пленником второй работающей камеры оказался самый настоящий гигантский... таракан! Точнее, существо, в облике которого было очень много от земного таракана, разве что оно имело пятиметровые размеры и носило на себе нечто вроде блистающих золотом доспехов.

– Бог ты мой! – с дрожью в голосе произнес Василий Никифорович. – Да это же...

– Блаттоптера сапиенс, – закончил Самандар бесстрастно. – Наш предок.

Это и в самом деле был представитель Инсектов рода Блаттоптера – «тараканов разумных», трансформированных когда-то Монархом Тьмы в людей. Он заметил зависшую над камерой летающую тарелку с пассажирами, мгновенно взбежал по вертикальной стене камеры вверх, ударился всем телом о прозрачную твердь крыши, прилип к ней, вцепившись всеми шестью лапами. Замер, глядя на землян единственным длинным фасетчатым глазом. Посвящённые тоже замерли, разглядывая предка, сохранившегося со времён расцвета цивилизации Инсектов.

– Как он выжил? – прошептал Василий Никифорович, словно пленник мог их услышать. – Ведь с момента Изменения прошли сотни миллионов лет.

– Возможно, время в камерах течёт медленнее, – предположил Вахид Тожиевич. – А возможно, он бессмертен.

– Бессмертие – миф.

– Мифы не растут на пустом месте. Вспомни Матфея, которому больше тысячи лет, Васиштху, который ещё старше.

– Но не сотни же миллионов лет. Скорее всего, создатель тюрьмы действительно играет в какие-то игры со временем. Однако нам пора двигаться дальше. Асат, высади нас на одном из столбов.

– На том, – показал пальцем Самандар.

Эта камера была вскрыта. В её крыше зияла рваная дыра, причем впечатление создавалось такое, будто по ней выстрелили сверху из огнемёта, и струя пламени расплавила её, так что материал крыши потек вниз и застыл сосульками и причудливыми фестонами.

Летающая тарелка высадила пассажиров на крыше пробитой камеры, и Асат умчался выполнять задание землян – искать человека по имени Стас и его спутницу Марию.

Таракан-пленник остался висеть спиной вниз на крышке своей камеры, продолжая смотреть в сторону землян. Он никоим образом не походил на людей, но Василию Никифоровичу стало его жаль. Каким бы уродливым он ни казался, он был героем в те времена, когда людей ещё не существовало, и его стоило уважать.

Самандар забыл о предке, как только спрыгнул на крышу соседней камеры. Подбежал к дыре, начал её изучать, прикладывая ладонь к полупрозрачным наплывам и краям. Как Посвящённый II степени, он мог *видеть* внутреннее строение объектов, считывать их параметры без всяких приборов и определять химический состав.

Василий Никифорович прошёлся по крыше, поглядывая на внутренний пейзаж камеры: бугры, рытвины бурого цвета, горы сизого пепла, полурасплавленные камни, – потом сел на краю столба, поджав ноги. Глотнул воды из фляги, застыл, уходя мыслями в себя. Пришла идея поэкспериментировать с тхабсом, раскрыть новые горизонты оперирования этой Великой Вещью Мира.

Однако ему не дали такой возможности.

Что-то изменилось вокруг. Будто где-то открылась дверь и выпустила клуб морозного воздуха, обдавший людей, заставивший их встряхнуться и оглядеться в поисках «двери».

На горизонте над пушистым морем тумана возникла точка, стремительно выросла в размерах, превратилась в летающую тарелку, а потом в циклопа.

– Уходите! – проревел он. – Я не смог его остановить!

– Кого? – оглянулся Самандар.

– Зверя Закона! Он уже здесь! Я попытаюсь задержать... – Асат не договорил.

Небо расколола колоссальная фиолетово-зелёная молния, вонзилась в ближайший столб-камеру, одев его в слой змеящихся молний, более тусклых и тонких. Этот слой молний свился в клубок, и напротив замерших людей возник из воздуха гигантский богомол!

Асат, взмахнув палицей, бросился на него и одним ударом отломил одну из мощных лап богомола с зазубренными краями. Богомол отшатнулся, разглядывая противника ничего не выражающими чёрно-блестящими глазами, затем встал на дыбы и ударил циклопа второй лапой. Асат подставил палицу, но это не помогло. Удар развалил палицу надвое и вколотил голову циклопа в плечи.

Воздух потряс гулкий грохот. Туманное море вскипело фонтанчиками. Затряслись столбы-камеры, грозя разлететься «стеклянными» брызгами.

Конечно, перед землянами сражались не существа из плоти и крови, рождённые живыми отцом и матерью, а реализованные материально информационные файлы, программы, созданные древнейшими обитателями «розы реальностей», но в данном случае это не имело значения. Они были реально и предельно опасны.

Сильно помятая голова циклопа выскочила из плеч, будто он был резиновым и кто-то его надувал. Мощная лапа дёрнулась к богомолу, ухватила его за когтистую лапу.

– Ножи! – выдохнул Самандар. – По глазам!

– Нереально... – начал Василий Никифорович.

– Ножи сделаны в матричной реальности, поэтому они являются почти идеальным оружием для «розы», так как изготовлены в условиях действия универсальных законов.

Котов колебался недолго.

– Бросаем!

Циклоп Асат каким-то невероятным усилием оторвал у богомола вторую лапу, но в это время у того отросла первая и могучим ударом разрубила циклопу плечо. В воздух выметнулась струя ало светящегося пара. Асат издал хриплый рык, от которого всколыхнулось море тумана, неловко взмахнул осколком палицы, начал падать.

Богомол повернул голову к столбу, на вершине которого стояли Посвящённые. У него стала отрастать вторая лапа.

В то же мгновение сверкнули, вращаясь, брошенные ножи, вонзились в громадные выпуклые глаза Зверя Закона, принявшего облик Инсекта. Богомол издал пронзительный скрип, уходящий в ультразвук, отшатнулся, тряся головой. Контуры его тела начали искажаться, плыть, перестраиваться, и через несколько секунд перед замершими землянами вытянулся гигантский змей с плоской мордой, напоминающей голову земной кобры. Глаз у него не было, но обидчиков своих он, судя по всему, видел.

– Уходим! – процедил сквозь зубы Василий Никифорович.

Змей метнулся вперёд, раскрывая пасть, норовя проглотить букашек-людей, но их на вершине столба уже не оказалось. Тхабс вынес обоих в земную реальность.

Глава 8

НАЁМНИК ТЬМЫ

Герман Довлатович Рыков, он же – Марат Феликсович Меринов, заместитель председателя Государственной Думы, давно вошёл в число людей, чья жизнь и смерть не зависели от слепого случая, амбиций, планов и претензий конкретных лиц, даже наделённых особыми полномочиями и властью. Будучи человеком Системы, он с помощью знаний, полученных при Посвящении в Круг, а также используя покровительство Монарха Тьмы, стал н а д Системой, в которую входили и государственная власть, и криминальное сообщество, и сам Внутренний Круг. В данном положении Союзы Неизвестных ему были уже не нужны, как инструмент корректировки реальности ради объективных выходов из тупиковых ситуаций и стабилизации социума. Но в то же время Союзы организовывали своеобразный энергетический эгрегор, подпитывающий их руководителя. Поэтому Рыков-Меринов и возглавил Союзы, став их верховным координатором, опираясь на немалые силы кардиналов, получивших Посвящение I и II степени.

В принципе, Союзы Неизвестных, в той форме, в какой они были созданы тысячи лет назад, перестали существовать после битвы иерархов с Истребителем Закона. Им на смену пришли спецкоманды иерархов Круга, взявших под контроль властные структуры отдельных государств. Но подчинялись они Рыкову, способному покарать любого, кто попытался бы поднять голову и возвысить голос против координатора. И жизнь на Земле кардинально изменилась, направляемая рукой «наёмника тьмы», ещё неспособного уничтожить её в один момент, но уже имеющего власть над душами большинства руководителей земной цивилизации.

Между тем мало кто из землян знал о существующем порядке вещей, и жизнь продолжалась.

Развивался научно-технический «прогресс». Спецслужбы воевали с террористами, получая от этого немалую выгоду. Бандиты жили припеваючи. Олигархи скупали яхты, виллы, футбольные и хоккейные клубы, веселились и с презрением плевали на законы и попытки

общественности ограничить их деятельность или отнять нажитые «непосильным трудом» миллиарды. Учителя учили. Ученики терпеливо учились, не понимая, к чему ведут реформы образования, направленные на «улучшение» образовательной системы, но в действительности ведущие к деградации общества.

И над всей этой сложнейшей системой социальных институтов стояла «Тень Дьявола» – авеши Монарха Тьмы, – воля координатора Круга Рыкова. Правда, этого ему было мало, поэтому Рыков с удовольствием экспериментировал с «человеческим материалом», используя для зомбирования людей уже разработанные гипноиндукторы индивидуального пользования «удав» и «пламя», метко названные в просторечии «глушаками» и «болевиками». На очереди были эксперименты с большими коллективами людей, разработанные ещё в начале двадцать первого века командами политехнологов, управляемых кардиналами Союзов Неизвестных. Эксперименты под названием «революция роз» – в Грузии, «оранжевая революция» – в Украине, «революция тюльпанов» – в Киргизии, а ещё раньше «малые революции» в Югославии, Чехословакии и Польше закончились успешно. На волне народного недовольства властью там были использованы прототипы зомбирующих систем, использующих распределённые элементы – телевидение, СМИ, радио, контроль сознания через лозунги, напитки, еду и оплату услуг.

В распоряжении Рыкова были уже новейшие кодирующие сознание системы, использующие принципы Великой Вещи Мира – кодона. Однако он надеялся в скором времени завладеть и другими Великими Вещами, хранившимися в МИРах, объявить Материнскую реальность своей вотчиной и замахнуться на «розу реальностей». Для достижения этой цели оставалось только найти хранилища Вещей, уничтожить самих Хранителей и стать главой тайной власти над Землёй.

Зазвонил телефон.

Герман Довлатович (Марат Феликсович) снял трубку, сказал одно слово: «Нет», положил трубку на место. Покосился на экран компьютера. На чёрном фоне в углу дисплея светился алый паучок «чёрного файла», похожий на китайский иероглиф цюань, код вызова Монарха. Однако вот уже больше месяца Монарх не выходил на связь,

не откликался на вызовы, несмотря на то что «чёрный файл» был для него чем-то вроде заклęcia, сопротивляться которому он не мог.

Марат Феликсович ткнул пальцем в клавишу селектора:

– Кофе.

Через минуту секретарша Инна, она же – личный телохранитель Меринова (Инна в совершенстве владела специфической системой рукопашного боя «амур», адаптированной под женскую психику и энергетику), принесла кофейный прибор. Склонилась над плечом, мурлыкнула:

– Кофе, Марат Феликсович.

Меринов бросил взгляд на её полуоткрытую грудь и не удержался, коснулся губами. Инна была красивой и, как говорят в таких случаях, сексапильной девушкой, от одного взгляда на которую у мужчин повышалось артериальное давление. Естественно, они были любовниками. Тем более что Марат Феликсович изменил внешность. Раньше, в облике Рыкова, он был невысокого роста, хилым, незаметным, с болезненным невыразительным лицом. Теперь же зам председателя Думы представлял собой красавца-мужчину, жгучего брюнета с волной блестящих волос, падавших на широкие плечи. Он и улыбаться научился – широко и обаятельно, что послужило дополнительным аргументом в пользу его выбора заместителем при распределении портфелей в Думе после выборов.

– Мне остаться, Марат Феликсович?

Меринов поборол искушение, качнул головой.

– Я тебя позову.

Секретарша упорхнула, длинноногая, молодая, упругая, красивая, зовущая.

Меринов усмехнулся, взялся за чашку с кофе.

Несмотря на то что среда третьего августа была рабочим днем, он с утра находился не в здании Думы, а в личном коттедже у Патриарших прудов, оборудованном всеми видами связи и компьютерным терминалом. Коттедж имел, кроме рабочего кабинета, три спальни, гостиную, кухню, бильярдный и каминный залы, библиотеку и оружейную комнату.

Охранялся он скрытно, так что со стороны ни одного охранника видно не было. Кроме парадного и служебного входов-выходов, имелся еще и подземный, о котором знал только хозяин. В личной

охране Марат Феликсович практически не нуждался. Посвящённый Внутреннего Круга его уровня мог гипнотически управлять сознанием любого незащищённого человека и предотвратить любое нападение. Однако после войны с Ликвидатором Круга Меринов (тогда еще Рыков) обзавёлся личным манипулом охраны под командованием Кости Мелешко, а также преданным во всех отношениях телохранителем, коим и стала двадцатилетняя Инна Гулая, программист по образованию, боец спецназа по призванию и стерва по поведению. Тем не менее Марат Феликсович ей верил. Точнее, знал, что она никогда его не предаст, потому что первым делом запрограммировал её на беспрекословное подчинение и безусловную преданность интересам босса.

Захотелось «стыковки». Марат Феликсович даже протянул руку к селектору, чтобы вызвать секретаршу «на ковёр», но в этот момент от компьютера ощутимо потянуло холодом, и Меринов забыл о своём желании.

Дисплей ноутбука ожил. Алый паучок в углу экрана переместился в центр, занял весь экран. Форма ноутбука изменилась. Напротив замершего хозяина кабинета уселся громадный кот с плывущими формами тела, посмотрел на Меринова чёрными глазами, от взгляда которых невозможно было отвернуться.

В голове Марата Феликсовича родился шипящий мяукающий *голос*:

«Ты еще не успокоился, наёмник? Я дал тебе силу Гамчикот^[2], чего тебе ещё не хватает?»

Меринов взмок, усилием воли постарался скрыть и свой страх и свою радость от контакта с Конкере, создателем человечества.

– Тебе нужна моя помощь, мне – твоя. Я могу вернуть тебя в Материнскую реальность, стать твоим авешей.

«Мне не нужна твоя помощь. Скоро я сам появлюсь в твоей реальности. Пора закончить то, что я когда-то начал».

– Не понимаю...

«Вы слишком самостоятельны, потомки тараканов, и также агрессивно непредсказуемы. Пора делать новое Изменение».

– Ты хочешь... нас уничтожить?!

«Трансформировать. Интересно, сможете вы сохранить вид, сделавшись такими же маленькими, как нынешние муравьи. Но кого-

нибудь из вас я оставлю для контроля за процессом. Будешь полезен, я оставлю тебя».

Меринов облизнул пересохшие губы.

– Я всегда... был полезен... я делал то, что ты приказывал...

«Продолжай в том же духе».

– Что прикажешь?

«Пока работай самостоятельно, я занят расчисткой плацдармов. Жди».

– Мне кое-что нужно... для более точного и быстрого исполнения твоих заданий.

«Конкретнее».

– Синкэн-гата, устранитель препятствий... другие Великие Вещи...

Кот-призрак открыл пасть, показывая почти человеческую улыбку.

«Нейтрализатор высших непреодолимостей уже у меня, он тебе не понадобится. О каких других Вещах идёт речь?»

– Ну, я знаю, что существует Иерихонская Труба... ещё её называют Свистком...

«Свисток – это система вызова Изначально Первого, она тебе тоже ни к чему».

– Тогда Книга Бездн, называемая также Бибколлектором, Щиты Дхармы, то есть Высшей Защиты... Интегрatron или Врата наслаждений...

«Ты вполне можешь обойтись и без них, имея тхабс».

– Укажи хотя бы, в каком из МИРов они находятся, я завладею ими сам.

«Тебе придётся сражаться с Хранителями».

– Это моя проблема.

«Интегрatron хранится в МИРе Ликозидов, под районом Москвы, который вы называете Строгино».

– Под Троице-Лыковской церковью? – удивился Марат Феликсович. – Но я там был неоднократно и видел лишь саркофаг царя Ликозидов...

«Он открыт лишь в определённый момент времени – в прошлом. Это секрет Хранителей. Все Великие Вещи Мира, оставшиеся им в наследие, хранятся не только в определённой точке пространства, но и в определённом моменте времени».

– Как же к ним подобраться?

«У тебя есть тхабс».

– Но я не...

Кот-собеседник сверкнул ставшими ярко-красными глазами, потерял чёткие очертания, превратился в ноутбук. На экране компьютера всплыла алая надпись: «Я скоро приду!» – потекла каплями, собралась в алого паучка, погасла.

Меринов выругался, откинулся на спинку стула, чувствуя странную усталость, будто он не меньше часа рубил дрова. Выключил ноутбук. Проговорил вслух:

– А ведь ты чего-то боишься, дьявол, раз отказываешься дать мне доступ к Вещам. Интересно, если ты реализуешь новое Изменение, кем я буду править? И на хрена мне это нужно?

В кабинет заглянула Инна:

– Вы меня звали, Марат Феликсович?

Меринов очнулся.

– Заходи.

Через минуту они сжимали друг друга в объятиях на толстом, ворсистом, роскошном ковре посреди кабинета...

Мелешко не отвечал, и Марат Феликсович позвонил своему помощнику в Думе:

– Лёва, где Константин?

– Не знаю, Марат Феликсович, – виновато отозвался Лев Виссарионович Столин, прозванный Сталиным за сходство с прототипом. – Я его со вчерашнего утра не видел.

– Найди, он мне нужен.

– Слушаюсь. Когда вас ждать в Думе?

– Не знаю, планы изменились. Я хочу провести эксперимент сегодня, часа через два. Предупреди Симона.

– Будет сделано.

Меринов бросил мобильник на стол, глянул на часы. После разговора с Монархом он действительно изменил планы на день и теперь хотел проверить работу «Большого глушака», способного гасить сознание целых коллективов людей, а также отсасывать у них энергию. Комплекс «отсоса» был смонтирован в самом высоком здании Сити-центра, где у Меринова тоже была своя резиденция, и

знали об этом всего три человека, принимавшие участие в разработке системы зомбирования. Строители и монтажники, устанавливавшие её в здании, понятия не имели, чем занимались, считая, что монтируют аппаратуру телецентра. К тому же все они были закодированы и вскоре после монтажа все как один забыли о своей работе.

– Поехали, – сказал Меринов, появляясь в холле коттеджа, играющем также роль приёмной.

Инна с готовностью выскочила из-за столика с пластиной ноутбука и селектором связи. Прижалась к нему горячим телом. Она была ненасытна, как пантера, и могла заниматься сексом несколько часов кряду. Но Марат Феликсович уже утолил утренний сексуальный голод и думал о другом.

– Не мешай.

Секретарша мгновенно превратилась в деловую женщину, перестала соблазнять шефа своими прелестями, распахнула входную дверь.

– Куда едем?

– В Сити.

Охранник, предупреждённый об отъезде хозяина, подогнал агрессивного вида «Кадиллак STS-V» цвета «платиновой седины». Инна села за руль, включила CD-чейнджер: Меринов любил слушать громкую ритмичную музыку.

Водила автомобиль она по-мужски решительно и нагло, профессионально, часто нарушая правила. Но инспекторы ГАИ машины Меринова, снабжённые депутатскими «опознавалками», не останавливали.

Свистнул мобильник.

Инна приглушила музыку, реагируя на всё происходящее в «сфере охраны» с похвальной быстротой.

Меринов поднёс трубку к уху.

– Прошу прощения, Марат Феликсович, – послышался подобострастный голос Столина. – Через час будет голосование по законопроекту «Б». Вы будете?

Меринов хотел ответить «буду», и в этот момент вдруг в голову пришла идея испытать кодон-систему «Большого глушака» на депутатах Думы. Законопроект, о котором шла речь, представлял собой базовую стратегию государства в области национальной безопасности,

и его надо было «завалить», поскольку он не устраивал главного кукловода Думы – самого Меринова.

Законопроект этот предложил секретарь Совета безопасности Фоменко, разработавший систему вполне определённых критериев оценки безопасности страны, в которую входили системный подход к защите экономики, устранение диспропорций в развитии регионов, увеличение финансирования российского научно-технического потенциала, решение демографической – в первую очередь – и экологической проблем, а также борьба с терроризмом. В основе всех этих проблем лежал объективный спад доверия граждан ко всем структурам власти и государственным институтам, а ликвидация проблем выбивала почву из-под ног противников России, первым из которых был Марат Феликсович Меринов.

– Лёва, я занят, – сказал он. – В двенадцать часов будь готов покинуть зал заседаний.

– Зачем?

– Не задавай глупых вопросов.

– Хорошо, – после паузы ответил Столин, панически боявшийся шефа.

– Вы хотите нанести пси-удар по Думе? – улыбнулась Инна.

– Догадливая, – проворчал Марат Феликсович, несколько озадаченный прозорливостью секретарши. Конечно, у него был разработан план экспериментов по зомбированию населения, в который входило тестирование системы на коллективах школ, общежитий высших учебных заведений, театров, заводов, станций метро, воинских частей, но можно было начать и с Государственной Думы, в зале заседаний которой иногда собиралось более трёхсот человек.

Комплекс «Большого глушака» занимал почти весь двадцать девятый этаж здания-иглы Сити-центра. Охранялся он скрытно, как и другие объекты, принадлежащие Рыкову-Меринову. Программировал его и отлаживал Симон Степчук, доктор биологических наук, специалист в области полевых взаимодействий, ученик знаменитого своими экспериментами с омоложением академика Гаряева. В середине девяностых годов прошлого века он уехал в Канаду, оказавшись невостребованным на родине, где и отыскал его кадровый вербовщик Рыкова, предложив вернуться в Россию на любых

условиях. Симон (его редко называли по имени-отчеству – Симон Потапович) согласился и с тех пор работал в лабораториях Рыкова, позже – Меринова, принимая участие в доработке суггесторов «удав» и «пламя». Он был редкостным трудоголиком, энтузиастом дела, мог сидеть за компьютером по десять дней кряду, не выходя из лаборатории, а главное, никогда не интересовался, где и для чего будут применяться созданные им устройства. Ему был важен результат, а не последствия применения того или иного прибора.

Меринова и его спутницу охрана самого высокого в Европе здания пропустила без досмотра и контроля. Ему достаточно было бросить взгляд на охранников, контролирующих вестибюль здания, чтобы те потеряли к нему всякий интерес. Однако с изменением внешности он изменил и имидж, предпочитая, чтобы его узнавали и реагировали, как на появление президента. Что, собственно, и происходило каждый раз, когда «Кадиллак» заместителя председателя Думы въезжал в подземный паркинг здания-иглы.

Поднялись на двадцать девятый этаж.

Вежливый молодой человек в синей униформе (формально он работал на БОКС – Бюро охраны коммерческих структур, неформально – служил бойцом манипула охраны Меринова) привстал за кольцевым столиком монитора, открыл дверь в круглый холл этажа с рядом кремового цвета дверей. Марат Феликсович вошёл в дверь с табличкой «Оперслужба БГ».

Помещение за дверью было невелико и представляло компьютерный терминал, позволяющий его хозяевам работать в параллели с мощными вычислительными системами большинства научных институтов страны. Все пять столов с объёмными дисплеями были заняты мужчинами и женщинами в белых халатах, с ажурными шлемами на головах. Ни один из операторов не посмотрел на гостей и не поздоровался. Люди были заняты делом.

В углу помещения открылась ещё одна неприметная дверь.

Меринов и секретарша прошли дальше, приостановились на галерее, опоясывающей центральный зал этажа со сложной многохоботной установкой в центре, сверкающей стеклом, хромированными деталями, золотыми гофрами и ослепительно белым фарфором ажурных конструкций. Это и был «Большой глушак», генератор пси-излучения, способный посылать зомбирующий луч в

любую точку города и даже в другие города страны, а также «отсасывать» пси-энергию объектов, попавших под луч. По залу ходили люди в бежевого цвета халатах, но до галереи не долетал ни один звук: работала особая система защиты помещения, не позволявшая его прослушивать ни одному существующему аудиосканеру.

– А это что такое? – спросила Инна, замороженная зрелищем.

Марат Феликсович проследил направление руки спутницы, указывающей на устройство, похожее на ствол пушки, обмотанный фарфоровой спиралью.

– Осциллятор.

– Он стреляет?

– Он возбуждает особое поле, спин-торсионное.

– Зачем?

– Чтобы сформировать луч и фрустрировать сознание любого человека.

– Он и меня может... фрустрировать?

Меринов усмехнулся.

– Хочешь испытать?

Инна повела плечиком, покосилась на патрона.

– Лучше не надо.

За спиной Меринова появился мужчина в белом халате, с покатыми плечами борца. Голова у него была круглая и выбритая до зеркального блеска. Черные глаза под мощными мефистофельскими бровями смотрели с мрачной неприветливостью, будто он был недоволен прибытием гостей. Это и был руководитель лаборатории Меринова Симон Степчук.

– Всё готово, Марат Феликсович.

– Идёмте.

Они вернулись в операторскую, миновали ряд дверей и зашли в помещение с одним столом и терминалом компьютера «Марк III». У стола стояли всего два стула, напротив каждого свисали с необычной формы кронштейнов мозаично-ажурные шлемы для прямого подключения оператора к виртуальной операционной зоне компьютера.

Симон указал на стул с мягкой спинкой, подождал, пока руководитель проекта займёт место, сел рядом. Инна осталась стоять

за спиной босса.

Симон натянул на голову шлем, кивнул соседу.

Маршал Сверхсистемы взялся за шлем, и в этот момент сверчком засвиристел мобильник. Звонил Столин:

– Марат Феликсович, Мелешко нашли.

– Что значит – нашли? – не понял Меринов.

– В парке Сокольники. Ничего не соображает, не разговаривает, состояние полной прострации. С ним был лейтенант Шнур, он утверждает, что на них напали какие-то седые старцы... и больше он ничего не помнит.

Лицо Меринова изменилось, пальцы руки, держащей трубку телефона, скрючились.

– Седые старцы?

– Так точно, хотя он их почти не помнит. Взяли Костю и Шнура внаглую, прямо в Думе, на служебном выходе.

– Внаглую... – Узкие губы Меринова побелели, глаза сузились. – Так работали только мои давние знакомцы... но они уже год как сошли со сцены...

– Кто?

– «Чистильщики».

– Какие чистильщики?

– Всё, Лёва, потом поговорим. Где они?

– Шнур на базе, с ним возится Вахтанг, Мелешко в больнице.

– Заседание началось?

– Как раз сейчас будут обсуждать законопроект.

– Уходи из зала.

– Слушаюсь, Марат Феликсович.

Меринов отключил телефон, повернул голову к Инне.

– После эксперимента немедленно займёшься Костей Мелешко и Шнуром. Есть подозрение, что на них вышли... мои злейшие друзья. Но если это они...

– Хорошо, Марат Феликсович.

– Заводи трактор, – кивнул Меринов Симону.

Над круглым столом монитора встал столб светящегося воздуха, превратился в прозрачный, «стеклянный», зеленоватый стакан диаметром в один метр.

С потолка на сидящих за столом людей опустилась многосегментная антенна в форме пирамиды.

Под пальцами Симона засветилась наклонная панель управления монитором, каждая ячейка которой служила сенсором включения определённых информационных файлов.

Очки шлема на голове Меринова посветлели, стали прозрачными, и целевые крестик и колечко на их стеклах как бы повисли в воздухе, повинаясь движениям глазных яблок оператора.

Внутри «стакана» – объёмной операционной зоны компьютера – возникла карта Москвы.

– Объект? – проклянул сквозь глухую вату наушников голос Симона.

– Госдума, – ответил коротко Марат Феликсович.

Карта Москвы, видимая как бы со спутника, изменила ориентацию, центр столицы скачком вырос в размерах, распался на здания, улицы и площади. Стали видны крыши новой гостиницы «Москва» с десятком разнокалиберных антенн и здания Государственной Думы на Красной Пресне, на месте стадиона «Асмарал», с ещё большим количеством антенн. Затем весь объём экрана занял светящийся зеленоватый скелет главного корпуса Думы.

– Координаты?

– Второй этаж, зал заседаний.

Симон, нисколько не озабоченный происходящим, шевельнул пальцами над виртуальной клавиатурой компьютера.

Алыми линиями обозначился контур зала заседаний на втором этаже Думы.

– Какой режим?

– Сначала подавление воли, потом «отсос».

– Мы ещё не включали машину в режим «отсоса».

– Вот и попробуем.

Воздух в комнате словно загустел, превратился в желе. Это включилась линия обратной связи с генератором излучения «Большого глушака». В душе Марата Феликсовича на мгновение шевельнулся страх: он вспомнил бой с Посвящёнными в Битцевском лесопарке. Тогда их силы были примерно равными, и Рыкову на всю жизнь запомнилось струнное гудение воздуха в потоке пси-выстрела, который заставил его отступить. Однако времена изменились, теперь

он и сам мог повелевать природными полями и пси-излучением не хуже любого генератора. Но «Большой глушак» здорово увеличивал его возможности.

В столбе видеообъема откололась часть изображения, показав внутри Сити-центр со зданием-иглой. В центре здания загорелся красный огонёк, от него к зданию Думы протянулся оранжевый лучик.

– Связь, – бросил Марат Феликсович.

На стене помещения перед сидящими людьми налился жемчужным свечением метровый плоский экран, протаял в глубину, показывая зал заседаний Государственной Думы со стороны председательского подиума. Зал был заполнен всего на треть, количество участвующих в заседании депутатов до трёхсот не дотягивало.

– Мы готовы, – посмотрел на патрона Симон.

– Начинай.

– Первая фаза!

За стеной комнаты лязгнуло. Тихо вскрикнула Инна, вцепившись в спинку стула, на котором сидел Меринов.

Лучик света в объёме экрана, соединявший здание-иглу и Думу, на мгновение стал толще и ярче.

И тотчас же в зале заседаний Думы установилась полная тишина. Депутаты замерли на местах, а те, что ходили по рядам, опустились на пол, будто их выключили. Депутат, выступавший с трибуны, замолчал на полуслове, вытаращил глаза, медленно опустил голову на трибуну.

– Дальше! – нетерпеливо потребовал Меринов.

– Фаза два, – пробормотал Симон, поглощённый зрелищем внезапно потерявших волю депутатов; видимо, на него тоже произвел впечатление факт прямого пси-воздействия на достаточно большую группу людей.

По залу пронёсся общий вздох. Депутаты зашевелились, подняли головы, продолжая оставаться в состоянии оцепенения.

– Лёва, зайди в зал, – включил мобильник Марат Феликсович. – Задействуй процедуру голосования.

В зале появился невысокий толстый человечек с лысиной на полчерепа, в сером костюме. Он повозился за столом председателя собрания, нервно оглядываясь по сторонам, и на сцене загорелся экран голосования.

– Предлагаю законопроект отклонить, – сказал Столин в микрофон жидким голосом. – Вернуть на доработку. Голосуйте!

На экране вспыхнули зелёные цифры: двести девяносто три – за предложение, ноль – против, пятьдесят семь – не присутствует.

– Хорошо, – сказал Меринов с удовлетворением. – Теперь «отсос».

– Фаза три! – бросил возбуждённый Симон; чёрные глаза его горели, в них плавилась жадный интерес и фанатическая сосредоточенность на деле.

– Там же Лёва, – напомнила Инна.

– Ничего с ним не случится, – отмахнулся Меринов.

За стеной лязгнуло еще раз.

Лучик света, соединявший здания Думы и Сити-центра, стал фиолетовым.

И тотчас же в голову Марата Феликсовича хлынул прозрачный *лунный* свет, разбежался горячими струйками по жилам, заставил трепетать мышцы в удивительном экстазе! Он вздрогнул, восхищённо выругался, широко раскрывая глаза. Захотелось немедленно что-то сделать: подпрыгнуть, проломить стену ударом кулака, разбить вдребезги аппаратуру лаборатории, убить кого-нибудь, закричать, чтобы все оглохли! Выкачанная из депутатов пси-энергия клокотала в нём, как лава в жерле вулкана, переполняя сердце и душу, доставляя неизъяснимое удовольствие! Он сорвал с себя шлем, смял его в руках как бумажный лист!

– Отсечка! – дрожащим голосом скомандовал Симон.

Лучик в экране погас. Депутаты в зале заседаний все как один потеряли сознание.

Взгляд Марата Феликсовича упал на секретаршу, изумлённую происходившими с шефом метаморфозами. Он протянул к ней руки, встал, начал срывать с неё одежду.

Симон снял свой шлем, глядя на руководителя проекта с любопытством и недоверием. Таким он его ещё не видел. Хотя понимал, что энергия, полученная шефом, требует выхода, и секс был самым доступным и безопасным средством её погасить.

– Вон! – хрипло выдохнул Меринов. – Пошел!

Симон нажал клавишу отбоя программы и бочком выскочил за дверь.

Эксперимент закончился.

Глава 9

ОТКРЫТИЕ МИРА

В Москву Артур прилетел в смятении чувств.

Увиденное в Туре потрясло его настолько, что он забыл и об алмазах, и о своих планах, и о проблемах брата, пострадавшего от бандитов за неуступчивость и желание работать честно и справедливо.

Рассказывать Чимкуту о том, что он видел, Артур не стал. Посоветовал обратиться в органы, нанять телохранителя и вести себя осторожнее. В принципе, больше он ничем брату помочь не мог, разве что попросить своего нового знакомого при встрече подстраховать Чимкута. Но согласится ли Тарас на это, было неизвестно.

Жил Артур в районе Химкинского водохранилища, в круглом восемнадцатизэтажном доме, принадлежащем Северному парку – жилому комплексу с полной инфраструктурой. В комплекс входили еще две высотки – прямоугольная башня и двойная пирамида со срезанной вершиной, высотой в сто метров, а также супермаркет, кинотеатр, поликлиника, ресторан, кафе, боулинг-клуб и сауна. Квартиру в этом районе Артур получил три года назад, благодаря стараниям отца, работающего в строительной компании «Домострой» стиливым архитектором. Площадь квартиры имела небольшую, всего в семьдесят два квадратных метра, зато отделку Артур заказывал сам и теперь с удовольствием возвращался домой из длительных походов по миру, чувствуя здесь себя уютно и комфортно. Двух комнат, при отсутствии семьи, ему вполне хватало.

Отпустив такси, доставившее его из аэропорта, он распаковал походную сумку, полюбовался на алмазы (пришлось рискнуть и сдать их в багаж вместе с остальными вещами), принял душ и рухнул на кровать в блаженном расслаблении.

Но сон не шёл. Память то и дело прокручивала события последних дней: драку с бандитами, нападшими на Чимкута, встречу с незнакомцем по имени Тарас, имевшим отношение к самому настоящему колдовству (а как иначе можно было назвать то, что он демонстрировал?!), и видение удивительного замка под землёй,

который, по словам Тараса, построили Акридиды, разумные саранчовые.

Артур встал, выпил на кухне кружку кефира из холодильника, лёг снова. Задремал. Проснулся. Опять задремал. И проспал таким манером десять часов подряд. Сны какие-то снились, но он их не помнил, за исключением последнего, где промелькнула фигурка женщины в белом, которую он увидел с проводником Увачаном на берегу реки Джелиндукон. Бледное лицо незнакомки, то старое, в морщинах, то молодое, очень красивое и притягательное, было печально, а в больших зелёных глазах таилась боль неведомой утраты. Захотелось встретить её ещё раз, предложить вместе поужинать, расспросить, кто она такая...

Артур улыбнулся. Его мечта была из разряда детских, а детские мечты, как говорил опыт, сбываются редко.

Размышляя о своих приключениях, встречах и мечтах, он привёл себя в порядок, побрился, с минуту разглядывал собственную физиономию, «в меру мужественную и умную», как говорят в таких случаях. Женщинам его лицо нравилось, ежели судить по лёгкости предлагаемых им знакомств, а вот самому Артуру оно казалось слишком утончённым, изнеженным, мечтательным, несмотря на присутствие твёрдого подбородка. Ему не мешало бы добавить жёсткости и решительности, что всегда отличает мужчин с властным и независимым характером.

Взгляд упал на телефон.

Пора было устраивать своё бытие, решать проблему с продажей алмазов, встречаться с родителями, намечать план дальнейших действий. Чудеса кончились. А жизнь не стояла на месте, требуя соблюдения раз и навсегда заведённого порядка.

Полтора часа он сидел на телефоне, обзванивая друзей и знакомых, способных помочь ему освободиться от найденных алмазов. Его так и подмывало рассказать им о своих встречах с «колдуном» и о том, что Артур там видел. Правда, всё чаще приходила мысль, что замок Акридидов ему просто привиделся, уж очень необычным становился мир вокруг, если принять на веру слова Тараса о предках людей, Инсектах, некогда населявших Землю. Но все-таки Артуру хватило сил не делиться с друзьями своими эвенкийскими

впечатлениями, а когда он при личной встрече с Пашей Белокуровым, другом детства, чуть было не проговорился о беседе с Тарасом, вдруг показалось, что за ним – встреча происходила в кафе на Арбате – кто-то следит, и он вовремя прикусил язык.

Ощущение слежки возникало у него и потом, в течение дня, когда он метался по Москве в поисках покупателя алмазов. В конце концов Артур махнул на это рукой, полагая, что если это не милиция, узнавшая о «контрабанде», то с частными лицами договориться легче, тем более что никакой особой вины он за собой не чувствовал.

Наконец давний приятель, бывший врач-психиатр, а ныне художник и скульптор Валера Близнюк, вывел его на ювелира, как он утверждал, занимавшегося скупкой и огранкой алмазов.

– Только будь с ним осторожен, – предупредил лохматый и бородатый Валера, летом и зимой ходивший в «богемных» кожаных штанах и безрукавке и оттого мучившийся неимоверно. – Вова Березин человек с норовом, может и отказать. Не торгуйся с ним, бери то, что предложит.

– А если он даст мало?

– У тебя есть выбор? – пожал плечами Валера. – Не понесёшь же ты алмазы в госучреждение. Зато этот мужик не побежит в милицию сдавать тебя как контрабандиста.

С этим напутствием Артур и поехал на встречу с ювелиром, назначенную в метро, на станции Полежаевская.

Неизвестно отчего, то ли вследствие утренних размышлений, то ли от ощущения слежки, но восприятие его обострилось, и спускался он на платформу метро «Полежаевская» в состоянии неуютного беспокойства. Снова стало казаться, что за ним кто-то скрытно наблюдает, в толпе пассажиров то и дело мелькали подозрительные лица, спину кололи чьи-то взгляды, а стоило оглянуться, люди отворачивались, что только усиливало подозрения и заставляло нервничать и суетиться.

Ювелира он узнал почти сразу: в центре платформы, прислонясь к колонне, стоял крупнотелый мужчина с коротким седым ёжиком волос и седыми усами, и читал газету. На нем была гавайская рубашка с лианами и мартышками, джинсы и кроссовки, на плече висела черная кожаная сумка. Но подходить к нему не хотелось. Чувства Артура

обострились настолько, что он буквально носом чуял исходящий от седусового запах угрозы.

Что-то твёрдое уткнулось в спину.

– Не дёргайся, ламдон, – раздался над ухом ломающийся басок. – Дядя ждёт. Топай к нему.

Артур покосился на говорившего.

Невысокий, коротко стриженный, на лице – печать особого мироощущения, называемого одним словом «отморозок». А рядом еще два таких же мордоворота.

Заныло под ложечкой. Артур сглотнул слюну, покорно двинулся к ювелиру, опустившему газету и в упор глянувшему на него. Сопротивляться было бесполезно. Бандиты наверняка пришли на встречу не с пустыми руками, даже если в спину Суворову упирался не ствол пистолета, а зажигалка.

Внезапно что-то произошло.

Твёрдый предмет перестал сверлить дырку в спине Артура. Парень, державший его, тихо ойкнул, опускаясь на платформу. За ним, вытаращив глаза, легли его напарники, хотя к ним как будто никто не прикасался. Твёрдая горячая рука взяла Артура под локоть, подтолкнула вперёд. Он вздрогнул, узнавая «колдуна» из Туры.

Тарас, в ослепительно белом костюме, подвёл его к замершему ювелиру, вежливо коснулся пальцами виска.

– Деньги принёс?

– Чего? – выкатил глаза ювелир, глядя то на лежащих спутников, вокруг которых уже начал собираться народ, то на приблизившуюся к нему пару.

– Деньги принёс? – терпеливо повторил Тарас.

– А ты к-кто?

– Мент в пальто, – с иронией сказал Тарас. – Не оглядывайся, кругом мои люди. Побежишь – схлопочешь пулю в затылок. Сколько принёс?

– М-мы хотели...

– Развести лоха, не так ли? А потом замочить. Хороший план. – Глаза Тараса заledenели. – Сколько у тебя с собой, валет червонный?!

– Д-десять косух... зеленью...

– В сумке?

– Д-да...

- Что там ещё?
- Букет... бухарики... полова...
- Хорошо блатную музыку знаешь, сидел?
- Трёшник...
- Давай сумку.

Ювелир безропотно снял с плеча сумку, протянул Тарасу.

Разговор в таком же духе продолжался еще какое-то время. Артур переводил взгляд с одного на другого, ничего не понимая. Выдавил, наконец:

- Вас Валера прислал? Вы ювелир Березин?

Тарас усмехнулся.

– Ошибся ваш Валера. Этот мерзавец-ювелир, да не тот. Работает на преступную группировку «29», не так ли, дражайший? На её счету как минимум двадцать одно убийство, сотня грабежей, продажа людей в рабство и так далее, и тому подобное. Великолепный послужной список.

- Фигня... – прохрипел побледневший ювелир.

– Вожак этой стаи – некто Власов по кличке Шурин, – продолжал Тарас тем же насмешливо-презрительным тоном. – В боссах ходят также Наиль Нуриахметов по кличке Одноглазый, Валера Слободин – Ванан, Рузал Асадуллин, Рамиль Валеев, Алик Салихов, мастер восточных единоборств, между прочим. Редкая сволочь. Ну, а наш друг Вова Березин не только действительно ювелир со стажем, но ещё и казначей банды, и работает он не на себя, а на босса Шурина. Не так ли, господин Березин?

Кадык седоусого судорожно задёргался. Было видно, что он вот-вот хлопнется в обморок.

– Иди пока, – бросил Тарас. – Передай боссу, что им скоро займется «чистилище», материал о банде уже собран.

Ювелир вздрогнул, повернулся и, деревянно переставляя ноги, зашагал к выходу из метро.

– Подожди! – Тарас повернулся к обалдевшему от происходящего Суворову. – Где камни?

Артур протянул ему коробочку с алмазами.

Тарас выбрал три камешка, сунул ювелиру в руку.

– Это тебе в обмен на твои деньги. Теперь иди.

Тарас оглянулся на парней, сопровождавших казначея группировки «29». Те уже оклемались, но чувствовали себя не лучшим образом.

– Откуда вы знаете... о них? – выдавил Артур.

– Умею читать мысли, – усмехнулся «колдун», и Артур сразу ему поверил, хотя скажи ему это кто-то другой – покрутил бы пальцем у виска.

Они двинулись сквозь поток выходящих из электропоезда пассажиров к лестнице, ведущей в холл северного выхода метро. Вдруг Тарас остановился так внезапно, что идущий следом Артур ткнулся ему носом в спину. Показалось, в зале похолодало. Пришло знакомое раздражающее ощущение подглядывания.

– Чёрт побери! – с расстановкой проговорил Тарас.

– Что проис... – заикнулся Артур.

– Закройся!

– Что?!

– Заблокируй сферу сознания!

– Как?!

– Представь, что голова окружена зеркальным экраном, отражающим свет и любой материальный предмет, даже пулю!

Артур послушно представил вокруг головы зеркальный шар, и в тот же момент его с силой ударили по затылку! Точнее, он почувствовал удар, хотя никто его, конечно же, не бил.

В глазах потемнело, завертелись огненные колёса, ноги ослабли. Но всё же сознания он не потерял, хотя голова гудела, как колокол от удара билом, а по телу разлилась волна странной слабости. Затем он увидел, что творится вокруг, и встряхнулся, озираясь.

Толпа пассажиров, высыпавшая из двух одновременно прибывших электропоездов, повела себя необычно. Люди останавливались и безвольно опускались на пол, глядя перед собой ничего не видящими глазами. Многие из них теряли сознание, некоторые хватались за голову, дико осматриваясь, но потом тоже садились на платформу, ложились и замирали. Через несколько секунд вся платформа метро была заполнена сидящими и лежащими телами. Ни криков, ни стонов, ни разговоров, ни шума шагов, полная тишина, если не считать гудения электромоторов остающихся на месте метрпоездов.

Артур перевёл взгляд на спутника.

Тарас стоял, подняв руки над головой ладонями вверх. Пальцы рук светились, и по ним стекали вниз лёгкие струйки электрических искр, образуя нечто вроде зонта – над самим Тарасом и над Суворовым.

– Что происходит?!

– Рыков балуется с «глушаком», – процедил сквозь зубы Тарас.

– С чем?!

– С психотронным генератором большой мощности. Уходим отсюда.

Они торопливо выбрались наверх, видя и в переходе ту же картину – сидящих и лежащих в безвольной прострации людей. Сели в серебристую «Инфинити FX-55». Тарас объехал скопление машин и маршруток на стоянке возле выхода из метро, направил свой хищно выглядевший аппарат по улице Зорге, свернул во двор длинного двенадцатиэтажного дома, остановил машину.

– Как ты себя чувствуешь?

– Нормально, – запинаясь, ответил Артур. – Вы сказали – Рыков балуется с...

– К сожалению, технический прогресс не стоит на месте. Год назад в распоряжении этого мерзавца были только «глушаки» индивидуального пользования, теперь же он владеет психотронной системой, способной загипнотизировать крупные массы людей.

– Кто такой Рыков?

– Авеша Монарха Тьмы, тёмный аватара, в планах которого создать «эгрегор тьмы» с помощью тотального зомбирования населения Земли и стать полновластным властелином матричной реальности.

– Какой реальности?

Тарас досадливо поморщился.

– Отвыкай задавать лишние вопросы, ищи главные. А чтобы ты представлял, с чем и с кем тебе предстоит иметь дело, я попытаюсь вкратце рассказать тебе историю Материнской реальности. Возникающие по ходу рассказа вопросы задашь потом, договорились?

– Я хотел бы...

– Насколько мне известно, никаких срочных дел у тебя в ближайшее время не предвидится, поэтому потерпи полчаса. Кстати,

Светлена не ошиблась, у тебя действительно хороший итерационный пси-запас, что даёт нам маленький шанс победить.

Артур хотел спросить: что такое итерационный пси-запас? – но прикусил язык.

Тарас понимающе усмехнулся.

– Правильно. Итак, поехали. Не берусь утверждать, что знаю, кто создал нашу земную «запрещённую реальность», имеющую значение матричной или Материнской. Условимся называть его Безусловно Вторым.

– А Безусловно Первый тогда что сделал? – не удержался Артур от наивного выражения чувств.

– Хороший вопрос, – кивнул собеседник. – Хотя опять же лишний. Безусловно Первый сотворил Большую Вселенную, известную в определённых кругах как Древо Времён. Однако не будем отвлекаться. Для нас важно не это, а что было потом. Так вот, первой на Земле была реализована Культура Хаоса, авторы которой – Предтечи, предки Аморфов, те же в свою очередь создали Культуру Разумных Переходных Систем типа планет. Им на смену пришли Инсекты, создавшие Культуру Форм, опиравшуюся на геометрические свойства континуума. Им удалось даже создать, вслед за Предтечами, некоторые Великие Вещи Мира, способные структурировать пространство и время.

– Какие?

– Ну, к примеру, синкэн-гата или «духовный меч познания», имеющий достаточно широкий диапазон магического оперирования. Он может даже использоваться как оружие. Затем Кодон – программатор психики. Гхош – Переводчик Необъяснимого. Врата Наслаждений. Интегратор – генератор бессмертия или, точнее, вечного омоложения. Щиты Дхармы или Высшей Защиты. Саркофаги – пра-суперкомпьютерные комплексы для «возбуждения» тхабса.

– Я второй раз слышу от вас это слово...

– Сегодня мы попробуем инициировать его у тебя.

– И где же все эти Вещи?

– Существуют еще два десятка Великих Артефактов, созданных Предтечами, Иерихонская Труба, к примеру, система вызова Творца, Инфран – распознаватель Тьмы, Умертвие или Игла Парабрахмы – «абсолютное оружие», импульс которого останавливает в с е

энергоинформационные процессы в материи, и так далее. А хранятся Вещи в «модулях иной реальности», один из которых я тебе уже показал. Идём дальше. Аморфу Конкере, прозванному впоследствии Монархом Тьмы...

– Дьяволу?

– ...Монархом Тьмы, захотелось поэкспериментировать с «запрещенной реальностью», и он «сбросил» цивилизацию Инсектов в «яму мелкомасштабной интрузии», то есть попросту уменьшил их в размерах до нынешнего масштаба. А Блаттоптера сапиенс – тараканов разумных – изменил таким образом, что они стали предками людей...

И Артур услышал из уст собеседника самую неправдоподобную из всех историй, когда-либо предлагаемых ему в качестве истинных.

О «розе реальностей».

О Внутреннем Круге человечества, «круге великого молчания».

Об иерархах Круга, достигших уровня мысленного и вербального контроля над физическими полями и собственным телом.

О войне иерархов с Истребителем Закона.

О Монархе Тьмы, выбравшемся на волю благодаря ошибке молодого оруженосца Воина Закона.

О бедах, которые вот-вот свалятся на голову человечества, если Монарха, вознамерившегося сделать новое Изменение, не остановить.

– Но почему я?! – воскликнул сражённый развёрнутой перед ним перспективой Артур.

– Этого я сам не понимаю, – признался Тарас. – И ты уже спрашивал меня об этом. Но таково предложение Светлены, спутницы-аватары бывшего инфарха, которая увидела в тебе надежду. Я лично считаю, что она ошиблась, ты не тот человек, который может стать воплощением нового Воина Закона.

Артур почувствовал себя уязвлённым, кровь бросилась ему в лицо.

– Почему это?

– Потому что тебе и так хорошо живётся, не так ли? Несмотря на твой экстремальный образ жизни. Может быть, откажешься?

Артур сжал губы, боднул воздух лбом.

– Я согласен!

Впоследствии он будет не раз клясть себя за своё поспешное решение, но в данный момент ему искренне показалось, что он

способен на подвиги.

– Только научите меня драться! Если я должен стать Воином... э-э, вашего Закона, то просто обязан быть мастером боевых искусств.

Тарас покачал головой.

– Вовсе не обязательно, хотя и желательно. Мы поступим иначе. Поскольку ты лишён *ниродхи*, я дам тебе знание *сарва-саубхагья-дайаки*, которое позволит тебе адекватно реагировать на любое изменение ситуации. Захочешь – сам найдёшь путь к *самадхи* и...

– Стану Воином?

– ...и станешь организатором ПАО – пространства адекватного ответа. Это выше любых воинских умений и знаний. Но предупреждаю: легко приобретаемое всегда требует тяжёлой платы.

– Что такое ниродха?

– Изначальная просветлённость.

– А самадхи?

– Приобретённое просветление, дающее путь к *абхисамадхи* – Высшему Сосредоточению. Но все это ты сможешь изучить сам, когда научишься входить в ментал.

– Э-э...

– Общее интегральное поле информации земной реальности. Хорошо бы тебя, конечно, снабдить хотя бы одним из Щитов Дхармы, но это если удастся уговорить Хранителя, чтобы он «сдал» его тебе «в аренду». Итак, ты готов?

Артур почувствовал сбой сердца, дрожь в коленях, во рту пересохло, энтузиазм его поостыл. Но он постарался выглядеть достойно.

– Прорвёмся! Хочу всё знать! Девиз молодых.

– Если бы молодость знала, – хмыкнул Тарас, – до старости никто бы не дожил. Ну, если ты готов, поехали!

И на голову Артура упала глыба знакомой темноты.

Очнулся он через несколько мгновений, ошеломлённый сменой положения: только что сидел в кабине «FX-55», и вот уже стоит на полусогнутых в гигантской пещере, освещённой центральным сооружением – светились молочной белизной его стены – в форме изумительной красоты и гармонии пирамидального замка. Замок был разворочен взрывом, левая его сторона, полурасплавленная и скособоченная, оплывшая фестонами молочно-белого материала, не

светилась. И все же творение неизвестных архитекторов выглядело совершенным.

– Живой? – оглянулся Тарас. – Привыкай, скоро сам сможешь «летать верхом» на тхабсе.

– Что это?

– Догадайся с трёх раз.

– МИР...

– Верно, это «модуль иной реальности», построенный Ликозидами, разумными тарантулами.

Некоторое время оба рассматривали завитки, соты и ниши сложных ажурных стен пирамиды, впитывая красоту узора, ощущая эффект неповторимой геометричности сооружения.

– Идём, – сказал наконец Тарас. – Не нравится мне эта тишина.

Артур очнулся, ощутил лёгкое беспокойство, догнал проводника.

– Здесь... неуютно...

– Потому что в МИРе недавно побывал один нехороший человек.

– Рыков?

Тарас оглянулся, поднял бровь.

– Интуиция? Или удачный ляп?

Артур порозовел.

– Показалось...

– Впрочем, не суть важно. Запомни одно: этот человек опасен, остерегайся встреч с ним. До тех пор, пока не овладеешь *силой*.

– Я даже не знаю, как он выглядит.

– Хорошо выглядит. Герман Довлатович Рыков нынче известен как Марат Феликсович Меринов, зампред Государственной Думы. Надеюсь, ваши пути никогда не пересекутся.

Они вошли под своды тоннеля, стены которого, светящиеся изнутри, были сплетены из тонких жил и паутиных сеток. С десятков подобных тоннелей дырявили основание пирамиды.

Спустя минуту впереди открылся деформированный и оплавленный «готический» зал, будто в нём когда-то что-то взрывалось и горело. Посреди зала из бугристого пола вырастала необычной формы ротонда, имевшая вид лопнувшего и развернувшегося лепестками тюльпана стеклянного шара.

Поднялись к шару, пролезли в трещину в его боку и остановились перед хрустальной друзой размером с грузовик, очень красивой, с

волшебными изгибами странного ложа и фрактальными переходами перепонок и наплывов.

Тарас покосился на спутника.

– Догадываешься, что это такое?

– Саркофаг...

– Верно, это саркофаг царя Ликозидов.

– Но он не похож на компьютер...

– Носителем процесса вычисления может быть любой материальный объект, надо лишь превратить его в операционную систему.

Артур слепо двинулся к саркофагу и наткнулся на какой-то упругий невидимый барьер.

– Стена...

– Силовая мембрана «печати отталкивания», поставленная Хранителем МИРа.

Тарас вытянул руку ладонью вперёд, нажал, и упругая плёнка перестала сдерживать гостей.

Подошли к ближайшему прозрачному крылу ротонды с бродящими внутри синими и зелёными огоньками. Тарас пошлёпал по крылу ладонью, кивнул Артуру:

– Залезай.

– З-зачем? – с опаской отодвинулся тот.

– Не бойся, ничего плохого с тобой не случится. Саркофаг просто выведет управление твоим тхабсом на уровень сознания.

– Разве он у меня... тхабс... есть?

– Тхабс – это как физический закон, запрограммированный генами. Он имеется у каждого человека. Хотя, как говорится, не каждому дано то, что он имеет. Впрочем, ещё не поздно отказаться.

Артур уловил насмешливо-скептический огонёк в глазах собеседника и молча полез внутрь саркофага. Оглянулся.

– Что дальше?

– Сядь, а лучше приляг. Ощущения будут странными, не совсем привычными, поэтому лучше пережить их лёжа.

Артур поёжился, почувствовав укол мгновенного страха, однако сделал вид, что спокоен. Сел посреди огромного, рассчитанного на гигантского тарантула, чешуйчато-жилистого ложа, потом лёг навзничь. Прямо на него смотрел с изогнутого крыла ротонды

стеклянно-фасетчатый глаз. Внутри глаза загорелась красная звезда, и Артур вздрогнул, почувствовав живой холодный взгляд. По телу пробежала волна дрожи, хотя сам он не шевелился, мышцы сокращались и расслаблялись самопроизвольно.

Прошла секунда, другая, пятая, десятая...

– Долго еще?

– Терпи, он тебя изучает. Для него ты – необычная сложная биомашина, выполняющая определённые функции.

– Какие? – выговорил Артур прыгающими губами.

– В принципе, человек и в самом деле есть биологическая машина, выполняющая семь основных функций на семи разных уровнях. Первый уровень – мышление, сознание, интеллект. Второй – чувства, эмоции. Третий – инстинкты, внутренняя работа организма. Четвёртый – двигательная функция, то есть внешняя работа организма. Пятый уровень – функция воспроизведения, или сексуальная. Ну и, наконец, высшая интеллектуальная – состояние полного самосознания – и высшая интеллектуальная – состояние объективного сознания. Последние две функции доступны лишь единицам, потому что это, по сути, *самадхи*, состояние просветления, экстаз переживания истин.

– Мне они... тоже недоступны?

– А вот это уже будет зависеть от тебя. Внимание, сейчас ты полетишь.

«Куда?» – хотел спросить Артур, но не успел.

Голова внезапно проросла миллионами невидимых волокон и начала распухать, превращаться в удивительный гигантский одуванчик...

Глава 10

ДЫРА В АДУ

В понедельник первого августа сержант патрульно-постовой службы Ватуллин на личном «ВАЗ-2105» сбил шестидесятилетнюю женщину. Свидетели показали, что вместо оказания пострадавшей первой помощи он забил её монтировкой до смерти, чтобы скрыть следы преступления, и скрылся с места происшествия. Задержан, но впоследствии отпущен «за неимением доказательной базы», так как свидетелями оказалась пара бомжей. Следователь предпочёл им не верить...

Во вторник второго августа старший сержант милиции Чхортишвили, работающий водителем в хозуправлении ГУВД Москвы, подвёз на своём «Фольксвагене» попутчицу в микрорайон Сабурово, а затем изнасиловал её, угрожая ножом. Задержан и отпущен на свободу вследствие недоказанности преступления; девушка, испуганная угрозами по телефону и слежкой за ней неизвестных лиц (вероятно, приятелей сержанта), не опознала насильника...

В среду задержан лейтенант милиции Каюмов, подрабатывающий продажей наркотиков и «крышеванием» наркобанды...

Третьего августа задержан капитан милиции Борисский, похитивший с двумя приятелями восемнадцатилетнего студента и требующий с родителей выкуп в размере ста тысяч долларов...

– Хватит! – хлопнул ладонью по столу Василий Никифорович. – Досье на отморозков в погонах слишком большое, пусть Веня проанализирует самые поганые истории и составит план бандликов. Что у нас по более крупной рыбе?

Парамонов, читавший текст с экрана компьютера, переключил файл.

– По докладу Счётной палаты о приватизации...

– По первому или по второму?

– По второму.

– Правильно, нет смысла заниматься тем, что уже свершилось. Никому не интересно, как олигархи и чиновники «пилили»

общенародную собственность, зарабатывая свои миллионы и миллиарды.

– Ну почему? – не согласился Самандар. – Я бы с удовольствием «замочил» наиболее одиозных типа Березинского или Абрамовского, скупающих по всему миру недвижимость, яхты, самолёты, острова, спортивные клубы и команды. В назидание другим.

– Ими мы еще займёмся. Давай второй список, Иван Терентьевич.

Второй доклад Счётной палаты, о котором говорил Котов, представлял собой по сути секретный план Купола по приватизации крупнейших предприятий оборонного комплекса. А так как в этом самом настоящем заговоре против государства участвовали первые лица страны и сам премьер, шанс обойти законы и окончательно подмять власть под криминальную Сверхсистему был очень велик.

Всего, по данным Счетной палаты, в оборонно-промышленном комплексе России иностранные юридические и физические лица и их аффилированные структуры уже владели более чем двадцатью пятью процентами акций в пятидесяти акционерных обществах, пакетами акций, превышающими размер блокирующего, – в тридцати АО, а в самых важных – в авиационной и космической промышленности – в семнадцати. Осталось приватизировать еще два-три десятка предприятий, с передачей в частные руки уникальных стратегических технологий, и, как говорится, шпионы могут спать спокойно. Зарубеж и без их помощи будет владеть всеми секретами российской обороны. А на России как на могучей самостоятельной державе можно будет ставить крест.

– Производственное объединение «Молот Октября», – начал читать Парамонов. – Производит детали для зенитно-ракетных комплексов «Искандер». Доля оборонного заказа – семьдесят процентов. Субъект приватизации – территориальное агентство недвижимости «Фигвам». Заключение Госкомоборонпрома нет, но есть заключение правительства, подписанное замминистра промышленности Фурсатовым.

– Мочить! – бросил Самандар. – Всю вертикаль – от министерства до приобретателей.

– Дальше, – кивнул Василий Никифорович.

– Смоленский авиационный завод. Доля обороны – тридцать пять процентов. Производит детали для вертолетов военного назначения.

Субъект приватизации – местные территориальные агентство, получившее разрешение от самого министра экономического развития Грефинчука.

– Дальше.

– АО «Курский прибор»...

Сидели в квартире у Самандара, превращённой в штаб «СМЕРЧа», впятером: сам хозяин, Котов, Парамонов, Медведев и Веня Соколов, ставший по сути начальником внутренней службы безопасности «чистилища». Ульяна принимала участие в заседаниях комиссариата всего три раза, когда решалась задача стратегического вектора «чистилища» и, конкретно, кадровые вопросы.

Веня Соколов предложил вдруг его спецкоманде поддержать антитеррористические акции, вспомнив дикий случай захвата боевиками школы в Беслане, и спровоцировал дискуссию о границах применения ответных мероприятий.

– Я против, – сказал Иван Терентьевич. – Надо просто не допускать захвата заложников.

– Ну а если захват уже произошёл? – упорствовал бывший капитан разведки. – Что, будем выполнять требования террористов?

– Требования требованиям рознь. Если речь идёт об освобождении из тюрем других бандитов, такое требование можно и выполнить.

– А если они потребуют вывести войска из Чечни или, там, Дагестана? Вообще отделиться от России?

– Жизнь людей важнее...

– Что с тобой, Иван Терентьевич? – перебил Парамонова Самандар. – Окстись! Любой вариант с выполнением требований боевиков – очередная демонстрация слабости власти, чреватая вереницей подобных захватов.

– Но штурм влечёт за собой многочисленные жертвы, а боевикам выгоден любой такой сценарий, с любым количеством жертв.

– Вот поэтому существует другой путь, уже проверенный в деле кадыровцами еще несколько лет назад: контрзахват родственников террористов.

– Допустим, не удастся захватить родственников. Особенно если боевики – арабские или афганские наёмники и прочая мразь. Что тогда?

– Давайте не будем ломать копыя по этому вопросу, – интеллигентно предложил Медведев. – С терроризмом должна бороться федеральная власть. Тем более что нашу команду, какой бы опытной и профессиональной она ни была, никто не допустит к участию в контртеррористической операции.

– А никто ни у кого и не собирается спрашивать разрешения, – усмехнулся Самандар. – Но я тоже против участия наших ребят в такого рода деятельности. У нас другие задачи – «смерть чиновникам!».

Соколов хотел возразить, но посмотрел на лица комиссаров и передумал.

В двенадцать часов дня заседание закончилось. Были определены пути решения приоритетных проблем, информационного поиска и привлечения к работе «чистилища» надёжных исполнителей. На пятницу пятого августа был намечен бандлик, обоснование которого представил Самандар.

– Есть перспективная работа, – начал он. – Узнал случайно, заинтересовался, начал искать информацию и вот что выяснил. Вы знаете о существовании в стране проблемы под названием «утечка мозгов»?

Комиссары переглянулись.

– Сказал «а», говори «б», – проворчал Василий Никифорович.

– В девяностые годы прошлого века за рубеж уехали сотни классных специалистов в самых разных областях наук. Но всё же многие остались. И вот им-то живётся очень несладко, потому что давление на учёных продолжается до сих пор. Меня же почему-то взволновала судьба одного физика-ядерщика, Николая Львовича Максименко. Слышали о таком?

– Короче, Склифосовский.

– Он выпускник физтеха Томского политехнического института, сейчас доктор наук, долго работал главным физиком Минатома, руководил лабораторией в Курчатовском ядерном центре, потом Институтом физико-технических проблем металлургии и всё время занимался исследованиями свойств тория; есть такой радиоактивный элемент, если кому интересно. Кстати, реакторы на тории практически безопасны и энергетически более выгодны, чем на уране или плутонии. Но это к слову. Так вот, в последнее время на Николая

Львовича, отказавшегося в своё время уехать за границу, начали давить.

– Кто?

– Рассказываю по порядку. Сначала к нему пришли некие люди, представившиеся экспертами МАГАТЭ – Международной комиссии по ядерной энергии, и предложили работу в одной из четырёх стран: США, Австралии, Израиле или Канаде. Он снова отказался. И началась череда странных событий, а по сути – травля учёного. Его уволили. Институт перепрофилировали. Лабораторию, где он было устроился, закрыли. Все материалы отобрали. Квартиру обворовали, унесли все диски с его расчётами. А недавно на него напали какие-то подонки, и он чудом остался в живых. Шестидесятишестилетний мужик пошёл в прокуратуру с жалобой, но там завести уголовное дело по факту угроз и травли отказались. В общем, полный тупик. Никто не в состоянии помочь. В Минатоме сейчас действуют несколько враждующих группировок, которые мешают чётко сформулировать позицию министерства. Все дерутся за симпатии чиновников и бюджетные деньги, даже маститые учёные мужи. Но и здесь Николай Львович лишний. А ведь его направление работы чрезвычайно перспективное, причём и для отрасли, и для страны в целом.

– Кто-то сильно заинтересован в том, чтобы России не досталась эта технология, – задумчиво проговорил Парамонов. – Так?

– Совершенно верно.

– Кто? Ведь не те «шестёрки», которые вышвырнули физика на улицу и закрыли институт? Не убоявшись ФСБ и прокуратуры? Без солидной «крыши» это сделать невозможно. Чиновники просто так не станут рисковать.

– Если бы наши чиновники не продавались, им бы цены не было, – мрачно пошутил Василий Никифорович. – До чего ты докопался?

– Насколько я вник в проблему, существует целая система развала российской науки...

– Наравне с системами развала образования, культуры, медицины, авиапромышленности и так далее, это не новость.

– Согласен, однако, если коротко, в правительстве окопались агенты влияния хорошо известного нам персонажа...

– Рыкова.

– Его, родимого, а через него связь, скорее всего, тянется в «розу», к Монарху. Но это тема отдельного разговора. Я занимался лишь одной сферой влияния – научной, и вот что вычислил. Вершиной системы является, естественно, Рыков, он же Меринов Марат Феликсович. Под ним система агентов влияния рангом ниже, окопавшихся в Думе, Совете Федерации, Совете безопасности и в правительстве. Могу даже назвать предполагаемые кандидатуры.

– Предполагаемые?

– А вы хотите, чтобы каждый из них сознался, что работает на Рыкова? Они, может быть, даже не понимают этого, поскольку зомбированы, но их легко можно вычислить по векторам деятельности. Тот же министр экономразвития уж такую лепту внёс в развал страны, что просто светится, как радиоактивный элемент! Да и почти все министры тоже, и их замы. А уровнем ниже идут исполнители решений – сенаторы, губернаторы, их заместители, начальники служб, депутаты... кстати, слышали, что вчера произошло в Думе?

Мужчины вопросительно переглянулись.

– По телевидению вроде бы ничего не передавали... – неуверенно заметил Василий Никифорович.

– В Думе работают наши люди, они и сообщили новость. Вчера должна была решаться судьба законопроекта о национальной безопасности, повышающая ответственность чиновников, и прямо во время заседания все депутаты в зале потеряли способность соображать. А потом и вовсе отключились на несколько минут. А после все жаловались на странную слабость, вялость и отсутствие желания что-либо делать. У меня есть запись с телекамер системы наблюдения. Сейчас там работает комиссия ФСБ, но и так ясно, что на депутатах кто-то отрабатывает психотронный генератор. Законопроект, кстати, был единогласно отклонён.

– Рыков? – хмыкнул Иван Терентьевич.

– Больше никому.

– Зачем это ему? Он такими экспериментами подставляет себя.

– Значит, мерзавец никого не боится, демонстрирует силу, считает себя единоличным властелином государства. А то и Земли в целом. Недаром же он стал координатором Союзов Неизвестных, боссом российской криминальной Сверхсистемы, которую успешно

применяли все наши доморощенные Союзы Неизвестных во все времена. А управляли этими Союзами – забугорные координаторы.

– Это еще Алексей Николаевич Толстой отмечал, – тихо произнёс Парамонов. – Помните? «Есть какая-то невидимая, тайно действующая сила, которая мешает всякому добру в России. Верно, она имеет начало в чужих краях, трепещущих России и действующих через золото».

– Толстой был Посвящённым, он знал, что говорил.

– А президент? Тоже в команде Рыкова? – вежливо спросил Медведев.

– Президент ему нужен в роли оппозиции. Но власть президента ограничена, его указы легко блокируются почти на всех уровнях чиновничества. В стране создана настоящая «паутина» власти, за струны которой дёргает один человек – Рыков.

– Давай о деле.

– Предлагаю обработать «дихлофосом» ту «ниточку паутины», которая зацепила Николая Львовича Максименко. Я её просчитал. Вот она.

Самандар потеснил Парамонова, пробежался пальцами по клавиатуре. Экран компьютера мигнул, стал синим и плоским, затем обрёл глубину, и в нём выплыла объёмная конструкция связей, объединившая почти четыре десятка фамилий.

Василий Никифорович присвистнул.

– Ничего себе «ниточка» – целая сеть!

– А ты что думал? Что реализовывать установки кукловода-Рыкова будет один человек? В стране на протяжении всех последних лет – не меньше двадцати пяти! – создавалась коррумпированная чиновничья структура, которую легко можно переподчинить и использовать в своих целях. Рыков это и осуществил. Итак, начнём сразу снизу и сверху. Веня со своей командой займётся губернской властью, которая буквально выдавливает Николая Львовича отовсюду; он живёт сейчас в подмосковном Королёве. А мы сосредоточимся на Министерстве атомной энергетики. Вот схема воздействия.

Ноутбук отобразил новую систему связей, утыканную алыми стрелочками бандликов.

Комиссары углубились в изучение схемы...

Аркадию Борисовичу Барболису исполнилось пятьдесят восемь лет.

Трудовую деятельность он начал в тысяча девятьсот семьдесят четвёртом году, после окончания Куйбышевского индустриального института, – дежурным инженером-электриком Обнинской АЭС. Работал заместителем главного инженера, начальником технологического цеха, главным инженером Белоярской атомной электростанции, затем главным инженером АЭС «Ловинса» в Финляндии.

Его заметили, и в тысяча девятьсот девяносто четвёртом году Барболис был назначен заместителем начальника «Росглавзагранатомэнерго» министерства энергетики России. Вскоре его перевели в «Интератомэнерго», а потом назначили замом министра атомной энергетики. В две тысячи пятом году он стал министром. И резко переменился. Все, кто знал Аркадия Борисовича раньше, отмечали, что он стал заносчивее, суше, высокомернее, с подчинёнными разговаривал нехотя, цедя слова, часто унижая собеседника. Свои решения он никому не объяснял, нередко снимал человека с должности без видимых причин, а главное – довёл отрасль до такого состояния, что из неё начали уходить блестящие специалисты, кандидаты и доктора наук.

Прокуратура не раз заводила на непосредственных помощников Барболиса уголовные дела, в том числе – за лоббирование интересов отдельных олигархов и коммерческих структур, также работающих на иностранные державы, заинтересованные в превращении России в ядерную свалку. Сам же Аркадий Борисович оставался «вне подозрений», имея столь высокие связи в верхах, что мог позволить себе не бояться представителей закона. Его «крыша» могла свободно закрыть любые уголовные дела и заблокировать расследование.

В друзьях Барболиса числились такие известные лица, как председатель Госдумы и его зам, министр МВД, секретарь Совета безопасности, бизнесмены Абрамовский и Коберзон. Совершенно естественно, что эти люди прикрывали его, несмотря на то что все знали: каждая подпись министра на финансовых документах «стоит» три процента отчислений от указанных в них сумм на личные зарубежные счета Барболиса.

Пятого августа, уже в конце рабочего дня, в кабинете министра раздался телефонный звонок.

– Извини, что беспокою, – послышался в трубке характерный горловой голос министра внутренних дел Телибеева. – Прокуратура вынашивает планы пошерстить твою епархию, надо встретиться, поговорить.

– Ты обещал прижать этих законников, – недовольно бросил Барболис. – Нельзя заменить Никитина? Могу предложить кандидатуру.

– Поговорим и об этом. Приезжай к восьми в ресторан «Monterosso» возле метро «Марксистская».

– Почему туда? Лучше ты приезжай ко мне домой. И не к восьми, а к девяти.

– Кончай базар, Аркадий! – озлился Телибеев. – Не слишком ли заелся? Могу напомнить кое-что. Твои желания пусть исполняют твои «шестёрки».

– Всё, чего я желаю, – ёрническим тоном ответил Барболис, – это тёплая постель, доброе слово и неограниченная власть.

– Всего-то? – фыркнул Телибеев. – Скромные у тебя аппетиты, господин атомный министр. Всё, до встречи.

– Что всё-таки случилось?

– Узнаешь, – отрубил министр и выключил связь.

Размышляя о поведении Телибеева – он явно волновался и говорил как-то неуверенно, напряженно, незнакомо, – Аркадий Борисович вызвал секретаршу и велел подогнать машину к главному входу в министерство. Через полчаса он уже ехал по Садовому кольцу в направлении на Таганскую площадь.

«Monterosso» (в переводе с итальянского «красная гора») представляет собой современный ресторан со всеми удобствами, включая диванчики с разноцветными подушками, на которых можно устроиться полулёжа. Местная кухня ориентируется на итальянские и французские блюда, включающие в том числе луковый суп, корейку ягнёнка, маринованную в абсенте, дикую утку с «пьяной грушей» в медовом соусе, различные салаты и канапе. Ресторан не считается элитным, так как охрана не уделяет особого внимания VIP-клиентам, довольствуясь визуальным наблюдением за входом и залом.

Поэтому Аркадий Борисович и удивился выбору Зинатуллы Бедросовича, зная гораздо более крутые заведения. Однако не придавал этому значения, считая, что министр МВД имеет какие-то свои стратегические расчеты.

Зал ресторана был заполнен наполовину, в основном молодёжными компаниями, но Телибеева ещё не было. Барболис прибыл раньше. Бросив недовольный взгляд на часы (торопил, а сам опаздывает), Аркадий Борисович сел за столик в углу за ажурной стеночкой, движением бровей отправил телохранителей за соседний столик. Заказал разливного пива «Будвайзер» подскочившему официанту, стал ждать, нетерпеливо постукивая пальцами по столу.

В зал вошли три офицера милиции: капитан, майор и полковник. Один сразу подсел к охранникам Барболиса, другой остановился рядом, а полковник внезапно опустился на стул напротив министра.

– Здравия желаю, Аркадий Борисович. Вам привет от Зинатуллы Бедросовича.

Голос полковника был так похож на голос Телибеева, что министр вздёрнул брови на лоб.

– Вы...

– Я его представитель. Он не придёт, дела, я озвучу его позицию и мнение одного авторитетного органа.

– Какого ещё... органа? – Барболис бросил взгляд на телохранителей, но те, похоже, забыли о своём патроне и спокойно беседовали о чем-то с милиционерами.

– «Чистилища», – невозмутимо ответил полковник, доставая из кармана визитку и протягивая министру; он был седоус, кареглаз, иронично-хладнокровен. – Да не делайте вы знаки своим клевретам, они не подойдут. А попытаетесь поднять шум, вас просто пристрелят мои люди.

Барболис дрожащей рукой взял визитку, разглядывая золотой тиснёный кинжальчик в уголке и красную надпись: «СМЕРЧ».

– Я н-не понимаю...

– Сейчас поймёте. В вашем ведомстве работал физик Николай Львович Максименко.

– Не припоминаю...

– Врёте, Аркадий Борисович, на документах, разрешающих увольнение Максименко и перепрофилирование института, где он был

директором, стоит ваша подпись.

Барболис взмок, теряя свой лоск, судорожно скомкал носовой платок, вытер шею и лоб.

– Да, что-то было... давно... я уже и не...

– Буду краток. Если «чистилище» занимается кем-то конкретно, это означает одно: объект его внимания либо исправляет свои ошибки, либо... исчезает. Понимаете?

Министр поймал полный угрозы и силы взгляд собеседника, вздрогнул.

– Чего вы хотите?

– Правильный вопрос. Мы могли бы вас просто запрограммировать, не понадобилось бы никаких предисловий, но мы всё же надеемся, что ваша уснувшая совесть проснётся. И добавлю: второго предупреждения не будет!

Барболис вздрогнул снова.

– Я понимаю... постараюсь оправдать... что я должен делать?

– Вот адрес Николая Львовича. – Седоусый бросил на стол клочок бумаги. – Найдите его, дайте работу в системе, предоставьте возможность продолжать научные изыскания с выходом на практическое использование его теории.

Барболис прошёлся платком по лицу, заёрзал.

– Но это зависит не только от меня...

– Мы поговорим и с другими лицами, ответственными за творящиеся в министерстве безобразия. И мой вам совет: не делитесь ни с кем подробностями нашей встречи. Вам не помогут ни господин Телибеев, который тоже получит нашу «чёрную метку», ни ваши друзья-бизнесмены, ни ФСБ, ни сам президент. В противном случае в скором времени состоятся ваши пышные похороны.

Сказано это было таким уверенным будничным тоном, что Аркадий Борисович сразу поверил: убьют!

– Х-хорошо, я н-никому... но я должен пос-советоваться...

– Работайте, как работали, выполняйте свои планы, графики, соблюдайте распорядок дня, совещайтесь с экспертами. Но – начинайте работать на отрасль! На Россию! Повернитесь к ней лицом. – Полковник усмехнулся. – Иначе она повернётся к вам задом. Свои предложения по улучшению деятельности министерства мы скинем вам по электронной почте. Договорились?

– Д-да, я понял... – Барболис отшатнулся, встретив взгляд собеседника.

Тот несколько мгновений не спускал с него страшных заледеневших глаз, потом выражение их изменилось, сквозь грозную решимость всплыла улыбка, только добавившая сумятицы и паники в душе министра.

– Не принимайте жизнь слишком серьёзно, Аркадий Борисович. Вам из неё живым всё равно не выбраться. До свидания.

Полковник встал, направился к выходу из зала. За ним двинулись его сослуживцы. Троица представителей закона исчезла за дверью, и только после этого Аркадий Борисович обнаружил, что рубашка неприятно липнет к телу, мокрая от пота. Он с отвращением бросил визитку с кинжальчиком на стол, вытер пальцы, открыл рот, чтобы позвать телохранителей, и застыл.

Они спали, уронив головы на локти!

– Как ты думаешь, подействует? – поинтересовался Василий Никифорович, снимая форму капитана милиции.

– Он трус, – пожал плечами Парамонов, сыгравший роль полковника. – Надавит кто посильней – сдаст и нас, и приятелей, и отца с матерью. Но я напугал его сильно. Хотя лучше, если человек работает не за страх, а за совесть.

– Она у него есть? – хмыкнул Самандар, переодеваясь в пятнистый спецназовский комбинезон.

– Посмотрим. Не прорежется – будем принимать адекватные меры. Хватит всего бояться! Хватит терпеть оскорбления! Хватит относиться к быдлу и хамам по-человечески! К нелюдям – такое же отношение, иначе сомнут!

Василий Никифорович с любопытством посмотрел на ставшее суровым лицо Ивана Терентьевича.

– Эк тебя достали хамы и быдло.

Парамонов очнулся, сделал официальное лицо, потом заметил сборы приятелей, озадаченно пригладил волосы на затылке.

– А куда это вы собираетесь?

– В «розу», – лаконично ответил Вахид Тожиевич.

– На поиски Стаса? Я с вами.

– Нет, ты останешься, – отрицательно качнул головой Василий Никифорович. – Будешь координировать работу всех звеньев, кто знает, когда мы вернёмся. Да и за Улей присмотришь.

– Её же охраняет мейдер Ватолина.

– Подстрахуешь его в случае чего.

Парамонов нахмурился, пожевал губами, наблюдая за соратниками и друзьями, но возражать больше не стал.

– Не рискуйте зря. Если в «розе» идёт охота на иерархов, вас там тоже могут погнать, как зайцев. А без синкэн-гата возможности наши весьма ограничены.

– Не переживай ты так, Иван, – сказал Самандар, пристраивая к поясу нож в чехле и целую батарею метательных пластин. – Отправляясь на свидание с судьбой, я всегда надеваю бронежилет.

Парамонов посмотрел на Котова.

– Останавливай его время от времени, Вахид не знает меры ни в чём, а ты женат, у тебя сын растёт.

– Ладно, Иван Терентьевич, – слабо улыбнулся Котов. – Не первый раз ныряем в «розу». Остаёшься за главного. – Он глянул на Самандара. – Ты готов?

– Всегда!

– Я поведу.

– Не возражаю.

И оба исчезли.

Иван Терентьевич задумчиво прошёлся по гостиной Самандара, опустив голову, но зазвонил телефон, и он поспешил снять трубку.

«Мир А» с «тюрьмой для героев» встретил комиссаров «чистилища» полным безразличием к их замыслам и устремлениям.

Столб-камера, на вершине которого произошло столкновение людей и Асата со Зверем Закона, оказался разбитым вдребезги, как стеклянный стакан. Над морем тумана торчали теперь лишь зазубренные полупрозрачные края «стакана», а глубоко на его дне высилась гора сизого пепла или чего-то похожего на пепел.

– Жаль Асата, – сказал Самандар, разглядывая рыхлую гору. – Он бы нам ещё пригодился. Интересно всё же, кто запрограммировал его помогать нам? Может быть, Соболев?

– Почему ты решил, что пепел – это всё, что осталось от Асата?

– Когда мы убегали отсюда, пепла здесь не было. Как ты думаешь, это Матвей послал Асата?

– Вряд ли мы это когда-нибудь узнаем, – проворчал Василий Никифорович. – И вряд ли это Соболев.

– Почему?

– Вспомни нашу последнюю встречу. Он с трудом проникся нашими заботами, явно устремляясь мыслью куда-то очень высоко.

– Он своё обещание выполнил, а ты своё нет.

Котов помрачнел, отвернулся.

– Ещё не вечер. Да и он своё выполнил как-то неправильно, раз Ликвидатор остался жив и теперь бегают по «розе», мочит иерархов.

– Он восстановил Закон возмездия...

– Ни хрена он не восстановил! Положение только ухудшилось! И любой закон – дерьмо, если нет средств для его реализации! Всё, хватит об этом. Давай решать свою задачу.

– Покличь Асата, вдруг объявится?

Василий Никифорович вспомнил свой опыт «общения» с тхабсом, сосредоточился на ментальном вызове сторожа границы. Однако прошла минута, другая, а «циклоп» так и не отозвался на зов. То ли действительно погиб в бою со Зверем Закона, то ли, посчитав свою миссию выполненной, растворился в пространстве «мира А».

– Жаль, – проговорил Самандар, по лицу Котова поняв, что усилия друга не увенчались успехом. – Хорошая была программа, я даже стал относиться к ней как к живому существу. Что будем делать?

– Если идти от одного «лепестка розы» к другому, потребуется уйма времени.

– Есть другой способ.

– Какой?

– «Сжимающаяся ладонь».

Василий Никифорович с сомнением посмотрел на главного комиссара «чистилища». Речь шла о применении глобального мониторинга ментальной среды.

– Но ведь для этого нужен целый эгрегор *силы*, нам двоим не справиться.

– Давай попробуем.

– Чтобы нас засекли «сторожевые псы» остальных «лепестков розы»? Или Зверь Закона?

– Хорошо, что ты предлагаешь?

Василий Никифорович прошёлся по краю разбитой камеры, поглядывая то на её дно, то на бескрайнее море тумана.

– Ты говорил, что имеешь косвенные сведения о спуске Стаса и Марии в «нижние» миры «розы».

– Имею.

– Откуда? Кто их видел?

– Их никто не видел, но Стас так и не научился маскировать синкэн, и его появление в «розе» можно засечь. Я подслушал ментальные переговоры «сторожей» галактического ядра, они беседовали о появлении «внутренней дрожи пространства реальности», соответствующей диапазону «устранителя препятствий».

– Да, – согласился Василий Никифорович. – Синкэн-гата трудно спрятать от взора программы, специально натасканной на обнаружение Посвящённых. Я теперь склоняюсь к мысли, что синкэн в своё время нам просто подкинули. Случайно на такие вещи не натываются.

– Не отвлекайся. У тебя есть идея?

– Давай спустимся на самое «дно розы», в «адовы» миры, где сидит Конкере. Вдруг он каким-то образом захватил Стаса и Машу и удерживает их там?

– Вряд ли это возможно. Они в любой момент могут уйти домой, пользуясь тхабсом.

– И всё же я хотел бы убедиться.

Самандар хмыкнул, разглядывая хмурое лицо друга чёрными непроницаемыми глазами.

– Знаешь, что такое риск? Это победа желаний над доводами рассудка. Но я согласен.

– Тогда веди ты, раз уж протоптал дорожку в инферно-реальности.

Самандар мысленно обнял Котова, «включил» тхабс.

Через несколько *длинных* мгновений они оказались в другом мире.

Мрачная, выжженная, холмистая равнина. Чёрные, коричневые, серые, фиолетовые, сиреневые цвета, кое-где чуть более светлые полосы, оранжевые плеши песка, белые, как кость, скалы. И толстая, стеклянная на вид стена, пересекающая равнину из конца в конец, разделяющая этот мир на две части.

Впрочем, цвет мира за стеной был таким же угрюмым, разве что равнина там была сплошь усеяна дымящимися кратерами.

Небо, накрывающее равнину по обе стороны стены, напоминало пухлую облачную пелену бурого цвета, которую то и дело в разных концах сотрясали зеленоватые сполохи, словно отсверки бушевавшей где-то за горизонтом грозы. Изредка из этой пелены на равнину начинал струйками сыпаться чёрный пепел. Но не это привлекло внимание Посвящённых.

В стене, разделявшей равнину, зияла гигантская звездообразная дыра, края которой вывернулись изнутри фестонами и канделябрами, напоминая застывшее стекло.

Некоторое время земляне рассматривали дыру, *принюхиваясь* к ментальным полям и местным излучениям. Потом Самандар изрёк:

– Врата Ада! Могу побиться об заклад: Конкере здесь уже нет.

– Стас... – пробормотал Василий Никифорович.

– Парень решил испытать синкэн на заклятии, удерживающем Монарха в его тюрьме. И ему удалось его нейтрализовать.

– Ещё не факт...

– Только синкэн-гата способен пробить магическую стену, сооружённую когда-то Ангелами «розы».

– Но тогда где он? Где Маша?

Самандар не ответил. Он мог только предполагать, что случилось с бывшим оруженосцем Воина Закона, и предположения эти не вызывали оптимизма.

– Пойдём туда?

Василий Никифорович поёжился: этот мир отнимал энергию у любого живого существа, поэтому казалось, что равнину пронизывает леденящий ветер.

– Мы достигли физических и умственных пределов, Вахид. Чтобы идти дальше, нам надо избавиться от самих себя.

– Соболев же сохранил своё человеческое тело.

– Только для контактов с нами. Дальше нам пути нет. Возвращаемся.

– Куда?

– Домой.

– Может быть, все-таки рискнём?

– Сам только что корил меня за риск. Нам нужны спутники: Иван Терентьевич, Уля, Юрьев – если мы его найдём, Хранители, если кто-то из них согласится присоединиться к нам. Вдвоём мы дорогу в Ад не осилим. Но если Монарх Тьмы вырвался на свободу... представляешь, что может произойти?

Взгляды мужчин встретились.

Они хорошо понимали друг друга без слов.

Глава 11

ПОИСКИ ИНТЕГРАТРОНА

Энергия бурлила в жилах и требовала выхода.

Марат Феликсович едва не кончил, с трудом удержавшись от извержения семени. Конечно, он мог бы снова «сбросить пар» на секретарше, ждущей этого момента, но у него были другие намерения.

Завершился третий успешный запуск программы психоэнергетического «отсоса»: первый был проверен на депутатах Госдумы (ох и паника там началась потом, обсмеяться можно), второй – на пассажирах станции метро «Полежаевская», и вот теперь – на работниках и посетителях Останкинской телебашни; всего их набралось чуть больше ста семидесяти человек. И всё же эффект подзарядки ощутимо повысил пси-заряд Меринова, заставив его испытать непередаваемые ощущения эйфорической *вседозволенности*.

Бросив взгляд на секретаршу (глаза Марата Феликсовича светились, как у кошки в темноте), он опять же с трудом удержался от соблазна сорвать с Инны одежду (это уже начинало входить в привычку) и переключил сознание на решение более важной задачи – объединение всех, ранее подвергнутых пси-атаке, людей в единую мистическую систему, которая могла бы стать его энергобазой для последующих экспериментов с реальностью. Целью же Рыкова-Меринова было создание глобального эгрегора для беспрепятственного программирования человечества. Иными словами, Марат Феликсович хотел сделать то же самое, что когда-то Монарх Тьмы с Блаттоптера сапиенс, – «подкорректировать» вид хомо сапиенс таким образом, чтобы получился *новый* вид разума. Но поскольку Монарх теперь оказался на свободе и вынашивал планы своего следующего Изменения, он таким образом начинал мешать Меринову в осуществлении своего замысла. Вот почему Марат Феликсович спешил, экспериментируя с «отсосами» пси-энергии, не боясь расследования спецслужбами внезапных потерь сознания большими коллективами людей. Он надеялся запрограммировать население России раньше, чем учёные и эксперты ФСБ поймут, что происходит.

Соединение обработанных «глушаком» людей в единый пси-организм прошло на сей раз быстро и успешно. Набралось около полутора тысяч пси-сфер, достаточно мощный эгрегор, способный действовать по приказу как единое целое, несмотря на разделяющие людей расстояния.

«Ждите, мои подданные! – мысленно потёр руки Марат Феликсович. – Скоро наступит и ваша очередь стать генератором *силы*. Когда нас будет не полторы тысячи, а сто пятьдесят миллионов человек, ни один иерарх не сунется в Материнскую реальность! Владеть ею буду я!»

Однако Меринов ошибался. Существовал объективный закон социальных отношений, не имеющий обратной силы, многократно применённый к России: мелкие люди, оказавшись во главе великой державы, низводят её до своего уровня. А глубина души у Рыкова-Меринова была совсем ничтожной. Зато присутствовали амбиции...

Ощущения окрылённости и мощи, распиравшей тело, ушли.

Марат Феликсович «выпал» из ментального мира в реальный, помял лицо, сбросил шлем пси-оперирования.

– В следующий раз объектом БГ будет армия.

– Батальон? – уточнил Симон, на лице которого не дрогнул ни один мускул. – Полк?

– Дивизия. Координаты я укажу позднее.

– На сколько пси-сфер настраивать генератор?

– На десять тысяч человек.

– Сделаем, Марат Феликсович.

Меринов бросил взгляд на объёмный экран компьютера и вышел из центра управления «Большим глушаком», увлекая за собой разочарованную секретаршу.

В начале одиннадцатого – вечер не принёс облегчения, в городе царил жара и духота – Марат Феликсович со спутницей ужинали в ресторане «Обломов» на Пятницкой. Инна, зная нелюбовь босса к пустопорожней болтовне, помалкивала. Меринов тоже молчал, размышляя о чём-то. К концу ужина он вспомнил о своём поручении.

– Что удалось выяснить о «чистилище»?

Девушка виновато опустила голову.

– Оно действительно возродилось. Только называется теперь «СМЕРЧ» – от слов «смерть чиновникам».

– Баловство, – хмыкнул Меринов.

– Однако действуют чистильщики очень профессионально, следов не оставляют, кроме своих визиток, и найти их штаб нам пока не удалось.

– Я помогу.

Инна с любопытством посмотрела на шефа, рассеянно ковырявшего мясо во фритюре.

– Каким образом?

Красиво очерченные губы Марата Феликсовича, притягивающие взоры женщин, изогнулись, отчего лицо его стало неприятным, чванливым.

– Секрет фирмы. Приедем домой, и я тебе дам адрес их штаба.

Ужин закончился в молчании.

Охранники подогнали «Кадиллак», Инна села за руль.

Через полчаса машина въехала на охраняемую территорию семиэтажного элитного строения, известного под названием «Петровъ дом». Он был возведён практически в центре столицы, рядом с Кремлем, в трёхстах метрах от Красной площади, недалеко от Большого театра, отеля «Мариотт-Аврора» и Петровского пассажа. И жили здесь весьма уважаемые в столичных тусовках люди, от худруков московских театров и актеров до членов правительства.

Марат Феликсович тоже имел в доме апартаменты общей площадью в двести сорок квадратных метров, с большими панорамными окнами, с потолками высотой в три метра шестьдесят сантиметров и современной бытовой инженерией. Для управления встроенной в стены, пол и потолок техникой существовал специальный компьютерный терминал.

– Я остаюсь? – утверждающим тоном спросила девушка.

Хозяин молча прошёл в одну из туалетных комнат, что означало согласие.

Инна хлопнула в ладошки и, сбрасывая на ходу платье, скрылась в другой ванной комнате; всего их было четыре.

Марат Феликсович разделся, залез под душ, настроился на вход в ментал. Струи воды, приятно щекотавшие кожу, помогали ему нейтрализовать мышление и активировать интуитивное сознание, не связанное с озарением. Через минуту он превратился в особую

«антенну», принимающую все излучения, в том числе и торсионные, и отражающую суть происходящих в ментале – общем энергоинформационном поле Земли – процессов. «Сторожевые псы» иерархов, контролирующие границы ментала особые программы, не заметили появление «антенны» Меринова, знавшего способы защиты от них.

Стены ванной комнаты исчезли.

Горизонты раздвинулись.

Дух Марата Феликсовича вознёсся над домом, над всей Москвой, над материком. Стали видны сгущения и всплески пси-торсионных полей, пульсация энергетических узлов и линий, складывающихся в единую *живую* сеть. Обозначился и «личный» эгрегор Меринова, отличающийся от других «инфракрасным» цветом. Но ему сейчас он был не нужен. Среди тысяч и миллионов пульсирующих вразнобой пси-сфер надо было отыскать ту, которая соответствовала энергетике руководителей «чистилища». А поскольку они были не просто магическими операторами Круга, а Посвящёнными высоких степеней, их ауры вряд ли «светились» в общем психополе человечества.

Марат Феликсович напрягся, перешёл на уровень «дьявольского понимания» мира.

Территория России, видимая как бы с высоты ста километров, потемнела, сеть пси-потоков на ней потускнела, размылась, почти исчезла. Зато проявились мигающие звёздочки отдельных пси-сфер, обладатели которых имели большой экстрасенсорный потенциал.

Марат Феликсович сузил поле зрения до территории Москвы, огляделся, представляя собой сейчас бесплотного исполина, нависшего над городом.

Просияла золотом тонкая паутинка на севере столицы, в районе Митино. Она тут же распалась струйкой дыма, растаяла, будто почувствовала психоэнергетический *взгляд* маршала Сверхсистемы, но Марат Феликсович уже зафиксировал её координаты и не сомневался, что определил местоположение кого-то из руководителей «СМЕРЧа». Звёздочка пси-узла мерцала знакомо, тревожаще, воинственно. Так «пахло» «чистилище», доставившее Меринову-Рыкову в прошлом много неприятных переживаний и сюрпризов.

Он вышел из ментала, полежал, расслабляясь, в ванной, появился в гостиной в атласном чёрном халате с драконами.

Инна уже успела привести себя в порядок и ждала босса, сидя на роскошном диване в полупрозрачном халатике, закинув ногу на ногу.

– Запоминай адрес, – проговорил Марат Феликсович, лаская взглядом грудь девушки. – Митино, улица Кошкина, дом тридцать три.

– Что вы имеете в виду? – удивилась секретарша.

– В этом доме находится штаб-квартира «чистилища».

– Откуда вы знаете?

– Не задавай глупых вопросов. Займёшься ими завтра, разработаешь план ликвидации. Это люди Круга, и их надо останавливать, пока они ещё не наладили систему. А пока иди ко мне.

Инна вспорхнула с дивана...

* * *

Ночью, когда любовница уснула, Марат Феликсович прошёл в свой кабинет и переоделся в спецкомбинезон, имевший на груди и на спине вшитые пластины из сверхпрочного углепластика, выдерживающие удар автоматной пули с расстояния в пять шагов. Кроме того, в нагрудный карман комбинезона был пристроен «нагрудник справедливости» – «мандала власти», принадлежащая когда-то координатору российского Союза Неизвестных Бабуу-Сэнге. Она уцелела. А так как мандала олицетворяла собой уровень «дьявольского милосердия», её обладатель мог не бояться многих психоэнергетических атак вплоть до этого уровня.

– Куда это вы собрались? – возникла на пороге Инна, кутаясь в простыню.

Меринов хотел было грубо осадить секретаршу, выгнать, но подумал и решил подстраховаться, справедливо полагая, что телохранители такого класса лишними никогда не бывают.

– Собирайся.

– Куда мы пойдем?

– Нанесём визит одному деятелю Круга. Он прячет нужную мне вещь.

– Кто он?

– Хранитель. Поторопись.

Инна убежала и вскоре вошла в гостиную в таком же пятнистом комбинезоне, только без встроенной защиты.

– Оружие брать?

– Вряд ли оно понадобится, но всё же возьми на всякий случай.

Секретарша вышла в прихожую и вернулась с пистолетом «волк» и с ножом в чехле, рассовала оружие и запасные обоймы по карманам.

– Я готова.

– Не вмешивайся ни в какие разборки, что бы ни происходило, пока не позову.

– Слушаюсь.

Марат Феликсович помедлил, взвешивая собственное решение еще раз, и привёл в действие тхабс.

Через несколько мгновений они вышли из канала «внепространственного магического движения» в пещере под Троице-Лыковской церковью, где высился развороченный взрывом, но все еще геометрически совершенный и красивый замок Ликозидов.

Инна попала сюда впервые, поэтому, пережив приступ страха от «падения в бездонный колодец», замерла на месте, разглядывая сооружение разумных тарантулов. Меринов же сразу направился к одной из дыр, усеивавших основание пирамиды, чутко прислушиваясь к тишине зала и «шёпоту ментального пространства» вокруг.

– Не отставай.

– Что это?! – очнулась девушка, догоняя начальника.

– Хранилище.

– Что здесь хранится?

– Великие Вещи.

– Я серьёзно.

– Я тоже. В этой пирамиде хранится Вещь, которая мне нужна дозарезу. Попробуем её найти. И помолчи, мне не до ликбеза.

Вошли в отверстие тоннеля, ведущего в глубь пирамиды. Тоннель, попетляв, вывел их в странной формы перепончатый зал с удивительной конструкцией в центре в форме ротонды.

– Это она, великая вещь?

– Это саркофаг царя Ликозидов. Стой здесь, наблюдай, слушай, готовься.

– К чему?

– К встрече. Скоро здесь должен объявиться гость. Точнее, хозяин.

– Этот... как его... царь Ликозидов?

– Хранитель МИРа. Тихо!

Меринов прижал палец к губам, бесшумно двинулся к многокрылой ротонде саркофага, светящейся изнутри, как полупрозрачное молочно-белое стекло.

Инна почувствовала озноб, передёрнула плечами, подумав, достала пистолет.

И тотчас же перед Маратом Феликсовичем соткалась из воздуха человеческая фигура в светло-сером плаще, похожем на монашескую рясу, с крестом на груди. Инна пригляделась и поняла, что на самом деле это не крест, а квадратная пластинка из тусклого белого металла с каким-то сложным рисунком.

– Хранитель Никандр, – остановился Меринов.

– Иуда Рыков! – отозвался седобородый старец густым басом. – Что тебе здесь надобно?

– Я думаю, ты догадываешься, старик.

– Может, да, а может, и нет.

– Я знаю, что, помимо саркофага с инициатором тхабса, твой МИР прячет ещё одну Великую Вещь.

– Какую же?

– Интегратрон.

Старец пожевал губами, перевёл взгляд на Инну, покачал головой.

– Ты ошибаешься.

– Шалишь, старик. Мне это сказал твой коллега Пётр, перед смертью, царствие ему небесное. И я склонен ему верить.

Никандр нахмурился.

– Пётр... умер? Я этого не знал. Когда, отчего?

– Я испытал на нём новый суггестор «пламя», или в просторечии «болевик». Он не выдержал.

Глаза Хранителя метнули молнии.

– Ты лжёшь!

Меринов усмехнулся.

– Хочешь, проэкспериментируем?

– Ты посмеешь... поднять руку... на Хранителя?!

– А чем ты лучше остальных людишек? Только тем, что заведешь сокровищницей Инсектов. Тем не менее я испытаю на тебе «болевик» только в случае твоего отказа. Пётр отказал, но успел-таки

назвать тебя и твой МИР, где хранится Интегратрон. Мне он нужен, хочу омолодиться. Открой к нему доступ, и останешься жить.

– Ты мне угрожаешь?!

Воздух зала пронзила молния невидимого разряда, и Марат Феликсович отлетел на несколько шагов назад, как от удара свайей. Однако на ногах удержался. Губы его изогнулись в хищно-презрительной улыбке.

– Ты ослабел, старик. Да и не тебе меня останавливать. На мне нагрудник Бабуу-Сэнге плюс отражатель *силы*, плюс вот эта машинка. – Меринов вытащил из кобуры необычной формы пистолет с шестигранным дулом и колючим «воротником». – Знаешь, что это такое?

– Я... тебя... не пущу! – тяжело ответил Хранитель.

– Предлагаю договориться. Ты знаешь, что в «розе» идёт охота на иерархов. В живых остались единицы, они бегут сюда, но Зверь настигнет их и в нашей «запрещённой реальности», а потом примется за вас.

– Это неизвестно.

– Тебе неизвестно. У меня же есть информация о планах Заказчика.

– Кого ты имеешь в виду?

– Конкере, разумеется. Он на свободе. Или ты этого не знал?

– Ему здесь нечего делать.

– Ошибаешься, у него есть конкретные планы относительно нашей реальности, готовится новое Изменение, так что скоро придёт эпоха второго Пришествия Творца человечества, эпоха Монарха Тьмы, как вы его называете. Но вы ему станете мешать. Выводы сделай сам.

– Тебе-то уж точно этого не видать!

Марат Феликсович нахмурился, сделал знак рукой, подзывая секретаршу, но почти незаметно, чтобы собеседник этого не понял.

Инна быстро переместилась влево, деловито выбирая сектор стрельбы. Для неё седой хозяин пещеры (как она поняла) являлся лишь предполагаемой мишенью, противником босса.

Хранитель снова посмотрел на неё тёмным взглядом, и девушка споткнулась, вдруг ощутив, что не может сделать больше ни шагу, а также поднять руку.

– Уходи! – проговорил Никандр таким гулким басом, что завибрировали стены зала.

– Значит, ты предпочитаешь умереть? – уточнил Меринов хладнокровно.

– Тебе здесь не пройти! Интегратрон не игрушка, ты его никогда не найдёшь!

– Упрямый старый осёл! Ты плохо знаешь мои возможности! Ещё раз...

Глаза Хранителя вспыхнули золотым огнём.

Меринова снова отнесло назад на несколько метров, однако и на этот раз он устоял. А потом ответил.

Пространство пещеры исказила молния невидимого разряда, и, несмотря на то что фигура Хранителя оделась в защитный лучистый ореол, он взвился в воздух, как воздушный шарик, и ударился о стену пирамиды Ликозидов. Лучистый ореол погас. Никандр сполз на пол, упёрся ладонями в оплавленные камни, потрянул головой. Он сейчас напоминал боксёра, пропустившего нокаутирующий удар.

– Я предупреждал, старик, – процедил сквозь зубы Марат Феликсович. – Тебе меня не остановить, мы в разных весовых категориях. Где хранится Интегратрон? Отвечай, не заставляй меня напрягаться.

Хранитель с трудом поднялся на ноги, перевёл дух. Взялся рукой за висящий на груди квадратик мандалы.

– Именем Первого заклинаю...

– Кретин упрямый! Я же тебя в порошок сотру, в пыль...

– ...силу Пракамья вызываю! – закончил Никандр.

Вокруг него снова засиял лучистый золотисто-оранжевый ореол, выбросил к Меринову копьё света.

Марат Феликсович в ответ также покрылся слоем фиолетово-синих искр, но сдержать психоэнергетический удар противника не смог, отлетел к стене пещеры, перекувырнувшись через голову.

– Ах ты, старый пень! – вскочил он, ощерясь. – Достал-таки! Что ж, ты сам этого хотел!

На груди Меринова разгорелся язычок алого огня – это включился «нагрудник справедливости», увеличивая силу владельца. Через всю пещеру протянулся к Хранителю рукав багрового света, вонзился в

тело Никандра, но растёкся тонкой плёнкой поверх «огненного плаща» старика и погас.

Однако и световое копьё Никандра также не достигло цели, разбившись на десятки тонких струек. Силы противников оказались примерно равными, несмотря на различие эмоций, их порождающих.

И в этот момент в бой Посвящённых вступила Инна.

Раздались один за другим несколько выстрелов, породивших гулкое эхо в объёме зала. Пули, выпущенные из «волка» с расстояния в десять метров, нашли цель безошибочно. И хотя Хранитель отреагировал на выстрелы и даже нейтрализовал пули – вспыхнули и погасли пять струек дыма, – от удара Меринова, воспользовавшегося моментом, защититься Никандр не успел. Взлетел в воздух, разделяясь на три зыбящихся силуэта, два из них через мгновение пропали, третий обрёл массу и тяжело рухнул на пол пещеры. Почему он не воспользовался тхабсом, спросить было не у кого. Возможно, Хранитель верил в свои силы и не допускал мысли, что может проиграть.

Меринов присел на корточки: ноги дрожали, во рту пересохло, сердце колотилось о рёбра, голова гудела. Всё же Хранитель был мощным противником и вполне мог выиграть бой, призвав на помощь коллег. Но не сделал этого.

– Добить? – деловито предложила девушка, держа под прицелом голову старика.

– Не спеши, – буркнул Марат Феликсович, поднимаясь, подошёл к поверженному Хранителю. – Нужно его допросить.

– Он в отключке.

Меринов направил на лежащего ствол «глушака», нажал на курок.

Ничего с виду не произошло, не сверкнуло пламя, не раздался ни один звук, лишь Инне показалось, что её обдала волна морозного воздуха.

– Вставай! – гулко проговорил Меринов. – Отвечай на вопросы!

Хранитель пошевелился, сел. Глаза его были открыты, но пусты.

– Где Интегратор? Я знаю, что он хранится именно в твоём МИРе.

– Он... здесь... – глухо, без интонаций, ответил Никандр.

– Где?

– Саркофаг...

– Саркофаг выполняет функции Интегратрона?!

– В определённый момент времени...

– Что это значит?

Хранитель пошевелил губами, но молчал.

– Отвечай! В каком таком определённом моменте?!

– Каждая Великая Вещь хранится в своём моменте времени.

Интегратрон спрятан в тысяча девятьсот сорок первом году, двадцать второго июня, четыре часа утра, двадцать две секунды... ровно на двадцать две секунды...

– Чёрт! – Марат Феликсович посмотрел на спутницу. – Как это понимать? – Перевёл взгляд на Хранителя. – Ты хочешь сказать, что Интегратрон доступен лишь в этот момент времени в прошлом? Именно двадцать второго июня, в четыре часа утра?

– Так хранятся все Вещи...

– Бред! Как же вы контролируете, там они или нет? У вас есть машина времени?

– Тхабс...

– Что?!

– Тхабс... может... переходить... в интервал... разрешённой... хроноинверсии... – Глаза Хранителя остекленели, речь стала невнятной. Он вздрогнул, проговорил непонятную фразу и упал лицом вниз.

– П...ц! – прокомментировала Инна, опуская пистолет.

Меринов нервно потёр ладонь о ладонь, стряхнул на пол струйки тающих багрово-фиолетовых искр.

– Никогда бы не подумал...

– Что?

– Что Великие Вещи хранятся в определённых моментах времени. А я обыскался их в МИРах! Какая великолепная идея! Теперь надо лишь выяснить, как до них добраться. Старик проговорился – через тхабс... Неужели я чего-то не знаю? Или и в самом деле тхабс может работать в режимах временной инверсии? Попробовать, что ли?

– А с ним что делать?

Марат Феликсович очнулся.

– Добей его, он нам уже не нужен. И возвращаемся. Экспериментировать с тхабсом лучше в знакомой обстановке, здесь чужая территория, ещё Хранители слетятся.

В зале раздались два выстрела.

Глава 12

ДЗИ-НО-РИН

Первый же эксперимент с тхабсом едва не закончился для Артура трагически.

Тарас не предупредил его о возможных последствиях выхода в мирах с другими физическими условиями и законами, а «просить» тхабс о защите Артур еще не умел. Вышел же он в «ближайшем» от земного «лепестке розы реальностей», то есть на Луне.

Если бы не его реакция, хватило бы и трех-четырех секунд, чтобы остаться на Луне навсегда – в виде ледяной статуи. Но, получив самый настоящий «нокдаун холода» – температура «атмосферы» на поверхности Луны, в тени, при отсутствии солнечных лучей, достигает минус двухсот сорока трёх градусов по Цельсию, – Артур охнул и тут же инстинктивно «выдернул» себя из «реальности номер 2» обратно на Землю.

Несколько минут он приходил в себя, оттирал озябшие нос и уши, вспоминал лунный пейзаж. Луну он знал плохо, поэтому уточнить, в каком именно районе его «высадил» тхабс, не представлялось возможным. Перед глазами стояла стена кратера и угольно-чёрное небо над ней, усыпанное немигающими колючими звёздами.

– Будь осторожен, – вспомнился совет Тараса. – Вход в безвыходное положение, как правило, бесплатный, а за выход надо платить.

– В какой валюте? – озадачился Артур.

– Иногда валютой является жизнь, – был ответ.

Мог бы и предупредить, подумал Суворов недовольно, что на Луне нет воздуха.

Сам думай, прежде чем куда-то прыгать, назидательно проговорил внутренний собеседник. Тебе дали классную возможность бесплатных путешествий по миру, пользуйся, но думай о последствиях.

Умный больно, ответил себе Артур со вздохом. Сам знаю, что рисковать надо расчётливо. С другой стороны, кто не рискует, тот не пьёт шампанского.

Это ты скажи тем, кто после риска уже ничего не пьёт.

Ладно, зануда, я буду предельно осторожен.

Артур напился горячего чая, сел в кресло перед телевизором, не спеша его включать, принялся анализировать полученную от Тараса информацию.

В «замке» Ликозидов они находились недолго.

Артур испытал удивительные ощущения, лёжа в углублении саркофага, включённого спутником, но потом так и не смог их внятно описать.

Он куда-то падал, пробивал телом какие-то стены, горел и замерзал. Потом в него кто-то лез со скрипом, вынимал из черепа мозг, разбирал на части, собирал снова. В голове после этого обнаружились «лишние детали», вспыхивали и гасли галактики странных видений, превращаясь в пульсирующие горячей кровью узлы и дыры, которые впоследствии куда-то исчезли. Однако одна такая «дыра» осталась – нечто вроде опухоли, отзывающейся на мысли хозяина вспышками «тонкого инфракрасного» света. Возможно, это обнаруживала себя нейронная структура мозга, запрятанная в гипофизе, которая отвечала за «включение» тхабса.

– Я спешу по делам, – сказал Артуру его новый учитель, – поэтому будешь экспериментировать с собой самостоятельно. Но будь осторожен. Эта штука опасна. Хочешь, испробуем её сейчас? Ты перенесёшь нас обоих из этого зала прямо к себе домой, а я подстрахую.

– Нет! – испугался Артур. – Не сейчас! Я... не смогу... потом как-нибудь... лучше вы...

Тарас возражать не стал, и они действительно перенеслись в квартиру Суворова, оставив в глубинах земли модуль иной реальности, построенный разумными тарантулами.

Тарас вскоре исчез, пообещав появиться через какое-то время, а Суворов долго разбирался в своих ощущениях, веря и не веря, что получил необыкновенные способности мгновенно переноситься на большие расстояния, собирал растрёпанные и разбежавшиеся мысли и укладывал по полочкам чувства.

Экспериментировать с тхабсом в этот день он не стал. Вечером сходил с приятелем Валерой в ресторан, пребывая в эйфорически-приподнятом настроении, хотел было похвастаться ему приобретенной

«магической силой», но вовремя передумал. Зато удивил Валеру своим поведением.

Машину он поставил напротив ресторана, прижав к тротуару, а когда попытался отъехать, обнаружил, что дорогу перегородил чёрный «бумер» с блатным номером Д666УБ. Водитель «БМВ» сидел на месте, курил, но на жесты Артура: подвинься, мол, – не реагировал, лениво пускал дым в открытое окно и слушал жуткое звуковое бухалово под названием «музыка».

– Подождём, – сказал приятель, – с такими лучше не связываться. Ты ведь не торопишься?

Артур помедлил, прикидывая варианты ситуации, и вылез из своей спортивной «Лады». Подошёл к «бумеру», ощущая странный трепет мышц и лёгкость движений. Мир вокруг стал прозрачным, зыбким и эфемерным, диапазоны слуха и зрения раздвинулись, душу наполнили сила и уверенность в том, что ему подвластны любое воздействие на окружающих, любое изменение обстановки. Лишь позже, загнав машину в гараж, он понял, что у ресторана его сознание само собой включило некую психическую сферу, которую Тарас называл «пространством адекватного ответа», и Артур, преодолев порог чувствительности внешних психофизических полей, по сути превратился в модулятор среды. Он даже вспомнил название *силы*, инициированной сознанием: *шуньята* – «пустотность», помогающая «устранению зла возникшего» и «недопущению зла возможного».

– Друг, сдай назад на полметра, – проникновенно проговорил Артур, сам удивившись звучности и бархатистой значительности своего голоса.

И водитель – квадратная морда, бритый череп, золотая цепь на груди, золотая серьга в ухе, чёрные очки – вдруг ни слова не говоря отъехал назад, освобождая проезд.

– Ну ты даёшь, Суворов! – с уважением сказал Валера, когда ресторан остался позади. – Что ты ему сказал?

– Я был предельно вежлив, – пробормотал в ответ Артур, пытаясь разобраться в своем поведении. И сделал вывод, что Тарас был прав: умение адекватно реагировать на внешние вызовы, мгновенно выбирать оптимальную стратегию поведения, наверное, важнее умения драться. Хотя Артур не отказался бы научиться и «настоящему» боевому искусству.

Спал он плохо, ворочался. Зато видел сны, один из которых запомнился, как цветной фильм.

Зелёная холмистая равнина, поросшая необычной метельчатой травой и хвощами. Заросли не менее экзотического кустарника с шапками ярких розовых и сиреневых цветов. Лес вдаль: гигантские сосны, а может быть, лиственницы, пальмы, круглые, как шары, деревья неизвестной породы.

Крепость на ближайшем холме, удивительно правильных геометрических очертаний, с рядами отсверкивающих изумрудных выпуклых щитов. И огромное летающее сооружение неподалёку, напоминающее ажурное складчатое крыло с висящими бахромчатыми краями, темно-зелёного цвета, с голубоватыми и более яркими прожилками.

Сооружение медленно плыло на высоте полукилометра к крепости, тая непонятную угрозу. Но, видимо, обитатели крепости хорошо представляли степень этой угрозы и не стали ждать, когда летающая машина размером с земной авианосец приблизится вплотную.

У основания крепости началось какое-то движение, из круглых дыр посыпались наружу сверкающие изумрудной зеленью тела, образуя шеренги, и вдруг разом в небо взвилась туча... насекомых! Это были гигантские жуки!

Летающее крыло остановилось, окуталось слоем неярких в свете дня искр и метнуло в тучу жуков столб вихрящегося розово-фиолетового огня. И тотчас же с одного из шпилей крепости сорвалась голубая молния, вонзилась в сооружение, срезая часть бахромчатых хвостов.

Чем закончилась битва необычных противников, Артур не увидел, проснулся. А после недолгого размышления понял, что сон скорее всего навеян рассказами Тараса о предках человечества – Инсектах, которые вели между собой непрерывные войны.

С тхабсом же он начал упражняться уже утром, после зарядки и завтрака, и оказался на Луне...

Первым его побуждением было бросить эксперименты ко всем чертям, отказаться от предложения Тараса и зажить прежней свободной жизнью. Но любопытство пересилило. Он ещё не испытал возможности тхабса в полной мере и не попутешествовал по «розе

реальностей», представлявшей собой многомерную сложную физическую конструкцию, конгломерат миров с разными законами и условиями жизни.

Напившись чаю, Артур переоделся в более подходящий для экстремальных путешествий костюм: штаны с водоотражающим слоем для скоростных спусков на лыжах, такая же куртка, плотная рубашка, вязаная шапочка, кроссовки – и с дрожью в коленях «приказал» сам себе перейти в состояние тхабса.

Красный свет брызнул в глаза, дыхание пресеклось, тело словно окунули в полынью зимой! Однако на сей раз удар холода не был столь сильным и внезапным, как на Луне. Температура воздуха в месте выхода не превышала минус пятидесяти градусов по Цельсию. А вот дышать здесь было практически нечем. Поэтому, хватанув ртом обжигающий лёгкий разреженный, как на большой высоте, воздух, да ещё и лишённый кислорода, Артур тут же скомандовал себе «отступить без боя» и оказался в своей квартире, полной знакомых запахов.

– Уф! – выдохнул он, зябко тряся руками, засмеялся. – Кажется, я начинаю привыкать. Надо только уточнить у Тараса, как он обходится без скафандра, попадая в открытый космос.

Суворов унял дыхание, вытер пот со лба, размышляя над тем, что увидел.

Сомнений не было: тхабс перенёс его на Марс, который, с одной стороны, представлялся физическим объектом – планетой, а с другой – одним из «ближайших» к земному «лепестков розы реальностей». Каким образом эти две разные сути мира объединялись в одну общую сложную структуру, Артур не представлял. Не хватало фантазии. Но помнил слова проводника, что в «розе» существуют и гораздо более экзотические объекты, не поддающиеся никакому геометрическому описанию.

А что, если попробовать махнуть в прошлое? – пришла неожиданная мысль. Тарас намекал, что тхабс может посылать хозяина не только в пространства «розы», но и в прошлое, создавая «виртуальные кротовые норы» во времени. Почему бы не посмотреть на Инсектов во времена их господства?

Вспомнился недавний сон – эпизод сражения разных видов Инсектов, жуков и ос, если только тот летающий дредноут

принадлежал осам. Захотелось посмотреть, чем все закончилось, хотя Артур и сомневался, что тхабс перенесёт его именно в нужный момент времени, затерявшийся в бездне прошлого.

Он сосредоточился на внутреннем диалоге с тхабсом, как учил Тарас, представил ту самую зелёную равнину, поросшую хвощами, холм, крепость разумных жуков на его вершине. Добавил мысленно, будто тхабс был собеседником: «Неси меня туда!»

Неизвестно, что сработало. Правильная ориентация тхабса или сильное желание Артура побывать в прошлом. Но вышел он из «временного тоннеля» примерно там, где хотел.

Та же зелёная бескрайняя равнина с редкими пологими холмами, поросшая травой и хвощами разных видов. Равнину пересекает река. Небо глубокого синего цвета кажется бездонным, по нему быстро несётся череда ослепительно белых облаков. Горизонт кажется ближе, чем на Земле, но этому имеется объяснение: в мезозое диаметр Земли был меньше, чем в эпоху расцвета человечества. Оттого и сила тяжести здесь чуть выше, на пару-тройку процентов, что отражается на чувствах как физическое недомогание или утомление после спортивных соревнований по тяжёлой атлетике.

Готовый в случае опасности дать дёру, сбежать в свой уютный домашний мирок, Артур принялся: кислорода вполне достаточно, но много незнакомых запахов – и поднялся на вершину близкого холма. И тут же присел на корточки, втянув голову в плечи.

Над холмом с тихим гулом пролетела знакомая махина в форме складчатого крыла из янтарного, с бутылочно-зелёными прожилками, материала, напоминающего пчелиные соты. Длина этого летающего левиафана превышала длину футбольного поля, а высота складок достигала десяти-пятнадцати метров.

Он пересёк пространство над рекой, притормозил. На край крыла вдруг выползло откуда-то из складок странное существо, сверкающее хрусталём и металлом, с большими фасетчатыми глазами, и остолбеневший Артур узнал в нём гигантскую... муху! «Мускида сапиенс» – выдала память название разумных мух, хотя никогда раньше Суворову не приходилось ни беседовать о них, ни специально изучать виды насекомых.

Рядом с первой мухой (боже мой, длина тела – не меньше двух метров!) появилась вторая. Владельцы, обитатели или пилоты

летающей крепости Мускидов, заинтересовались человеком на холме.

Пора бежать, посоветовал Артуру трезвый внутренний голос.

Гранатомётник бы... – отозвался авантюрист, часто берущий верх в планировании рискованных мероприятий.

Шарахнет молнией – костей не соберёшь! – возразил осторожный прагматик.

Артур поёжился, испытывая возбуждение и страх, но уходить не хотелось. Мир прошлого был необычен и прекрасен, не говоря уж об интересе, который испытывал путешественник.

Замок Мускидов двинулся к холму, на вершине которого присел на корточки Артур.

И в это время на равнине появился другой объект, заставивший Мускидов обратить на него внимание.

Сначала издалека донёсся тихий дробный цокот, ни на что не похожий.

Потом холм под Артуром начал содрогаться, а цокот превратился в «стук копыт», будто к реке неслось стадо коней.

И, наконец, появился носитель этого странного «массивного» шума», издали напоминающий колонну бронетранспортёров. Лишь когда эта колонна приблизилась, Артур понял, что видит ползущих одна за другой гигантских... многоножек!

Конечно, форма существ, закованных в бликующую броню алого и коричневого цвета, немного отличалась от насекомых, известных людям, но все же это были именно они, многоножки, а точнее – сколопендры, только в сотни раз больше своих земных потомков.

– Мать моя женщина! – прошептал Артур, передёргиваясь; насекомых он не любил с детства, особенно таких «неаппетитных», как многоножки, тараканы и пауки.

Отряд Сколопендр остановился, заметив висящую над рекой крепость Мускидов. Всего многоножек насчитывалось два десятка, длина каждой достигала не менее пятнадцати метров, и вид у них был угрюмо-угрожающий. Они разом вздёрнули передние жгутики – самые настоящие членистые рога и приподняли передние сегменты тел, словно предупреждая врага о возможных последствиях боя, вздумай кто на них напасть.

Артур затаил дыхание, гадая, чем закончится встреча Инсектов.

Некоторое время ничего не происходило.

Мускиды и Сколопендры разглядывали друг друга, прикидывая варианты возможных событий. Потом Мускиды всё-таки решили атаковать колонну, отбросив сомнения.

Оба «мушиных пилота» скрылись в складках своего летающего «броненосца», тот колыхнул всеми висящими бородами бахромы и устремился к отряду Сколопендр.

Многоножки отреагировали на этот маневр мгновенным перестроением колонны в кольцо, ошетинились рогами и задними усиками-антеннами. Как оказалось, и те и другие играли роль антенн-излучателей энергии.

Дредноут Мускидов начал первым.

Его сложный корпус покрылся слоем искр, искры стекли к острым концам бахромы, сорвались жидкими огненными каплями, и эти капли понеслись к своеобразному защитному редуту Сколопендр.

Но и многоножки не дремали. С их рогов сорвались извилистые фиолетово-зелёные молнии, вонзились в огненные капли, разбрызгивая их на тающие лоскуты огня. Затем молнии метнули задние антенны многоножек, целя уже по крепости Мускидов. Большинство из них отразилось от защитного искристого покрывала крепости, но некоторые пробили защиту, проделав в корпусе дымящиеся оплавленные дыры. Крепость закачалась, как лодка на волнах, косо пошла вниз, к земле. Но все же сумела выровняться, повисла в сотне метров от вершины холма, на котором стоял Артур.

Однако бой на этом не закончился.

Из складок крепости вдруг полезли её хозяева, взлетели в воздух тучей, накрыв местность плотным гудением, и эта многокрылая стая – около сотни гигантских мух! – бросилась на замершее кольцо Сколопендр.

Засвистели молнии – с той и с другой стороны, кромсая тела Мускидов и Сколопендр. Разгорелся жестокий бой. Противники не жалели себя, бросаясь друг на друга с холодной яростью машин, увертываясь от выстрелов с удивительной быстротой и маневренностью. Море сплошного сверкания накрыло место боя, воздух наполнился свистящим треском, шипением и грохотом.

Одна из молний прошла по склону холма Артура, проделав в нём дымящийся шрам, но он стоял и смотрел, открыв рот,

заворожённый сражением Инсектов, не в силах отвести взгляд от красочной огненной феерии.

Ещё одна молния вырвалась из общего облака сверканий, прошла воздух в полуметре от головы Артура. Он отшатнулся, вдруг сообразив, что находится слишком близко от поля боя, представляя собой прекрасную мишень, и в любой момент может схлопотать электрическую «пулю».

Кто-то ударил его по плечу.

Артур инстинктивно прикрыл локтем голову, шарахнулся в сторону, оглядываясь.

На него в странной задумчивости смотрел давешний знакомец Тарас, проводник и учитель, одетый в свой постоянный белый костюм.

– Давно здесь?

– Здравсьте... – пробормотал Артур. – Полчаса всего... как вы меня нашли?

– По запаху, – усмехнулся Тарас. – Не думал, что ты сможешь сориентировать тхабс на хроноинверсионный режим. Это удаётся далеко не каждому Посвящённому.

С пронзительным свистом воздух рассекла молния, но вонзилась она не в Артура, а в некий невидимый колпак, окружавший разговаривающих. При этом колпак на мгновение стал видимым – как прозрачный стеклянный стакан – и тут же пропал вместе с молнией.

Артур побледнел.

– Ясно, – кивнул Тарас, – настраивать тхабс на защитные реакции ты ещё не умеешь.

– Вы не объясняли... разве он... тхабс... может меня...

– Тхабс – системный параметр, «вмонтированный» в человеческую психику на уровне подсознания. Он способен организовывать вокруг оператора сферу почти абсолютной защиты.

– И в пустоте? Я имею в виду... там, в космосе...

– Естественно. Ты уже экспериментировал с тхабсом? – догадался Тарас. – Куда тебя занесло?

– На Луну... потом на Марс...

– Тхабс даёт возможность какое-то время, не больше двух часов, находиться без вреда для здоровья в любой агрессивной среде.

– Я не знал...

– И всё же уцелел. Похвально, я начинаю сомневаться в своих выводах. Однако давай-ка уберёмся отсюда подальше, пока местные ребята не обратили на нас внимание.

– Инсекты?

– Инсекты нам не опасны, а вот «засвечиваться» перед сторожами периметра не стоит.

Свет в глазах Артура сменился тьмой, и тут же зрение восстановилось.

Он оказался в своей квартире, мгновенно преодолев бездну времени, отделявшую двадцать первый век от эпохи мезозоя.

– Тебе пора самому заботиться о себе, – продолжал Тарас как ни в чем не бывало, появляясь рядом. – Я не смогу уделять тебе много внимания. Но если ты не научишься своевременно и правильно оценивать последствия каждого своего шага, долго не проживёшь.

– Как же я тогда наберусь опыта, не рискуя?

– Дорогой мой, жизненный опыт – это когда количество сделанных ошибок переходит в качество. Постарайся приобрести положительные качества. Переодевайся в более подходящий для лета костюм и пойдём.

– Куда?

– Я уже и так превысил полномочия, выполняя волю Светлены, так что не будет большой бедой, если я дам тебе ещё кое-какие знания, которые помогут тебе выжить. На первых порах. Потом уж не обессудь, отвечать за свои решения ты будешь сам.

– Я не просил вас помогать...

– Но ты и не отказывался, когда мог. А сейчас уже поздно. Или нет? – Тарас прищурился. – Ещё, пожалуй, можно вернуться в исходное состояние, отключить тхабс, почистить память...

Артур недоверчиво посмотрел на собеседника.

– Вы шутите.

– Нисколько. Если человек сомневается в успехе дела, он никогда не добьётся цели. Зачем нам такой герой?

– Я... не сомневаюсь...

– Зато я сомневаюсь.

– Вы слишком плохо думаете о других...

– Плохо думать о других, конечно, грех, но едва ли ошибка. Итак, ты не передумал?

Артур сжал зубы. Очень хотелось заявить «да, передумал», но внезапно всплывшая из глубин души гордость заставила сказать обратное:

– Нет!

– Тогда переодевайся, и поехали.

Артур сбросил горнолыжный костюм, натянул джинсы, футболку, выпил пол-литра холодного кефира, появился в гостиную, где Тарас рассматривал книги на книжных полках.

– Я готов.

На глаза надвинулись шторы темноты, тело испытало секундное падение в бездонный колодец, пятки ударились обо что-то твёрдое, свет сменил темноту.

Пещера, слабо освещённая стоящим посреди замком Инсектов. Только на этот раз сооружение принадлежало явно другому виду разумных насекомых, судя по его виду.

– Мавзолей Акаринов, – сказал Тарас. – Он стоит примерно на глубине трёхсот метров под Ташкентом.

– Акарины – это...

– Разумные клещи. Во времена Инсектов они нападали на врагов из засады и высасывали их полностью, так что оставалась только хитиновая оболочка.

Артур кивнул, разглядывая странное ребристое строение, напоминающее застывшего в конвульсиях гигантского кольчатого червя цвета запёкшейся крови. Рёбра сооружения сочились тусклым оранжевым свечением.

– Ну и уродина!

– Свои жилища Акарины строили под землей, поэтому форма их не сильно радует глаз.

Тарас подошёл к стометровой спирали, постучал костяшками пальцев по выпуклому боку нижней трубы.

– Сударь Иакинф, отзовитесь, пожалуйста, к вам гости.

– Вы хотите встретиться с Хранителем? – догадался Артур. – Разве он живёт здесь?

– Нет, конечно, он живёт в Ташкенте, как самый обычный человек, но меня он услышит.

Словно в ответ на слова проводника, в десятке метров от гостей соткалась из воздуха фигура пожилого толстяка в тубетейке, в

национальной казахской одежде, смуглолицего, усатого, с глазами-бусинками.

– Что нужно Отступнику? – проговорил он неожиданно низким сочным голосом с характерным горловым акцентом, перевёл взгляд на Суворова. – А это кто с тобой?

– Бегущий по лезвию бритвы, – улыбнулся Тарас. – Возможно, он станет помощником Архитектора Согласия. Но для этого ему нужна Вещь, которая хранится в твоём МИРе.

Хранитель нахмурился.

– Это невозможно.

– Это необходимо, – возразил Тарас. – Подумай и согласишься, что пришла пора изменить своё отношение к жизни, надо разгерметизировать запасы эзотерических знаний во имя спасения всей «розы».

– Это невозможно! – В голосе Иакинфа прозвучал металл. – Никто не имеет права вскрывать хранилища с опасными для цивилизации Вещами. Иначе Равновесие рухнет.

– Оно всё равно рухнет, поскольку об этом позаботится Конкере, вырвавшийся на свободу. Я мог бы просто приказать тебе, Кифа, открыть мне хранилище, но я прошу.

– Кто ты такой, чтобы приказывать мне? – сверкнул глазами Хранитель.

– Я диарх, – спокойно ответил Тарас, – исполняющий обязанности инфарха. Вот моё удостоверение.

Он протянул вперёд руку, и над ладонью встало облачко золотистого сияния, превратилось в изумительно гармоничной формы иероглиф.

– Матига-на... – пробормотал Иакинф, меняясь в лице. – Символ власти инфарха...

Иероглиф погас. По залу прошла волна холодного воздуха.

Хранитель поклонился.

– Приветствую тебя, диарх... прости, я не знал...

– Этого пока не знает никто, и ты молчи о нашей встрече. Мало того, заблокируй МИР после нас, чтобы никто не мог проникнуть в него, даже Высшие Мастера.

– Зачем?

– Наш враг Рыков ищет выходы на Великие Вещи Мира, нельзя допустить, чтобы он завладел Щитами Дхармы.

– Хорошо, я сделаю, как ты сказал. Какой именно Щит тебе нужен?

– Не мне. – Тарас оглянулся на Артура. – Ему. Я бы дал ему Дзюмон.

Хранитель в сомнении взялся за подбородок.

– Какую ступень Посвящения прошёл сей юноша?

– Он не посвящён.

На лице Иакинфа отразилось изумление.

– Но ведь такое вообще недопустимо! Ни один непосвящённый не имеет права владеть...

– Времена изменились, Кифа, нужны новые герои, о которых нашим врагам ничего не известно. Этого парня никто не знает, поэтому у него есть шанс на успех.

Хранитель покачал головой.

– Даже Мастера не удержат Дзюмон...

– Я вложил в него шактипат надситуационной защиты и три сиддхи, необходимые для достижения цели: *вашикарану*, *стхула-шариру* и *уччатану*. Он справится.

Хранитель снова качнул головой.

– Мир действительно изменился... за активацию сознания непосвящённого тебя снова объявили бы Отступником... и всё равно я считаю, что он не удержит Дзюмон.

– Хорошо, давай дадим ему Дзи-но-рин, пусть поработает с земным уровнем, а потом посмотрим, подчинится ему Дзюмон или нет.

Иакинф окинул смирно стоящего Артура скептическим взглядом, но возражать больше не стал. Поклонился, отступил, двинулся к замку Акарин и вошёл в стену нижней трубы так, словно она была голографическим миражом. Впрочем, Артура это не удивило, он уже начал привыкать к тому, что мир вокруг полон непостижимых тайн и живёт, кроме земного, на других уровнях, недоступных органам чувств обычных людей.

– Что такое сиддхи? – спросил он. – Вы перечисляли – *вашикарана*...

– **Вашикарана** – осуществление контроля над сознанием. Вообще-то сиддхи – это паранормальные способности, позволяющие духовно устремлённым людям развивать свои духовные устремления, дающие доступ к проявленным мирам.

– Вы называли ещё ст... стха...

– *Стхула-шарира*, оставление материального тела. Эта сиддха тебе ещё понадобится. А последняя – *уччатана* – позволит тебе изгнать подсаженный в твоё сознание «вирус тьмы».

– Что это значит?

– Это нечто вроде самостоятельного экзорцизма – способа «изгнания беса». Ты был открыт для любой астрально-ментальной атаки, а получив *уччатану*, сможешь дезинтегрировать в сознании наведенные психические структуры.

– Но я ничего такого не чувствую... Как ими пользоваться, сиддхами?

– Просто заранее настраивай себя на противодействие любому злу, сочетая внутреннее сопротивление с возможностями сферы ПАО. Сиддха и проявится.

– Проверить бы...

– Ещё успеешь.

– А о каких щитах вы говорили?

– Это не те щиты, о которых ты думаешь, это Щиты с большой буквы, Щиты Дхармы или Щиты высшей духовной защиты. Дзи-но-рин олицетворяет «кольцо земной мощи», Суи-но-рин – «кольцо водяной мощи», Ка-но-рин – «огневой» и Фу-но-рин – «ветряной». Но существует Щит Универсума – Дзюмон, который объединяет свойства первых четырёх. С ним можно даже противостоять Монарху Тьмы.

– Здорово! А почему вы думаете, что я не справлюсь с этим Щитом?

Тарас помедлил, рассеянно поглядывая по сторонам. Временами его фигура начинала зыбиться, пульсировать, как облако дыма, но быстро приобретала прежние очертания.

– Ты не обладаешь нужной степенью уверенности и ответственности. Ты всё ещё надеешься, что мы играем, что в случае неудачи сможешь отступить, сбежать. Щиты же подчиняются только героям, обладающим другими качествами.

– Я... не трус... – пробормотал покрасневший Артур.

– Это верно. До известных пределов. Но в большинстве случаев, насколько мне известно, ты избираешь путь отступления.

– Почему же тогда вы...

– Поговорим на эту тему в другой раз. Я никого ни в чём не обвиняю, я лишь хочу настроить тебя на результат.

Помолчали.

У Артура пылали уши. Ему хотелось ответить собеседнику резко и остро, доказать, что он – сильная натура, не боящаяся экстремальных ситуаций, что ему всё по плечу, но в глубине души Артур понимал правоту слов Тараса и мучился сознанием непонятной вины и сожаления, с трудом сдерживая обиду.

Тарас искоса посмотрел на него, усмехнулся, понимая чувства спутника, но говорить ничего не стал.

– Чего он так долго? – буркнул Артур, чтобы хоть как-то разрядить обстановку.

– Щиты Дхармы не здесь, – ответил Тарас.

– А где?

– То есть они находятся в данном замкнутом пространстве, но в другом времени.

– Как это?

– Каждая Великая Вещь Мира находится в определённом временном интервале вполне определённого момента истории. Скажем, Интегратор «лежит» в тысяча девятьсот сорок первом году, двадцать второго июня, в четыре часа утра, и доступен всего двадцать две секунды. Щиты также спрятаны каждый в своём временном узле. Дзи-но-рин – в тысяча восемьсот двенадцатом году, Дзюмон – в тысяча первом году, остальные – в других временных координатах.

– Ну и ну! – Артур не смог скрыть ошеломления. – Никогда бы не подумал! Значит, за ними надо спускаться в прошлое?

– Совершенно верно. Хотя это необычный спуск – по цепи родовой памяти в тело предка. Как-нибудь я объясню тебе этот процесс.

– Но как же... я же только что путешествовал во времени...

– Путешествовало твоё эфирное тело, спускаясь по родовой линии в нужный момент времени. Думаешь, это ты стоял там на холме, во время сражения Мускид и Сколопендр? Это стоял твой предок.

– К-какой предок?!

– Уже не Блаттоптера, не таракан, так как Изменение началось, но ещё и не человек, каким ты видишь себя в зеркале.

– Не может быть! Я чувствовал себя... там... как всегда... своё тело...

– Естественно, вы же прямые родичи с ним, и чувства ваши взаимообусловлены и зависимы.

– Но вы... я видел вас, а не предка...

– Я – другое дело, я могу инвертировать время, как физический объект.

– Не понимаю... я читал о парадоксах... путешествия в прошлое невозможны, потому что тогда каждый может вернуться назад в прошлое и убить самого себя... или родственника...

– Такой вариант континуума реализован в одном из «лепестков розы». Тамошний мир называется Регулюм. Путешествия в прошлое там разрешены, и этим пользуются две конкурирующие системы, регулируя жизнь местной вселенной. В нашей же матричной реальности парадоксы исключены законом, который чаще называется принципом Паули.

– Это же про электроны... два электрона не могут находиться на одной и той же орбите в одном энергетическом состоянии...

– Принцип Паули запрещает не только элементарным частицам занимать одни и те же энергетические уровни, но и объектам гораздо более сложным, людям, например, – пересекаться в диапазоне «неразрешённого временного потока». Я не смогу вернуться в прошлое с момента собственного рождения и момента ухода. Меня не пропустит «демон хронограницы». Мало того, я не смогу даже побывать в прошлом во время жизни отца и матери. Диапазон «неразрешённости» составляет около двухсот лет.

– И кто же этот закон... внедрил?

– Тот, кто изменил нашу Вселенную.

– Конкере?

– Конкере, или Монарх Тьмы, изменил лишь нашу Материнскую реальность, за что и поплатился. Но до него был ещё один деятель, который тоже замахнулся на коррекцию Замысла Творца.

– Расскажите, – загорелся Артур.

– Я тороплюсь, попробуй найти информацию сам.

– Где? Не в библиотеке же...

– В библиотеке, но под названием ментал или общее энергоинформационное поле Земли. Если тебя, конечно, пустят туда и выпустят живым.

– Почему? – вздрогнул Артур.

– Потому что эта информация опасна, ею дозволено пользоваться только Посвящённым высокого ранга, Мастерам и иерархам. Так что будь осторожен.

– Я хотел бы...

– Отставить! – поднял руку Тарас. – Время вопросов истекло.

Из отсвечивающей пурпуром стены замка Акарин вышел Хранитель. Исподлобья глянул на Артура, на Тараса.

– Ты гарантируешь мне?..

– Только то, что Дзи-но-рин не достанется другому, ни человеку постороннему, ни адепту Круга. Остальное всё – в руках бога, как говорят в таких случаях.

– Я хотел бы получить свидетельство передачи...

Тарас вынул из кармана пиджака белую карточку.

– Моя визитка, положи её на место Щита, этого достаточно.

Хранитель взял визитку, повертел в пальцах, прочитал вслух:

– «Особые полномочия». – Поднял глаза. – Здесь стоит печать ММ. Интересно, кто же нынче Мастер Мастеров?

– Он сам об этом скажет, когда настанет время. Прощай, Кифа. Остерегайся Рыкова, спрятавшегося под личиной другого человека. Он никого не пощадит в погоне за Великими Вещами.

– Зачем это ему?

– Не догадываешься? Всё предельно просто. Каждая Великая Вещь является символической «буквой» имени Изначально Первого, реализованной материально – как синкэн-гата, или энергоинформационно – как тхабс. Вместе они – великая *сила*! Рыков хочет вызвать Творца, чтобы управлять Вселенной. И ему это удастся, если мы позволим.

– Собрать все Вещи невозможно!

– Кто знает? Ты пытался? Нет? Я тоже. Поэтому лучше перестраховаться. Но о деле. Давай Щит.

Хранитель помедлил, всё ещё сомневаясь в необходимости данного шага, подозвал Артура:

– Подставь ладонь.

Артур, чувствуя душевный трепет, шагнул к нему, подставил ладонь.

Хранитель достал из-под полы халата плоский белый кружок диаметром в десять сантиметров, напоминающий картонную подставку под пивную кружку. Кружок оказался тяжёлым, словно сделан был из свинца, но мягким и шелковистым на ощупь. На нём засветились золотом тонкие линии, складываясь в геометрические фигуры, пересекающиеся друг с другом: три треугольника и три окружности.

– Что ты видишь? – осведомился Иакинф.

– Треугольники... круги... – неуверенно проговорил Артур.

– Попробуй поймать фокус трёхмерного восприятия.

– Как?

– Да, в школе этому не учат, – усмехнулся Тарас. – Смотри на Щит в глубь него, ближе – дальше, пока не поймашь фокус.

Артур напряг зрение, вглядываясь в рисунок, и в какой-то миг плоские фигуры на белом круге вдруг сложились в объёмную конфигурацию, вставшую над плоскостью наподобие антенны.

– Я же говорил, он справится, – хмыкнул Тарас.

– Удивительно! – покачал головой Хранитель. – Честно говоря, я не верил, что у него получится. На моей памяти это первый такой случай.

– Что дальше? – прикусил губу Артур, удерживая переливающуюся золотистым призрачным светом «антенну» как объёмную фигуру.

– Я тебя ударю, а ты защитись, – предложил Тарас.

– Подставить Щит?

– Представь, что мой удар натывается на препятствие.

Тарас шагнул к Суворову и ударил его в грудь кулаком.

Что произошло дальше, Артур не понял сам.

Световая вязь геометрических фигур – тетраэдров и шаров – над ладонью вдруг растеклась слоем света, с грохотом развёлся пол пещеры, и между Артуром и Тарасом образовалась... каменная стена высотой в два метра!

Артур от неожиданности выронил кружок Щита.

Стена осела, рассыпалась на глыбы и куски горных пород.

Тарас посмотрел на молча стоящего Иакинфа.

– Ещё есть сомнения, Кифа? Благодарю за доверие. Может быть, у нас действительно есть шанс спасти мир. Хотя этому парню ещё идти и идти. Подними Щит. Он твой.

Артур, покраснев, поднял ставший совсем лёгким кружок.

– Не обязательно держать его в руке, Щит можно носить в кармашке на груди и научиться активировать его мысленным усилием, чтобы он срабатывал автоматически, на инстинкте, когда ты захочешь защититься.

– Хорошо, я попробую.

– Не сейчас и не здесь. Благодарю Хранителя.

Артур пошевелил губами, подыскивая нужное слово, потом поклонился.

– Спасибо.

– Щит – не божья благодать, – покачал головой Иакинф. – Это почти проклятие. Но пусть он послужит благому делу.

– Идём, – взял Артура за руку Тарас.

И пещера с крепостью Акарин и её Хранителем скрылась в темноте перехода.

Глава 13

ВЕЛИКАЯ ВЕЩЬ

Гептарху Лукьяну исполнилось двести тридцать шесть лет.

Первое Посвящение во Внутренний Круг он получил ещё в начале девятнадцатого века, аккуратно за неделю до вторжения войск Наполеона в Россию, став одним из Писцов Истинной Истории при канцелярии тогдашнего Союза Неизвестных; в девятнадцатом столетии российский Союз насчитывал одиннадцать кардиналов.

В середине девятнадцатого века, как раз в тот момент, когда в России были арестованы и приговорены к смертной казни члены кружка Петрашевского, в том числе и Фёдор Михайлович Достоевский^[3], Лукьян прошёл вторую ступень Посвящения в Круг и стал одним из самых молодых кардиналов Союза Неизвестных, управляющего Россией.

В начале двадцатого столетия, накануне восстания на броненосце «Князь Потёмкин Таврический», Лукьян стал Мастером Психического Надзора и удалился от дел, связанных с коррекцией реальности. В тысяча девятьсот девяносто первом году он получил третье Посвящение и с благословения инфарха занял пост гептарха – Мастера Контроля Света, отвечающего за соблюдение правил поведения иерархов в «розе реальностей».

И всё шло хорошо до момента смены власти и ухода с поста прежнего инфарха. Но и после этого Лукьян продолжал исполнять свои обязанности и даже занимался творческим трудом, сделав своим авешей земного писателя-фантаста Лукьянова, передав ему часть знаний об устройстве матричной реальности, в результате чего на свет появилась целая серия фантастических романов: «Ночной кошмар», «Дневной кошмар», «Сумеречный», «Утренний», «Вечерний» и так далее. Ничего не изменилось в поведении Лукьяна и тогда, когда в «розе» появился Зверь Закона и начал охоту за иерархами.

Сначала он не придавал этому значения, считая себя абсолютно не виноватым в происходящей чехарде смены власти и хорошо защищённым от любых атак магических существ. Он даже не стал

укреплять своё жилище, нашедшее приют на планете одной из звёзд центра Галактики, мир которой был ему подвластен.

Планета не являлась точной копией Земли, хотя была заселена примерно теми же видами животных, что и Земля сотни миллионов лет назад. А поскольку магических возможностей Лукьяна хватало для воздействия на физический уровень мира, он откорректировал бытие планеты, получившей название Мир Сорока Островов, таким образом, чтобы разум возник не у насекомых, а у рептилий. Поэтому на Море Сорока Островов существовала теперь странная цивилизация разумных крокодилов-вегетарианцев, не употреблявших в пищу, в отличие от людей, «братьев своих меньших». И Лукьян с удовольствием пестовал своих «детей», играя роль доброго и справедливого бога.

Однажды к нему в гости прибыл юный – по меркам Круга ему исполнилось всего девяносто лет – перунарх Никки и рассказал жуткую историю о гибели декарха, которого догнал Зверь Закона. Никки был взволнован, сообщая подробности боя декарха с монстром-Ликвидатором, и явно испытывал страх. Уходя, он посоветовал Лукьяну усилить охрану замка, расположенного в горах, в кратере потухшего вулкана, либо вообще переселиться на Землю, куда Зверь якобы не имел доступа. Лукьян пообещал юнцу подумать, но и после этого не озаботился проблемой охраны, продолжая верить в своё могущество и в то, что Зверь не станет охотиться за иерархом, который никому не желает зла.

Однако недаром говорят, что нельзя быть умнее себя.

Ровно через два дня после встречи на Мир Сорока Островов свалился Зверь Закона, принявший здесь по иронии случая, а может быть, и намеренно облик гигантского крокодила. Причём выпал он из «тоннеля» тхабс-перехода прямо у замка гептарха, что позволило Лукьяну сообразить – посещение Никки его обители было каким-то образом запеленовано Зверем, иначе он не вышел бы на иерарха с такой непостижимой точностью.

Охраняли владения Лукьяна «настоящие» крокодилы, солдаты местного гарнизона. Но их вооружение – клыки, когти, мечи и копья – не шло ни в какое сравнение с вооружением Зверя, и охрана замка была уничтожена в первые же мгновения атаки чудовищной твари.

Затем Зверь принялся методично крушить замок, каждым ударом лапы превращая в пыль одну из башен.

Конечно, Зверь Закона лишь внешне походил на крокодила. Он был магической сущностью и первым делом позаботился об ограничении маневра жертвы в ментальном плане, накрыв весь кратер пузырям особого поля – *сарва-шанкшобхана*, препятствующего мысленному воздействию любого существа на физические объекты. Если бы Лукьян, почуяв появление потока агрессивного внимания к собственной персоне (а он это ощутил), сразу ушёл бы из данной реальности в другую по линии тхабса, он скорее всего уцелел бы. Но гептарх понадеялся на свои силы и остался. А когда понял, что пути отступления перекрыты, было уже поздно.

Приняв облик великана в латах, Лукьян вышел из центрального строения замка с секирой в руке...

Девятого августа, после очередного испытания «Большого глушака», теперь уже на воинской части, расположенной в подмосковной Барвихе, Меринов получил такой мощный заряд энергии, что, не откладывая решения в долгий ящик, тут же отправился искать Интегратрон. Естественно, после часовых сексуальных упражнений с секретаршей, погасившей часть его энергии, но не сумевшей удовлетворить босса на все сто процентов. Впрочем, Марата Феликсовича не смог бы ублажить, наверное, и взвод шлюх, такая невероятная *сила* бурлила и переливалась в его жилах.

Он знал, что Федеральная служба безопасности уже занимается расследованием странных потерь сознания коллективами людей в Москве, что являлось результатом испытаний «Большого глушака», но был уверен, что никто ничего не узнает. Для того чтобы объяснить явления транса людей в Думе, метро, в Большом театре и воинской части, надо было быть Посвящённым Внутреннего Круга, а их в России остались единицы, да и те заботились лишь о своей безопасности, предпочитая не вмешиваться в проблемы социума. Не брал в расчёт Марат Феликсович и своих давних врагов, Самандара и Котова, возродивших «чистилище», но оставшихся, по его мнению, на прежнем уровне оперирования, который был намного ниже собственных возможностей Меринова.

«Стартовали» прямо из лаборатории Симона, не переодеваясь в походные комбинезоны: Марат Феликсович – в деловом костюме песочного цвета, Инна – в летнем платье и туфлях на высоком каблуке. Без оружия. На этом настоял маршал СС, знавший о том, как влияет на миры «розы» огнестрельное оружие, созданное в Материнской реальности.

Сначала тхабс перенёс их в пещеру с замком Ликозидов, Хранителя которого Меринов уничтожил несколько дней назад. Проникли в замок, нашли саркофаг царя Ликозидов, повреждённый ещё во времена прошлых войн Посвящённых, но всё ещё действующий.

– Проверим, чем он наполнен, – сказал Марат Феликсович, устраиваясь на центральном ложе саркофага. – Может, мне известны не все его функции?

– А мне что делать? – спросила Инна, нервно оглядываясь. Она ещё не привыкла к чудесам «колдовства», а на следы древней цивилизации Инсектов и вовсе смотрела с детским восторгом и с детским же страхом.

– Жди, – ответил Меринов.

И через минуту исчез.

Неизвестно, что послужило толчком для перехода в «виртуальное скольжение» по «розе реальностей». Марат Феликсович сам этого не понял. Поставив себе цель – перевести тхабс на хроноинверсию, он мысленным усилием запустил «компьютер» Инсектов, начал «листать» его «файлы» и случайно вошёл в операционное поле, запускающее у людей тхабс. Бросок в «розу» получился стохастически-спонтанным, нецелевым, отчего вышел Меринов не там, где хотел.

Этот мир явно не принадлежал земному временному спектру, да и в магическом диапазоне ощущений он имел другой «цвет» и «запах».

Марат Феликсович оказался на гребне вулканического кратера диаметром около двух километров. Причём кратера, накрытого «пузырём магического отказа». В его центре стоял красивый многобашенный замок из розового туфа, окружённый рвом с водой и лесом с белой листвой. А над зубчатой стеной замка высился громадный зверь, напоминающий горбатого крокодила с блистающей ромбовидной бронёй алого цвета. Он разрушал замок, каждым ударом лапы снося одну из башен.

Чёрт побери, это же Ликвидатор! – молнией пронеслась мысль в голове Меринова. Догнал кого-то из иерархов! Но почему меня вынесло сюда?! Я же настраивал тхабс на выход в прошлое...

Потому что этот мир похож на Землю палеозойской эры, пришла вторая мысль. Произошёл сбой программы саркофага. Надо было точнее представлять цель инверсии...

Всё равно такие сбои не должны проявляться на физическом плане...

Саркофаг скорее всего повреждён, вот и глючит. Сматываемся отсюда!

Марат Феликсович хотел активировать тхабс для возвращения на Землю, но решил досмотреть, чем закончится охота Зверя.

Над стеной замка в этот момент возникла фигура седобородого великана в латах, но без шлема, с секирой в руке. Это и был иерарх, хозяин местной реальности. С удивлением Меринов узнал в нём гептарха Лукьяна, который когда-то входил в российский Союз Неизвестных.

Великан ударил первым.

Сверкнув серебристым металлом, взлетела вверх секира, опустилась на голову гигантского горбатого крокодила. Но не пробил ромбовидной брони, – Зверь мог, наверное, увернуться, но не стал этого делать, – и разлетелась на тысячу льдисто-стеклянных осколков, не причинив ему никакого ущерба. Зато ответный удар лапой вспорол сверкающие золотом доспехи гептарха, а второй удар едва не оторвал ему руку.

Великан пошатнулся, отступил, озираясь. Вытащил из-за спины меч, протянул остриём вперёд.

Крокодил оскалился, – улыбка получилась почти человеческой, хищной и презрительной, – сделал стремительный выпад мордой, и меч вместе с рукой оказался в его пасти. Раздался хруст и вслед дикий вопль. Великан ударил противника по узкой морде кулаком второй руки, заставив его выпустить раненую руку с почти раздробленной кистью, тяжело отпрыгнул назад.

Меч так и остался в пасти крокодила, словно был игрушечным, бумажным, а не грозным оружием.

Если бы в этот момент Меринов атаковал Зверя в ментальном поле, Лукьян успел бы сбежать с поля боя, но Марату Феликсовичу

такая идея даже не могла прийти в голову. Он жил по другим законам, по законам голодной шакальей стаи, добывающей и поедающей своих раненых собратьев. Поэтому вмешиваться в схватку он не стал. Дождался очередного удара лапой, отбросившего великана-гептарха на его же замок, и активировал тхабс, унёсший Марата Феликсовича из мира гептарха в мир Земли.

Инна терпеливо ждала его возле саркофага, делая вид, что совсем не переживает за босса.

– Где это вы были так долго?

– Почему долго? – не понял он.

– Да уж час прошёл.

Марат Феликсович озабоченно глянул на часы.

– Всего-то шесть минут...

– Час. – Секретарша показала свои часы.

Марат Феликсович покачал головой. Вполне возможно, что темпы времени на планете гептарха не соответствовали временным ритмам Земли, однако раньше удавалось выйти из тхабс-режима в нужное место секунда в секунду.

– Всё в порядке, Марат Феликсович? – поинтересовалась секретарша, заметив его озабоченность.

– Потом будем разбираться. Жди, я еще не доделал кое-что.

И Меринов снова исчез.

На этот раз ему удалось настроить саркофаг должным образом, поэтому тхабс «высадил» его в нужный момент времени в прошлом – двадцать второго июня тысяча девятьсот сорок первого года, ровно в четыре часа утра. Как раз в этот момент и началась Великая Отечественная война. Почему Хранители упрятали Интеграторн именно в этом временном отрезке, привязав его к столь мрачному событию, Марат Феликсович не знал, да и не задумывался над этим. Ему важен был сам факт существования Великой Вещи, созданной не то Инсектами, не то еще их предками в незапамятные времена. К тому же Интеграторн мог использоваться ими и по другому назначению, поскольку аккумулировал в себе электромагнитное излучение, а также поля неэлектромагнитной природы. Однако главным для маршала СС было лишь одно свойство аппарата – генерирование диапазона частот, необходимых для электрохимической перезарядки клеток тела, то есть – для омоложения организма.

Помня, что Интегрatron доступен ровно двадцать две секунды с момента пуска в четыре часа утра, Меринов потерял лишь две секунды на знакомство с устройством: саркофаг Ликозидов при этом не изменился, просто к его функциям добавилась ещё одна – и мысленным усилием запустил аппарат.

Описать ощущения, потрясшие Марата Феликсовича, можно было одной фразой: кипение!

Всё его тело, каждая мышца, каждое сухожилие, косточка, каждый нервный узел, нервные пути, каждая клеточка буквально «закипели», словно тело превратилось в сосуд с шампанским, газ которого облаком начал подниматься вверх.

Марат Феликсович едва удержался от соблазна сбежать из камеры саркофага, испугавшись, что на самом деле вот-вот растает, распадётся на атомы. Однако он не растаял.

Интегрatron закончил свою работу по настройке попавшего в него организма, отключился, и «кипение» крови в жилах Марата Феликсовича пошло на убыль. Он полежал немного в «ванне» саркофага, прислушиваясь к себе, встал, прошёлся по залу пещеры, чувствуя необыкновенную лёгкость в теле и душевный подъём. Подмигнул сам себе, довольный результатом.

– Отлично, Герман! Похоже, Хранитель не врал, Интегрatron действительно работает на омоложение, лет двести можем ещё пожить в этом теле. А потом снова ляжем сюда и станем молодыми.

Инна встретила его возгласом:

– Наконец-то!

– Что случилось? – насторожился он.

Девушка, округлив глаза, смотрела на него, забыв, что хотела сказать, и Марат Феликсович усмехнулся, понимая её чувства.

– Что смотришь как кролик на удава?

– Вы... вы...

– Да, я чуть-чуть помолодел, только и всего. Ну? Говори.

– Вы отсутствовали два часа... я испугалась...

Меринов озабоченно посмотрел на часы.

– На моих двенадцать ноль семь, меня не было всего пять минут.

Секретарша молча протянула руку с часами. Выходило, что он и в самом деле вернулся в своё время со странным опозданием в два часа,

хотя раньше тхабс переносил его с места на место без временных задержек.

– Ладно, разберёмся. Поехали домой.

Через несколько мгновений оба оказались в холле мериновской виллы, направились каждый в свою туалетную комнату переодеваться.

Глянув на себя в зеркало, Марат Феликсович понял, почему так поразила Инна, увидев его. Из зеркала на него смотрел стройный красивый черноволосый юноша, мало похожий на заместителя председателя Государственной Думы Меринова. То есть, конечно, это был он, но лет на двадцать моложе.

– Интересно, узнает меня охрана Думы или нет? – проговорил Марат Феликсович с некоторой растерянностью. – Если нет, придётся каждый раз гипнотизировать охранников.

В гостиной залился птичьей трелью телефон.

– Возьми трубку! – крикнул он секретарше, продолжая разглядывать слащавую безусую физиономию юнца напротив. Включил было душ, но в дверь ванной постучали.

– Марат Феликсович, Сталин зовёт.

– Не может подождать?

– Он говорит – срочно.

– В чём дело?

– Сити-центр... лаборатория...

– Что лаборатория? – Меринов выключил воду, распахнул дверь.

Вошла секретарша, в трусиках и бюстгальтере, снова округлила глаза, изумлённо глядя на помолодевшего босса.

– Симон...

– Говори толком! – рявкнул он.

– ФСБ накрыла лабораторию, Симон выпрыгнул из окна...

– Что?!

Инна молча протянула телефон.

– Марат Феликсович, – заблеял в трубке голос Лёвы Столина, – у нас ЧП...

– Знаю! Как это произошло?!

– Кто-то наступал в госбезопасность, решение о захвате лаборатории принималось на уровне начальника научно-технического управления, а не на уровне директора...

– Кто?! – таким страшным голосом проговорил Меринов, что Инна попятилась. – Кто... сдал... лабораторию?!

– Не знаю, – пискнул Лёва. – Мы занимаемся...

– Кто... мог... знать... о существовании лаборатории... в Сити-центре... кроме её сотрудников?!

– Кажется, я догадываюсь, – тихо проговорила Инна.

– Ну?!

– «Чистилище».

Меринов сжал кулак с такой силой, что раздавил телефон в горсть пластмассовых крошек.

– Немедленно... найти...

– Нужна группа, Марат Феликсович. Дайте мне команду Вахтанга, и я принесу вам головы «чистильщиков».

Меринов провёл ладонью по лицу, успокаиваясь, жестом указал секретарше на дверь.

– Звони Вахтангу, пусть готовит группу. Выступим через час.

Инна вышла.

– Ну, господа Посвящённые, – прошипел он, оскалясь, – вы меня достали! «СМЕРЧ», говорите? Я покажу вам настоящий смерч!

Глава 14

МИНЗДРАВ ПРЕДУПРЕЖДАЕТ

Возвращались домой в дурном расположении духа.

Оба понимали, что исчезновение Стаса и выход Монарха Тьмы на волю каким-то образом взаимосвязаны, однако гадать на эту тему не хотелось, а прямой информации не было. Эту информацию надо было искать.

– Предлагаю выйти на Хранителей, – сказал Самандар при расставании. – На Матфея, к примеру. Он наверняка в курсе всех происходящих в «розе» событий и может иметь косвенные сведения о Стасе.

– Займись, – кивнул Василий Никифорович, думая о своём. – Я заскочу домой, потом вернусь к тебе. Посоветуемся с Иваном Терентьевичем и разработаем план дальнейших действий.

Вахид Тожиевич похлопал друга по плечу, и Котов отправился к себе домой – «на тхабсе», чтобы не терять времени на обычный транспорт. Они и так отсутствовали с Самандаром почти сутки, путешествуя по «розе» в поисках Стаса и Маши.

Ульяна встретила мужа ворчанием типа «мог бы и позвонить, если задерживаешься». Василий Никифорович хотел было промолчать, однако неожиданно для себя самого вдруг признался ей, что искал в «розе» пропавшего племянника.

– Я так и поняла! – вздохнула Ульяна, опускаясь на диван. – То-то Иван Терентьевич мямлил, утверждая, что вы в командировке. Хороша командировка – за тридевять земель! Ну и что, нашли хоть что-нибудь?

Василий Никифорович взял на руки разулыбавшегося во весь рот сына, походил с ним по комнате, с нежностью прижимая малыша к груди, опустил обратно в кроватку и сел рядом с женой.

Рассказ его длился несколько минут.

– Я видела во сне Машу, – тихо сказала Ульяна. – Она звала кого-то. Боюсь, Стас погиб...

– Нет! – резко вскинул голову Василий Никифорович. – Не говори так! Он жив, я чувствую. И Машка тоже.

– Почему же они не вернулись?

– Единственное объяснение – их взял в плен Монарх. Но я по-прежнему уверен, что они живы. Надо искать и искать. Вот обсудим наши планы, подготовимся и снова нырнём на «дно розы».

– Возьмите меня с собой.

Василий Никифорович слабо улыбнулся, прижал жену к себе.

– Ты же понимаешь, что это невозможно. Если бы не Матвейша, мы, конечно же, пошли бы вместе. Но ведь не оставишь его одного?

Ульяна зябко вздрогнула, но не отодвинулась.

– Не хочу больше воевать...

– Я тоже, – признался Василий Никифорович. – Но если не мы, то кто остановит Рыкова? Кто преградит дорогу Монарху Тьмы?

Зазвонил телефон.

Ульяна снова вздрогнула. Василий Никифорович погладил её по плечу, взял трубку.

– Мы тебя ждём, – сказал Самандар. – Есть интересные новости.

– Буду через двадцать минут, – отрезал Котов, посмотрел на жену. – Покормишь?

– Конечно, – сорвалась с места Ульяна, – еда давно готова.

Спустя полчаса он объявился в гостиной Самандара.

Все комиссары «чистилища» были уже в сборе.

Василий Никифорович поздоровался за руку с Медведевым и Пармоновым, сел за стол, на котором парил чайник и стоял чайный сервиз.

– У Ивана Терентьевича есть идея, – сказал Самандар. – Самим нам пока не под силу уничтожить пси-лабораторию Рыкова в Сити-центре, где он тестирует «Большой глушак», зато мы можем слить информацию о ней спецслужбам. Пусть ею займутся федералы.

Василий Никифорович помолчал, взялся за чайник.

– Идея неплохая, надо лишь найти надёжный канал слива информации непосредственно оперативникам ФСБ, да ещё желательно лицу, способному принимать решения.

– Атаман дружен с начальником научно-технического Управления ФСБ, – вставил слово Медведев. – Можно через него.

– Тогда утверждаем эту акцию. Будет славно, если удастся наступить Рыкову на мозоль. Что у нас на повестке дня?

– Бандлик по банкиру, снабжающему чеченских бандитов деньгами. Но есть ещё одна цель. Помните бодягу с женой министра

социального обеспечения Еленой Зарубовой?

– Приобретение элитных земель в собственность?

– Там целый пакет беспрецедентных по наглости действий как супруги, так и самого министра. Вспомните только его указы по лишению льгот пенсионеров и военнослужащих, реформу системы здравоохранения и медицинского обслуживания, другие не менее удивительные решения. Ясно, что министр работает под прикрытием СС и самого маршала, господина Рыкова-Меринова, но таких как раз и надо останавливать в первую очередь. Буквально вчера, с его подачи, разумеется, был снят с должности областной прокурор Виктор Сидорчук, который обратил внимание на незаконность приобретения подмосковных участков Еленой Зарубовой. Так что делайте выводы сами.

– Месть?

– Конечно. Ведь прокурор замахнулся на «святая святых» министра – возможность безнаказанно делать то, что ему взбрѣдет в голову. Господин Зарубов зарвался, пора его лечить.

– Тогда уж надо лечить и генпрокурора, – проворчал Парамонов. – Снимали Сидорчука не без его ведома, а он-то уж знал, кто отдавал приказ «отомстить» честному прокурору.

– Предлагаю направить генпрокурору нашу «чѣрную метку», – продолжил Самандар. – А по Зарубову разработать бандлик.

– Я бы... э-э... не стал его... – интеллигентно кашлянул Медведев.

– Никто и не настаивает, что Зарубова надо «мочить». Но его следует напугать так, чтобы он сам ушѣл в отставку и чтобы другие задумались, его коллеги и приятели. Кто возьмѣтся за разработку операции?

– Я, если доверите, – поднял руку Медведев.

Комиссары переглянулись.

– Согласен, – кивнул Парамонов.

– Я тоже, – сказал Василий Никифорович. – Только времени на разработку бандлика, Владимир Петрович, у вас мало. Управитесь за двое суток?

– Я уже знаком с материалами дела, управлюсь за сутки.

– Отлично. Теперь надо решить, как лучше подвигнуть федералов на штурм Сити-центра. Может, скинем им файл по электронной почте?

– Об этом сразу же узнает Рыков, – качнул головой Самандар.

– В таком случае и в самом деле пусть все материалы передаст федералам атаман. – Василий Никифорович посмотрел на Медведева. – Ваш командир не подведёт?

Заместитель атамана Союза казаков смущённо улыбнулся.

– Надёжнее человека я не знаю... извините.

– Решили. Что ещё?

– Переходим к обсуждению плана бандликов на следующий месяц, – сказал Парамонов. – Я просмотрел ваши списки и выбрал с десяток наиболее характерных случаев. Особенно хочется пройтись по депутатам Думы, продающим свои голоса в угоду криминалу, и по чиновникам аппарата президента и правительства. И в первую очередь стоит обратить внимание на министра культуры и информации, продолжающего тупо отстаивать реформы образования и языка, несмотря на все возражения профессионалов.

– Я сделал принтерную распечатку, – сказал Самандар, выходя в кабинет и возвращаясь со стопкой листов, – читайте.

– И пора уже перебираться в офис, – буркнул Иван Терентьевич, беря свою копию плана. – Твоя квартира не обеспечивает безопасности комиссариата. Мы растём, сфера деятельности расширяется, а баз мало.

– Через неделю переедем в Сокольники, – пообещал Самандар. – Офис готов, осталось завезти аппаратуру, спецоборудование, компьютеры и мебель, а также побеспокоиться об охране. Итак, начинаем обсуждать план, судари мои. Как пошутил юморист: «Минздрав предупреждает – так жить нельзя!»

Через час совещание «красного квадрата» «СМЕРЧа» закончилось. Каждый комиссар знал свою область ответственности, поэтому вопросов – кто и что будет выполнять – не возникло.

– Всё это хорошо, – сказал Василий Никифорович, уходя последним. – «Чистилище» заработало, милиция уже на ушах стоит от наших предупреждений, чиновники забежали как крысы... но Рыкова мы так и не достали по-серьёзному. Да и ситуация в «розе» хреновая.

– Если федералы возьмут лабораторию Рыкова, он взбесится, – усмехнулся Вахид Тожиевич.

– Пожалуй, – усмехнулся в ответ Котов. – Как же, он привык считать себя неуязвимым и всесильным. Надо установить за ним

наблюдение. Плохо, что мы остались без синкэн-гата. С ним не страшен был бы не только Рыков, но и Монарх.

– Я предупреждал, что не стоит парню таскать синкэн с собой.

– Поздно сетовать, давай искать связь с Хранителями.

– Закончим бандлик, «подлечим» министра Зарубова и позовём в ментале Матфея.

Василий Никифорович посидел немного, задумавшись, потом встал, протянул ладонь Самандару. Тот стукнул по ней своей ладонью, и Котов «скомандовал» тхабсу отнести его домой.

* * *

Вечером они встретились на квартире у Котовых: сам хозяин, Самандар и Парамонов.

Ульяна приготовила ужин, мужчины с аппетитом поели и уединились в кабинете Василия Никифоровича.

– Вы уже определились, кто нам нужен? – поинтересовался Иван Терентьевич. Несмотря на продолжавшуюся жару, он прибыл в строгом коричневом костюме и с галстуком, но от духоты не страдал, умея регулировать внутренний теплообмен.

– Хорошо бы всё-таки найти Юрьева, – сказал Василий Никифорович. – Как-никак Маша его дочь.

– Где он может быть, по-твоему?

– Вряд ли на Земле, – покачал головой Самандар. – Я как-то пробовал звать его нашими методами, но он не отзывался.

– Он же хотел создать новый Союз Неизвестных.

– Я помню, Вася отказался.

– Значит, и другие Посвящённые отказались. Если бы его Союз начал работать, мы бы об этом узнали.

– Возможно, он ушёл в «розу», в один из пустых инвариантов.

– Давайте выйдем в ментал и попробуем позвать его ещё раз.

Все трое посмотрели друг на друга.

– Если согласны, не будем терять время, – сказал Парамонов.

Василий Никифорович занял своё рабочее вертящееся кресло с высокой спинкой, остальные расположились поудобнее на диване, привычно настроились на энергоинформационное взаимодействие.

Синхронизация пси-полей Посвящённых длилась недолго, и уже через несколько секунд они нырнули в океан перламутрового тумана, пронизанного миллионами бесшумных световых стрел, лучей, вспышек и «трассеров», представляющих собой потоки информации и «души» бродящих по менталу, в том числе неосознанно, жителей Земли.

Поле зрения каждого Посвящённого расширилось до видения всей поверхности планеты – как изогнутой лентой Мёбиуса плоскости, а потом и пространства Солнечной системы. Первыми на вхождение в ментал небольшого «полевого организма» Посвящённых отреагировали «сторожевые псы» общего информационного поля, особые программы, перекрывающие доступ к менталу тем, кто не имел на это разрешения иерархов. Сами иерархи давно уже были почти все уничтожены Зверем Закона, но «псы» всё ещё служили им, а точнее, неизвестно кому, ожидая команды вернуться в свою «конуру».

Однако комиссары «СМЕРЧа» знали, как надо обращаться с подобными программами «розы», и объединённым волевым рапортом отогнали «псов», заставили их раствориться в «тумане непроявленной информации».

Их психофизический зов взвихрил туман, разделил на струи и прозрачные зоны с сияющими звёздами внутри: это обозначились районы обитания других Посвящённых, чья энергетика влияла на общее энергоинформационное поле Земли.

Но Юрий Венедиктович Юрьев, бывший советник президента, бывший кардинал Союза Неизвестных России, Посвящённый III ступени Круга, а может быть, и выше, не откликнулся на зов. Скорее всего, он отсутствовал в земной реальности, пребывая где-то в иных мирах.

Вышли из общего поля пси-взаимодействия, молча полюбовались на вытянутые физиономии друг друга.

– Хранитель, – выразил общую мысль Парамонов.

Снова погрузились в «туманный океан» ментала. Редкие звёздочки потенциальных экстрасенсов замигали вразнобой, даже не пытаясь скрыть себя. Несколько более крупных звёзд погасли. Это заблокировали свои пси-сферы Посвящённые, умеющие защищаться от «несанкционированного подключения». Выделился угрюмым «инфракрасным» светом массивный эгрегор, захвативший щупальцами

всю Москву. Его «псевдоподии» и «паутинные нити» протянулись и за пределы столицы, в другие крупные города, образуя своеобразную «сеть тьмы». Это проявился полевой организм, подчинённый Сверхсистеме и её маршалу – Рыкову-Меринову, и он был очень и очень велик. Только теперь создатели «чистилища» оценили пси-мощь противника, захватившего, по сути, всю страну, и осознали, насколько их «СМЕРЧ» слабее.

Почуял их «виртуальное» присутствие и сам Рыков.

В центре Москвы зажёгся и погас злобный «инфраниолетовый» глаз. Тьма в этом месте сгустилась, зашевелилась, приобрела очертания вставшего на дыбы кентавра.

«Уходим!» – скомандовал Василий Никифорович.

Посвящённые дружно свернули свои психофизические «глаза и уши», втянули «антенны» под «панцирь» защитного режима, выпали в пространство кабинета.

– Вот сволочь, почуял-таки! – со смешком заметил Самандар. – А может быть, зря мы испугались? Нас трое, плюс твоя Ульяна, поборолись бы. Ещё неизвестно, кто бы победил. Уверен, мы бы его уделали.

– Бы... – проворчал Иван Терентьевич. – Один мой приятель шутил: не бей слабого, а тем более сильного и злопамятного. Во избежание последствий, так сказать. Рыкова лучше не трогать, пока мы не вернём своё оружие – синкэн-гата. Думаю, он нас не трогает лишь по той самой причине, что боится меча, не зная, что его у нас нет. И вообще, не поздно ли мы отреагировали? Как бы Герман не запеленговал нас.

– Не должен, он не успел нас разглядеть.

Василий Никифорович промолчал. Ему было неуютно, будто он забыл что-то и никак не может вспомнить.

– Однако Хранители тоже не отозвались. Неужели все погибли во время войны с Ликвидатором? Или просто боятся Зверя?

Зазвонил телефон.

Василий Никифорович посмотрел на него с опаской, взял трубку.

– Вы искали меня, – раздался чей-то звучный голос с бархатистыми интонациями. – Слушаю вас.

– Кто? – поинтересовался Парамонов, видя, как брови Котова полезли на лоб.

– Матфей, – шёпотом ответил он, прикрыв микрофон рукой. – Да мы искали тебя... э-э...

– Не беспокойся, Василий Никифорович, эта линия пока не прослушивается. Чего хотела ваша компания?

– Не лучше ли поговорить с глазу на глаз?

– К сожалению, не могу. Говорите, у меня мало времени.

– Мы ищем Стаса... оруженосца Воина Закона Справедливости, если ты помнишь.

– Он захвачен Монархом.

У Василия Никифоровича перехватило дыхание. Он с трудом выдал:

– Когда?

– Это имеет значение?

– Н-нет... прости... как это произошло?.. Впрочем, и это не имеет значения, ты прав. Но он... жив?

– Относительно, как зомби-эmissар Монарха.

Василий сжал зубы, помедлил.

– Всё... так плохо?

– Увы, комиссар.

– А что с его женой? Где Мария?

– Боюсь, она погибла. Как человек, биологическое существо. Но как Светлана – душа и дух, «светлая половина» инфарха, она успела войти в режим дифференциации.

– Что это значит?

– Она стала «принципом добродетели» «розы». Светлана-Маша находится везде и нигде конкретно. Что ещё вы хотите знать?

– Их... можно... спасти?

– Не знаю, – ответил Хранитель с нотками печали и вины в голосе. – Думаю, что нет. С этой задачей может справиться только...

– Инфарх?

– Сам Конкере. Если захочет. Или... – Матфей сделал паузу. – Или Творец «розы». Это все вопросы? Тогда прощай.

В трубке свистнуло, и наступила тишина.

Но Василий Никифорович продолжал прижимать её к уху, глядя перед собой остановившимся взглядом.

– Что он сказал? – в один голос проговорили Самандар и Парамонов.

– У нас проблемы... – глухо ответил Котов.

* * *

Юрий Михайлович Зарубов пришёл в политику четыре года назад, а министром соцобеспечения и вовсе отработал лишь полтора года, снискав славу «серого кардинала», связи которого позволяли ему удерживаться в кресле при самых неблагоприятных политических ветрах.

В своё время он закончил Институт стран Азии и Африки при МГУ, где изучал историю Китая. Стажировался в Сингапуре, долгое время работал в ТАСС, в том числе корреспондентом в Пекине. Его заметили и пригласили в Министерство иностранных дел, где он возглавил Внешнеполитическую ассоциацию.

В конце девяностых годов двадцатого века Юрий Михайлович ушёл в бизнес, но проработал на этом поприще всего два года, снова вернулся на дипломатическую службу, стал первым секретарём российского посольства в Китае. По возвращении защитил диссертацию на тему феномена бедности и богатства Китая. А затем, при смене правительства, новый премьер – давний приятель – предложил Зарубову министерский портфель.

Выглядел Юрий Михайлович скромным рафинированным интеллигентом: тихий, незаметный, несуетливый, малоразговорчивый, одевающийся с иголки, с виду мягкий и застенчивый. На самом же деле это был волк в овечьей шкуре, всегда и везде находивший свою выгоду и точно определявший, что надо делать для достижения цели. Он и женился, исходя из этого принципа, на дочери генерального прокурора, которого впоследствии сняли, но который сохранил все свои выгодные «доходные» связи. Именно поэтому Юрий Михайлович столь резко отреагировал на инициативу областного прокурора Сидорчука проверить законность сделок по приобретению элитных земель московскими чиновниками. Была приведена в боевую готовность цепь нужных людей, строптивного прокурора-правдолюбца уволили, уголовное дело на жену министра закрыли, а документы на аренду и перепродажу участков быстро довели до нужной юридической кондиции. Задним числом, разумеется. Аминь!

Одиннадцатого августа Юрий Михайлович встретился с министром внутренних дел Телибеевым в Белом доме и похвастался, что президент пригласил его к себе на дачу на ужин.

Хмурый Зинатулла Бедросович глянул на сытое гладкое лицо Зарубова, поморщился, вытащил из кармашка кителя на груди чёрный прямоугольник, протянул министру:

– Ты такую метку не получал?

– Что это? – любопытствовал Юрий Михайлович.

– Почитай.

– «СМЕРЧ», – прочитал Зарубов тиснённую золотом надпись, потрогал пальцем тиснённый золотой кинжальчик, поднял недоумевающий взгляд на Телибеева. – Ты хочешь сказать, что это... предупреждение «чистильщиков»? Но ведь «чистилище» – миф...

– Это не миф, это моя головная боль.

– Откуда у тебя их визитка?

– Константин Сидорович дал. – Телибеев имел в виду генпрокурора. – Это ему пришло по почте.

– Неужели вы не можете справиться с какими-то мерзавцами и упрятать их за решётку?

Главный милиционер страны окинул Зарубова скептическим взглядом, мотнул головой.

– Поговори на эту тему с Аркадием Борисовичем. Он недавно имел приятную встречу с «чистильщиками», теперь с утра до ночи реформирует свою атомную епархию. Советую и тебе заняться тем же, пока не прислали такую же метку.

Телибеев забрал чёрную визитку и удалился по коридору к залу заседаний правительства.

Юрий Михайлович пожал плечами, будучи уверенным, что уж ему-то никакие «чистильщики» не страшны. Однако он ошибался.

Вечером того же дня, когда машины министра – «шестисотый» «Мерседес» и джип охраны – свернули с Боровского шоссе к дачному посёлку, дорогу им преградил дорожный патруль.

Стемнело, фонарь на повороте не горел, на дороге дымилась «Газель», рядом стояла бело-синяя милицейская «Волга».

К «Мерседесу» подошёл остановивший кортеж офицер милиции с полосатым жезлом, козырнул.

– Майор Динейкин. Прошу прощения, проезд временно закрыт.

– Что случилось? – поинтересовался Зарубов.

Его телохранители выбрались из джипа, приблизились к машине босса. Всего их было двое, плюс водитель.

– Авария, – лаконично ответил смуглолицый усатый майор.

– Мы пообедем...

– Придётся подождать, – снова козырнул майор, отходя к суесящимся у «Газели» инспекторам.

– Саша, разберись, – недовольно буркнул министр.

Командир охраны вылез из «Мерседеса», догнал майора, они заговорили, остановились. Потом майор жестом подозвал телохранителя, стоявшего слева от машины.

– Подойдите.

Парень в строгом чёрном костюме глянул на своего коллегу справа, но повиновался, видя, что его командир стоит спокойно. Он тоже остановился рядом с беседующими, опустил руки по швам, наклонил голову, будто слушая, что ему говорят.

Майор снова поднял руку, подзывая второго телохранителя.

Молодой человек присоединился к группе и точно так же застыл в почтительной позе, не проявляя признаков беспокойства.

– Не нравится мне это... – начал водитель министра.

В то же мгновение с двух сторон «Мерседеса» возникли две тени, дверца машины со стороны водителя распахнулась, раздался глухой удар, и водитель лёг головой на руль.

Распахнулась вторая дверца, и на сиденье рядом с Зарубовым сел человек в маске, сунул ему в бок ствол пистолета.

– Что происхо... – пискнул министр.

– Спокойно, Юрий Михайлович! – жёстко и мрачно произнёс гость. – Мы из «чистилища». Надеюсь, слышали о таком лечебном учреждении? Хотим вас предупредить: верните государству награбленное, приведите свои дела в соответствие с законом. Подавайте в отставку. Понадеетесь на свои связи и милицию – не проживёте и дня. Это предупреждение первое и последнее. Мы будем следить за вами, и, как только вы зашебуршитесь, надеясь на власть, мы вас уберём. Договорились?

– В-вы не им-меете права...

– Имеем, – усмехнулся человек в маске. – Если не работает конституционный институт власти, гарантирующий исполнение

законов, значит, нужен другой механизм поддержки справедливости. Этот механизм – мы.

Гость бросил на колени министра чёрную визитку с золотым кинжальчиком и словом «СМЕРЧ».

– Мы будем прослушивать все ваши телефоны. Начнёте жаловаться, искать нужных людей в спецслужбах – пощады не ждите. И особенно не верьте господину Меринову. Вас он не защитит, поверьте моему слову. До свидания.

Человек в маске открыл дверцу и растворился в ночи.

А Зарубов, млея, остался сидеть в машине, в голове – ни одной мысли, дым и туман, на душе – смута. Когда он очнулся, на дороге никого не было, кроме телохранителей. Как и куда скрылись инспекторы дорожно-патрульной службы во главе с майором, было непонятно.

Юрий Михайлович поднял чёрный прямоугольничек к глазам, руки задрожали, и только после этого он испугался по-настоящему.

Впоследствии ни один охранник, включая водителя, не вспомнил этой встречи...

Глава 15

NIHIL EST INTELLECTU

В отличие от Вахида Тожиевича Самандара, комиссара возрождённого «чистилища», разрабатывающего теорию расходимостей и отражений Вселенской Реальности, Хранитель Матфей занимался этой теорией практически, то есть исследовал переходы слоёв «розы реальностей» в особых точках – «зонах сходимости». Одной из таких точек являлся «мир локона Ампары», другой – эйнсоф, узел пересечения в с е х «лепестков розы», место удивительных явлений и эффектов, не передаваемых никакими словами ни на одном из языков мира. Даже самый богатый, гибкий и вариативный язык – русский не мог помочь выразить всей гаммы ощущений, охватывающих душу исследователя, когда он «зависал» над эйнсофом в виде бесплотного призрака и начинал скользить над многомерным океаном неизведанных сложнейших метафизических глубин материи.

Матфей, обладающий статусом Посвящённого Двадцатой ступени, мог бы давно переселиться в «розу», занять одно из «пустых» пространств и создать свою метавселенную, отвечающую его запросам и требованиям, как это делало большинство иерархов Круга. Но всё же на нём лежал груз ответственности Хранителя Материнской реальности, поэтому он считал себя не вправе бросить её на произвол судьбы, понимая, что это чревато негативными последствиями. Плохо ли, хорошо ли, но каста Хранителей выполняла свои обязанности, оберегая земную цивилизацию от быстрой гибели, завладей кто-либо из её лидеров Великими Вещами Мира, хранившимися в «модулях иной реальности».

Была у Матфея и личная забота – беречь в МИРе Акарин под эвенкийской столицей Иерихонскую Трубу, или Свисток, как его называли с долей иронии сами Хранители, по легенде – генератор «музыки сфер», способствующий вызову Творца Материнской реальности. Матфей не знал, так ли это на самом деле, способен ли Свисток позвать Творца, так как никогда не брал его в руки и не

экспериментировал с генерацией «музыки сфер». Но был уверен, что Вещь эта непредсказуемо опасна.

После разговора с Посвящёнными, изъявившими желание воссоздать «чистилище», что не могло, конечно же, в полной мере заменить Закон Справедливости, Матфею даже захотелось проверить, на месте ли Свисток. Он собрался было навестить свой «подотчётный» МИР, трон которого хранил эту Великую Вещь – в определённом временном отрезке, но в этот момент в доме Матфея объявился гость.

Конечно, Хранитель мог бы в любое время получить любую квартиру в любом новом доме, в том числе апартаменты класса люкс. Однако предпочитал не выделяться из массы народа, где бы ни жил, поэтому в Туре имел обычный деревянный дом полувековой постройки, расположенный на окраине города, на берегу Нижней Тунгуски. Соседи знали его как степенного и мудрого старика, способного исцелять людей от многих болезней, и всегда шли к нему за советом или с просьбой о помощи. Матфей не отказывал. Хотя его истинного имени здесь никто не знал. Жил Хранитель в Туре под именем Михаила Кожегетовича.

А вот появление гостя его огорчило, потому что тот свободно проник в дом, накрытый магической «печатью отталкивания». Преодолеть такую «печать» – по сути заклинание, не смог бы и Посвящённый высокого ранга.

Гостем же оказался бывший декарх и спутник Матвея Соболева Тарас Горшин, Отступник, как его продолжали называть меж собой Хранители. Была у него и кличка – Граф, также сохранившаяся за ним со времён рождения первого «чистилища» – «Стопкрима».

– Здрав будь, Михаил Кожегетович, – сказал он, входя в горницу из сеней.

– И ты будь здоров, Граф, – ответил Хранитель невозмутимо. – Что привело тебя в наши края на сей раз?

– Нужна твоя помощь.

– Присаживайся. Чай будешь, с девясилом?

– Не откажусь, – кивнул Тарас. – Иногда душа просит чего-то человеческого. Чай с наркотиком я ещё не пил.

– Девясил не наркотик.

– Я шучу.

Матфей принёс чайник, разлил по чашкам ароматный дымящийся напиток, подал одну гостю. Сел за стол сам.

– Ты знаешь, что убит Никандр?

– Это дело рук Германа Рыкова, он ищет Великие Вещи Мира, надеется стать единоличным Владыкой Материнской реальности.

– Вряд ли это достижимо.

– Но доступ к Интегратрону он уже получил. Пора его останавливать.

– Ты же готовил к этой работе своего протеже.

– Артур Суворов не мой протеже, а Светлены.

– Пусть так, и что же? Он согласился стать Воином Закона? Забыть обо всём личном? Отказаться от мирских забот?

– Парень далеко не воин, хотя и любит рисковать, как ни странно. В принципе Воин Закона нам сейчас не нужен, нужен Архитектор Согласия, что важнее.

Матфей бросил на собеседника, сидевшего в обманчиво расслабленной позе, скептический взгляд.

– Для этого деяния нужен Посвящённый очень высокого ранга, а насколько мне известно, ваш ученик – обыкновенный человек.

– Не совсем обыкновенный, у него есть неплохой паранормальный запас, и он легко овладел тхабсом.

– Тем не менее по сути ты его подставил.

– Я этого не хотел. Чтобы поправить положение, нужен сильный человек, способный стать Воином. Но коль такового у нас нет, возможен и другой вариант.

– А если он не справится?

– Если парень не сможет стать Архитектором Согласия, послужит приманкой для слуг Монарха, отвлечёт их и самого Конкере. А мы за его спиной успеем перестроить систему защиты «розы» таким образом, чтобы никто из иерархов, даже такой крутой, как Монарх, не смог больше по своему усмотрению проводить Изменения.

– Этот ваш парень... Артур... знает о ваших замыслах?

– Нет, но узнает, обещаю. Мне он нравится. А волевой характер – дело наживное, как и профессионализм. Как говорил поэт:

Да пребудут в целости,
Хмуры и усталы,

Делатели ценностей —
Профессионалы.

— Что ж, тебе виднее. Меня отыскиали Посвящённые, Василий Котов, Иван Парамонов и Вахид Самандар.

Тарас дёрнул щекой, намечая улыбку.

— Да, у них непростая задача — отвлечь на себя Рыкова. Хотя и они об этом ещё не знают.

— Мне помочь им?

— Как велит душа.

— Ты бы помог?

— У меня иное положение, если ты в курсе. Я исполняю обязанности диарха и поэтому обязан сохранить существующее равновесие в «розе» до прихода инфарха.

— Ты знаешь, кто он?

— Догадываюсь.

— Думаешь, он справится с Монархом?

— Если каждый из нас не встанет на путь сопротивления Конкере, не поможет никакой инфарх.

— Неужели Монарх пойдёт на Изменение?

— Непременно. Он слишком долго ждал этого часа и теперь жаждет отомстить всем, кто содействовал его заключению в «спецлагерь».

— С чего он начнёт?

— Возможны три этапа грядущего передела мироустройства. Первый — использование Зверя Закона для уничтожения иерархов и Хранителей, которые могли бы объединиться и дать ему отпор. В принципе, этот этап уже начался. Второй — подчинение системы МИРов, образующих мощную энергосистему, имеющую каналы отсоса энергии из вакуума. И последняя фаза — зомбирование всего населения Земли, то есть создание Эгрегора Тьмы.

— Третья фаза лишняя.

— Возможно, хотя, если Монарху удастся запрограммировать людей, уже никто и ничто не сможет ему помешать выполнить замысел. Вот почему я вынужден просить Хранителей вскрыть схроны с кое-какими Великими Вещами. Без них мы обречены на неудачу.

Матфей задумался, поглаживая подбородок.

Тарас допил чай, налил ещё.

– Славная жидкость, рот ласкает, давно такой не пробовал.

– Хорошо, – очнулся наконец Хранитель. – Я помогу. Хотя не уверен, что поступаю правильно. Что конкретно тебе нужно?

– Не мне – избраннику Светлены. Свисток, разумеется.

– Эта Вещь подчинится далеко не каждому Посвящённому.

– И все же я прошу именно её.

Хранитель снова в сомнении взялся за подбородок, но заметил ироничные искры в глазах собеседника и поднялся из-за стола:

– Пошли.

Короткий «полёт» в «колодце тьмы, тишины и невесомости». Выход в свет.

Пещера, ажурный замок Акридидов.

– Сакральная геометрия, – проговорил Тарас, окидывая взглядом сооружение разумной саранчи. – Какие формы, какие пропорции... и где теперь её создатели? Нет их! Возможно, лет через пятьсот и наши произведения искусства и архитектуры станут предметами хранения... если человечество уцелеет. Иной раз вдруг приходит мысль: зачем я пытаюсь кому-то помочь, кого-то спасти? Ведь ясно, что человечество – очередной эволюционный тупик коллективной формы разума, каким была и вся великая цивилизация Инсектов. Монарх лишь отодвинул финал этой формы разума в глубь тысячелетий. Кстати, ты не задумывался, почему в «розе» существует целый «подвал» с «пустыми» реальностями? Или почему и для кого созданы миры псевдоримановых пространств, обладающих большим разнообразием свойств, нежели евклидово? Почему вообще существуют реальности, не поддающиеся геометрическому описанию?

– Задумывался, – тихо ответил Матфей, также глядя на замок Акридидов. – Мы – не единственные сущие в Мироздании. Творец позаботился и о других.

– Правильно, – согласился Тарас, оглядываясь с некоторым удивлением. – Мышление – всего лишь способ формирования нового знания, должны существовать и другие способы, а вместе с ними – и носители разума других типов. Но к делу, дружище, время не ждёт. Ты возьмёшь меня с собой или сходишь за Свистком сам?

Матфей поколебался немного, раздвинул сухие губы в полуулыбке.

– Ты ведь всё равно знаешь, где он хранится?

– Тысяча семьсот двадцать шестой год, канун учреждения в России Верховного тайного совета, к которому перешли некоторые полномочия Сената.

Матфей кивнул, не удивляясь познаниям собеседника.

– Я возглавил этот Совет, будучи одним из кардиналов Союза Неизвестных. Идём, я покажу тебе Свисток.

Один за другим они проникли в замок, поднялись в тронный зал царя Акридидов, подошли к саркофагу, внимательно «посмотревшему» на них.

– Ты поставил не простую печать, – прищурился Тарас.

– «*Сарва-ракша-кара*», раппорт с качественной ориентацией отрицательного заряда на смерть грабителя, если таковой здесь объявится.

– Недурно.

– Поехали.

Прыжок в прошлое ничем не отличался от обычного тхабс-режима.

Погружение в тёмный беззвёздный колодец, падение, удар в ноги, свет.

Тот же тронный зал, тот же саркофаг царя Акридидов, но свет в зале другой – *бестеновой*, прозрачный, живой, пронизывающий все предметы и тела гостей.

Матфей гулким басом произнёс короткую фразу.

И тотчас же перепончато-кристаллическая друза саркофага начала изменяться, течь, вырастать в размерах, пока не превратилась в подобие гигантской валторны, отсвечивающей тусклым серебром.

Конечно, форма этого сооружения была намного сложнее, глаз не мог оценить всех его удивительно гармоничных переходов и пересечений, и всё же сразу было видно, что это некий *музыкальный* инструмент, а не что-нибудь иное.

– Иерихонская Труба! – проговорил Тарас с изрядной долей сарказма и в то же время с некоторой опаской. – Я представлял себе нечто подобное, но действительность превзошла все ожидания. Кстати, ты не задумывался, почему Инсекты пытались создать и

другие системы прямого воздействия на реальность, в том числе такие, как саркофаги, реализующие формулу тхабса, а люди, их потомки, могут пользоваться тхабсом без всяких приспособлений?

— Таков был замысел Конкере. Разве нет? Или у тебя есть другое объяснение?

Тарас подошёл к Иерихонской Трубе ближе, дотронулся до крутого бока нижней трубы, и между ними проскочила ветвистая электрическая искра.

— Я полагаю, что мы, люди, имеем встроенные в геном механизмы реализации сверхвозможностей, такие как тхабс, кодон, Гхош, Щиты Дхармы и другие. То, чего Инсекты достигали с помощью искусственных приспособлений, мы можем достичь мысленно-волевым усилием. Не все, потому что живых людей на Земле мало, большинство из них — *сотворённые*, по сути биороботы, не отличающиеся с виду от истинно людей.

— Я это знаю, — хмыкнул Хранитель. — Конкере делал свое Изменение ступенчато, в два этапа. Когда у него ничего не получилось с прямым магическим воздействием на Инсектов, он их «сбросил» в «яму регрессивного масштабирования», а на Блаттоптера испытал метод ускоренного девиантного мутагенеза, получив собственно вид хомо сапиенс. Но я не уверен, что он встроил в нас механизмы тхабса, ясновидения, телепатии, левитации...

— Не он, — качнул головой Тарас.

— А кто? — удивился Матфей.

— Тот, кто отвечает за истинный порядок вещей.

— Творец?

— Безусловно Первый. Втайне от Конкере. Но это мои догадки, пока ещё не проверенные. Не хочешь попробовать свистнуть в эту свистульку?

Матфей нахмурился.

— Это несерьёзно.

Тарас склонил голову к плечу, снова коснулся пальцем изгиба Иерихонской Трубы, и та вдруг колыхнулась, как гора мыльной пены, засветилась изнутри радужными переливами, эти волны света перетекли на тело Горшина, миг — и вся огромная конструкция стремительно сжалась в точку, погасла. Перестал светиться и Тарас.

На его ладони лежала маленькая, невзрачная с виду, берестяная трубочка с дырочками. Свирель.

Матфей невольно покачал головой.

– Иногда мне кажется, что ты не тот, за кого себя выдаёшь. Во всяком случае *так* свернуть Свисток я бы не смог.

– Кто знает, что мы можем, а чего нет, – рассеянно сказал Тарас, любясь «свирелью», спрятал её в карман. – Поехали в наши времена.

Через несколько мгновений они преодолели «колодец темноты» и оказались в том же тронном зале царя Акридидов. Только здесь его саркофаг имел прежнюю форму, будто и не прятал внутри себя чудесное изделие хозяев – Иерихонскую Трубу.

– Прощай, дружище. – Тарас подал руку Матфею. – Береги тайну МИРа и будь готов к атаке Рыкова. Он научился ориентированно отсасывать пси-энергию у больших коллективов людей, и кто-то из наших подсказал ему идею о хронорежимах тхабса. Будь здоров.

Тарас исчез.

Матфей задумчиво прошёлся по тронному залу, заложив руки за спину, собрался было «лететь» домой и вдруг почувствовал дуновение холодного ветра – на уровне интуиции, психического озарения. Кто-то появился в пещере с замком Акридидов, ощутимо сильный и опасный.

Матфей мгновенно перестроил системы ситуационной защиты на создание сферы адекватного ответа, вышел из замка под своды пещеры, но вместо Рыкова, о котором подумал мимоходом, увидел молодого человека сурового вида, высокого, широкоплечего, светловолосого, сероглазого, одетого в нечто напоминающее кольчужный комбинезон, отсвечивающий зеленоватым металлом.

Несколько мгновений они смотрели друг на друга, не двигаясь, потом Хранитель узнал гостя.

– Стас Котов?!

– Ты Хранитель Матфей, – ответил молодой человек ровным голосом. – Мне нужны две Великие Вещи, которые хранятся в твоём МИРе, – Иерихонская Труба и Трансформатор. Отдай их мне.

Первую половину нашей жизни губят наши родители, вторую – наши дети, вспомнил Матфей шутку известного юмориста. Усмехнулся.

– Значит, это правда? Ты теперь не оруженосец Воина Закона, а цепной пёс Монарха?

– Отдай Вещи, и будешь жить, – тем же странным безразличным тоном произнёс Стас.

– Передай своему боссу, что он напрасно вышел из острога. Любое его деяние в нынешние времена – наказуемо, поэтому реакция мира будет адекватной.

Стас взялся за рукоять меча, торчащую над плечом за спиной, выхватил его одним движением, и Матфей невольно отступил назад, узнав синкэн-гата – «устранитель препятствий».

– Мальчик, ты понимаешь, что делаешь?

– Вещи!

Клинок меча, состоящий из множества с виду не соединённых между собой блестящих ромбов, удлинился на несколько метров, почти упёрся в грудь Хранителя.

– Ну?!

– Нет!

– Я убью тебя без сожаления, старик!

– Но и Вещей не получишь. К тому же их давно забрали из схрона.

– Ты лжёшь!

Острие меча больно кольнуло грудь Матфея. Он увеличил «плотность» защитного заклинания, отчего меч немного отодвинулся и покрылся слоем белых искр.

– Ты вздумал мне сопротивляться?!

Глаза Стаса вспыхнули мрачным огнём.

Меч снова устремился вперёд, с трудом преодолевая защитное поле Хранителя.

И в этот момент за спиной Стаса просияла прозрачная фигурка женщины ослепительной красоты.

– Ста-а-а-ас!..

Молодой человек оглянулся.

Меч его стремительно вернул свои прежние размеры.

И Матфей не стал ждать новой атаки бывшего оруженосца Воина Закона. Через мгновение тхабс унёс его из подземной пещеры в наземный мир.

Глава 16

ПАО

Отец позвонил рано утром, и Артур вынужден был на ходу придумывать историю, почему он в Москве, в то время как должен находиться в экспедиции по Эвенкии и Красноярскому краю. Пообещав заехать к родителям в ближайшее время, Артур окончательно проснулся, но вставать не спешил, вспоминая свои походы в иные миры «розы реальностей». Об этом он отцу рассказывать не стал, справедливо полагая, что Суворов-старший сочтёт его приключения приступом шизофрении или посталкогольным бредом. С другой стороны, надёжней человека Артур не знал и теперь размышлял, как подать отцу историю с «колдуном» и активацией тхабса, чтобы он поверил и в случае чего мог помочь хотя бы советом.

Вчерашний день прошёл под знаком испытания новых возможностей путешественника по «розе».

Сначала он побывал на Луне и на Марсе, испытав защитные свойства тхабса, синтезирующего нечто вроде невидимого скафандра вокруг владельца. Потом полюбовался на кольца Сатурна с поверхности его спутника Мимаса, «слетал» на Плутон, изумившись удивительному феномену нависшей над ажурно-пористым горбом планеты округлой снежной горы – спутника Харона.

Вернулся домой, взял фотоаппарат и видеокамеру и до вечера снимал виды планет Солнечной системы, понимая при этом, что вряд ли сможет кому-то показать снимки и видеофильм. Но душа требовала всё новых и новых впечатлений, и он снимал, снимал, снимал, меняя плёнку и видеокомпакты, пока не устал и не пресытился окончательно поражающими воображение видами планет и их спутников. Последним пунктом его ознакомительного «космического» путешествия стал Меркурий, с поверхности которого Солнце казалось не звездой, не материальным объектом с конечными размерами, а горнилом преисподней, где плавилось пространство и время.

Вечером, позвонив скульптору Валере, Артур отправился в ресторан «Алые паруса» у метро «Щукинская», располагавшийся на втором этаже одноимённого торгового центра.

Вечер выдался жарким и душным, но в ресторане работали кондиционеры, поэтому приятели с удовольствием принялись смаковать бочковое пиво «Гиннес», беседуя на разные темы, задевшие чувства обоих. Артура так и подмывало похвастаться Валере своими открытиями, но он сдерживался, помня совет Тараса держать язык за зубами.

Валера спросил, продал ли он алмазы, Артур ответил, что продал, не вдаваясь в подробности своего контакта с покупателем.

Поговорили о новых приобретениях олигарха Ромы Рэмбовича, затеявшего ремонт яхты, стоимость которого оценивалась экспертами в сто сорок миллионов долларов. Пришли к обоюдному согласию, что Рома просто глумится над российским народом, демонстрируя удивительное презрение к тем, кого он, по сути, умело обокрал.

– В конце концов его «замочат», – авторитетно заявил Валера. – Слышал о возобновлении работы «чистилища»? Эта организация теперь называется «СМЕРЧ» и уже нанесла несколько точечных ударов по коррумпированным чиновникам. Об этом пишут все газеты.

– Я не читаю газет, – смутился Артур. – Хотя помню, что-то такое я слышал год назад, глушили бандитов и всякую шелупонь.

– А теперь те ребята взялись глушить рыбу покрупнее.

– Флаг им в руки. Интересно, надолго их хватит? За ними же наверняка начнёт охоту милиция и спецслужбы.

– Не знаю, насколько их хватит, но, судя по всему, намерения у них серьёзные, да и слова не расходятся с делом.

Артур засмеялся.

– Чтобы слова не расходились с делом, надо молчать и ничего не делать. Ты им сочувствуешь, я гляжу?

Валера тоже улыбнулся.

– Во всяком случае, они заставят чиновников меньше воровать. А ты себе верен: газет не читаешь, политикой не интересуешься, гоняешься за призраком удовольствия. Не хочешь остепениться, завести семью, детей?

Артур махнул рукой.

– Ещё не вечер. Мой отец женился в тридцать, и ничего, счастлив, так что время у меня есть. Как говорил поэт: «В юдоли, где мы обитаем, любое деяние – зло». Так что лучше и в самом деле ничего не делать.

– Что за поэт? Пастернак, что ли?

– Живёт в Волгограде Евгений Лукин, классный поэт и писатель. Я с ним лично не знаком, а стихи читал и люблю. Ну что, скульптор, с пивом завязываем? Может, махнём в местный боулинг-клуб? Или ты предпочитаешь проводить вечера в казино?

Валера поскуучнел.

– В казино я давно не ходок, женился, живу тихо... Есть у меня, конечно, компания, в картишки перекидываемся, «пульку» пишем раз в две недели, этого достаточно.

– Помню, ты любил азартные игры.

– Года два никуда не хожу, с тех пор, как помер мой сосед по лестничной площадке, Радик Муратов, не слышал?

– Откуда? Что за личность?

– Бывший актёр, между прочим, играл Василия Алибабаевича в «Джентльменах удачи». Очень азартным игроком был, на бега ходил, иногда выигрывал, но чаще проигрывал и жил почти как бомж. Я его всегда жалел, мужиком он был неплохим, а буквально за день перед смертью – инфаркт у него случился – он меня предупреждал: Валера, брось играть, это плохо кончается. Вот я и завязал после его смерти.

Артур хотел пошутить, но посмотрел на погрустневшего приятеля и передумал. Перевёл разговор на другую тему.

А в боулинг-клуб они так и не пошли. Досидели вечер в ресторане, вспоминая общих знакомых, друзей, совместные игры и походы по Селигеру на лодках, с чего и началась у Артура любовь к экспедициям на природу, и разъехались в разные стороны: Суворов к себе в Мневники, Валера в Тушино.

– Вставай, лежебока, пора включаться в жизнь, – прервал свои воспоминания Артур и разгибом вперёд соскочил с кровати, так что застонали пружины. Пришла идея не откладывать визит к родителям в долгий ящик, чтобы не мучила совесть, а потом заняться изучением Мироздания, оказавшегося совсем не таким, каким его представлял себе геолог двадцати семи лет от роду.

Он по привычке поотжимался от пола на кулаках, принял душ, сварил кофе и в половине восьмого пулей вылетел из подъезда, едва не сбив входящую в дом девушку.

– Извините, пож... – оглянулся он, и язык прилип к гортани.

На него смотрела... незнакомка из сна, только не блондинка, а шатенка, с шапкой выющихся волос, опускавшихся на плечи, да и одета она была не в белые перистые одежды, напоминающие «ангельские» крылья, а в нормальное земное платье, короткое, обтягивающее отличную фигуру, голубоватое, с полупрозрачными белыми разводами.

– Торопитесь? – улыбнулась она; голос у девушки тоже был под стать фигуре, грудной, глубокий и красивый.

– Д-да... нет! Извините, задумался.

Девушка кивнула, окинув Суворова заинтересованно-оценивающим взглядом, двинулась дальше, к лифту.

Артур вдруг испугался, что больше никогда её не увидит.

– Простите ещё раз...

– Да? – оглянулась она.

– Вы здесь живёте?

– Нет, здесь живёт моя подруга.

– То-то я вас никогда раньше не встречал. Как вас зовут?

– Светлана.

– Меня Артур, я живу на пятом...

– Ради бога, я спешу, Артур, мы с Катей в девять должны быть в деканате МГУ.

– Так я вас могу подвезти, – обрадовался он. – Я сейчас в... отпуске и никуда не тороплюсь. Честное пионерское!

Светлана снова улыбнулась, так что у него сильнее забилося сердце, поколебалась немного, теребя ремешок белой сумочки, потом согласилась:

– Хорошо, мы сейчас спустимся. Вечно Катерина собирается как сонный удав.

Артур фыркнул.

Светлана скрылась в лифте.

Он ударил кулаком о ладонь, торжествующе воздел руки вверх и вприпрыжку побежал к машине, стоявшей напротив подъезда, не обратив внимания на подъехавший почти вплотную к выходной двери серебристый «Фольксваген Пассат».

Светлана с подругой, оказавшейся симпатичной пухленькой блондинкой с ямочками на щеках, выбежали через десять минут.

Артур вышел из машины, распахнул заднюю дверцу, собираясь пригласить дам в кабину, но опоздал.

Из «Фольксвагена» выскочили двое парней в сетчатых майках и шортах, преградили девушкам дорогу.

– Привет, пташки, садитесь, мы вас подбросим. Костя классный водила, правда, Кость?

– Ага, – кивнул напарник говорившего, похожий на него, как родной брат.

– Отстаньте! – Катя сбросила с локтя руку парня. – У нас уже есть водитель.

Парень оглянулся на Артура, озадаченного таким поворотом событий.

– Этот шибздик? Да он лох, не видите, что ли? И машина у него – ящик с болтами. Поедем на нашей.

– Пропустите! – тихо, но твёрдо сказала Светлана, также сбрасывая руку парня с плеча.

– Ох, ох, какие мы недотроги, – проговорил второй парень, кривляясь. – Серёга сказал, чтобы мы привезли тебя к нему. Так что садись и не ерепенься.

– Да что вы к нам пристали? – повысила голос Катя. – Мы с вами не поедем!

Выходившие из подъезда пожилые мужчины оглянулись на неё, но задерживаться не стали. Лишь выгуливавшая во дворе собаку девушка остановилась, глядя на разыгравшуюся сцену.

– Ты можешь катиться на все четыре стороны. А ты, – палец сетчатого ткнул Светлану в грудь, – поедешь с нами, Серёга ждёт.

– Не поеду! – Девушка прикусила губу, бросила на Артура беспомощно-независимый взгляд. – Я не хочу его видеть. Никогда! Понятно?

– Это ты ему скажешь. – Парень вцепился Светлане в локоть, подтолкнул к машине. – Садись!

Артур сжался, решая непростую для себя дилемму.

Светлана явно знала братьев, поэтому не хотела поднимать шум, и в то же время она не имела никакого желания ехать с ними. А сам Артур не хотел вступать ни в какие конфликты, уж больно хорошо началось утро. Да и уйти мог в любой момент: сесть в машину и уехать либо вообще воспользоваться тхабсом. Однако взгляд Светланы был столь красноречив, что не оставлял ему никакой альтернативы.

– Эй, мужики, – шагнул он к парням, – дамы не хотят с вами ехать, неужели не понятно? Они поедут со мной.

– А ты из какого обезьянника вылез? – ненатурально удивился первый; у него была царапина на щеке. – Заткнись, люфти в тачку и вали отсюда, понял?

Артур снова пожалел, что утро перестаёт ему нравиться, сжал кулаки и сделал ещё шаг к сразу посерьёзневшим парням. Драться по-прежнему не хотелось, зато вдруг пришло удивительное чувство понимания ситуации, развернувшее внутри него некую, независимую от сознания деятельность.

Сначала он оценил потенциал противника.

Парни имели впечатляющие мускулы, но *бойцами* не были, судя по отсутствию в их аурах «профессионально-воинских» световых полос. Один носил на поясе чехол с ножом, второй – кастет в кармане. Вполне возможно, что в машине хранилось и огнестрельное оружие, пистолет или помповик. Но до машины им ещё надо было добраться, а мастер боя на месте Артура вряд ли дал бы им этот шанс. Но вот мастером боя Артур как раз и не был, поэтому мысль его пошла дальше, прикидывая варианты дальнейших действий и выбирая оптимальную стратегию поведения.

Вариантов развязки ситуации оказалось всего три.

Первый – драться. Тем более что приёмов боя парни не знали (это ощущение появилось в голове Суворова само собой, и он ему поверил), а двигаться так, как научил его Тарас, они едва ли умели.

Второй – мирно договориться, пойти на компромисс, поломать дурака, уговорить противника не доводить конфликт до вызова милиции. Этот вариант, наверное, мог бы сработать, но Артур наверняка потерял бы в глазах Светланы шарм героя, а такого исхода событий он не желал.

Третий вариант был самым экстравагантным и эффектным, и Артур решил рискнуть, хотя исполнять его следовало с ювелирной точностью.

Он «перешёл в темп», как учил его Тарас, то есть ускорил движения до такой степени, что выпал из поля зрения всех присутствующих, и оказался рядом со Светланой, подал ей руку:

– Разрешите?

Парни обалдело переглянулись.

Светлана, широко раскрыв глаза, протянула ему свою руку.

– Мадам, ваша очередь. – Артур галантно протянул вторую руку её спутнице. – Прошу вас.

Катя, удивлённая не меньше подруги, безропотно взяла его за руку.

– Идёмте.

– Ах ты, хрен моржовый! – опомнился парень с царапиной. – Я же тебя по асфальту размажу!

Он с размаху ударил Артура кулаком в лицо. Точнее, хотел ударить. Потому что внезапно асфальт тротуара перед ним стал жидким и встал стеной, отгородив Суворова с девушками от нападавшего. Кулак парня врезался в эту стену, он вскрикнул от боли и удивления, отшатнулся.

Вздрогнувший Артур (чего греха таить, он боялся, что Дзи-но-рин не сработает, а по морде при свидетелях получать не слишком приятно) рассмеялся с облегчением.

Стена асфальта покрылась трещинами и рассыпалась холмиком крошек и более крупных кусков.

Парень в майке, прижав окровавленный кулак к губам, и его брат смотрели на противника вытаращив глаза, ничего не соображая. Да и девушки выглядели ошеломлёнными, и Артур сказал небрежно, словно ничего особенного не произошло:

– Кто с чем к нам зачем, тот от того и – того. Уяснили, мальчики? Или кто-нибудь рискнёт повторить эксперимент?

Парни переглянулись. Их пыл угас. Оба были потрясены и продолжать задираться больше не хотели.

– Бонжур, месье.

Артур усадил спутниц в кабину «Лады», сел за руль. Машина выехала со двора.

– Как вы это делаете? – спросила Катя, пошептавшись с подругой.

– Я ещё и вязать умею, – похвастался Артур, – и варенье варить, яичницу жарить.

Девушки засмеялись, оценив шутку. Потом Светлана сказала задумчиво:

– Это было похоже на колдовство. Вы, случайно, не колдун?

Артур понял, что у него есть шанс заинтересовать красивую незнакомку, оглянулся на неё с таинственным видом.

– А вы как думаете?

– Не знаю. Но то, что вы продемонстрировали, обычный человек сделать не в состоянии.

– Это всего лишь *сарва-ракша-кара*, – произнёс Артур самодовольно. – Защита от зла с помощью Дзи-но-рина.

– Что?

– Дзи-но-рин, один из Щитов Дхармы, отражающий земной уровень защиты от зла.

– Как интересно! – воскликнула Катя.

– Давайте встретимся вечером, сходим в какой-нибудь ресторанчик, побеседуем на всякие разные темы. Не возражаете?

Девушки переглянулись.

– Я согласна, – захлопала в ладоши Катя.

Светлана ответила более сдержанно:

– Всё будет зависеть, успеем мы с тобой решить все проблемы или нет. Запишите мой мобильный и позвоните после шести.

– Хорошо, – кивнул Артур, сдерживая нетерпение. Не хотелось отпускать Светлану от себя ни на шаг, однако и настаивать на встрече не стоило, у девушки явно испортилось настроение, и думала она о своих проблемах, а не о беседах с «колдуном».

Артур высадил подруг у физфака МГУ: как оказалось, обе учились на втором курсе и обе завалили весенний экзамен по физике, из-за чего вынуждены были теперь его пересдавать – и с лёгким сердцем поехал к родителям.

Настроение, несмотря на «магический» контакт с приятелями какого-то Серёги, надо полагать, бывшего друга Светланы, было приподнятое. Жизнь рисовалась в розовых тонах. Впереди было знакомство с исключительно милой и красивой девушкой, да ещё к тому же похожей на женщину, привидевшуюся Артуру на берегу реки Джелиндукон, тайна такого совпадения будоражила душу, а так как Артур, в общем-то, был молод и романтичен, большего искуса для него не существовало, чем разгадывать загадки и тайны.

У родителей он пробыл больше часа, чем несказанно обрадовал мать, соскучившуюся по сыну, позавтракал, побеседовал с отцом, оставшимся довольным здравыми рассуждениями сына о жизни и о своих планах, но от рассказов о своих «тхабс-космических» путешествиях воздержался. Вряд ли воспитанные в традициях

«бытового реализма» родители поверили бы в правдивость его историй. Да и волновать их не стоило, даже если бы они и поверили сыну. Потому что он сам не знал, что ждёт его впереди.

Ровно в шесть часов вечера Артур позвонил Светлане по мобильному телефону и услышал радостное известие:

– Экзамен мы сдали, но Катя в кафе пойти не сможет, у неё мама в больнице, она поедет к ней. Может, отложим встречу?

– Ни в коем случае! – ответил Артур как можно твёрже. – С Катей мы в следующий раз встретимся. Куда пойдём?

– Мне всё равно. Можно в кафе на Арбате.

– А если в ресторан?

– Я по ресторанам не хожу, – смутилась Светлана.

– Ладно, пойдём в кафе, где встретимся?

– Я сейчас недалеко от книжного магазина «Москва» на Тверской.

– Жди у магазина, буду минут через сорок.

Глянув на себя в зеркало, висящее в прихожей, Артур остался доволен внешностью – он надел белую рубашку без ворота и белые брюки (вспомнился «колдун» Тарас, которому очень шёл его белый костюм) – и ссыпался по ступенькам вниз, не дожидаясь лифта. К магазину «Москва» он умудрился добраться за тридцать три минуты, несмотря на вечерний час пик.

Светлана прохаживалась у подземного перехода напротив книжного магазина, тонкая, гибкая, обаятельная, на неё посматривали проходившие мимо мужчины, и у Артура проснулась странная ревность (чего пялитесь не на своё?) и гордость (это *моя* девушка!), хотя они едва-едва познакомились и ни о каком продолжении знакомства речь пока не шла. Было лишь неистовое желание это знакомство продолжить.

Она увидела Суворова, подбежала, тем самым невольно улучшив его и без того нетерпеливо-радостное настроение.

– Наконец-то, я уже заждаюсь.

Артур хотел было возразить, что он приехал на семь минут раньше, чем обещал, но прикусил язык: по опыту он знал, что спорить с женщиной, а тем более красивой, может себе позволить только идиот.

– Прости, пробки.

Сели в машину, тронулись.

Артуру понравилось, что Светлана не заговорила о марке машины, – судя по её оценивающему взгляду, она понимала толк в автомобилях, – он заговорил о своём водительском стаже, – впервые он сел за руль автомобиля пятнадцать лет назад, хотя права получил только после совершеннолетия, – затем о типах машин. Светлана проявила интерес к теме, и в лёгком трёпе прошло время в пути, пока они не припарковались у ресторана «Прага», чтобы начать обход арбатских кафе.

Отдыхающих в этот вечер на бульваре оказалось немного, да и те были в основном приезжие, судя по их поведению. Москвичи предпочитали отдыхать на морях, август этим летом выдался таким жарким и душным, что не хотелось даже думать о прогулках по раскалённым за день тротуарам. Тем не менее молодой паре это не помешало пройти по плитам знаменитого московского «бродвея» и навестить три из двух десятков летних кафе, многие из которых пустовали по причине отсутствия кондиционеров.

В одиннадцать часов вечера Светлана вспомнила, что пора домой, и Артур с сожалением повёз девушку в район Марфино; жила она на улице Академика Комарова.

Беседа как-то сама собой увяла. На вопросы Светы: как объяснить происшедшее во дворе дома Артура и что такое Дзи-но-рин – он прямо не ответил, отшутился, и это ей не понравилось. Не помогли даже красочные рассказы о путешествиях по России и по разным странам мира, где удалось побывать Суворову до своей последней экспедиции в Эвенкию. Он похвастался ей и добытыми алмазами, подарив один из самых красивых камешков (она долго отказывалась, но Артур уговорил взять), но и это не поддержало беседу. То ли Светлана устала, то ли всё время думала о каком-то Серёге, от которого зависела каким-то образом, то ли Артур и в самом деле повёл себя слишком традиционно, то есть без изыска, откровенно, что и явилось причиной угасания интереса к беседе. Испугавшись, что в следующий раз она откажется встречаться, он взял и ляпнул, когда прощался с ней у подъезда старого двенадцатиэтажного дома:

– А хочешь, я покажу тебе звёзды?

Девушка подняла голову к небу (он с трудом преодолел желание поцеловать её в этот момент), где сквозь дрожащее марево городского воздуха показались светлые точки звёзд.

– Эти?

– Нет, настоящие. Ну, в том смысле, что их можно увидеть с поверхности других планет.

– Шутишь?

– Ни в коем случае, я уже путешествовал по «розе»... э-э... по Вселенной, даже в ядре Галактики побывал. Хочешь, покажу?

– Хочу... если не шутишь...

– Тогда дай руку и сосчитай до трёх. Сначала слетаем на Меркурий, и ты увидишь Солнце с расстояния всего в сорок миллионов километров.

– Но там же очень... жарко и нет воздуха...

– Считай.

– Раз... два... три...

Артур активировал тхабс, не слишком заботясь о том, видит их кто-нибудь или нет, и для земной реальности они перестали существовать.

«Тоннель невесомости и мрака» сработал как по маслу, пропуская пару.

Они оказались на вершине одной из пологих гор сумеречной зоны Меркурия. Солнце возвышалось над горизонтом исполинским куполом жидкого пламени, украшенным алыми фонтанами протуберанцев и более яркими факелами и струями света. Благодаря защите тхабса смотреть на него можно было не отрываясь, как сквозь толстое закопчённое стекло.

Светлана, оказавшись в мире с пониженной гравитацией, тихо вскрикнула, глядя на купол земного светила широко раскрытыми глазами. Прошептала еле слышно:

– Что это?!

– Солнце, конечно, – ответил Артур небрежным тоном.

– Почему оно... такое...

– Какое?

– Неяркое... негорячее...

– Нас защищает тхабс.

– Какой тхабс?!

– Потом объясню. Ну как, нравится?

– Потрясающе! Так легко... звёзды... и солнце... неужели мы и в самом деле на Меркурии? Может быть, я сплю? Или ты меня...

– Что?

– Загипнотизировал?

Артур засмеялся, чувствуя дрожь пальцев спутницы, погладил её по руке.

– Это не сон и не гипноз, мы действительно на Меркурии, а можем махнуть на любую другую планету Солнечной системы. Я побывал на всех и даже на спутниках планет, в том числе на Европе, спутнике Юпитера, где сотни миллионов лет назад была цивилизация сродни нашей. Теперь Европа покрыта десятикилометровым слоем льда, на котором видны следы разумного присутствия. Но я хочу показать тебе более грандиозную картину.

– Я... боюсь...

– Держись крепче за руку и ничего не бойся.

Артур бросил взгляд на алую гору Солнца, «включил» тхабс.

Короткое «падение с обрыва», невесомость, сердце в горле, яркий свет!

Они вышли там же, где и Артур в прошлый раз, – на поверхности одной из планет, принадлежащей звёздной периферии ядра Галактики. Планета скорее всего представляла собой космический шатун, поменявший множество хозяев вследствие неустойчивости орбиты в плотном сгустке звёзд. Она не имела атмосферы, была ровной и гладкой как бильярдный шар, прокалённый лучами бесчисленных солнц, но с неё было удобно наблюдать удивительную звёздную карусель центра Млечного Пути с массивной чёрной дырой (об этом Артур прочитал в астрономическом справочнике), которая была бы не видна, если бы не падающие на неё и светящиеся при ускорении потоки газа. Плотность же звёзд в этом районе была такой, что смотреть на небо было бы невозможно, не создай тхабс вокруг путешественников защитной сферы, снижающей яркость светового излучения в десятки и сотни раз.

– Потрясающе! – прошептала Светлана, запрокинув голову.

И Артур не удержался-таки, поцеловал её в раскрытые губы, тут же отодвинувшись на всякий случай, но она этого словно не заметила, а может быть, и в самом деле не обратила внимания, восхищённая

изумительной звёздной панорамой, которую человек никогда не сможет увидеть с поверхности Земли.

– Здорово, правда?

– Потрясающе! – повторила девушка. – Я была в планетарии, но там такого не увидишь.

– Да что там твой планетарий, – засмеялся он. – Мы смотрим на ядро нашей родной Галактики! А можем полюбоваться на другие галактики, на шаровые звёздные скопления, на квазары. Знаешь, что такое квазар?

– Мы в школе проходили, это такая яркая звезда...

– Квазар – квазизвёздный объект, он светится как целая галактика сразу, а то и как скопление галактик. Хочешь, полетим туда? Я квазары сам ещё не видел.

– Хочу... но не сегодня, поздно уже, мама будет беспокоиться.

– Ты так зависишь от мамы с папой?

– Папы нет, он умер два года назад.

– Извини, я не знал. Мы долго там не задержимся, глянем одним глазком – и назад... – Артур не договорил, почуяв дуновение морозного ветра вдоль позвоночника, оглянулся.

В двух десятках шагов от них на гладком бугре стоял широкоплечий сероглазый молодой человек, обтянутый чем-то вроде тёмно-зелёной чешуи или кольчуги от шеи до пят. Над плечом у него торчала рукоять меча.

Оглянувшись и Светлана, изумлённо округлила глаза.

– Кто это?!

Незнакомец одним движением вытащил из-за плеча меч, и Артур, вдруг всем нутром почуяв угрозу в этом движении, без раздумий привёл в действие тхабс.

Из «колодца мрака и невесомости» они вышли там же, откуда стартовали в «розу реальностей», у подъезда Светланы. К счастью, двор был пуст, никто их «приземления» не видел. В доме горели всего лишь три окна, весь он был погружён в сон, будто здесь царила глубокая ночь. Однако о том, что в Москве и в самом деле шёл третий час ночи, Артур узнал, когда вернулся домой. В настоящий момент он думал о другом, считая, что с начала их путешествия и до возвращения прошло не более получаса времени.

– Кто это был? – зябко вздрогнула Светлана.

- Не знаю, – честно ответил Артур.
- Он так смотрел на меня...
- Это уж точно.
- И меч у него, ты видел? Какой-то странный...
- Он сам странный. Давай провожу.

Светлана передёрнула плечами, ухватила за руку Артура, открыла замок домофона, и они поднялись на двенадцатый этаж дома, где располагалась квартира девушки.

- До свидания. Было очень интересно!
- Мы ещё встретимся?
- А ты расскажешь, как ты всё это делаешь и кто ты на самом деле?

Он улыбнулся.

- Не всё сразу.
- Обещаешь?

Артур сделал вид, что колеблется.

- Расскажешь! – Она поцеловала его и упорхнула, скрылась за дверью квартиры. Щёлкнул замок.

Артур потрогал пальцем губы, словно хотел подольше удержать в памяти поцелуй, вызвал лифт. Потом вспомнил лицо парня в чешуе с грозно горящими глазами, и хорошее настроение улетучилось. Потому что было ясно – встреча не случайна, несмотря на все «случайные» обстоятельства. И ещё один неприятный для себя вывод сделал Артур: «розу реальностей» посещают и другие люди, в том числе далеко не мирного настроения, о чём предупреждал Тарас. А это означало, что пустопорожнему ознакомлению с «розой» пришёл конец. Надо было или вставать на путь, предложенный «колдуном», или отказываться от всего, в том числе от разбуженных паранормальных способностей, внезапно раздвинувших диапазон неизведанных глубин материи и повысивших интерес к жизни.

- Утро вечера мудренее, – пробормотал Артур вслух, садясь за руль машины, и вдруг обнаружил, что он в кабине «Лады» не один.

Глава 17

АТАКА НА «СМЕРЧ»

Марат Феликсович был так уверен в профессионализме секретарши, что не проверял, чем она занимается и каков её план по ликвидации «чистилища». Он был уверен, что она всё сделает вовремя и как надо. Каково же было его удивление, когда Инна позвонила ему в час ночи одиннадцатого августа и сообщила, что у неё «проблемы».

– Какие проблемы? – не понял собравшийся ложиться спать Меринов.

– Мы не можем подъехать к штабу «чистилища» и взять его на абордаж, что-то мешает.

– Что? – машинально спросил Меринов, вдруг осознавая, что это скорее всего «печать отталкивания», поставленная Посвящёнными Котовым и Самандаром вокруг штаба их организации.

Местонахождение штаба Меринов-Рыков вычислил правильно, наблюдение за двухэтажным особнячком в районе пересечения улиц Комарова и Ботанической показало, что там и в самом деле появилась некая «крутая» контора, хорошо замаскированная, скрытно охраняемая и напичканная электроникой. А поскольку Марат Феликсович не мог ошибиться в ментальном определении координат «чистилища», а также квартир его комиссаров, то и мысли не допускал, что группа, посланная уничтожить противника, столкнётся с непреодолимыми препятствиями. Руководила разработкой плана ликвидации и всей операцией в целом Инна, Меринов же занялся своими личными проблемами: походами по МИРам, переговорами с Хранителями и уничтожением самых упрямых, а также восстановлением лаборатории психотроники, только уже не в Сити-центре, а в другом месте, на территории Останкинского телецентра. Ему было жаль Симона, сдуру сиганувшего в окно шестнадцатого этажа во время захвата лаборатории федералами, но специалистов этого профиля в нынешние времена хватало, и Марат Феликсович быстро нашёл замену учёному, отыскав нужного человека в Новосибирском академгородке.

Естественно, имя самого Меринова нигде не упоминалось в связи с захватом чекистами «Большого глушака». В Сити-центре его никогда

не видели (все, кто его встречал, внезапно потеряли память), наукой вообще и психотроникой в частности он не занимался, поэтому был вне подозрений, и расследование деятельности секретной пси-лаборатории ему ничем не грозило. К тому же директор ФСБ и министр МВД были его приятелями, которые всегда могли спустить любое расследование на тормозах, а потом и закрыть дело. Тем не менее этой проблемой пришлось заниматься всерьёз, вследствие чего Марат Феликсович и упустил из виду работу с «обидевшим» его как кардинала Сверхсистемы «чистилищем», переложив заботы на плечи секретарши. Теперь же надо было исправлять положение и лично заняться комиссарами «СМЕРЧа», посмеявшимися замахнуться на его владения.

– Ждите, сейчас буду, – буркнул Марат Феликсович в трубку, не уточняя, где в данный момент находится Инна.

Он и в самом деле появился рядом с «вазовской» «двадцаткой» Инны, стоявшей у ограды Ботанического сада, через три минуты, одетый в спортивный костюм.

Девушка, экипированная в спецкомбинезон десантного образца, отшатнулась, вскинула ствол пистолета-пулемета «бизон» и опустила, узнав босса.

– Ну? – нетерпеливо бросил он, прислушиваясь к ночному гулу города и «ощупывая» мысленным лучом колпак магического поля над особняком в ста метрах от перекрестка, за глухим деревянным забором.

– Водила теряет сознание, как только подъезжает к забору, – вполголоса доложила Инна. – А группа не может забор преодолеть, будто он под током, парни дотрагиваются и впадают в ступор.

– *Мохана и стамбхана*^[4], – задумчиво произнёс Марат Феликсович. – Недурно. Растут комиссары, однако.

– Что?

– Сейчас я сниму заклятие, и можешь начинать операцию.

– Хорошо, – с облегчением кивнула секретарша, не спрашивая, что такое «печать». Она уже привыкла к проявлению боссом сверхъестественных способностей и знала, что он не любит объяснять свои слова и поступки.

Марат Феликсович вошёл в режим *силы* Гамчикот, надавил на магическую «печать отталкивания», защищавшую офис «СМЕРЧа» от

проникновения на его территорию случайных и неслучайных гостей. Однако, к его удивлению, она не поддавалась. Невидимый пузырь магического поля колыхнулся, как мыльная плёнка под дуновением ветра, но устоял.

– Молодцы! – невольно восхитился кардинал СС, качнув головой. – Вы уже постигли *тамас*^[5], поздравляю. Тем приятнее будет наша встреча.

Он перешёл на уровень *силы* «дьявольского постижения» и одним мощным ментальным ударом пробил магический купол «печати отталкивания». Купол беззвучно лопнул, открывая доступ к зданию штаба.

– Начинайте, – бросил Меринов Инне.

Девушка открыла дверцу мини-вэна, скомандовала:

– Мальчики, на выход!

Шестеро сидевших в салоне «двадцатки» спецназовцев выбрались на тротуар, одетые в такие же защитные комбинезоны, что и командир операции.

Инна придвинула к губам усик рации:

– Второй, третий, мы начинаем. Будьте готовы.

По её плану штурм базы «чистилища» должны были начинать три группы общим числом в двадцать два человека. Все они готовились в центре подготовки бойцов СС в Жулебине и подчинялись Косте Мелешко и Вахтангу Ираклишвили, но Меринов на время операции разрешил Инне использовать их по своему усмотрению, и она с удовольствием взялась командовать мужчинами.

Меринов хотел предупредить её, что территория «чистилища» охраняется высококласными оперативниками, обученными истинными мастерами такого рода мероприятий, но не успел. Группа пошла на штурм.

Конечно, Марат Феликсович мог с помощью тхабса проникнуть прямо в здание и лично перебить охранников, однако не захотел рисковать. Единственное, что он себе позволил, – это ослепил систему видеоконтроля периметра, заблокировав цепь датчиков и телекамер. Но дальнейшие события показали, что этого было недостаточно. «Чистильщики» хорошо знали своё дело и подстраховались, о чём стало известно уже после штурма.

Территория базы «чистилища» контролировалась новейшей системой видеонаблюдения с компьютерным зрением «Оруэлл 3к», разработанной в российском НПЦ «Элвис». Такие видеосистемы, способные выделять любого человека в местах массового скопления людей и даже предупреждать оператора о возникновении нештатных ситуаций, не имели аналогов в мире. Программное обеспечение, являвшееся ноу-хау разработчиков, позволяло системе с помощью многоуровневого архивирования записывать каждый подвижный объект контроля в любой момент времени даже при отсутствии видеосигнала, только при наличии ответа от систем электромагнитных и звуковых датчиков. Поэтому ментальный раппорт Меринова не ослепил охрану, и она отреагировала на вторжение адекватным образом.

Первых же десантников, перемахнувших через забор, встретили ослепляющие лазерные трассы, заставив их попадать на землю. Затем те же самые лазерные трассы превратились в токопроводящие каналы электрошокеров, и атака группы, подчинённой непосредственно Инне, захлебнулась. Она сама с трудом увернулась от электроразряда и от ярости принялась стрелять во все стороны из пистолета с насадкой бесшумного боя, чудом повредив лазерную установку. Тем не менее идти вперёд она не рискнула, вызвала командиров групп поддержки:

– Второй, третий, начинайте! Никого не жалеть, открывать огонь по любой движущейся цели!

Но и вторая группа наткнулась на умелое сопротивление охраны здания, использующей все современные военные разработки: тазеры, «смирительные рубашки» – выбросы липкой полимерной пены, мгновенно твердеющей на воздухе, инфразвуковые генераторы, от импульсов которых у бойцов десанта лопались кровеносные сосуды в ушах и в носу, выводя нападавших из строя, а также иразеры – векторные излучатели звука большой мощности, которые также останавливали людей, оглушая их до невменяемого состояния.

Третьей группе, ведомой капитаном Ираклишвили, удалось пройти дальше всех. Бойцы даже успели высадить окно на первом этаже здания и проникнуть внутрь. Однако там их встретил прицельный автоматный огонь, и Вахтанг Ираклишвили, прозванный за глаза подчинёнными Тараканом – за смешные усики, вынужден был отступить.

Инна вызвала Меринова:

– У нас снова проблемы, Марат Феликсович!

– Вижу, – раздражённо ответил он. – Зря я доверил тебе это дело. Ждите, я пройду к ним изнутри.

Он активировал тхабс и оказался в одном из помещений второго этажа здания, оказавшемся компьютерным терминалом.

Терминал работал, у мониторов систем наблюдения сидели два оператора с наушниками и усиками раций. Гостя никто из них не ждал, и Меринов погасил сознание обоих мысленно-волевым раппортом: «Спать!». Остальное было делом техники. Определив местонахождение охранников, а главное – их командира, Марат Феликсович одного за другим погрузил их в глубокий сон, хотя его так и подмывало убить каждого. Вызвал Инну:

– Можете заходить.

– Но охрана... – заикнулась секретарша.

– Нейтрализована. Допроси начальника, он в бункере в подвале, как войдёте – коридор налево, затем поднимись ко мне на второй этаж, я в компьютерном зале.

– Слушаюсь.

Снаружи замелькали лучи фонарей: потрепанные силы атакующих собирались к зданию, не понимая, почему по ним никто не стреляет.

Марат Феликсович подсел к монитору, прошёлся по его программам и файлам, заинтересовался папкой с надписью «Конкере». Материал был закодирован, но сопротивлялся взломщику недолго. Это был текст теории Самандара, объясняющей причины конфликта Монарха Тьмы со своими коллегами-Аморфами и иерархами Внутреннего Круга, созданного задолго до появления на Земле человечества.

– Доцивилизация, – прочитал Меринов вслух, смакуя слово. – Квантово-механические модели класса «жизнь – не жизнь»... нелинейные логики... метастабильные состояния поляризованных вакуумных структур типа «разум – не разум»... м-да! Любопытно. Далеко пойдёшь, Вахид Тожиевич, если тебя не остановить.

В дверь постучали, потом раздался удар, сломавший замок, и в кабинет ворвалась Инна в сопровождении гиганта-бойца, у которого

отвисла челюсть при виде главного начальника. Секретарша, в отличие от него, не удивилась, спросила будничным тоном:

– Помощь нужна?

Марат Феликсович усмехнулся, вытащил из дисковода дискету с записью теории Самандара, встал из-за стола.

– Устройте здесь хороший пожар. Чтобы ничего не уцелело!

– Будет сделано. Что ещё?

Меринов поколебался немного, глянул на часы.

– Мне надоела эта контора. Оставь зондер-команду, бери остальных и двигайся в район Мневников, будем брать комиссара «чистилища».

– Котова?

– Только постарайтесь не шуметь, Котов – Посвящённый и легко может уйти.

– Не уйдёт, Марат Феликсович.

– Как только окружите дом, позвони, я подскочу.

Меринов исчез.

Инна посмотрел на сопровождающего.

– Варешку закрой! Всё понял?

– Так точно! – вытянулся обалдевший верзила.

– Чтоб через три минуты здесь всё горело! Закончишь – свяжешься со мной, получишь новое задание.

Инна быстро вышла из кабинета, отдавая распоряжения по радиации командирам второй и третьей групп. Через несколько минут спецназ СС покинул территорию штаба «чистилища», за исключением «пожарников», и помчался в Мневники.

Однако оставшимся бойцам Меринова в количестве четырёх человек поджечь здание не удалось.

Как только они начали ломать мебель и сваливать обломки в кучу, в здании появились бойцы другого спецназа – прибыл мейдер Вени Соколова, получивший сигнал тревоги, и поджигатели были без шума ликвидированы. Инна узнала об этом уже утром, так и не получив сигнала о выполнении приказа от командира зондер-команды.

К половине третьего ночи окружение дома, где жила семья комиссара «чистилища» Котова, закончилось. Инна вызвала босса. Меринов появился рядом с ней через несколько секунд, одетый на сей

раз в чёрный спецкостюм «Комбат-Униформ», словно собирался сам идти на штурм квартиры.

– Я накрыл дом вуалью «непрогляда», – пробурчал он мрачно, по обыкновению не объясняя термины, известные только ему. – Вас никто не заметит. Подберитесь ближе, возьмите под прицел окна квартиры и лестничную площадку, уберите группу охраны: двое во дворе, двое с той стороны здания, водитель в «Опеле».

Инна послушно передала по рации приказ. Через пять минут доложила:

– Всё под контролем! В квартире тихо, все спят.

– Идём со мной. – Меринов зашагал к дому, находясь в состоянии ментального озарения. Он мог бы сразу перейти на тхабс-режим и выйти уже в квартире Котовых, но, во-первых, квартира была накрыта своей нешуточной силой «печатью отталкивания», на преодоление которой потребовались бы силы и время, а во-вторых, Марат Феликсович *видел*, что хозяина дома нет. Зато в квартире находились его жена и ребёнок.

Поднялись на шестой этаж дома, миновав охрану как призраки: дежурный увлечённо читал книгу и даже не поднял головы, его напарник спал.

– Звони, – кивнул Меринов.

Секретарша нажала кнопку звонка. И отшатнулась! Дверь *глянула* на неё как дикий зверь и приготовилась прыгнуть!

Марат Феликсович дёрнул щекой, нанося ментальный удар защитному «зверю» квартиры.

Внутри кто-то зашевелился, приблизился к двери.

– Кто там?

– Друзья, – ответил Меринов чужим голосом. – Уля, открой, я в курсе, что Василия нет дома, но дело срочное.

– Кто вы? Я вас не знаю. Приходите днём.

Меринов «надавил» на хозяйку ментальным «кулаком», терпеливо добавил:

– Я помощник Юрия Венедиктовича, это моя секретарша, он послал нас к вам по важному делу.

– По какому?

– Не через дверь же говорить.

За дверью помолчали. Меринов уловил вспышку «невидимого света», словно там зажглась и погасла свеча: жена Котова вызывала мужа или кого-то еще посредством ментальной связи. Встречаться с ними не входило в планы Меринова, и он снова нанёс мысленно-волевой удар по квартире, желая оглушить хозяйку.

Тихо вскрикнула Инна, хватаясь за голову. Её тоже задело «рикошетом».

– Ломайте дверь! – бросил глава СС бойцу отряда, занявшему позицию у лифта.

Дверь выдержала всего два удара, выпала в прихожую, сорванная с петель. Ворвались в квартиру.

Жена Котова, в халатике, ползла к спальне, пытаясь, очевидно, успеть забрать ребёнка и уйти с помощью тхабса. Но оглушающий пси-удар Меринова был столь мощен, что сил ей не хватило.

Инна приставила к затылку женщины ствол пистолета.

Марат Феликсович отрицательно качнул головой, прошагал в спальню, где стояла детская кроватка. Малыш проснулся, заплакал.

– Не трогайте! – простонала Ульяна, протягивая руку к сыну.

Инна ударила её рукоятью пистолета по затылку, женщина упала, однако снова поднялась и упрямо поползла в спальню.

– Матвейша... Вася...

Марат Феликсович вытащил из кроватки малыша, сунул Инне.

– Обоих в разные машины... впрочем, пацана я заберу сам. – Он взял зашедшегося в плаче малыша на руки. – Её отвезите на базу в Жулебино. Потом вернётесь на виллу, возьми детские вещи, побудешь нянькой.

– Да зачем он нам сдался? – возмутилась Инна. – Пуля в голову – и никаких проблем.

– Вы... не имеете... – проговорила Ульяна с рыданием. – Отдай сына, Герман!

Меринов и секретарша посмотрели на неё.

Инна снова подняла пистолет.

Марат Феликсович пригнул ствол к полу.

– Они мне нужны... какое-то время. Комиссары сами придут ко мне, и деятельность «чистилища» на этом закончится.

– Поняла.

– Всё, выполняй. – И Марат Феликсович исчез вместе с сыном Котовых.

Ульяна покачнулась и упала, силы оставили женщину.

– В машину! – приказала Инна, стремительно выходя из квартиры.

В четыре часа ночи секретарша приехала на виллу Меринова, поставила в гараж машину, зашла в холл, и первой, кого она увидела, была... Ульяна Котова!

Женщина стояла перед лестницей на второй этаж, оглянулась на звук открываемой двери.

– Мать твою! – изумлённо выругалась Инна. – Я же оставила тебя в бункере...

На верхней ступеньке лестницы показался Меринов в халате, качнул головой.

– Недурно, госпожа комиссарша. Мой дом «зашнурован» на все блоки, но ты всё равно сумела его найти и преодолеть печати.

– Отдай... сына...

Меринов задумчиво пригладил бровь, неторопливо спустился вниз.

– Придётся оставить тебя здесь. Но так как я не люблю рисковать, уж слишком много ты знаешь и умеешь, я вынужден буду связать тебя по уровню «МК».

– Ты... негодяй... Герман... и Вася тебя всё равно...

Марат Феликсович вытянул вперёд руку, глаза его метнули молнии, и тело Ульяны опоясали металлические на вид обручи. Один из них стянул голову, закрыв рот. Женщина покачнулась, но устояла. Глаза её тоже наполнились сиянием, обруч на голове задымился, потёк струйками дыма, испарился. Но Меринов махнул рукой, и на месте испарившегося возник другой обруч, а вслед за ним ещё один, закрывший глаза.

Ульяна упала.

– Вызови охрану, отнесите её в подвал. – Меринов поднялся по лестнице вверх, оглянулся. – Потом поднимешься ко мне.

Инна повеселела, включила рацию, дождалась дюжих охранников, унесших пленницу, и помчалась в спальню босса, раздеваясь на бегу. Однако там её ждало разочарование.

Хозяин уже облачился в походный костюм «Бастион» и рассовывал по карманам бытовые мелочи. Судя по всему, сексом он заниматься не собирался. Поднял голову, закрепляя на поясе чехол с ножом.

– Вы куда? – удивилась секретарша.

– Вернусь часа через два.

– Я с вами!

– Ты останешься. Глаз не своди с комиссарши! Головой отвечаешь! И за ребёнком смотри, подгузники поменяй.

– Я в няньки не нанималась!

Марат Феликсович мрачно оскалился, отчего у Инны сразу пропало желание возражать.

– Хорошо, хорошо, присмотрю за обоими. Может быть, я всё-таки буду полезней в другом амплуа?

– Нет! – отрезал Меринов и исчез.

Секретарша длинно и виртуозно выругалась.

Вышел Марат Феликсович в пещере с «модулем иной реальности», располагавшейся под Киевом. По сведениям, добытым в астрале, именно в этом МИРе хранилась Великая Вещь Инсектов – Врата Наслаждений, или, как её иногда называли в шутку, «наркотик гетьмана». Никто из тех, кто был посвящён в тайны Круга и с кем встречался Рыков-Меринов, не знал, что такое этот «наркотик» и как он действует, но, по слухам, пользователь Врат получал такой заряд «энергии наслаждения», что становился практически бессмертным. Молодость Марат Феликсович уже получил, теперь ему захотелось испытать Врата и стать бессмертным.

В МИРе кто-то был.

У сооружения Инсектов – здесь стоял замок царя Маргинатусов, «клопов разумных», с виду похожий на полупрозрачную светящуюся медузу, – прохаживался по залу какой-то человек в чешуйчатом тёмно-зелёном костюме, которого Меринов поначалу принял за Хранителя. Но это был не Хранитель.

– Котов-младший?! Оруженосец?!

В руке оглянувшегося молодого человека сверкнул меч.

– Герман Рыков. Я ждал тебя.

– Зачем?! И как ты узнал, что я буду здесь... в данный момент?!

– Не имеет значения. Меня послал к тебе твой хозяин.

– Это какой ещё хозяин? – высокомерно вздёрнул подбородок Меринов. – В этой реальности я хозяин!

– Конкере.

– Что?! – не смог удержать Марат Феликсович возглас изумления. – Монарх?! И он послал тебя... чтобы ты... так ты его слуга?! Не может быть!

– Ты задаёшь слишком много вопросов. Он знает, что ты способен управлять тхабсом в режиме хроноинверсии. Нам нужны Великие Вещи...

– Мне они тоже нужны! – перебил Стаса Меринов.

– Великие Вещи, – повторил посланец Монарха ровным голосом. – Это первое. Второе: ты поможешь нам объединить МИРы в единую энергосистему.

– А это ещё зачем? – Вопрос вырвался непроизвольно, хотя Меринов уже знал на него ответ: Конкере предупреждал, что грядёт новое Изменение, для чего ему и необходимо создать единую энергетическую систему.

– Кардинал, ты задаёшь странные вопросы. Неужели так поглупел, работая в Думе?

Глаза Меринова сверкнули мрачным огнём. Но ответил он неожиданно кротко:

– Дерзить старшим нехорошо, молодой человек. Не всё решает меч, то бишь синкэн-гата. Я подумаю над твоим предложением... и сообщу самому хозяину лично.

– Он уполномочил меня вести переговоры и не станет тратить время, чтобы связаться с тобой.

– Посмотрим.

Лезвие меча в руке Стаса внезапно скачком удлинилось на два десятка метров и едва не проткнуло Меринова. Тот лишь успел закрыться сиддхой *Дхармы*, остановив острие меча в миллиметре от горла. Впрочем, вполне могло быть, что это Стас остановил его, а не защитная сфера кардинала СС.

– Не заставляй меня повторять распоряжения хозяина дважды, кардинал. Я знаю, что ты получил доступ к Интегратрону. Открой мне канал.

Меринов усилил мощность защитной сиддхи. Сверкающий смертоносный ромбик клинка отодвинулся. Марат Феликсович мрачно усмехнулся в душе. Он вполне мог отбить выпад и уйти в тхабс-режиме, несмотря на весь гонор бывшего оруженосца Воина Закона.

— А сам-то что ж? Если Конкере сделал тебя эмиссаром, то уж должен был позаботиться о доступе в МИРЫ.

— Не твоё дело!

— И всё-таки я попробую связаться с твоим хозяином. — Меринов сделал ударение на слове «твоим». — Потом поговорим.

— Сейчас же открой доступ...

Марат Феликсович сложил пальцы в кукиш.

— А это видел? Прощай, сопляк!

Стас угрожающе нагнул голову, меч текучей молнией устремился вперёд, но пронзил только воздух. Кардинал Сверхсистемы растворился в темноте, пропал.

Стас вернул меч в исходное положение, прошёлся по залу МИРа, поглядывая на красивую, светящуюся нежным опалом, двадцатиметровую «медузу» Маргинатусов, затем тоже исчез.

И лишь после этого из раскрывшегося входа в замок вышел ещё один человек в обычной вельветовой курточке и таких же штанах. Постоял в задумчивости у замка, склонив голову набок, и вызвал Хранителя Матфея.

Глава 18

УЛЬТИМАТУМ

Они устали.

Даже Самандар, никогда не жаловавшийся на здоровье, вдруг признался:

– Всё, пора возвращаться, нет никаких сил.

Василий Никифорович бросил взгляд на унылый пейзаж очередной реальности, навевающий дурное расположение духа, проговорил со вздохом:

– Широка страна моя родная. Много в ней лесов, полей и рек. А также ям, оврагов, колдобин и камней.

– Ну, во-первых, эта реальность, к счастью, – лишь версия нашей страны родной, а во-вторых, Стаса не стоит искать в таких мирах.

– Почему?

– Если правда, что его взял к себе в услужение Конкере, он должен быть или с хозяином, или же где-то на Земле.

– С какой стати?

– Монарх готовит новое Изменение Фундаментальной Реальности, так?

– Допустим.

– Об этом нам сообщил Матфей, а ему можно верить. А Фундаментальная Реальность – это Земля. Помнишь, Матфей говорил, что первым «революционером», замахнувшимся на коррекцию Замысла Творца, был Люцифер. Воин Закона Справедливости той эпохи низверг Люцифера в «ад» Шаданакара, где тот и обитает по сей день. Вторым стал Монарх Конкере, породивший человечество посредством направленного процесса мутагенеза отряда Блаттоптера, то есть тараканов разумных. Но его тюрьма оказалась менее прочной, поэтому он и вырвался на свободу.

– Благодаря ошибке Стаса.

– Возможно, эта ошибка была запрограммирована.

Василий Никифорович с недоумением посмотрел на спутника.

– Что ты хочешь сказать?

– Ты знаешь, что творится на Земле. Абсолютный беспредел чиновничьей власти! Человек низведён до винтика, до элемента энергетической системы, из которой кто хочет, тот и высасывает энергию. Тот же Рыков. Так вот вполне допустимо, что выход Монарха был обусловлен Изначальным Планом Бытия.

– Для чего?!

– Для того, чтобы исправить положение в Матрице.

– Но если Монарх проведёт Изменение...

– Кто-то должен ему помешать. Может быть, мы?

– Нас мало...

– Кто-нибудь из Хранителей нас обязательно поддержит, так как они не могут не понимать, что погибнут вместе со всеми. Плюс иерархии, живущие в других мирах «розы». Просто их надо найти. Нужен собиратель, гонец.

– У тебя есть кандидатура? Или ты говорил о себе?

– Нет, мы с тобой «засвечены», нас далеко не пустят. Нужен никому не известный боец, способный уходить от охотников, сторожевых псов и разного рода Зверей.

– Где же найти такого?

– Подумаем, посоображаем. Ну что, куда теперь?

– Домой, разумеется. Предчувствие у меня дурацкое.

– А может, слетаем в последний раз в «мир А», глянем на «тюрьму героев»? Вдруг Стас завернул туда по какой-то надобности?

Василий Никифорович заколебался, разглядывая с вершины горы безрадостный пейзаж «преисподней» – мира-слоя «розы», близкой к пакету «адовых» реальностей с бывшей тюрьмой Конкере на самом «дне».

– Разве что на пару минут.

Они нырнули в «колодец» тхабс-режима и вышли на вершине одной из камер «тюрьмы героев», похожей на стеклянный столб с плоской вершиной, погружённый в море белёсого тумана.

Однако оглядеться и вызвать Стаса в ментальном поле путешественники не успели. Буквально через несколько секунд на соседнем столбе появился человек в пятнистом комбинезоне, замахал руками.

– Вахид, Василий!

– Иван Терентьевич?! – не поверил глазам Котов. – Что случилось?

– Рыков напал на новый офис в Марфине, а потом захватил Улю с Матвейкой!

Самандар и Василий Никифорович переглянулись и «включили» тхабс. Через пару мгновений они были уже в квартире Котовых. Следом появился и хмурый Парамонов.

Василий Никифорович бросился в спальню, распахнул дверь, замер, глядя на пустую кроватку сына. Опустился на корточки, спрятав лицо в ладонях.

Самандар подошёл к нему, сочувствующе похлопал по плечу, обернулся.

– Как это произошло?

– В два часа ночи Веня позвонил мне и сообщил, что на базу совершено нападение. Если бы я сразу рванул сюда, всё бы обошлось, но я помчался в штаб. Простите. Это я во всём виноват.

– Ни в чём ты не виноват, – глухо проговорил Василий Никифорович, разогнулся, прошагал в ванную. Раздался плеск воды. В гостиную он вышел спокойным, только чуть более бледным.

– Если Уля не ушла тхабсом...

– Рыков сильнее и хитрее, он наверняка оглушил её, прежде чем захватить в заложницы. Либо ему удалось сначала взять сына, из-за чего Ульяна и не смогла уйти. Не суть важно, главное, что они у него. Я прозондировал астрал, нигде никаких следов. Но Матфей уверен, что твои у Рыкова.

– Ты звонил Хранителю?

– Он сам связался со мной. – Парамонов помолчал. – На Земле объявился Стас.

Мужчины переглянулись. Самандар помял подбородок пальцами.

– Я так и предполагал. Здесь его и надо было искать, а не шататься по «розе».

– Сначала давайте решим, что будем делать в связи с создавшейся проблемой, – покачал головой Иван Терентьевич. – Потом будем думать о поисках Стаса.

В прихожей залился свирелью телефон.

Василий Никифорович вздрогнул, метнулся в прихожую, схватил трубку:

– Алло! Слушаю!

В трубке заговорил женский голос, и Котов едва сдержал крик: «Уля!» Голос был незнаком.

– Господин комиссар Котов?

– Кто говорит?!

– Важно не кто говорит, а что говорит. Мой шеф приглашает вас на встречу, есть предмет для разговора.

– Какой шеф?! Рыков?!

– Не знаю никакого Рыкова. Марат Феликсович Меринов ждёт вас в десять часов утра в кабинете зампреда Государственной Думы. Найдёте?

– Где моя жена?!

– Странно, я думала, вы умнее. До встречи, комиссар.

В трубке застучали молоточки отбоя.

Василий Никифорович посмотрел на трубку и одним мгновенным усилием раздавил её в труху.

– Рыков звонил? – тихо поинтересовался Самандар. – Ульяна у него?

– Да, – глухо ответил Котов, отбрасывая остатки телефона. – Предлагает встречу в Думе. Звонила его секретарша.

– Когда?

– Завтра в десять утра.

– Что ж, пойдём, побеседуем.

– О вас речь не шла, я пойду один.

Самандар осуждающе покачал головой.

– Он тебя ликвидирует.

– Пусть попробует! – оскалился Василий Никифорович. – Я его очень сильно огорчу!

– Вахид прав, – сказал Иван Терентьевич. – Надо идти всем вместе.

– Нет!

– Тогда позволь нам прикинуть варианты вашей беседы и подготовиться к худшему. Ты же понимаешь, что мы тебя не бросим.

– Делайте что хотите, – махнул рукой Котов, скрываясь в ванной.

Самандар и Парамонов обменялись взглядами.

– Есть идеи? – пробурчал Иван Терентьевич.

– Пошли покумекаем, у Васи в компе должен быть план нового здания Думы.

Они направились в кабинет хозяина, озабоченные, но не растерянные, знающие свои силы и возможности. Вскоре к ним присоединился и Котов, преодолевший минуту слабости.

* * *

Здание Государственной Думы на Красной Пресне было накрыто магической «печатью отталкивания», поэтому все трое не стали с помощью тхабса пробивать эту невидимую полевую защитную плёнку, созданную Рыковым-Мериновым. Рыков сразу вычислил бы, что к нему пожаловали в гости Посвящённые. Но если Котов вошёл в здание Думы открыто, с парадного входа, то Парамонов и Самандар воспользовались служебным входом, предварительно заблокировав свои «мыслительные сферы» магической вуалью «непрогляда», своеобразной шапкой-невидимкой. Естественно, все трое прошли в здание без предъявления каких-либо документов, мысленно-волевым усилием отведя взгляды охранников таким образом, что те просто ни одного постороннего человека не увидели.

Василий Никифорович, одетый в летний костюм: серые брюки, белая рубашка с короткими рукавами, галстук, в кармане – звёздочка сякэна и короткая пятисантиметровая стрелка сюрикэна, – поднялся на второй этаж здания, отыскал кабинет под номером 202 и табличкой: «Заместитель председателя М.Ф. Меринов». Постучал деликатно, вошёл.

Его встретил взгляд платиновой блондинки с грубоватым лицом бегуньи на марафонские дистанции. Девушка имела развитую мускулатуру и прицеливающиеся глаза. Секретарша. Явно – мастер боевых искусств. Опасна. Злобна. И весьма сексуальна.

Секретарша заговорила, и Василий Никифорович понял, что звонила ему именно она.

– Котов?

– Он, – кивнул Василий Никифорович, сдерживая желание свернуть секретарше Рыкова шею.

– Проходите.

Дверь кабинета Рыкова «зарычала» на него, но Василий Никифорович сделал мысленное усилие, преодолел «печать отталкивания», настроенную лично на него, и вошёл в кабинет.

Рабочие апартаменты заместителя председателя Госдумы были безликими и унылыми, как и большинство кабинетов этой «законотворческой» чиновничьей организации. Большой чёрно-коричневый стол, шесть стульев, государственный флаг России в углу, портрет президента на стене, компьютер, панель плазменного телевизора, стеклянный шкаф с десятком книг, вот и вся обстановка. Рыков не любил ничего экстраординарного и ничем не отличался от обычного клерка, использующего рабочее помещение как выданный на время инструмент. Впрочем, хозяин этого помещения Рыкова вовсе не напоминал.

Человек в зелёной рубашке апаш, стоящий у панорамного окна, обернулся, и Котов увидел перед собой совсем юного красавца с пухлым слащавым лицом, черноволосого, стройного, с капризными губами и тонкими усиками. Это и был Марат Феликсович Меринов, помолодевший лет на тридцать с гаком, обличье которого принял Герман Довлатович Рыков, кардинал СС, Посвящённый в Мастера Круга (нелегитимно, но – факт), авеша Монарха Тьмы, много сделавший для того, чтобы стать единоличным лидером земного уровня.

– Привет, волкодав, – сказал он ломким баском.

– Какой я волкодав, – усмехнулся Василий Никифорович, отбивая лёгкий ментальный выпад юнца. – Всё в прошлом.

Глаза Рыкова-Меринова стали совсем чёрными, излучая угрозу и свирепую *силу*. Но попробовать защитные возможности гостя он больше не стал.

– Не скромничай, Балует, ты был хорошим перехватчиком, им и остался. Садись, поговорим.

Василий Никифорович помедлил, чувствуя бродившие по кабинету волны *вибраций*, подсел к столу.

Меринов тоже сел, вдавил клавиш интеркома:

– Инна, кофе.

– Я не буду, – шевельнул каменными губами Котов.

Меринов усмехнулся.

– А я тебе и не предлагаю. И не надо смотреть на меня так страшно, комиссар, твои жена и сын живы и здоровы, за ними ухаживают, кормят, поят, подгузники меняют, пылинки с них сдувают. Я знаю правила игры, и ты знаешь. Когда на руках выигрышные карты, следует играть честно, не так ли? Поэтому расслабься и не зверей.

– Где они?

– На одной из моих фазенд. Вот только самостоятельно их освобождать я тебе не советую, не помогут ни профи Вени Соколова, ни твои друзья. Кстати, где они? Неужели отпустили тебя ко мне одного?

Василий Никифорович выдержал прямое попадание ослепляющего взгляда собеседника (уровень Тогарини – «дьявольской красоты», но фиг тебе, кардинал! Мы и не такое выдерживали).

– Они... на связи.

– Понятно. – По губам Меринова скользнула сардоническая ухмылка. – Здесь они, здесь, в здании, где же ещё им быть. Молодцы, комиссары, хорошо замаскировались, моя сторожевая застава их не засекала. Однако, надеюсь, вы не собираетесь атаковать меня на рабочем месте? Это привело бы к печальным результатам.

– Я хочу услышать жену.

– Услышишь, чуть позже, после разговора.

Вошла секретарша (крутая девица, brutальная, сила так и сквозит в каждом движении, а фанатизма и самоуверенности в глазах – хоть отбавляй), поставила блюдце с чашкой кофе на стол босса, вышла, не удостоив гостя взглядом.

– Чего ты хочешь? – тяжело спросил Котов, внезапно ощутив дикую жажду.

– Не торопись, комиссар, – качнул головой юнец за столом (какой он, к хренам, заместитель председателя?!), взялся за кофе. – Хочешь? А то закажу.

– Нет!

– Как скажешь. Давай договоримся: сначала я задам тебе пару вопросов, а потом ты мне. И не «играй мускулами», мы с тобой в разных весовых категориях. Понадобится, я тебя в бараний рог скручу.

– Попробуй, – усмехнулся Василий Никифорович.

Зрачки полностью заняли глаза Меринова. В них за клубилось фиолетовое свечение, выплеснулось сгустком молний.

Удар *силы* Элохим был столь силён, что на мгновение изменилась *структура* материалов кабинета, стены его, мебель, светильники, предметы превратились в зыбкие конфигурации, готовые расползтись дымными струями.

На голову Котова «упал потолок», в глазах потемнело. Однако сознания он не потерял. Часть пси-импульса отвела «тюбетейка» в волосах – генератор защитного поля, разработанный ещё несколько лет назад самим Василием Никифоровичем. Часть он отбил внутренним полем. Остальное принял на себя объединённый защитный пси-зонт друзей, подсоединившихся к пси-полю Котова в нужный момент.

К сожалению, они не могли ответить на атаку тем же, не хватало сил, поэтому Василий Никифорович поступил по-другому. Пока пространство кабинета восстанавливало свои прежние физические зависимости и структуры, он просто перегнулся через стол и врезал Меринову кулаком в лоб. Не ожидавший *такого* ответа кардинал опрокинулся вместе с креслом и, хотя тут же вскочил, изумлённый и ошалевший от удара, адекватно отреагировать на выпад противника сразу не смог.

В кабинет вбежала секретарша. Зашипела как кошка, растопыривая пальцы, бросилась на Котова, и тому пришлось несколько секунд отбивать яростные атаки женщины, в самом деле прекрасно владевшей приёмами рукопашного боя. Наконец он поймал её на переходе и ударил в грудь (простите, мадам, что не поджентльменски) с такой силой, что секретарша с тихим вскриком отлетела к двери, как сорвавшийся с перекладины гимнаст, упала на колени. Но тут же подхватила на ноги, собираясь снова броситься в атаку.

Пришедший в себя Марат Феликсович повёл рукой:

– Достаточно, выйди.

Бросив обещающе-ненавидящий взгляд на гостя, секретарша покинула кабинет.

– Попробуем ещё? – предложил Василий Никифорович, с виду спокойный и невозмутимый, хотя в голове всё гудело и дымилось; второй атаки кардинала он бы не выдержал.

– Вы совершенствуете свои сиддхи, – с неожиданным добродушием проговорил Меринов, погладил пальцами лоб, качнул

головой. – Этого варианта *контакта* я не предусмотрел. Впредь буду помнить, что вы люди боя. Садись, комиссар, продолжим беседу.

Василий Никифорович поколебался, сел. Условия игры продолжал диктовать не он.

Меринов поставил кресло на место, посмотрел на залитый кофе стол, вызвал секретаршу:

– Прибери и принеси ещё. – Посмотрел на гостя. – Может, всё-таки глотнёшь кофейку? Травить тебя мне не резон.

Василий Никифорович снова почувствовал непреодолимую жажду, однако отрицательно покачал головой, не желая принимать от врага никаких подачек.

– Не хочу.

– Как знаешь.

Инна вытерла стол шефа, принесла чашку кофе.

Меринов сделал глоток, блаженно зажмурился, потом сунул руку в ящик стола, вытащил пистолет необычной формы, положил на столешницу.

– Узнаёшь?

– Кодон! – пробормотал Василий Никифорович.

– Программатор, конечный элемент кодона, так будет верней. Кстати, конечным излучателем кодона теперь может быть и обыкновенный «глушак», то есть суггестор «удав». Как видишь, я мог бы просто запрограммировать тебя, и ты был бы уже моим зомби-солдатом. Но я этого не хочу. Ты нужен мне свободным... пока. Да и твои друзья тоже.

– Зачем?

Меринов спрятал излучатель, допил кофе, похвастался:

– У меня находится не только кодон, у меня есть и другие Великие Вещи. Но это к слову. А нужны вы мне для того, чтобы сделать одну работу, на которую я не хочу отвлекаться. Не скрою, сначала я хотел вас просто уничтожить, уж очень сильно вы меня расстроили.

– «Большой глушак».

– Да, это был блестящий ход – навести ФСБ на лабораторию. Но я контролирую кое-кого в этой системе, и БГ в скором времени ко мне вернётся. Так вот, я вдруг подумал: почему бы вам не сделать то, что я намеревался сделать сам? Мне нужны Великие Вещи Мира, хранящиеся в «модулях иной реальности», а также Вещи,

разбежавшиеся по «розе» в силу различных обстоятельств. Одна из них – синкэн-гата, «устранитель препятствий». А он – у твоего воспитанника Стаса, который теперь служит Монарху. Понял мою мысль?

Василий Никифорович потемнел.

– Я не верю, что Стас – раб Монарха...

– Пусть не раб, пусть ординарец, суть не в терминах. Найдите Стаса и уговорите его отдать мне синкэн. Тогда я отпущу твоих жену и сына. Идёт?

– Ты... мерзавец и негодяй!

– Согласен, – ухмыльнулся Меринов. – Хотя при этом я хочу сделать доброе дело.

– Это какое еще доброе дело?

– Не дать Монарху провести новое Изменение. Меня устраивает и нынешнее положение вещей, где я уже реализовался как оператор реальности. Синкэн же мне нужен именно для этой цели. Итак, мы договорились?

– Я тебе... не верю!

– Ну, тут уж одно из двух, надо решать, верить мне или не верить, – развёл руками Меринов. – Другого пути у тебя всё равно нет.

– Отдай хотя бы сына.

– Чтобы Ульяна потом сбежала в тхабс? – усмехнулся Марат Феликсович. – Поживут у меня, ничего с ними не случится. Или ты хочешь рискнуть их жизнями? Начать поиски? Планировать штурм фазенды?

Василий Никифорович сжал зубы, с трудом удержался от злой и резкой оценки собеседника.

– Мы... подумаем...

– Недолго, я надеюсь. Суток хватит?

– Хватит. Ну а если Стас... не захочет отдать синкэн?

– А это уже ваша забота. – Змеиные глаза Меринова заледенели. – Участь твоей семьи зависит только от вас. Повторяю: я мог бы легко переловить вас по одному, есть у меня такая возможность, потому что я могу заставить служить себе любую толпу, любой коллектив, в том числе военных, милицию и спецслужбы. Так что принимайте *правильные* решения. В противном случае я найду других исполнителей. Итак, когда ждать ответ?

– Мы тебе позвоним, – глухо пообещал Василий Никифорович и исчез, не вставая со стула.

Марат Феликсович прищурясь посмотрел на его стул, пощупал лоб, нахмурился. В душу вдруг закрались сомнения относительно полного контроля над ситуацией. Комиссары «чистилища» всё же были не только руководителями секретной организации, успешно боровшейся с криминальным беспределом в стране, но и Посвящёнными очень высокого ранга и могли многое из того, что было недоступно простым смертным.

В кабинет заглянула Инна, вздёрнула брови.

– Где он?

– В Караганде, – находчиво ответил кардинал СС.

Глава 19

НА ХРЕНА МНЕ ВСЁ ЭТО?!

Сны с прекрасной незнакомкой перестали сниться окончательно, однако Артур уже не сожалел об этом, поскольку встретил незнакомку во плоти и теперь наслаждался её обществом, вдруг осознав, что влюблён, как мальчишка. Какие чувства питала к нему сама Светлана, он не знал, а спрашивать не решался, боясь получить не радующий сердце ответ. В то же время она не отказывалась от встреч, принимая его ухаживания без колебаний, и этот факт согревал душу и поддерживал надежду на взаимность чувств.

Тринадцатого августа они встретились в ресторане «Двенадцать стульев» на улице Ильфа и Петрова, поужинали, Артур предложил Светлане поехать к нему домой, показать снятые им в разных странах видеофильмы, и девушка неожиданно согласилась, отчего у Суворова случилось временное выпадение сознания. Во всяком случае он не помнил, как они ехали в Мневники, очнулся лишь в тот момент, когда открывал входную дверь квартиры.

А потом они целовались.

Пили вино – «Либфраумильх».

Снова целовались. Добрались до постели...

...обрыв в памяти...

Душ, вино, кофе, поцелуи...

Вспомнилась шутка журналиста: женщинам не нравятся робкие мужчины, так же как кошкам не нравятся робкие мыши...

И снова жаркие объятия, поцелуи, восторг и полёт тел, пение и полёт душ... и ни одной связной мысли. Лишь кипение крови и желание касаться вздрагивающей под ладонями кожи, гладить плечи, грудь, живот, бёдра, целовать пухлые пунцовые губы и – продолжать полёт в немыслимое блаженство...

Только много позже он удивился – откуда силы?! Но ответа на вопрос не нашёл.

Чай пили в начале третьего ночи, сидя на кровати завёрнутыми в простыни.

– Ты так и не признаешься, кто ты на самом деле? – поинтересовалась розовая от вина и чая Светлана.

– Я царь и бог, – засмеялся Артур, – пока мы вместе. А вообще-то я самый обыкновенный искатель приключений, хотя по образованию – геолог. Правда, теперь у меня появилась миссия...

– Какая?

– Долго рассказывать, – махнул он рукой. – Да и в принципе я в любой момент могу отказаться от неё.

– Объясни.

– Не сейчас. – Артур потянулся к ней, но Светлана отвела руку, нахмурила брови.

– Не расскажешь – уйду! Или ты думаешь, я так и буду смотреть на тебя снизу вверх, округлив глаза? Показал мне свою «розу» – продолжай в том же духе. Должна же я знать, с кем имею дело.

– Это не дело, – запротестовал он. – Это...

– Суворов!

– Ну хорошо, хорошо, – поднял он руки, – сдаюсь! Давай так: слетаем ещё разок в «розу», вернёмся, и я расскажу тебе, как влип в эту историю.

– Это обязательно – слетать в «розу»?

– Не хочешь, никуда не полетим, просто я хотел показать тебе нашу Галактику со стороны и полюбоваться на квазар. Прошлый раз мы так и не собрались.

Светлана упала на кровать навзничь, раскинув руки, заметила его взгляд, натянула простыню до подбородка.

– Честно говоря, никуда не хочется бежать. Но если тебе это необходимо, давай слетаем.

– Кофе будешь? – вскочил он так резко, что простыня слетела с него на пол.

Светлана засмеялась. Он зарычал и бросился на неё...

Кофе, сваренный по-турецки, пили через полчаса. Собрались, не особенно заботясь об экипировке. Артур натянул спортивный костюм, Светлана – его футболку и старенькие джинсы. Он хотел взять с собой помповое ружье, но вспомнил совет Тараса не баловаться в «розе» с огнестрельным оружием и передумал. Лишь поместил в нагрудный карман куртки квадратик Дзи-но-рина.

– Поехали?

- Только ненадолго, ладно? Нормальные люди давно спят.
- Так то ж нормальные, – ухмыльнулся он, активируя тхабс.

Первая попытка подняться над галактическим домом человечества и посмотреть на него сверху не увенчалась успехом. Тхабс не понял приказа и перенёс пару практически на границу плотного сгустка звёзд, окружавших галактическое ядро – балдж. Свет многочисленных солнц здесь был так плотен и ярок, что тхабс с трудом выбрал нужный «экран», позволяющий путешественникам смотреть на сияющие потоки газа и звёзды без ущерба для зрения.

Планетой объект, на который вынесло путешественников, назвать было трудно. Он был мал и своеобразен, напоминая больше тушу исполинского десятикилометрового кита с пробитой во многих местах шкурой. Сквозь дыры были видны ряды «рёбер» и «позвонков», наводящих на мысль, что объект, возможно, и в самом деле когда-то был живым организмом, «космическим динозавром», либо искусственным сооружением.

Впрочем, восхищённая зрелищем близких звёзд, кружащихся в удивительном вальсе, Светлана не обратила внимания на принявший их объект, лишь тихо вскрикнула и вцепилась в руку спутника, когда они встали на «шкуру кита»: сила тяжести на его поверхности практически отсутствовала.

– Грандиозно! – прошептала она, вертя головой во все стороны. – До чего же клёво! Никогда не думала, что зависну в центре Галактики!

– То ли ещё будет, – пообещал он, снова включая тхабс.

На этот раз попытка удалась, и путешественники оказались внутри стеклянной полусферы, венчавшей высокую – чуть ли не километровой высоты – башню или скалу. Таких башен-скал было много вокруг, целый лес, и стояли они на огромной вогнутой платформе, которая, в свою очередь, представляла собой вершину другой башни – квадратной, выраставшей из месива труб разного диаметра, напоминавших вывалившиеся кишки какого-то апокалиптического зверя. Поверхность планеты или объекта, на которой располагалась башня, разглядеть под слоем «кишок» было невозможно.

Однако не она привлекла внимание землян.

Планета с башнями висела, а может быть, мчалась с неизвестной скоростью над гигантской звёздной спиралью – Галактикой, и от этой

удивительно гармоничной и красивой панорамы у путешественников захватило дух.

– Боже мой! – с дрожью в голосе проговорила Света. – Феноменально! Круто! Нет слов!

Артур промолчал. У него тоже не хватало слов, способных описать грандиозную картину галактического *организма*, бросающего во тьму космоса потоки радужного света.

– Ну что, налюбовалась? Летим на квазар.

– Подожди! – остановила она его. – Хочу побыть здесь ещё минутку. Это же чума, а не зрелище! Меня просто колбасит от восторга!

– А других слов ты не знаешь? – хмыкнул он. – Где нахваталась этого глупого жаргона?

Светлана не ответила, замороженная самой прекрасной из картин, когда-либо виденных ею.

Он подождал немного, сам увлечшись созерцанием звёздной спирали, поискал было глазами рукав Галактики, где должна была находиться жёлтенькая звезда Солнце, но не смог, не знал ориентиров.

– Всё, хватит, поехали дальше.

Светлана вздохнула, с сожалением отводя взгляд от сгустка звёзд и световых струй в центре Млечного Пути.

– До чего же балдёжный вид! Шоколад! Круче я не... – Она заметила взгляд Артура, покраснела. – Я что-то не то говорю?

– То, но не по-русски, – усмехнулся он. – Знаешь, где мы с тобой сейчас находимся?

Девушка только теперь начала осматриваться, раскрыла глаза шире.

– Это же... город!

– Нечто вроде этого. Тарас мне рассказывал, что Инсекты ещё до появления человечества облетели чуть ли не весь космос, причём не пользуясь тхабсом, и везде оставили следы пребывания. Если я правильно оцениваю пейзаж, то этот, с позволения сказать, город построили Симилиды.

– Кто?!

– Разумные мошки. А может быть, комары.

Светлана невольно засмеялась.

– Шутишь?

– Нет.

– Тогда признавайся, кто такой Тарас. Ты много раз вспоминал это имя, но так и не объяснил, кто он. Кто такие Инсекты? Что такое тхабс? Что вообще происходит? Ты ангел или дьявол, наконец?!

Артур фыркнул.

– Ни рогов, ни крыльев я у себя пока не замечал. Предлагаю посетить квазар и...

Светлана сделала слишком резкое движение, оторвалась от пола помещения под прозрачным куполом, ахнула. Артур притянул девушку обратно, прижал к себе, чувствуя, как у неё часто бьётся сердце.

– Хочу домой, – тихо проговорила она.

– Не проблема, – уступил он.

Через несколько мгновений оба оказались в квартире Суворова. Он хотел поцеловать подругу, потянулся к ней и вдруг почувствовал, что они дома не одни. Выпрямился, прислушиваясь к ночной тишине, вышел в гостиную.

В кресле напротив выключенного телевизора сидел мужчина в белом костюме и потягивал через соломинку тоник.

– Тарас?!

– Привет, собиратель впечатлений. Куда тебя носило на этот раз?

Артур покраснел, оглянулся на вышедшую следом Светлану, удивлённую визитом.

– Здравсьте.

– Это... знакомая... Светлана...

– Очень приятно. – Тарас бросил на девушку странный взгляд, привстал, шаркнул ножкой, сел обратно. – Вы так похожи на одну мою... знакомую, сударыня.

– Это Тарас, – буркнул смущённый Артур.

– Я поняла. – Светлана прошагала на кухню. – Принесу вам чаю.

– Вы по делу? – подчеркнул Артур последнее слово.

– Присядь, потолкуем.

Артур сел, чувствуя себя неуютно.

– Теряешь время, друг мой. Пора в путь. Кстати, тебе никто не встречался во время знакомства с мирами «розы»?

– Нет... Кого вы имеете в виду? – Артур вспомнил сурового молодого человека в зелёном чешуйчатом костюме. – Один раз... он был с мечом...

Тарас отставил стакан с тоником.

– Значит, они уже вышли на тебя.

– Кто?

– Похож? – Гость шевельнул пальцем, и посреди комнаты соткалась из воздуха фигура парня, которого встретил Суворов. – Он?

Артур кивнул.

– Только он был в другом костюме...

– Это Стас Котов, бывший оруженосец Воина Закона, очень мощный боец. Не вступай с ним ни в какие переговоры, сразу беги, если встретишь.

– Почему?

– Потому что он сейчас служит тёмной силе.

Артур внутренне поёжился, в очередной раз подумав, что совершил ошибку, согласившись на предложение «колдуна».

– Что я должен делать?

– Я уже говорил: твоя задача – найти тех, кто поможет нам справиться с Монархом Тьмы.

– Где я их должен искать? В «розе»?

– И в «розе» тоже. Но я советую тебе спуститься в прошлое и поискать Предтеч.

– Это такие... предки Инсектов?

– Предтечи – предки всех разумных существ и систем в «розе реальностей». Они – истинно дети Люцифера, в принципе – тоже Богоотступника, но они единственные, кто сможет вывести тебя... и нас... на Безусловно Первого.

Артур скептически подёргал себя за мочку уха.

– Так они меня и послушаются. Кто я для них? Они меня и на порог не пустят, как говорится.

– Пустят, – спокойно сказал Тарас. – Во-первых, ты являешься представителем Архитектора Согласия, о котором я тебе говорил. Во-вторых, у тебя есть повод – побег Монарха из тюрьмы. В-третьих, у тебя будет карт-бланш.

– Что? – не понял Артур.

– Неограниченные полномочия. Правда, мне пока не удалось уговорить всех иерархов, чтобы тебя допустили до Посвящения столь высокого уровня, но шанс есть. К тому же я дам тебе одну крайне важную для успешного завершения миссии вещь.

Тарас допил тоник, полез в карман и протянул Суворову небольшую, берестяную с виду трубочку с дырочками.

– Свирель? – удивился Артур.

– Свисток. Или Иерихонская Труба, именно под этим названием она значится в реестре Великих Вещей Мира.

– Что мне с ней делать?

– Пока ничего, храни. По легенде, Свисток должен вызвать Творца, ну или хотя бы заставить его оглянуться на своё Творение.

Артур недоверчиво повертел в пальцах «свирель», скривил губы.

– Вряд ли этот... гм... гм... Свисток можно услышать в другой квартире.

– Он издаёт трансцендентный звук – особого рода вибрацию вакуума. Творец услышит. Но вот свистнуть в Иерихонскую Трубу может далеко не каждый человек. Более того – далеко не каждый иерарх. Я даже не уверен, что кто-нибудь из ныне живущих в «розе» сможет это сделать.

Артур с любопытством перевёл взгляд на исключительно спокойное лицо собеседника.

– Даже вы?

– Я всего лишь диарх, ИО инфарха, я тоже не всесилен.

– А сам инфарх?

– Не знаю, не спрашивал, но хочется верить, что у него есть иные способы связи с Творцом. Бери. Спрячь и храни как зеницу ока.

Артур снова повертел в пальцах «свирель», хотел дунуть, но вовремя спохватился, спрятал трубочку в карман.

Вошла Светлана, расставила на столе чашки, принесла чайник и тарелочку с бутербродами.

– Угощайтесь.

– Благодарю. – Тарас прижал руку к груди, поклонился; при этом лицо его на одно мгновение стало почему-то странно смущённым и виноватым. – Из ваших рук – хоть склянку яда, сударыня.

Светлана неуверенно улыбнулась, не понимая чувств гостя.

– Это просто чай.

– Прошу прощения, спешу. Может быть, ещё свидимся.

Тарас вскинул руку над головой, исчез.

Светлана вздрогнула, посмотрела на ставшее меланхолическим и отрешённым лицо Артура:

– Никак не привыкну к этим вашим... колдовским штучкам. Он тоже владеет... как его... тхабсом?

– Если вам приходится спрашивать, значит, вам не положено знать, – глубокомысленно изрёк Артур. Подумал, добавил: – Хотя сказано это по другому поводу. – Он ещё немного подумал. – Зато про меня.

– Философ, – уважительно сказала Светлана. – Спиноза.

Артур очнулся, порозовел.

– Не обращай на меня внимания, я иногда думаю, что думаю. Давай пить чай, раз уж ты его принесла, и спать. Утром меня ждут великие подвиги.

Светлана посмотрела на него внимательно, под села, обняла.

– Он на тебя накричал?

Артур слабо улыбнулся.

– Ну что ты, он никогда не повышает голоса.

– У тебя такое лицо, будто ты получил выговор.

– Просто иногда мне начинает казаться, что я зря взялся за это дело.

– Какое дело? – рассердилась Светлана. – Почему ты всё время говоришь недомолвками? Почему не скажешь правду? Боишься? Может быть, вы шпионы? Или работаете на бандитов?

Артур серьёзно кивнул.

– На них, родимых. А вообще-то я боюсь – за тебя, например. Лучше тебе не знать всех подробностей.

– Я и общей ситуации не знаю! Признавайся немедленно, на кого вы оба работаете?!

Артур засмеялся, обнял девушку, притянул к себе, преодолевая её сопротивление.

– Успокойся, мы не шпионы и не бандиты, мы добрые колдуны и работаем на всё человечество, честно. Вернее, работает он, а я пока только погулять вышел.

– Хоть намекни, чем вы занимаетесь.

– Хорошо, отсыдь от меня, чтобы я не отвлекался, а то всё время тянет обниматься. – Артур залпом выпил чашку чаю, помолчал немного, решая, с чего начинать, и начал со встречи с незнакомкой в белом на берегу эвенкийской реки Джелиндукон.

Рассказ закончился, когда в окна квартиры уже постучался рассвет.

– Так я и стал агентом Тараса по особым поручениям.

– Боже мой! – прошептала Светлана; у неё пылали щёки и как у кошки светились глаза. – Неужели это правда?! Монарх Тьмы... Инсекты... мы – их потомки... Бред!.. Иерархи... вечная война... «роза реальностей»... Может быть, я сплю?

– Хочешь верь, хочешь не верь, но я рассказал то, что знаю. И ты прекрасно знаешь, что не спишь. Только прошу – никому об этом ни слова! Если Тарас узнает, что я тебе выдал нашу тайну, он мне голову оторвёт, не поможет и Дзи-но-рин. А теперь спать, я устал.

Светлана поднялась с дивана и направилась в спальню, как сомнамбула. Она услышала столько поразительных вещей, что для их осмысления требовались свежая голова и время.

Однако через минуту они уже целовались, забыв о своих «больших космических путешествиях» и о тайнах Вселенной. На это сил хватило.

Уснули оба только в шесть часов утра.

* * *

В десять Светлана вспомнила о каких-то неотложных делах, чмокнула Артура в щёку, быстро собралась и убежала, пообещав позвонить во второй половине дня.

Он лежал на кровати – в чём мать родила, раскинув руки, размышляя, поспать ещё пару часов или немедленно отправиться выполнять задание Тараса. Победила совесть.

Артур встал, умылся, сварил и выпил кофе, переоделся в походный костюм: джинсы, куртка, кроссовки, нож, квадратик Дзи-но-рина, «Сникерс», фляга с водой. Снова захотелось взять помповик, не столько для защиты, сколько для психологической уверенности. Поколебавшись немного, он мысленно показал Тарасу язык и пристроил карабин в чехле за спиной, так чтобы его можно было быстро достать и применить.

– Пусть теперь попробует кинуться на меня с мечом! – вслух проговорил Артур, вспоминая парня в чешуйчатой кольчуге.

С минуту он ходил по комнатам, настраиваясь на поход в прошлое, потом понял, что просто-напросто боится этого похода, разозлился и активировал тхабс.

Короткий «полёт» в «колодце невесомости и мрака», удар света по глазам.

Артур невольно зажмурился, удивляясь тому, что веки не слушаются: зажмуриться не удалось! Мало того, показалось, что его спеленала смирительная рубашка! Руки и ноги не повиновались, а тело сдавила со всех сторон некая невидимая плотная накидка!

Он дёрнулся изо всех сил... и внезапно понял, что его сознание переместилось в тело предка, в то время как собственное тело со всеми вещами, одеждой и оружием осталось далеко «вверху» – в двадцать первом веке.

Сначала Артур возмутился: почему это Тарас может перемещаться в прошлое как физический объект, а он нет?! Потом пришла более трезвая мысль: зато теперь он практически ничем не рискует, находясь в чужом теле.

В теле предка, возразил внутренний голос.

Ну и что? Кто бы ни напал на этого предка, сам я в любой момент смогу вернуться домой в своё тело. К тому же, поскольку предок дал потомство, в результате чего в конце концов я и родился на свет, значит, мы с ним не погибнем.

Если только не произойдёт что-нибудь непредвиденное.

Что?

Монарх встретится, к примеру. Предок, может быть, уже и породил потомство, но его легко могут убить вместе с тобой.

Чёрта с два! – отмахнулся Артур. Я успею удрать.

Внутренний голос на это заявление промолчал, после чего Артур начал осматриваться и оценивать своё положение.

Предок оказался четырёхруким, что слегка шокировало Суворова. Тарас хоть и говорил о Перволюдях, вылупившихся из отряда Блаттоптера после Изменения, имевших шесть конечностей, но в реальности этот факт Артур представлял слабо.

Сидел предок, закованный в необычные доспехи – из выпуклых ромбовидных пластин, отливающих шелковистой зеленью, – на гигантском рогатом звере, не похожем ни на одно известное Артуру

животное. Вооружён он был арбалетом и мечом, рукоять которого торчала справа от седельной сумки.

«Конь» предка не спеша брёл по долине, поросшей хвощами, высокой метельчатой травой и низкорослым кустарником, покрытым шапками белых цветов. Долину окружали цепи холмов и тёмно-зелёный лес. А впереди, у горизонта, виднелся шпиль какого-то сооружения, дрожащий в мареве нагретого воздуха.

Внезапно Артур почувствовал тревогу, и тотчас же предок натянул поводья, останавливая «коня», огляделся, беря нижней парой рук арбалет.

Над холмами показалась низко летящая птица, превратилась в лодку, в самолёт, в гигантское ажурно-складчатое сооружение с крыльями, и Артур понял, что видит летающую крепость Инсектов – мух, пчёл или ос. Крепость пролетела мимо, направляясь к башне на горизонте. Ни один из её обитателей не показался на глаза, не заинтересовался одиноким всадником.

Предок пришпорил «лошадь», и та понеслась за летающей крепостью плавной иноходью, набрав приличную скорость.

Артур решил было досмотреть, чем закончится встреча Инсектов (башня на горизонте тоже принадлежала какому-то отряду разумных насекомых), но не захотел терять времени. Тарас не одобрил бы его любопытства.

Он вернулся назад, в родное тело, улёгшееся на полу гостиной в позе трупа (м-да, вот так когда-нибудь вернёшься, а ты и в самом деле труп, ха-ха), пересел на диван, размышляя, идти дальше «вниз», в прошлое, или сразу вызвать Тараса и доложить, что ничего не получилось. В конце концов уговорил себя всё-таки попытаться нырнуть глубже. Со вздохом привёл в действие тхабс (легко, будто проделывал эту процедуру всю сознательную жизнь) и снова оказался в чьём-то теле.

Только на этот раз предком оказался не Первочеловек, а... представитель рода Блаттоптера сапиенс, «таракан разумный»! Ошеломлённый открытием, Артур не сразу оценил своё положение и лишь спустя какое-то время сообразил, что вышел в тело предка в момент сражения.

Вокруг всё сверкало, искрилось, мелькало, двигалось, дымилось, по крутым стенам какого-то замка бегали гигантские тараканы,

стреляли из необычной формы «бластеров» по накрывшей крепость туче других насекомых – не то ос, не то шершней, и разобраться в ситуации – кто побеждает, кто проигрывает бой, не представлялось возможным.

Предок Артура оказался ловким и умелым бойцом, успевая и отстреливаться от летающих убийц, и командовать отрядом обороны. Однако в какой-то момент Артур заметил, что бой остался где-то позади, по бокам мелькают зелёные кущи и стволы деревьев, под ногами – каменистая почва, и понял, что предок сбежал с места сражения. Или, может быть, отступил вместе со всеми, судя по мелькавшим среди деревьев и кустов спинам других тараканов.

Досматривать, чем закончилось бегство, Артур не стал. Сориентировал тхабс на возвращение и с минуту отдыхал, настраиваясь на ещё один нырок в прошлое. Страх отступил, появился живой интерес к событиям, происходившим на Земле сотни миллионов лет назад. Действительно, кто населял планету до Инсектов? Какие такие Предтечи? Как они выглядели? И можно ли поговорить с ними как с равными?

Он настроил тхабс соответствующим образом, чтобы нырнуть на самое «дно» разумной жизни на Земле, скомандовал: «Пуск!» – и... потерял сознание от удара по голове!

Впрочем, это было лишь впечатление от «мысленного рикошета». Никто его по голове не бил. Хотя ощущение было именно таким.

Очнулся Артур в своей же гостиной. Голова гудела, перед глазами всё плыло и качалось, в ушах звенело. Мысли с трудом пробивались к сознанию сквозь шумы и препятствия в виде перепуганных эмоций.

Первая мысль была: я сделал что-то не то!..

Вторая: отказал тхабс!..

Третья, преодолев «толпу» эмоций и переживаний, принесла трезвую оценку случившегося: предок Суворовых, предшествующий Инсектам, погиб, не передав по родовой линии наследственную информацию. Артур, попросту говоря, упёрся в свой личный биологический «тупик». Его родовая линия началась только при возникновении рода Блаттоптера.

Он встал, шатаясь, держась за голову, поплёлся в ванную, а когда вернулся, посвежевший, обнаружил в кресле гостя. Вяло поинтересовался:

– Вы за мной следите?

– Совершенно случайно проходил мимо, – без улыбки пошутил Тарас. – Ну как, удалось встретиться с Предтечами?

Артур потрогал голову, скривился.

– У меня мало опыта...

– Опыт – дело наживное.

– Такое впечатление, будто меня об стену шваркнули! Сначала я вышел в теле Первочеловека, потом в теле таракана, а третий раз...

– Понятно, ты достиг порога дивергенции, и тхабс выдернул тебя обратно. Не пропала охота путешествовать в прошлое?

– Не прошла, но ведь я не могу? Не пустит эта самая... дивергенция? Кстати, что это такое?

– Расходимость признаков генетических наследственных структур. Твоими предками были разные Предтечи, поэтому тхабс не смог сам выбрать, в какого предка внедрить твоё сознание. Разумеется – внутри твоей же памяти. На самом деле ты путешествуешь не в прошлое, а в глубины наследственной памяти. Человеческое тело по своим параметрам определяется во многом физическими чертами тел предков, однако ДНК содержит также опыты и воспоминания всех предков человека.

– И что теперь?

– Наверное, придётся дать тебе понятие реального режима хроноинверсии. В тхабс заложен и такой вариант взаимодействия с континуумом. Потянешь эту ношу, не испугаешься?

Артур уловил в голосе гостя насмешливую нотку, гордо выпрямился:

– Я уже дал согласие и не намерен отступать!

– Что ж, одним грехом больше, одним меньше, а ответ держать всё равно придётся. Садись, не то упадёшь, когда я отключу твои мозги. Кстати, где ты познакомился со Светленой?

– Со Светланой. – Артур послушно сел на диван.

– Извини, со Светланой.

– Случайно, в подъезде собственного дома, она к подруге утром спешила.

– Интересно... – Тарас в задумчивости оттянул двумя пальцами нижнюю губу, но, заметив взгляд собеседника, принял обычный

безмятежный вид. — Готов к сеансу мозгового апгрейда? Тогда
начали...

Глава 20

ЗВЕРИ БЫВАЮТ РАЗНЫЕ

Совещание боссов Сверхсистемы, многие из которых занимали важные государственные посты, Меринов проводил в Большом театре, под видом собрания театральных деятелей. Приглашённых на совещание «настоящих» театралов, руководителей театров и студий, Марат Феликсович кодировал лично, и они, заняв места, тут же засыпали с открытыми глазами. Тех же, кто желал прорваться на совещание ради самой «богемной» тусовки, легко фильтровала охрана мероприятия. Особо настойчивых передавали милиции, а журналистов отправляли по домам с помощью ОМОНа.

Конечно, Меринов мог собрать кардиналов СС и у себя на вилле, чтобы соблюсти секретность акции, но ему захотелось, во-первых, поиздеваться над общественностью, во-вторых, испытать свои возможности по зомбированию разного рода служб города, поэтому он и выбрал Большой, прославившийся скандальными постановками маргинальных пьес.

Совещание началось в семь вечера.

Докладчики не тратили время попусту и укладывались в отведённые регламентом десять минут. Через полтора часа работы сложилась общая картина криминального бизнеса в стране, проникшего во все сферы экономической, социальной и политической жизни России. Меринов мог быть доволен: не являясь президентом или премьер-министром, он *действительно* управлял огромным государством, хотя об этом не догадывались ни члены правительства, ни президент, ни спецслужбы, ни рядовые граждане. По сути, Марату Феликсовичу не нужен был и Союз Неизвестных, через который он проводил в жизнь свою политику, но он не хотел отвлекаться на «мелочи», лелея мечту подмять под себя все управляющие структуры других стран мира.

Совещание закончилось «отстрелом» неугодных, пытавшихся действовать с излишней самостоятельностью, и выбором новых «генералов» СС. Был у Меринова соблазн испытать на коллегах малый «глушак» и отсосать «пару киловатт» пси-энергии, однако эксперимент

мог закончиться сердечными приступами собравшихся, а привлекать медиков для реанимации коллег не хотелось.

«Генералы» разъехались по домам и гостиницам. «Настоящие» театральные деятели разошлись, уверенные в том, что они действительно решали какие-то проблемы в области культуры и театра.

В одиннадцать часов Марат Феликсович снял со здания Большого театра «вуаль непрогляда», исключаящую все виды прослушивания внутри, и велел Столину собрать членов Союза Неизвестных, присутствующих на совещании, у себя на даче. Сам же он прибыл туда через тхабс-линию, не пользуясь услугами обычного транспорта.

Нынешний Союз Неизвестных России включал в себя одиннадцать членов, считая и самого маршала. Трое из них работали в аппарате российского правительства, трое в Генеральной прокуратуре и ФСБ, остальные возглавляли крупнейшие финансовые группы и компании. Но лишь один из них был Посвящённым Внутреннего Круга – министр образования Бураго. Остальные даже не догадывались о существовании этой эзотерической системы, сильно потрепанной войной с Истребителем Закона. Впрочем, дело своё они знали туго, а главное – беспрекословно подчинялись главе Союза, уступая ему инициативу по всем спорным вопросам.

Собрание Союза длилось около часа. Были согласованы три из десяти позиций нового плана по внедрению агентов влияния в государственные структуры, а также прошла дискуссия по теме: менять президента в ближайшие полгода или нет. Решили менять. Уж слишком рьяно взялся молодой и амбициозный руководитель страны за искоренение коррупции в высших эшелонах власти, в правоохранительных органах и Законодательных собраниях. Сверхсистеме это было невыгодно, её устраивало нынешнее «социальное болото», в котором без следа тонули нужные для развития страны решения правительства и президента, и инертность народных масс.

В час ночи Марат Феликсович проводил последнего кардинала и занялся любовью с секретаршей. В два часа он решил продолжить поиски Великих Вещей в оберегаемых Хранителями «модулях иной реальности», обладание которыми превращало его в мощнейшего

иерарха «розы реальностей», сравнимого по возможностям чуть ли не с самим инфархом.

На этот раз он выбрал МИР, притаившийся в недрах земли под мексиканским городом Тецкатлипока. Насколько было известно Меринову, именно в этом «модуле иной реальности» хранился Гхош – Переводчик Необъяснимого, с помощью которого можно было воспринимать и расшифровывать информацию любого слоя астрала и ментала, и разговаривать с животными и растениями на их языке.

Инне о своих целях он ничего не говорил, да ей и в самом деле было наплевать, чем занимается босс в свободное от работы время. Главное, что он брал её с собой и был настолько демократичен, что позволял спать со всеми, кого она выбирала, включая телохранителей.

В половине третьего, одетые в походно-боевые комбезы, вооружённые до зубов, Меринов и его подруга вышли из тхабс-канала под своды огромной пещеры, в центре которой высился замок Изоптеров – разумных термитов, похожий на изумительной формы ажурный гриб. Материал замка напоминал мутное бутылочное стекло со светящимися внутри золотыми прожилками. Было видно, что изгибы наплывов и натёков стен гриба не имеют геометрических изъянов, а уложены – или выращены – они по закону фрактала, что и вызывало колоссальный эстетический эффект.

Входов-дыр, круглых и овальных, в стенах замка было много, однако все они казались закрытыми прозрачными крышками.

Марат Феликсович привычно проверился – нет ли засады, подошёл к замку и одним движением пальца разбил нижний прозрачный щит, закрывающий вход в сооружение. Он мог бы воспользоваться и тхабсом, но самым действенным способом вызова Хранителя был именно такой – силовой, нарушающий наложенное заклятие.

Петлистый тоннель с разного диаметра переходами привёл гостей в зал царя Изоптеров. Точнее, как и положено термитам нынешним, род Изоптера сапиенс имел матку-царицу и самца-царя, поэтому в тронном зале их «фамильного» замка стояли два саркофага. В каком из них находится Гхош, Марат Феликсович не знал.

– Сейчас здесь появится Хранитель, – сказал он, – будь наготове. Но стрелять только по моей команде.

– Слушаюсь, шеф! – браво вскинула подбородок Инна и передёрнула затвор пистолета-пулемета «бизон».

Меринов прошёлся по тронному залу царей Изоптеров, разглядывая саркофаги. Они были похожи друг на друга, напоминая форму тел термитов, но саркофаг матки Изоптера был вдвое больше. Вполне возможно, именно он хранил Великую Вещь в определённом интервале времени.

Повеяло холодом.

Марат Феликсович оглянулся, приводя организм в состояние магического оперирования.

Из-за саркофага царя Изоптеров вышел небольшого роста смуглолицый усатый мужчина в зеленоватом пончо, с полосатым шарфом вокруг шеи. Это был Хранитель Тигана. Он покосился на Инну, оценивающе глянул на высокого гостя.

– Сапотера, Хранитель, – проговорил Меринов. – Хорошо выглядишь.

– Чего тебе надо, предатель? – неожиданно тонким голосом отозвался Тигана.

Марат Феликсович усмехнулся.

– Неласково ты меня встречаешь. А зря. Я хотел предложить тебе место в своей свите.

– Я не нуждаюсь в твоей опеке и никогда не стану твоим холоуём. Убирайся отсюда!

– Не так грозно, Хранитель. Ты же знаешь, твоих сил недостаточно, чтобы сопротивляться мне, а я ведь могу и не пожалеть твоих больных детей, да и тебя вместе с ними.

Тигана потемнел.

– Ты не посмеешь...

– Посмею, друг мой! Поэтому давай договоримся: ты даёшь мне доступ к Переводчику, я оставляю тебя в живых. Мало того, я помогу тебе вылечить твоих шизоидных деток.

– Значит, это правда. Ты убил Никандра! Ты разрушил МИР Такэды! Завладел Интегратроном, Вратами, Психроном! Зачем тебе это нужно?

– Вам, Хранителям, этого не понять, вы не знаете, что такое власть! Да и недосуг мне вести с тобой философские диспуты. Условие понял? Ты открываешь мне доступ к Гхошу, я отпускаю тебя с миром.

– А если я не соглашусь?

– Ты согласишься. – Марат Феликсович раздвинул губы в пренебрежительной улыбке, дёрнул «молнию» комбинезона на груди. – Узнаёшь?

Под комбинезоном у него висел на цепочке невзрачный на вид квадратик с красивым и сложным рисунком – мандалой.

– «Нагрудник справедливости»!

– Он самый, мне его когда-то отдал Бабуу-Сэнге.

– Нагрудник был уничтожен...

– Как видишь, он уцелел. Но главное, что он представляет собой не только активатор *силы* Гамчикот, но и один из элементов кодона. Мне достаточно сориентировать его на лавинообразный каскад отрицательного заряда, и ты умрёшь. Причём не сразу, будешь мучиться, а вместе с тобой и вся твоя семья. Подходит тебе такой вариант?

– Ты... мерзавец!

– Ну, это смотря с какого конца посмотреть. Я ведь хочу освободить тебя от жуткой ответственности. Ты сможешь больше времени уделять семье и не думать о былых обязанностях. Соглашайся, друг мой, пока я ещё предлагаю сделку, не будь дураком. Терпение не является моим главным достоинством.

– Я не хочу иметь с предателем никаких дел! И берегись! Мы объединимся, и никакие кодоны и другие Великие Вещи тебе не помогут!

– Ну, это когда ещё случится – ваше объединение, – презрительно выпятил губы Меринов. – В данный момент тебе это не поможет. Итак, ты отказываешься помочь мне добровольно? Или примешь всё-таки правильное решение?

– Я уже... – Тигана не договорил.

В зале появился ещё один гость, высокий, суровый, в чешуйчатом зеленоватом костюме. Стас Котов.

Меринов и Тигана переглянулись.

Инна, контролирующая беседу шефа с Хранителем, бдительно перевела ствол «бизона» с фигуры Хранителя на более опасную цель.

– Мне нужен Гхош, – медленно сказал Стас низким ровным голосом. – Сообщите ключ доступа и останетесь жить.

– Кто ты такой, чтобы требовать у меня Великую Вещь? – удивился Тигана.

– Это бывший оруженосец Воина Закона, – усмехнулся Марат Феликсович, прикидывая, стоит ли затевать бой с посланцем Монарха, даже если на его сторону переметнется Хранитель, или лучше сразу наострить отсюда лыжи. – Теперь он служит патрону.

– Какому патрону?!

– Геноссе Конкере.

Тигана окинул взглядом фигуру гостя в странной кольчуге, заметил рукоять меча над плечом.

– У него всего лишь меч...

– Это не простой меч, – вежливо уточнил Меринов. – Синкэн-гата. Повторяю, парень служил оруженосцем Воина и прекрасно владеет техникой иайдо. Однако, друг мой, тебя поставили перед нелёгким выбором. Гхош нужен нам обоим. Кому отдашь предпочтение? Надеюсь, не Монарху, рвущемуся доказать всем, что он способен изменить Материнскую реальность?

– Вы оба – Зло мира!

– Но я – зло меньшее, – возразил Меринов. – В отличие от Конкере я не собираюсь уничтожать весь род человеческий. Переходи на мою сторону.

– Ты предатель, – сказал Тигана уже с меньшей уверенностью в голосе. – Сейчас тебе выгоден наш союз, но в любой момент...

– Союз выгоден нам обоим, глупец.

– Если у него «устранитель препятствий», мы проиграем.

– Мы оба обладаем диапазоном *сарва-ракша-кара*, я иницирую силу Элохим, нас защитит нагрудник Бабуу...

– Дурак! – перебил Меринова Стас, сделав к нему шаг. – Я никого не боюсь! Для меня человек – пыль на дорогах истории! И ты – пыль, и сам я – пылинка^[6]. – Впечатление было такое, будто он говорил заранее заученный текст. – Вы проиграете, даже если все Вещи Мира будут служить вам. Хранитель, отдай Гхош по-хорошему, иначе я достану его по-плохому!

Свистнул, вылетая из-за плеча и удлиняясь на полтора десятка метров, меч в руке Стаса, достиг лба Хранителя.

Грянула очередь, выпущенная Инной из пистолета-пулемёта.

Пули кучно легли в грудь Котова и странным образом обтекли его фигуру, превращаясь в дымные струйки.

Марат Феликсович, воспользовавшись случаем, нанёс мощный раппорт по пси-сфере противника, одновременно включая нагрудник Бабуу-Сэнгэ в режим дезинтеграции сознания. Однако Стас отлично владел техникой уклонения от психофизического удара с помощью перехода на другую частоту психического состояния и отразил атаку. А затем ответил таким ударом, что надситуационную защиту Меринова «сдуло», как слой тополиного пуха!

Сработал «пожарный сигнализатор» психики, включая тхабс.

В последнее мгновение перед нырком в темноту Меринову показалось, что за спиной противника возникла призрачная фигурка женщины в белом, но сомкнувшаяся над головой тьма тхабс-«полёта» отключила все его органы чувств.

А вот вышел он не на Земле. Очевидно, в «аварийном» режиме тхабс не успевал качественно обработать желание хозяина и перемещал его просто в «безопасном направлении», подальше от опасного места.

Белое небо с тусклым пятном светила над размытым горизонтом, белые холмы, белая река, развалины какого-то сооружения на вершине холма – серо-белые, местами отсвечивающие перламутром. Воздух для дыхания годится, но кислорода мало, зато очень много углекислого газа. А сила тяжести небольшая, как на Марсе. Безумие! Куда это его занесло?!

Марат Феликсович выгнал из головы остатки «дури», порождённой атакой Котова, достал флягу с коньяком, сделал большой глоток. Окончательно полегчало.

Ну погоди, зомби хренов! Я ещё тебя подловлю где-нибудь! – мысленно пообещал Стасу маршал СС. И башку снесу твоим же собственным мечом!

Откуда-то издалека прилетел печальный звук, похожий на стон резко изогнутой двуручной пилы.

Меринов напряг слух, но звук больше не повторился.

Жизнь? Иллюзия? И вообще, что это за мир? Явно не ближайший к Земле «лепесток», планеты Солнечной системы не имеют такой плотной кислородной атмосферы. На центр Млечного Пути тоже не

похоже. Какая-то из звёзд на краю галактического рукава? Вообще другая галактика? Край Вселенной?

Тхабс, зараза, ты куда меня закинул?!

Хрустя слоем белого вещества, напоминающего снег, но снегом не являющегося, Меринов поднялся по склону холма к развалинам циклопической постройки, придавившей вершину, и вдруг понял, что это вовсе не архитектурное творение, а... колоссальный скелет!

— Ни черта себе! — пробормотал он, разглядывая белесые позвонки, ребра и высохшие внутренности трупа сквозь дыры в сморщенной шкуре. — Хороша зверюшка! Интересно, отчего она загнулась? От старости? От болезни? Или её убил какой-то славный охотник?

Марат Феликсович взобрался на бугорок повыше, пытаясь окинуть взглядом всё существо, не смог, но перед мысленным взором нарисовался эдакий шестиногий монстр, помесь носорога и кентавра. При этом почему-то показалось, что существо было разумным. Впрочем, слева видна какая-то конструкция, не принадлежащая скелету. Вдруг это оружие охотника? Или погибшего великана?

Меринов обошёл одну из конечностей скелета, остановился перед лежащим на белых буграх предметом необычной формы. Не меч, судя по изгибам и наплывам, но крест, то есть явно искусственное образование. Дубина, к примеру. Палица. Оружие. Вполне возможно — очень мощное. Разве что в руки не возьмёшь, для этого самому надо стать великаном.

Марат Феликсович вдруг спохватился, что рядом нет секретарши. Дьявольщина! Сама она из подземелья с МИРом Изоптеров не выберется. А терять такую верную спутницу жаль, она ещё пригодится. Если только Котов её не замочил от злости, упустив главного противника. Надо возвращаться.

Меринов потрогал пятиметровой длины рукоять странного креста. Пришла идея после возвращения домой сходить в «библиотеку» ментала и поискать информацию об этом виде оружия. Если это и в самом деле ценная вещь, можно будет вернуться сюда и забрать крест на Землю.

Светлая судорога передёрнула небеса.

Марат Феликсович ударно привёл себя в состояние боевой готовности. И тотчас же недалеко от скелета погибшего в

незапамятные времена «кентавро-носорога» проявилась из воздуха фигура апокалиптического зверя, не то дракона высотой с небоскрёб, не то динозавра с ногами кузнечика. Раскрылась алая хищная пасть, полная кинжаловидных зубов, сверкнули янтарно светящиеся узкие глаза с вертикальными зрачками, вытянулись вперёд суставчатые, бликующие полированным металлом лапы с пятью саблевидными когтями каждая.

Холодея, Меринов понял, что встретился со Зверем Закона, принявшим в этом мире облик жуткого монстра. Впрочем, данный облик Зверя вряд ли испугал бы даже земного обывателя, привыкшего видеть таких монстров по телевизору пачками. Однако на что рассчитывали земные дизайнеры, разрабатывающие подобные формы жизни для ужастиков, было понятно, их воображение не шло дальше картин Иеронима Босха и Кондолизы Мраз. А вот почему изгнанный из Материнской реальности в «розу» Истребитель Закона начал принимать примерно такие же формы, Меринову было непонятно. За своё долгое хождение по мирам «розы» он повидал гораздо более жутких представителей флоры и фауны, от одного вида которых действительно можно было получить психологический шок.

Мысль об этом мелькнула и исчезла. На повестке момента стоял только один вопрос: бежать отсюда немедленно или сначала попытаться завязать со Зверем знакомство?

Охотник за иерархами начал первым.

Пасть Зверя метнула клуб огня, накрывший холм с лежащим на его вершине скелетом погибшего великана.

Но защитная сфера тхабса выдержала энергетический выхлоп, хотя и с трудом: в подсознании Марата Феликсовича мигнул красный индикатор тревоги, предупреждая о быстро тающих запасах защитных свойств тхабса.

Клуб огня распался на мелкие струйки, растаял.

Зверь снова открыл пасть, собираясь продолжать «беседу» с человеком в том же духе.

— Остановись! — крикнул Меринов на уровне *силы* Шаддай, сопровождая звуковой *солитон* мысленно-волевым раппортом.

Звуковой удар поднял в воздух тучи белесой пыли, обрушил кое-где кости скелета, породил гулкое эхо.

Дракон замер, озадаченный демонстрацией мощи «букашкой», которую он собрался испепелить.

– У меня к тебе деловое предложение! – продолжал Марат Феликсович тем же громовым голосом. – Иерархи – скучные ребята, не надоело гоняться за ними по «розе»? Могу вывести тебя на противника посерьёзней.

Зверь выпустил ещё один клуб огня, но уже гораздо слабее. Впечатление было такое, будто он колеблется.

Марат Феликсович активировал «нагрудник справедливости», послал мощный пси-раппорт, пытаясь подавить волю охотника за иерархами. При этом он понимал, что речь идёт не о воле как таковой, а о программе, реализующей смысл жизни этой твари, по сути – более сложной программы, внедрённой в материальную ткань «розы реальностей». Но ведь должна же быть и у неё своя ахиллесова пята?

– Этот враг твой – бывший оруженосец Воина Закона, – добавил Меринов грохочущим раскатом. – Он собирается уничтожить тебя!

Зверь открыл пасть и закрыл. Информация, полученная им, требовала анализа и оценки. Отмахнуться от неё, не обратить внимание на предупреждение он не мог. И всё же этот хищник не был животным из натуральной плоти и крови, движимым инстинктами или зачатками разума. Его «наследственность» не допускала долгих колебаний, сомнений и размышлений. Пси-удар Меринова не изменил сути программы, оператору не хватило ни *силы*, ни *качества* в преодолении магической защиты создателя Зверя.

– Идём со мной! – заторопился маршал СС, видя, как наливаются алым сиянием глаза монстра. – Твой враг сейчас на Земле! Его зовут Стас Котов!

Зверь раскрыл пасть и метнул реку огня!

Но Меринов уже включил тхабс и покинул негостеприимный мир «розы» с разъярённым охотником за иерархами Круга. Сражаться с ним не имело смысла. А для его перепрограммирования не хватало возможностей. Нужен был кодон с определённо ориентированным вектором воздействия, а не его отдельные элементы, разбросанные по всей «розе», такие как «нагрудник» Бабуу-Сенгэ или программаторы, доставшиеся в своё время многим Посвящённым, в том числе Рыкову. На крайний случай сгодился бы, наверное, и «Большой глушак», но перенести его в «розу» не представлялось возможным. Разве что –

заманить Зверя в лабораторию и долбануть пси-разрядом максимальной мощности?

– А это идея, – вслух пробормотал Меринов, оглядывая гостиную на втором этаже своей виллы, куда перенёс его тхабс. – Надо будет тщательно её обдумать.

Тишина заставила его вспомнить о секретарше.

Мать её за ногу! Придётся идти выручать.

Он активировал тхабс, указав конечный пункт выхода – подземелье мексиканского города Тецкатлипока. Вышел в полутьму пещеры, накинув на всякий случай «плащ-невидимку». Но опасности не учуял. Стас Котов отсутствовал. Хранитель Тигана тоже. У замка Изоптеров сидела на полу, подогнув ноги по-восточному, Инна и... мурлыкала какую-то мелодию!

Мгновением позже Меринов увидел в руке девушки флягу с бодрящим напитком – в отличие от него она предпочитала виски – и понял, что секретарша пьяна. Подкрался сзади, положил руку на плечо:

– Ваши документы!

Инна вскинула голову, узнала начальника, попыталась вскочить на ноги, но едва не упала.

– Ой, голова кружится! Марат Феликсович, рада вас видеть. Я уж думала, что вы не вернётесь...

Он уклонился от её объятий, спросил сухо:

– Где они?

– Ой, они спорили, потом старый мексикашка взбесился, молодой ударил его мечом, и оба пропали на х...

Марат Феликсович с облегчением вздохнул. Что бы ни случилось, одно было ясно: Хранитель не дал Котову ключ к Гхошу. Шанс когда-нибудь найти к нему доступ оставался.

– Вставай, пойдём домой.

– А может, мы прямо тут, шеф? – подмигнула Инна. – Такая экзотика...

Меринов молча включил тхабс.

Глава 21

КОТОВ ПРОТИВ КОТОВА

Они не привыкли предаваться унынию и хандрить. Характеры всех троих были схожи и требовали действия. Но решить проблему с кондачка не представлялось возможным, поэтому, вернувшись из Думы после встречи с Рыковым-Мериновым, Посвящённые первым делом созвали командиров групп и подразделений «СМЕРЧа» и провели совещание, определившее дальнейшую работу «чистилища». Затем ликвидировали провалившуюся базу в Марфине, перевезя всё оборудование и мебель в три других района, где строились запасные базы и офисы. Перевели мейдер Вени Соколова на режим постоянной «летучей» готовности, снабдив бойцов отряда защитными «тюбетейками» от психотронного излучения. А вечером того же дня собрались на квартире Котовых, угрюмо-озабоченные, молчаливые, но не опустившие руки.

– Выполнить задачу Германа нереально, – высказал общее мнение Парамонов. – Даже если мы найдём Стаса, добровольно он нам синкэн не отдаст.

– Но и не искать его мы не можем, – буркнул Василий Никифорович, буквально почерневший за последние сутки. – У нас нет выбора.

– Давайте всё-таки попробуем отыскать адрес Ульяны, – предложил Самандар, то и дело прикладывающий трубку мобильного к уху. – На всякий случай. Мало ли что случится, а нам не мешало бы знать, где её прячет Герман.

– Он это почувствует, – качнул головой Василий Никифорович.

– Если мы сможем организовать пси-солитон по типу «четвёртой сферы света»...

– И объединиться «Размышлением Бога», – быстро подхватил идею Самандара Парамонов, – мы получим независимое метасознание. Рыков не сможет нас идентифицировать, это не его уровень.

Василий Никифорович встал, прошёлся по комнате – руки в карманах брюк, сел на диван.

– Надеюсь, наше положение не ухудшится. Устраивайтесь поудобнее. Водителем солитона буду я, если не возражаете.

Самандар пожал плечами, отключил мобильник.

– Я готов.

– Приступили, – кивнул Иван Терентьевич.

Василий Никифорович закрыл глаза и открыл «внутренние врата души». В голове зазвучала струнная музыка, состоящая из разных мелодий: друзья начали искать ментальные связи, настраиваясь на общую «сферу света». Но вот мелодии сблизилась, зазвучали синхронно, ментальные поля Посвящённых образовали маленький резонансный контур, своеобразную солитонную волну, и Василий Никифорович перестал быть самим собой. Точнее, границы его личности расширились, обняли индивидуальные мыслесферы друзей, и он стал чувствовать себя шестируким шестиногим трёхголовым существом, способным пронизывать массивные материальные образования и ощущать «тонкие планы» бытия.

«Переходим в *силу Эл*».

Диапазон видения-чувствования Котова, а вместе с ним и его «ведомых» скачком раздвинулся. Они стали видеть в ультрафиолете, в инфракрасном свете, в рентгеновском и длинноволновом диапазонах электромагнитного спектра. Сознание Василия, став многослойным из-за «интерференции» сознаний Посвящённых, получило удивительную возможность проникать в сознание других людей и в общее континуальное энергоинформационное поле космоса, не совсем правильно называемое менталом.

Перед мысленным взором «тройного солитона» Посвящённых предстало своеобразное колышущееся, брызжущее искрами, вспыхивающее, мерцающее море *света* – море «подсознания» колоссальной живой системы под названием «планета Земля».

«Поиск!»

«Одну минуту – защита! – напомнил Самандар. – Я чую псов!»

Он имел в виду особые программы защиты ментала от проникновения в него «посторонних психосфер», которые были известны как «сторожевые псы границ».

«Повышаем потенциал Эл! Используем местный рельеф!»

Василий Никифорович предлагал «спрятаться» за более массивными психофизическими эгрегорами, образующими «горы»,

«стены» и «острова».

Тихий гул и треск донеслись из глубин ментального моря. Над его туманно-призрачными волнами показались кошмарные всадники на кошмарных конях: мертвецы в истлевших одеждах на скелетах жутких драконов. Это и были «сторожевые псы ментала», ничуть не напоминавшие живых земных собак.

Однако психоэнергетический солитон Посвящённых уже нырнул в «море», под ближайший «остров», и всадники проскакали мимо, вертя черепами с провалами глаз, ушей, носов и ртов. Не доходя до размытой линии горизонта, они растворились в «морских испарениях».

«Поиск!»

Струнное гудение ментального эфира смолкло, будто его выключили. Эгрегор охотников за информацией перешёл в иное *качество*, обрёл метасознание, стал высокочувствительной поисковой системой, способной видеть глубины материи – вплоть до элементарных частиц и слышать «беседы» животных и растительных биоструктур.

В глубокой «подсознательной» тишине психокосмоса Земли прозвучал тоненький вскрик ребёнка.

«Подмосковье!» – отреагировал Самандар.

«Вижу! – отрезал Котов. – Локализуем!»

Голосок ребёнка прозвучал ещё раз, отчётливее. Спустя мгновение стали известны координаты носителя детского пси-голоса.

«Заморёново! Я знаю, где это!» – быстро просигналил Самандар.

Внезапно кто-то посмотрел на пси-солитон Посвящённых, оценивающе, воинственно, озадаченно. Над «морем» ментала просияла призрачная фигура человека с горящими глазами, растаяла.

«Ноги!»

Общий пси-солитон Посвящённых распался на три индивидуальные мыслесферы, поле видения скачком сузилось до пределов города, ещё ниже – до пределов комнаты, вернулось в границы тел. Василий Никифорович ощутил себя сидящим на диване в гостиной. Голова слегка кружилась, рот пересох, как после долгого бега по пустыне.

– Заморёново, Северо-Запад, по Новорижской трассе, – торопливо сказал Вахид Тожиевич. – По-моему, это одна из бывших царских

усадеб. Километров двадцать пять за МКАД.

– А Герман, похоже, нас не уважает, – задумчиво проговорил Иван Терентьевич. – Ульяну-то он закрыл «непроглядом», а сына твоего не догадался.

Василий Никифорович сгорбился, обнимая колени.

Парамонов посмотрел на Самандара, встретил его ответный понимающий взгляд.

– Не переживай, Вася, мы их освободим. Кстати, мне показалось или нас и в самом деле кто-то пытался запеленговать?

– Не показалось, – глухо произнёс Котов.

– Ты его узнал? Кто это мог быть? Неужели Рыков?

– Стас.

Парамонов и Самандар снова переглянулись.

– Ты уверен?

Василий Никифорович молча встал, вышел на кухню и вернулся с графином водки и стаканчиками.

– Выпить хочу, поддержите?

– Поддержим-то мы поддержим, – проворчал Иван Терентьевич, – да только пьянство без причины – пережиток прошлого, и от него надо избавляться.

– Пьянство – пережиток прошлого, настоящего и будущего! – назидательно поднял палец вверх Самандар. – Поэтому на работе я не пью. – Он подумал. – И вам не советую.

Василий Никифорович усмехнулся, плеснул ему в стаканчик прозрачной жидкости.

– Ты не на работе. За успех безнадёжного дела!

Они чокнулись. Котов и Парамонов сразу выпили. Самандар понюхал стакан, вздохнул и аккуратно вылил в рот водку. Проглотил, не дрогнув лицом.

– Горькая, однако. Как наша жизнь. Не понимаю, что вы в ней находите.

Закусили ломтиками сыра.

– Предлагаю обсудить наши планы, – сказал Иван Терентьевич. – Да я домой смотаюсь, а то меня там не поймут.

– Наши планы просты, – сказал Вахид Тожиевич. – Найти Стаса и... – Он внезапно замолчал с открытым ртом. – У меня идея, судари мои! Что, если спуститься вниз, в прошлое, и замочить отца Рыкова?

Ну, или хотя бы расстроить его свадьбу, чтобы Герман никогда не родился на свет.

– Тебе вредно пить, – проворчал Парамонов. – Близкое прошлое нам недоступно. Ты же сам учёный, знаешь все эти теории и законы.

– Хорошо, тогда давайте захватим в заложники семью Рыкова, его близких.

– У него нет близких, он никого не любит, не ценит и не уважает.

– Хорошо, тогда надо нырнуть поглубже и замочить самого Конкере, вместо того чтобы отправлять его в тюрьму.

– Не пори чепухи, – поморщился Василий Никифорович. – Монарха не смогла уничтожить вся команда инфарха, куда уж нам. Если не будете обсуждать планы, то расходитесь по домам, я хочу побыть один.

Самандар посмотрел на Парамонова, тот кивнул, и оба они растворились в воздухе.

Василий Никифорович посидел немного в расслабленной позе, поколебался немного, глядя на графин с водкой, потом всё-таки решил налить ещё, и в этот момент с дуновением холодного ветра в гостиной появился гость.

Несколько мгновений они смотрели друг на друга: Котов-старший с графином водки в одной руке и стаканом в другой, и Котов-младший в странном комбинезоне, напоминающем рыбью чешую и кольчугу одновременно.

– Ну, здравствуй, – очнулся Василий Никифорович. – Давненько не виделись. Выпьешь со мной?

Стас, не отвечая, оглядел гостиную, прислушался к тишине квартиры, перевёл непроницаемый, немигающий – незнакомый взгляд на воспитавшего его человека.

– Где Ульяна?

Василий Никифорович усмехнулся, проглотил водку, поставил стакан и графин на стол.

– У Рыкова.

– Почему?

– Это ты у него спроси. Он взял Улю в заложники, её и сына. Кстати, из-за тебя.

– Почему?

– Ему нужен синкэн. – Василий Никифорович кивнул на рукоять меча, выглядывавшую из-за плеча Стаса. – Он хочет обменять Ульяну на «устранитель препятствий».

– Он его не получит.

– Мы тоже так считаем, но у нас не было выбора. Хорошо, что ты пришёл сам. Мы пытались искать тебя в «розе», но безрезультатно. Ты ведь не отдашь синкэн?

– Нет.

– Тогда помоги освободить Улю с Матвейкой. Вчетвером мы легко одолеем Германа.

– Это ваши проблемы.

– Значит, это правда, что ты теперь служишь Монарху?

– Я служу прежде всего себе.

Василий Никифорович покачал головой, глаза его стали печальными.

– Конкере оказался сильнее, мальчик. Ты зря понадеялся на свою силу. Где Маша?

– Не знаю. Мы... разошлись.

– Как это – разошлись? Что это значит? Ведь вы были вместе. Она погибла? Осталась заложницей у Конкере?

– Не знаю.

Василий нахмурился. Взгляд его стал тяжёлым.

– Это плохо. Если из-за наших ошибок страдают наши женщины, значит, мы их не достойны...

– Оставим в стороне философию, мастер. Я прибыл сюда с заданием собрать все Великие Вещи. Помоги мне, и я не останусь в долгу.

– Как интересно. Рыков тоже начал собирать Великие Вещи. Зачем они понадобились твоему хозяину?

– Конкере мне не хозяин.

– А кто?

– Напарник.

Василий Никифорович нехотя улыбнулся.

– Смешно...

– Не смешно! – отрезал Стас. – Он открыл мне глаза! Я слишком много думал о других и мало о себе. От жизни надо брать всё!

– Девиз бездельников, – поморщился Котов-старший. – От жизни берёт всё только смерть. Ты говоришь чужими словами. Тебе внушил их Монарх, уже неоднократно бравший от жизни всё... после чего она погибала. Привести примеры?

– Я не спрашиваю твоего мнения...

– А я и не собираюсь ничего доказывать. Если тебе больше нечего сказать – уходи! Не хочу иметь ничего общего с человеком, продавшим душу дьяволу, подставившим и забывшим свою жену!

Брови Стаса сдвинулись. Рука потянулась к рукояти меча.

Василий Никифорович встал, презрительно скривил губы.

– Давай, парень, падай ниже. Слабо, без меча-то, доказать свою правоту?

– Я справлюсь с любым из вас! И ты мне – не помеха! Отдай программатор, я знаю, что он у тебя есть. Это часть кодона, который мне необходимо восстановить.

– Возьми, – шевельнул плечами Василий Никифорович.

Стас несколько мгновений смотрел на него *чернеющими* глазами, потом нанёс мощный ментальный удар и одновременно прыгнул вперёд, буквально «размазываясь» от скорости.

Но и Котов-старший не дремал.

Пси-удар он отбивать не стал, «пропустил» над собой, «упав» на другую частоту психофизического состояния, вошёл в *темн* и встретил атаку Стаса в стиле ШАР^[7], используя технику «кулака в воде» и спиральные «разрывы реальности». Приёмы эти, разработанные ещё в конце двадцатого века и взятые Самандаром на вооружение, основывались на скачкообразных изменениях параметров движения – траектории, скорости, маневра, перпендикулярных поворотов удара и других, что всегда ставило противника в неудобное положение. Поэтому на прямую атаку Стаса в голову и корпус Василий Никифорович ответил спиралью отбива и схода с траектории удара, а закончил ударом *внутрь* из немыслимого положения с напряжением кулака в завершающей фазе.

Стас был классным бойцом. Да иначе и быть не могло, потому что его в своё время готовили мастера боя. Но Василий Никифорович был опытнее и противника всегда уважал, концентрируя силы и волю по максимуму. Поэтому короткую – в три секунды – схватку он выиграл.

Получив удар в нос – сбоку – и в копчик, Стас врезался в стену гостиной, снёс плечом полочку с книгами и отскочил к двери.

– Уходи, – тихо сказал Василий Никифорович, превращаясь из туманно-зыбкого фантома в каменную статую. – Захочешь помочь нам освободить Улю и моего сына – позвони.

– Программатор, – протянул руку Стас, продолжая качаться, *плыть и зыбиться*.

Василий Никифорович развёл руками.

– Попробуй обойтись без него.

С тихим шелестом из-за плеча молодого человека вылетел меч.

И тотчас же рядом с Котовым-старшим соткались из воздуха фигуры Парамонова и Самандара.

Стас замер.

Мужчины смотрели на него молча, хмуро, с достоинством, уверенно, с неподдельным сожалением, он смотрел на них непроницаемыми *чёрными* глазами и думал о чём-то своём, прикидывая варианты дальнейших действий.

Неизвестно, чем бы закончилось это противостояние.

Котов-младший владел диапазоном энергий вплоть до *силы* Тогарини – «дьявольской красоты», но и мини-эгрегор Посвящённых опирался как минимум на *силу* Элохим – силу «божественного откровения», позволявшую им защищаться в диапазоне энергий *сарва-ракша-кара* – «приносящих победу». Начни они псиэнергетический бой – и от квартиры, а то и от всего дома не осталось бы ничего! Однако судьба распорядилась иначе.

В проёме двери в спальню вдруг возник светящийся абрис женской фигуры, а из этого прозрачного облачка света раздался тихий, мягкий, нежный голос:

– Ста-а-а-ас-с...

Только спустя миг Посвящённые поняли, что голос был ментальным, «телепатическим».

Котов-младший повернул голову к двери, продолжая держать меч остриём к мужчинам.

– Ста-а-а-ас-с...

Василий Никифорович сделал шаг вперёд.

– Маша?!

Стас посмотрел на него, явно колеблясь, на призрак и вдруг, стремительно вложив меч в ножны за спиной – одним красивым безошибочным движением, исчез.

Растаяла и почти невидимая световая фигурка.

– Маша... – повторил Василий Никифорович одними губами.

– Это не Мария, – сказал Парамонов.

– Светлана, – хмыкнул Самандар.

Василий Никифорович вскинул голову, провёл рукой по лбу, приходя в себя.

– Вы правы, я не сразу сообразил. Если бы Маша была жива, она бы вернулась и рассказала, что произошло. А вот Светлана, авеша инфарха, похоже, уцелела.

– Чего Стас от тебя хотел?

– Он ищет Великие Вещи, пришёл за программатором.

– Рыков тоже ищет Великие Вещи.

– Я ему так и сказал. Странно, оба служат Монарху, но являются чуть ли не конкурентами.

– Хорошо бы сыграть на этом.

– Каким образом?

– Натравить обоих друг на друга. Пока они будут сражаться, мы выкрадем Ульяну.

– Слишком рискованно, – проворчал Иван Терентьевич. – Вы же знаете Германа, он не станет церемониться с пленниками, если догадается, что мы собираемся их освободить.

– У тебя есть другие предложения?

Парамонов исподлобья оглядел озабоченные лица товарищей.

– Надо связаться с Хранителями. Это дело касается их в первую очередь. Если Монарх объявил охоту за Великими Вещами, значит, жалеть Хранителей он не станет.

– Узнать бы, зачем это ему, – задумчиво сказал Самандар. – Зачем Аморфу Конкере Великие Вещи? Не догадался спросить у Стаса?

– Спросил, он не ответил. Вряд ли Стас знает замыслы своего хозяина.

– Хорошо бы встретиться с ним ещё раз, поговорить обо всём спокойно. Кстати, – Самандар в задумчивости приложил палец ко лбу, – что, если нам попытаться раскодировать парня?

Посвящённые посмотрели на него с одинаковым недоверием.

– С ума сошёл? – осведомился Василий Никифорович. – Для этого нужен уровень «святого духа»...

– Или кодон. Программатор у нас уже есть, «глушак» тоже, заручимся помощью Хранителей, чтобы они присоединили к нам свой неслабый эгрегор, и изгоним из Стаса «дьявола» – программу Конкере.

Василий Никифорович прошёлся по комнате, бесцельно трогая рукой вещи, вспомнил чёрный *взгляд* воспитанника, содрогнулся.

– Не знаю... боюсь...

– Попытка – не пытка, да и что мы потеряем? А приобрести можем могучего союзника, с которым и против Монарха можно пойти.

– Боже, если ты есть, спаси его душу, если она есть... – пробормотал Василий Никифорович. – Я согласен. Давайте искать связь с Хранителями. С кого начнём?

– С Матфея, естественно, – пожал плечами Самандар. – В отличие от своих коллег он остался нормальным мужиком.

– Лишь бы мы ему не надоели, – усмехнулся Парамонов. – Если будем дёргать его по каждой мелочи...

– Что ты считаешь мелочью? Судьбу Материнской реальности? А она, между прочим, напрямую связана с судьбой Стаса.

– Не кидайся на меня, я всё понимаю. Жаль, что так всё получилось. Круг распался, Монарх вырвался на волю, запрограммировал Стаса... Рыков намеревается пробиться в крутые иерархии... а нас только трое, понимающих, что ожидает Россию и весь мир.

– Нужен Воин Закона.

– Где он, твой Воин? Кто в нынешние смутные времена согласится им стать?

– Ты ещё заплачь.

– А что? И заплакал бы, имей это смысл.

Самандар похлопал Парамонова по плечу.

– Как говорил поэт:

Не расстраивайся, старина!

Скоро всё опять поменяем.

Сгинут чёрные времена,

Станут светлым воспоминаньем^[8].

По губам мужчин промелькнули понимающие улыбки.

Глава 22

ПРОШЛОЕ КУСАЕТСЯ

Честно говоря, Артур не горел желанием спускаться в прошлое в своём физическом обличье как материальный объект, а не как сгусток сознания. Но делать было нечего, он дал слово Тарасу и не мог пойти на попятную.

Четырнадцатого августа, в воскресенье, он наконец созрел для «купания в океане прошлого» и, поколебавшись немного – не позвать ли Светлану, чтобы подождала его дома, приятно, знаете ли, когда тебя ждут, – решил не впутывать девушку в мужские дела. Взять её в прошлое – тоже в виде физического объекта – он не мог, но не потому, что не хотел, а по причине вполне прозаической: тхабс не был рассчитан на перенос в прошлое «дополнительных пассажиров».

Он всё-таки позвонил Светлане и договорился о встрече с девушкой вечером, возле кинотеатра «Россия»: решили сходить в кино на новый отечественный блокбастер «Стопкрим», бьющий рекорды по сбору зрителей. После этого Артур переделся в свой походный костюм, в котором он искал алмазы в Эвенкии, взял флягу с водой, пару «Сникерсов», нож, помповик (вопреки советам Тараса), укрепил в кармашке на груди Дзи-но-рин и отправился в путь.

Первый же хроноинверсионный прыжок перенёс его в эпоху расцвета Инсектов, успевавших не только воевать между собой, но и покорять планеты Солнечной системы и звёзды Галактики. Монарх Конкере ещё не успел к этому моменту трансформировать род Блаттоптера сапиенс в хомо сапиенс, и Артур не мог здесь встретить своих предков – Перволюдей.

Он оказался на голой глинистой площадке между скалами причудливых форм; ощущения при хроноинверсии ничем не отличались от тех, которые он испытал при «полётах» в миры «розы».

Небо над головой было тёмно-синим, безоблачным. Дышалось достаточно легко, хотя в гамме запахов, ударивших в нос, встречались и незнакомые, горьковато-«мыльные». Скалы загораживали горизонт, поэтому пришлось искать проходы между ними, чтобы выйти на открытое место. И, лишь поскользнувшись на гладком вздутии,

отсвечивающем шелковистой зеленью, и ухватившись за бок пористого серо-фиолетового ребра, Артур понял, что это вовсе не скалы. Он находился между рёбрами скелета гигантского существа, очертания которого невозможно было окинуть одним взглядом!

Впрочем, особого впечатления на душу Артура его открытие не произвело. Он уже видел скелеты гигантов примерно таких же размеров, путешествуя по «розе реальностей», а также живых динозавров, опускаясь в бездны прошлого. Новая находка воображение потрясла не сильно.

Проход между костями давно погибшего и высохшего великана отыскался быстро. Артур выбрался на открытое пространство и оказался на вершине голого, морщинистого, каменистого холма, который возвышался над угрюмой, серо-коричневой, волнистой равниной, кое-где курившейся дымками. Впечатление было такое, будто здесь недавно всё горело и пожар уничтожил всю растительность до горизонта. Затем Артур заметил разбросанные по равнине странные предметы, напоминающие останки насекомых, фрагменты крыльев, хитиновых панцирей, лап и несимпатичных с виду деталей, и понял, что на равнине совсем недавно произошло сражение между Инсектами.

– Ничего себе! – почесал он затылок. – Славно они тут проводят время!

Издали послышалось нарастающее шмелиное гудение. Над некрутыми волнами равнины со стороны низкого неяркого солнца показалось чёрное пятнышко. Приблизилось, пуская блики, превращаясь в низкое летящее насекомое в блестящем, отсвечивающем перламутром панцире. Но это был не шмель, скорее жук размерами вдвое больше человека. Он что-то искал на месте сражения, то опускаясь вниз, то поднимаясь повыше и делая круги. Но вот он заметил Суворова и повернул к нему, порождая крыльями «шмелиный» гул. Артур сообразил, что ничего хорошего встреча с хозяином данной реальности ему не сулит, и нырнул в тхабс-канал.

На этот раз он вышел в очень глубоком прошлом Земли, сориентировав тхабс на три миллиарда лет назад. Однако ничего не увидел! Вернее, оказался в густом тумане, чуть более светлом над головой. Почва под ногами представляла собой крупнозернистый мокрый песок, перемежающийся полосами мелких камней. В шаге от

Артура виднелась прозрачная лужа, за ней проглядывал контур ещё одной. Похоже, он вышел на песчаный берег моря или какого-то водоёма, утонувшего в тумане.

Дышать здесь было трудно, несмотря на высокую плотность воздуха: мешали горькие, кисловатые, солевые и йодистые запахи, а главное – большая концентрация углекислого газа. Сила тяжести была чуть послабее той, к какой привык Суворов в своё родное время.

Он огляделся, пытаясь сориентироваться. Показалось, что в противоположном от луж направлении песок становится суше, и Артур направился в ту сторону, прислушиваясь к глухой ватной тишине этой странной местности. Сзади слышались частые хлюпающие шлепки, будто кто-то бежал по лужам вслед за человеком. Артур вытащил ружьё, снял с предохранителя. Страх не было, но к неожиданностям следовало быть готовым. Вполне возможно, местный житель уже строил какие-то планы в отношении гостя.

Какие местные жители? – возразил внутренний голос. Мы на Земле Архея, жизнь ещё только-только полезла из океана на сушу. Оглядись, здесь даже водорослей не видно.

Мало ли, кто здесь может оказаться, резонно ответил Артур. Я же появился? Значит, и другой такой же гость может. К тому же, по словам Тараса, в это время на Земле жили Архонты и Аморфы. А до них – Предтечи.

Вряд ли все они имели ноги, чтобы бегать по лужам. Это совсем другая форма жизни.

Посмотрим...

Местность и в самом деле начала повышаться. Туман отступил, рассеиваясь, вверху появились голубоватые просветы, и вскоре Артур оказался на круглом возвышении, напоминающем своеобразный, твёрдый, каменистый остров, окружённый морем тумана. Во все стороны, куда ни глянь, простирались белёсые волны, скрывающие под собой и песок, и камни, и воду, если она здесь действительно представляла крупный водоём. А слева от низкого солнца, просвечивающего сквозь пелену тумана, виднелась угрюмая чёрная гора необычных очертаний. Казалось, она слеплена из чёрно-фиолетовых кожистых наплывов и перепонки, напоминающих крылья летучих мышей.

Артур сглотнул.

Гора *смотрела* на него, пристально, тяжело, неодобрительно. Казалось, стоит сделать малейшее движение, и она двинется к человеку, чтобы раздавить его в лепёшку!

Артур опустил ружьё, внезапно устыдившись своего страха. Вполне возможно, что эта гора и была одним из Аморфов, представлявшим собой квазикристаллическую – по словам Тараса – форму разумной жизни, но едва ли она могла двигаться.

В следующее мгновение «крылья летучих мышей», образующих острую шипастую вершину горы, изменили очертания, словно «мыши» собрались взлететь. Низкий гул прилетел из тумана. Остров под ногами путешественника во времени задрожал.

Артур озабоченно посмотрел под ноги, опасаясь провалов и трещин, поднял голову и вздрогнул: гора приблизилась, увеличилась в размерах!

– Аморф?! – пробормотал он.

Ты не ошибся, отозвался внутренний голос. Тхабс перенёс туда, где живут Аморфы, всеисильные повелители Земли прошлых времён. Один из них тебя заметил.

Хоть бы это был не Монарх!

Какая разница? Все они одним миром мазаны.

«Крылья летучих мышей» шевельнулись ещё раз.

Гора скачком увеличилась в размерах.

«Кто ты? – раздался внутри головы Артура гулкий скрежещущий голос. – Зачем пришёл?»

– А ты кто? – вслух проговорил Артур, пятясь. Потом успокоился, вспомнив, что в случае опасности тхабс сам унесёт его отсюда.

В голове прошумел горячий ветерок, ловкие пальчики вскрыли череп Суворова, пробежали по извилинам мозга, развернули их, снова свернули, всунули в череп. Голова «задымилась», на мгновение стало трудно дышать, сознание судорожно затрепыхалось, пытаясь отстроиться от необычных ощущений.

«Ты человек, – раздался под черепом тот же густой гулкий голос. – Тебе здесь не место. Твоё время ещё не пришло».

– Я ищу Предтеч. – Голос почему стал сиплым, и Артур откашлялся. – Я ищу Предтеч, подскажите, где их можно найти.

«Зачем?»

– Мне дали задание... у нас ЧП... Монарх Конкере сбежал из тюрьмы...

«Конкере один из нас».

– Я понимаю. – Артура бросило в жар. – Но он хочет изменить Материнскую реальность...

«Это его право. Каждый живущий имеет право жить так, как хочет».

– Э-э, пардон, я извиняюсь, тогда и каждый убийца имеет право убивать? Так, что ли? Хорошенькая у вас философия!

«Наша философия тебе недоступна. Иди с миром».

– Значит, вы не можете остановить родственника?

– Не помогут, – раздался сзади чей-то знакомый голос.

Артур обернулся как ужаленный.

В двух десятках шагов от него стоял на песке молодой человек с застывшим строгим лицом и мерцающими чёрными глазами. Зелёная чешуйчатая кольчуга на нём все время шевелилась, как живая, дымилась и стреляла мелкими электрическими искорками. Это был Стас Котов, о котором предупреждал Тарас, бывший оруженосец неведомого Воина Закона.

– Кто тебя послал? – продолжал Стас, изучая лицо Суворова.

– Дед Пыхто, – осклабился Артур. – Я же не спрашиваю, кто послал тебя, хотя знаю. Монарх, не так ли?

Брови Котова изогнулись.

– Кажется, я догадываюсь, чей ты слуга. Тебя послал мой дядя Василий Никифорович.

– Дядя? – Артур невольно засмеялся. – Вот уж кого ни разу не встречал, так это твоего дядю. Однако я спешу, приятель, не мешай мне.

– Это ты мешаешь мне, приятель. Поэтому предупреждаю: ещё раз встречу в «розе» или в прошлом...

– То что? – прищурился Артур, демонстративно кладя руку на приклад карабина. – Покажешь мне, где раки зимуют?

Глаза Стаса зловеще вспыхнули.

Тотчас же карабин Артура вырвался у него из рук, взлетел в воздух, изогнулся и повис, целя ему в грудь.

– Попробуй поборись с ним.

– Ух ты, здорово! – восхитился Артур, наливаясь куражливой силой. – Колдун, что ли? Вот развелось вас по всему миру. Жаль, меня никто не обучил таким трюкам. Ну, давай стреляй, чего ждёшь? Или кишка тонка?

Карабин выстрелил... и на пути пули фонтаном – словно произошёл своеобразный подземный взрыв – встала защитная стена Дзи-но-рина. Пуля вонзилась в неё, и стена осыпалась грудой песка, земли и каменной крошки.

– А так можешь? – хвастливо встал в позу Артур, переживший несколько неприятных мгновений страха и неуверенности (вдруг не сработает?!). – Давай теперь я выстрелю.

Карабин покачался в воздухе, как бы размышляя, стоит ли ему и дальше жить самостоятельно, упал на песок.

«Он опасен!» – раздался гулкий бас в голове Артура.

Неизвестно, к кому относилось это определение, сделанное Аморфом, то ли к Суворову, то ли к посланнику Конкере, но отреагировали они на мысленный голос «разумной горы» практически одинаково. Артур попытался подхватить карабин, Стас выхватил меч. Однако выстрелить Артур не успел, меч противника оказался быстрее. Текучей молнией он метнулся вперёд, выбил оружие из рук Суворова и – устремился к его шее!

Ждать, защитит ли Дзи-но-рин его и на этот раз, Артур не стал. Тхабс унёс его в будущее (выдернул из бездн времён как морковку из грядки – пришло на ум неожиданное сравнение), соорудив на пути меча непреодолимую стену времени. Впрочем, непреодолимой эта стена казалась всего несколько секунд.

Вывалился Артур в свою гостиную, запыхавшись, как после долгого бега, но отдышаться не успел. Вслед за ним в квартире появился гость, а точнее, преследователь – Стас Котов! Как он умудрился запеленговать тхабс-канал Суворова и «вцепиться» в него «магическими абордажными крючьями», понять было трудно.

Меч снова блистающим жалом устремился к груди застывшего в изумлении Артура.

Сработал Дзи-но-рин, формируя щит из «подручных материалов» – паркета, ковра, фрагментов стульев и дивана. Однако эта импровизированная стена не могла защитить Суворова от «устранителя препятствий», легко пробившего возникшую преграду. К

счастью, Артур понял это вовремя, инстинктивно включая тхабс, но не ставя конкретной цели, и в последний миг перед смертельным касанием дымящегося клинка синкэн-гата перешёл в состояние трансфизического *движения*.

Тхабс выбросил его в «розу». Причём – не на ближайшие уровни Материнской реальности, то есть не на планеты Солнечной системы, а куда-то глубоко в космос, где Артур ещё не бывал.

Он оказался в странном мире, состоящем из одних белых толстых стен, которые соединялись в красивый и сложный лабиринт. Сила тяжести в этом мире была равна земной, дышалось здесь легко, почти как на Земле, разве что к знакомым запахам – бетона, асфальта, нагретого камня и плесени – добавлялись незнакомые, щекочущие язык. Небо над головой светилось опалом, и в нём проглядывали контуры двух планет: побольше – сиреневый, поменьше – желтоватый. А солнца не было, хотя света хватало.

Артур, судорожно оглянувшись по сторонам: не появится ли преследователь? – с облегчением выдохнул застрявший в лёгких воздух, прошёлся по шершавому белому верху стены, прислушиваясь к тишине местной природы. Стена на вид и на ощупь казалась бетонной. Но представить себе строителей, чья фантазия родила столь монументальный лабиринт, Артур не смог, хотя и подумал, что это могли быть Инсекты.

Он машинально потрогал карман куртки с квадратиком Дзи-но-рина, куда должен был вонзиться меч Стаса, слабо улыбнулся. На сей раз всё обошлось, он успешно прошёл испытание боем, хотя вовсе не стремился стать великим воином. А помпушку жалко, с ней он не расставался в походах в течение нескольких лет и привык, как к необходимой бытовой вещи наподобие расчёски или зубной щётки.

Однако, приятель, что делать? Куда тебя занесло? А главное, что делать, если бывший оруженосец Воина Закона снова отыщет тебя в мирах «розы»? Как долго придётся бегать по «этажам» Вселенной, спасаясь от этого засранца?

Артур огляделся с большим вниманием, пытаясь найти хотя бы грязное пятнышко на стерильно чистых и белых стенах планеты-лабиринта. И нашёл-таки. На горизонте, в противоположной от висящих в небе лун стороне, просияла золотом тонкая былинка. Арут напряг зрение и вздрогнул: со зрением что-то произошло, проявился

необычный эффект – будто к глазам поднесли бинокль! Былинка скачком выросла в размерах, превращаясь в ажурный золотой минарет!

Он отмахнулся указательным пальцем: чур меня!

Минарет послушно прыгнул к горизонту, уменьшился до размеров былинки.

Артур хмыкнул, снова напряг зрение и пережил то же ощущение: былинка приблизилась, приобретая размеры минарета. Стало ясно, что у него внезапно заработала какая-то внутренняя, ранее дремавшая паранормальная способность. Сиддха, как сказал бы Тарас.

– *Пранти*^[9], – проснулся в голове чей-то бесплотный голос, уже принимавший участие во внутренних беседах Суворова с самим собой. Этот голос, вероятнее всего, представлял собой «подсказчика», связанного с памятью предков, так он как никогда не ошибался.

– *Пранти*, – согласился Артур. – А всего сиддх двадцать шесть... или больше?

«Подсказчик» промолчал, вступая в беседу лишь в самые нужные моменты.

– Ладно, понял. Хорошо бы овладеть всеми сиддхами... ну, или хотя бы полётом без всяких приспособлений. Пешком до этого минарета и за месяц не дойти.

– *Кхекара*^[10], – прорезался голос «подсказчика».

– Пусть будет *кхекара*. Почему Тарас не активировал мне эту сиддху? Если уж дал тхабс, мог бы и всё остальное.

Сиддхи достигаются великим трудом, проворчал внутренний голос Артура, его «второго Я». Ты не готов. Дай тебе волю – наломал бы дров!

Это уж точно, мысленно согласился Артур. Только мне сейчас не до споров с тобой, зануда. Подскажи лучше, что делать. Домой возвращаться стрёмно, можно нарваться на засаду. Но и бегать по «розе» неохота. Может, вернуться в прошлое, ещё раз поговорить с Аморфом, без свидетелей? Вдруг он проникнется нашими проблемами и вступится за родную реальность? Да и Стас вряд ли станет искать меня там.

Он тебя уже нашёл, пискнул внутренний голос.

Артур оглянулся и, еще не успев что-либо понять, заметив только знакомый блик на зелёной кольчуге, – Стас нашёл его и здесь! –

прыгнул в «тёмный тоннель» тхабса, моля бога, чтобы тот вынес его из мира-лабиринта куда-нибудь подальше, в более безопасное место.

Мгновения невесомости, мрак, удар в ноги, свет в глаза... и он оказался на плоской вершине стены в том же лабиринтоподобном мире, откуда только что сбежал! Судорожно огляделся, ошеломлённый неудачей. В голове заскакали «сорвавшиеся с цепи» мысли: почему?! что произошло?! отказал тхабс?! или он сам сориентировал его подобным образом?! и где противник?! исчез?! снова выскочит из-за спины?!

Тень накрыла беглеца, словно по небу проплыло облако, закрывая солнце, хотя ни облаков, ни солнца не было видно и в помине.

Артур сжался, озирая небосвод, и увидел золотистую башню-минарет всего в паре километров от себя. Тот самый минарет, который он разглядел на горизонте, появившись в этом мире. Тхабс таки включился, но перенёс его не в «более глубокие» «миры «розы реальностей», а на ту же равнину с лабиринтом стен, только ближе к минарету.

Дьявольщина! Что случилось?! Почему он почувствовал тень? При полном отсутствии облаков? Или это всего лишь реакция организма на присутствие башни?

Тень снова накрыла его и пропала. Кто-то внимательно и удивлённо посмотрел на него с башни.

— Только не «сторожевой пёс»! — взмолился Артур почти беззвучно.

Словно в ответ на его восклицание, на вершине минарета просиял золотой лучик, вниз спикировала капля света и превратилась в мужчину, одетого в просторные белые одежды, напоминающие индийское сари или плащ-рубаху без пояса. Артур мгновенно вспомнил Тараса: тот тоже предпочитал носить белые костюмы.

Мужчина был немолод, судя по морщинам и особому *складу* лица, говорящему о прожитых годах. Но и стариком его назвать было трудно. Он был высок, осанист, желтоглаз, сед, ощутимо величественен, а в том, как он щурил глаза, Артур вдруг уловил сходство со своей подругой Светланой.

Человек с минарета продолжал молча его рассматривать, и Артур почувствовал себя букашкой под микроскопом.

– Здравсьте, – сказал он, преодолевая неловкость. – Я так понимаю, что вы... э-э, хозяин этой реальности?

Мужчина улыбнулся.

– Правильно понимаешь. – Голос у него был звучный, красивый, под стать облику, и в нём прозвучали знакомые нотки, изредка проскальзывающие в голосе Светланы. – А вот кто ты, мой друг? И почему бежишь от моего давнего хорошего знакомого?

Артур нервно оглянулся.

– Он ваш знакомый?

– Почему это тебя удивляет?

– Дело в том, что он давно не оруженосец Воина Закона и служит Монарху.

Бровь мужчины изогнулась, взгляд стал острым.

– Значит, слухи о переходе Котова-младшего на сторону тёмной силы не преувеличены? Это плохое известие.

– Вы не знали? – Артур снова нервно оглянулся. – А ещё иерарх... Этот парень почему-то гоняется за мной...

– Мне тоже интересно, почему. Может быть, расскажешь?

– Если он появится ещё раз, мне придётся бежать дальше. У него странный меч...

– Не бойся, он сейчас далеко отсюда. Ты видел у него меч?

– Да, странный такой, удлиняется на много метров...

– Синкэн-гата, – кивнул мужчина в белом. – Почему-то я его не заметил. Но любопытно другое: если Стас Котов служит Конкере, то где Машка?

– Кто?

– Моя дочь.

Артур вытаращил глаза.

– Ваша дочь?! Значит, вы – Юрьев?!

Мужчина засмеялся, качнул головой:

– Странно, меня узнают многие, я – никого. Во всяком случае, тебя я вижу впервые. Видимо, пропустил много интересного, занимаясь конструированием своего мироустройства. Это всё, – мужчина широко повёл рукой, – строительная площадка. До экспериментов с *Брахманом*^[11] мне ещё далеко, хотя и хочется построить что-нибудь вроде «второго локона Ампары», поэтому я заложил здесь Центр мирных церемоний «розы», где могли бы

встретиться любые разумные существа с любым менталитетом, логикой и образом жизни. Но об этом мы поговорим в моём жилище, не возражаешь?

Артур провёл языком по пересохшим губам. Хозяин реальности ему не особенно понравился – внутренним превосходством, но он обещал защиту и отдых, что в настоящее время было немаловажно.

– Согласен.

– Вот и славно. – Мужчина в белом взмахнул рукой, и Артура подхватила мягкая непреодолимая сила, понесла к золотой башне, вырастающей из лабиринта белых стен.

Глава 23

УСИЛЕНИЕ ЗВЕРЯ

Килимтарх Ибрагим ибн Фатв аль Аддин ан Ташдфенази покинул Материнскую реальность еще в девятнадцатом веке, когда ему исполнилось двести лет. Изредка он посещал Землю, встречался с иерархами, с которыми поддерживал приятельские отношения, и с Хранителями, не раз предлагавшими ему стать их координатором. Однако, будучи индивидуалистом до мозга костей, человеком особого склада, не терпящим никакой зависимости, Ибрагим Аддин не соглашался, зная, что, став Хранителем, он взвалит на свои плечи бремя великой ответственности за охрану тайн ушедших в небытие цивилизаций. А этого он не пожелал бы и своим врагам. Впрочем, врагов у него не было. Килимтарх славился толерантностью и никому не желал зла, за что его уважали даже завистники из среды Великого Круга, которые хотели достичь его положения, не приложив особых стараний.

Но всё же один враг нашёлся, о чём Ибрагим Аддин узнал в тот самый день, когда решил посетить кое-кого из приятелей на Земле. Случилось это пятнадцатого августа, в разгар известных событий, о которых килимтарх не имел ни малейшего представления. Слухи об охоте за иерархами до него доносились, но поскольку он практически не покидал свою обитель в одном из «пустых» миров «розы», приспособленном им для своих нужд, и со Зверем Закона не встречался, то и считал эти слухи преувеличенными.

Однако всё оказалось не так, как он себе представлял.

Во-первых, приятель, к которому он заглядывал в гости охотнее других, Хранитель Никандр был убит. Об этом килимтарху сообщили родственники Никандра, успевшие его недавно похоронить.

Во-вторых, власть в матричной реальности практически прибрал к рукам кардинал российского Союза Неизвестных Герман Рыков, замаскировавшийся под личиной вице-спикера Государственной Думы Марата Меринова. Каким образом Рыкову удалось получить Посвящение восемнадцатой ступени, было покрыто мраком неизвестности, но факт оставался фактом. С тех пор он возглавил

российский Союз и стал верховным координатором всех Союзов Земли. Мало того, именно он начал охоту за Хранителями ради получения доступа к Великим Вещам Мира. Что произойдёт, если Рыков станет их обладателем, нерудно было догадаться. Власть в Материнской реальности перейдёт к нему.

Из дома Никандра озадаченный известием Ибрагим Аддин направился к Хуану Креспо, бывшему генеральному секретарю ООН и бывшему координатору Союзов Неизвестных. Однако Хуан Креспо, потерявший полжизни во времена войны с Истребителем Закона и превратившийся в глубокого старика, разговаривать с килимтархом о земных делах не захотел. Предложил ему выпить, а когда Ибрагим отказался, махнул целый стакан горилки с перцем, которую ему доставляли из Украины доверенные лица. И килимтарх понял, что толку от старика не будет. Долго он не проживёт.

Поразмыслив, Ибрагим Аддин, уверенный в своих силах, решил навестить самого Рыкова и узнать из первых рук, что происходит. Это его решение и сыграло впоследствии роковую роль, о чём он подумал слишком поздно. Живя в уединении, килимтарх подзабыл подлую человеческую натуру, точнее – *псевдочеловеческую*, потому что Землю, как известно, населяют два вида людей, один из которых – самый многочисленный – никогда не жил по духовным Принципам Творца. Рыков-Меринов был именно из таких «псевдочеловеков».

Они встретились в одной из резиденций Рыкова – в банке «Северо-Запад» на Сухаревской площади, предварительно договорившись об этом по каналу ментальной связи.

Ибрагима, выглядевшего достаточно молодо для своих лет: высокий, статный, гладколицый, смуглый, с усиками, ни одной ниточки седины в чёрных блестящих волосах, – встретил в кабинете чем-то похожий на него юнец – смуглолицый, с усиками, в котором не было ничего от прежнего Германа Рыкова. Кроме острого, прицеливающегося, высокомерно-презрительного взгляда. И, заглянув в его глаза, килимтарх сразу узнал бывшего ученика, ставшего Посвящённым очень высокого ранга.

Они сели за стол, ощущая психосферы друг друга в диапазоне сил *Шаддай эль Хай*. Рыков-Меринов пошутил, что «волшебная палочка» килимтарха – его сиддхи-возможности – достигла большой

величины, на что Ибрагим с усмешкой заметил, что в волшебной палочке главное не размеры, а магические свойства.

– Это верно, – кивнул Меринов. – Что ж, я рад, что вы не потеряли формы, учитель. Однако не будем ходить вокруг да около. Что привело вас в нашу земную юдоль, патриарх? Иными словами, какого чёрта вам здесь нужно?

– Чёрта мне не нужно, – усмехнулся Ибрагим Аддин; он хорошо говорил на русском языке, но разговор шёл на английском. – Это правда, что я слышал о вас? Вы действительно собираете Великие Вещи?

– А что, вы можете мне что-то предложить в этом плане? – прищурился Марат Феликсович. – Кстати, какие напитки предпочитаете?

– Чай.

– Инна, – вызвал секретаршу Меринов, – гостю чай, мне горячий шоколад.

– Нет, я ничего не могу вам предложить, – сказал килимтарх с заминкой, отвечая на первый вопрос собеседника. – Зачем вам Вещи?

– Глупый вопрос, – скривил губы Марат Феликсович. – Вы же знаете ответ.

– Допустим. Но ведь вам не удастся собрать все Вещи. Не каждый Хранитель окажется... в положении Никандра.

– Никандр – старый дурак! – махнул рукой Меринов. – Согласись он на моё предложение, остался бы жив. Нет, полез в драку. Но к чему эти вопросы, патриарх? Вы же не Хранитель, вам нечего бояться.

– А вы сами не боитесь, мастер, что Хранители соберутся все вместе и уничтожат вас?

Меринов презрительно рассмеялся.

– Хранители – трусы и себялюбцы, они не отважатся объявлять мне шактипат. Вот иерархи «розы» – другое дело, это сила! Но и они не станут вмешиваться в наши земные разборки. К примеру, вы бы вмешались?

Ибрагим Аддин подумал, качнул головой.

– Не вижу смысла.

– Вот видите? И так думает каждый иерарх. К тому же у вас своих проблем хватает: война с Охотником, планы Монарха...

– Это правда. Хотя Монарх вряд ли представляет для нас угрозу. По моим данным, его интересует Фундаментальная реальность, а не «роза».

– Ошибаетесь, патриарх. Если он изменит Матрицу, изменится и весь спектр отражений-реальностей «розы». Подумайте и присоединяйтесь ко мне.

– Что вы имеете в виду? – удивился килимтарх.

– Я против нового Изменения. Вот для чего мне Вещи. С их помощью я остановлю Монарха.

– Вы... серьёзно?

Вошла длинноногая мускулистая секретарша, подала напитки.

Маринов взял чашку с горячим шоколадом, пригубил.

– Вы, наверное, давно не посещали Землю, патриарх. Здесь многое изменилось. Я же хочу одного – чтобы нашу реальность оставили в покое. Вы же не хотите, чтобы кто-нибудь пришёл в ваш мир и начал его перестраивать в соответствии со своими планами?

– Разумеется, нет.

– Вот и я хочу того же.

Меринов лукавил. Ему плевать было на реальность, как она изменится в результате вмешательства Монарха, но ему и в самом деле это изменение было невыгодно: он терял власть! Но вслух об этом собеседнику он, естественно, говорить не стал.

– Странно, – покачал головой Ибрагим. – Я был о вас другого мнения.

– Увы, я тоже страдаю от человеческой неблагодарности и непонимания, – лицемерно вздохнул Меринов. – Завистников много, помощников нет. Ведь вы тоже откажетесь, не так ли?

Килимтарх помолчал, всё ещё колеблясь, неторопливо прихлёбывая чай.

– Я не знаю, стоит ли вам доверять, уважаемый иерарх, после того, что вы сделали. Не стоило убивать Никандра, программировать Такэду...

– С благими намерениями, патриарх, с благими намерениями. Если я не остановлю Монарха, его не остановит никто. Решайтесь, времени у нас мало.

– Мне нужны гарантии...

Глаза Меринова угрожающе вспыхнули, но он сдержался.

– У меня есть доступ к Интегратрону, хотите попользоваться? Омоложение вам не мешает. И точно так же я гарантирую вам доступ к остальным Великим Вещам, которые смогу найти.

Килимтарх допил чай, поднял глаза.

– Вы поколебали мою уверенность, Герман. Пожалуй, я соглашусь помочь вам. Но – под весомые договорные обязательства.

– Всё, что угодно! – поднял руки вверх Меринов. – Я подпишу любой договор на любых ваших условиях.

– Хорошо, я подумаю над текстом договора. У вас есть время?

– До пятницы я совершенно свободен, – ухмыльнулся Марат Феликсович. – А что?

– Лучше всего подписать договор у меня. Я вам покажу... одну интересную штуковину...

– Что именно?! – жадно спросил Меринов, раздув ноздри.

– Увидите.

– Хорошо, одну минуту. – Меринов вызвал секретаршу. – Инна, я отлучусь на пару часов, говори всем, что я на важной встрече.

– Может быть, я с вами? – насторожилась секретарша, кинув подозрительный взгляд на гостя.

– Нет, подождёшь здесь.

– Слушаюсь. – Девушка вышла.

– Я переоденусь. – Меринов скрылся в комнате отдыха, дверь в которую была замаскирована стеклянным панно, и вышел уже в спецкомбинезоне. – Я готов. Как пойдём?

– На привязи. – Ибрагим Аддин имел в виду спаренный перенос, в котором он должен был играть роль проводника.

– Не возражаю.

Через мгновение кабинет опустел.

* * *

«Полёт» в узком «колодце» тхабса продолжался субъективно недолго: стены кабинета исчезли, наступила темнота, невесомость, затем оба нырнули в облако призрачного света и оказались в большом круглом зале с мраморным полом, накрытом прозрачным куполом. Зал был абсолютно чист и пуст и не имел ни одной двери, ни одного люка

в полу. Что, впрочем, не означало их отсутствия. Меринов чувствовал выход на другие горизонты башни. А в том, что зал под куполом венчает именно башню, он убедился, подойдя к прозрачной стене.

Пейзаж внизу напоминал архипелаг песчаных островков и коралловых атоллов. Их было не меньше сотни, окружённых ослепительной синью моря, и из каждого вырастала тонкая, расширяющаяся кверху, бликующая металлом башня наподобие той, в которой находились в данный момент гость и хозяин реальности.

– Город? – кивнул Марат Феликсович на архипелаг с башнями.

– Проекции, – отрицательно качнул головой килимтарх. – Башня всего одна, остальное – отражения. Причем – многомерные, ничем не отличающиеся от матричной. Хотите убедиться?

– Каким образом?

– Вы владеете *стхула-шарира*?[\[12\]](#)

– Разумеется.

– Загляните в соседнюю башню.

Меринов разделился на два силуэта, один из них призраком метнулся сквозь прозрачную стену купола, превратился в световую полосу, достигшую ближайшей башни, и Меринов-2, представлявший эфирное тело Меринова-первого, увидел под куполом двух людей. Это были килимтарх и он сам!

Облетев башню кругом, эфирный «дух» Меринова приблизился к другой башне, увидел ещё двоих мужчин, ничем не отличимых от «настоящих», и вернулся в «материальное» тело Меринова.

– Хорошая идея, – признался он, с уважением глянув на невозмутимого хозяина. – Никакой Охотник не отличит копии от оригинала. А пока он разберётся, что к чему, в какой башне находится реальный хозяин, вы успеете скрыться.

– Приходится изворачиваться, – наметил улыбку довольный Ибрагим Аддин. – К сожалению, я не знал, что Зверь Закона представляет серьёзную опасность, но с этим теперь надо считаться. Пойдёмте, покажу вам моё жилище.

В полу зала проявилось световое кольцо.

Оба встали внутрь, и часть пола, ограниченная кольцом, начала опускаться вниз.

Миновали два этажа, заполненные пересекающимися световыми конструкциями. Лифт остановился. Гость и хозяин оказались в

просторном помещении, представляющем полную копию старинного каминного зала. В камине тотчас же запылала горка поленьев, а из двери неслышно выскользнул слуга в ливрее, почтительно поклонился:

– Что прикажете?

– Горячий шоколад, вино, тосты, сыр, чай, – перечислил килимтарх.

Слуга исчез.

– Нежить? – кивнул на дверь Меринов.

– Псевдо.

– Я так и думал. Вы живёте один?

– Уже много лет. Так намного спокойнее. Если мне нужен собеседник или... кто-нибудь ещё, я копирую нужную мне сущность.

– И не скучно так жить?

– Нет, – сухо ответил Ибрагим. – Подождите, я сейчас.

Он направился к двери и, не дойдя двух шагов, растворился в воздухе. Однако Меринов не успел обойти весь зал, «принюхаться» к его тайнам и осмотреть коллекцию холодного оружия. Неслышно возник слуга, принёс заказанное хозяином. А вслед за ним вернулся килимтарх. В руке он держал нечто вроде револьвера с чашеобразным дулом.

– Что это? – подобрался Марат Феликсович, учуяв исходящее от «револьвера» магическое *тепло*.

– Меркаба^[13], – сказал Ибрагим Аддин с сомнением. – Активатор и переносчик души из тела в тело. Эта Великая Вещь досталась мне в наследство от деда, бывшего Хранителя. Не уверен, сможете ли вы отыскать другие Вещи, но меркаба – ваша. Используйте её во благо.

– Непременно! – пообещал Меринов, жадно хватая неожиданный и бесценный дар. – Я обязательно использую... э-э... меркабу в... э-э... в интересах людей. Как она работает?

– Приставляете резонатор к голове человека, душу которого хотите пересадить в другое тело, нажимаете кнопку на затворе. Происходит закачка, так сказать, «душевного файла». Потом приставляете резонатор к голове другого человека и нажимаете курок. Душа переселяется в психику резидента.

– Просто, как и всё гениальное! Интересно, кто сотворил эту Вещь? Ведь не Инсекты же? Или меркаба действует на любое разумное существо?

– Её форма легко преобразуется в зависимости от биологических особенностей пользователя. В последний раз меркабой пользовались люди.

– Понятно. А можно воссоздать её первоначальную конструкцию?

– Можно, но зачем?

– Я же говорю, интересно, кто её сотворил.

– Дед мне показывал. Она превращается в гигантскую двадцатиметровую трубу с шипами. Возможно, меркабу создали ещё Предтечи, облик которых нам неизвестен. Однако давайте пить чай, пока не остыл.

– Требуется испытание. – Меринов повертел в руках «револьвер», навёл на килимтарха, заметил испуг в его глазах, засмеялся. – Но это я сделаю дома, больше возможностей. Весьма полезная штукавина, примите мою благодарность, учитель. Надеюсь, я смогу отплатить вам той же монетой.

Он взялся за чашку с любимым горячим шоколадом, и в этот момент под сводчатым потолком зала прозвучал трубный глас.

Килимтарх переменился в лице, резко отставил свою чашку, расплескав чай.

– Меникара!

Меринов, почуяв дуновение морозного ветра *угрозы*, бросил взгляд на панорамное окно зала. Фиолетовое небо с неярким апельсином светила над морем было незамутнённо чистым, но не стоило сомневаться, что в мире килимтарха появился неожиданный гость.

– Охотник?

– Кто же ещё? – сжал зубы Ибрагим Аддин. – Однажды он уже пытался охотиться на меня, но убрался несолоно хлебавши. Надеюсь, ему не повезёт и на этот раз. Может быть, мы дадим ему отпор? Нас двое...

– У меня дела дома, – сожалеюще развёл руками Марат Феликсович. – А у вас такая система маскировки, что никакой Зверь не страшен. Прощайте, Ибрагим, будете в наших краях, заходите в гости.

Меринов помахал рукой килимтарху, включил тхабс, но в последний момент передумал бежать на Землю, сориентировал тхабс таким образом, чтобы тот вознёс его на вершину жилой башни килимтарха, представлявшей собой матричное творение. Опустился на

купол, накинул вуаль «непрогляда», осмотрелся. И увидел приближавшуюся к архипелагу Аддина гигантскую хищную птицу.

– Действительно, Охотник...

Птица стремительно спикировала на одну из башен в центре псевдогорода, раскрыла клюв. Башню накрыл струящийся прозрачный рукав не то нагретого воздуха, не то какого-то силового поля. Она потеряла стройность, поплыла пузырями и струями, оседая на остров горой серо-сизой пены... и спустя несколько мгновений одним скачком восстановила былую форму!

Зверь Закона, озадаченный трансформацией здания, взмыл выше, сделал круг над башней и снова метнул рукав прозрачной энергии, превративший строение в гору пены. Однако и на сей раз произошло то же явление. Башня восстановилась за считанные секунды, как птица феникс из пепла, сияя хрустально-прозрачным куполом на вершине.

Птица начала метаться над городом, в ярости разрушая здания одно за другим. А они дружно поднимались вверх, вырастая из песчаных островов как грибы, словно насмехаясь над усилиями жуткой твари.

Меринов покачал головой, подумав, что идея килимтарха себя оправдывает. Зверю надо было менять тактику нападения, но сам он этого сделать не мог, представляя собой сложную, мощную, вариативную, но – конечную программу. Изменить эту программу, откорректировать должным образом, усложнить и сделать более самостоятельной мог только её создатель.

– Пора уходить, – со вздохом пробормотал Марат Феликсович.

И вдруг ему в голову пришла великолепная в своей простоте мысль. На её обдумывание ушло несколько мгновений.

– А чем я рискую? – спросил он сам себя, приняв решение. – Аж ничем!

И сбросил вуаль «непрогляда», делавшую его невидимым.

«Эй, Охотник! – взлетел над городом Ибрагима Аддина ментальный вызов. – Помнишь меня?»

Гигантская птица, кружащая над городом, повернула в сторону матричной башни.

«Ты иерарх Фундаментальной реальности».

«Узнал, молодец! Могу предложить обмен: я укажу тебе настоящий дом хозяина этого мира, а ты поможешь мне на Земле».

«Мне закрыт доступ в Фундаментальную реальность».

«Как личности – да, запрещён, как энергоинформационной сущности – нет. Я возьму тебя с собой в качестве «второго Я». Ты сможешь славно повеселиться на Земле, гоняясь за местными иерархами. Да и враг твой в настоящее время обосновался там».

Птица сделала круг над башней, внимательно разглядывая человека на куполе.

Меринов почувствовал удивление и гнев притаившегося в недрах башни килимтарха, приготовился бежать в случае нападения Зверя. Но тот принял правильное решение.

«Согласен!»

«Твой враг здесь!» – Меринов топнул ногой по гладкому прозрачному куполу башни. Подпрыгнул, активируя сиддху *кхекара*, отлетел в сторону, ощущая «шевеление эмоций» Ибрагима Аддина. Пожал плечами: извини, учитель, ничего личного...

Если бы килимтарх не стал ждать, а сразу нырнул в канал тхабса, он уцелел бы, несмотря на блокирование города мощной резонансной «решёткой» магических заклинаний, но ему помешали человеческие чувства, затмившие сознание. Предательство Рыкова-Меринова шокировало его настолько, что он опоздал отреагировать на энергетический выпад Зверя.

Прозрачный вихрь накрыл башню Ибрагима, разнёс её в клочья, превратил в струи дыма и обломков! Башня осела грудой каменных плит и рёбер, покрытых сеточкой молний. И тотчас же начали пузыриться, оплывать и таять все остальные башни псевдогорода, превратились в капли быстро испаряющегося полупрозрачного желе. В небо взвились сероватые дымные струи, растаяли через минуту.

Затем наступила очередь островов и атоллов. Они тоже зашевелились, задрожали, начали трескаться, испаряться и тонуть в пучине моря. Исчезли один за другим.

Но и это было ещё не всё!

Вскипела сама гладь моря! В воздух поднялись мириады струй пара, образовав на какое-то время густой облачный слой! Но вот он растаял, и взору Меринова, замороженного метаморфозами ландшафта, предстал другой пейзаж, напоминающий марсианский: горные разломы, кратеры, извилистые борозды высохших рек, серо-бурые плеши, оранжево-красные пески... и ни следа жизни!

Изменился и цвет неба, стал грязно-фиолетовым, с зеленоватым оттенком. Светило тоже претерпело трансформацию, превратилось в бледное, тусклое, бесформенное пятно.

Мир Ибрагима Аддина окончательно умер. Вместе с ним.

«Я жду!» – напомнила о себе птица-Зверь.

Меринов опустился на вершину плоского уступа, нависающего над горным хаосом мёртвой планеты, которую когда-то выбрал для поселения Ибрагим Аддин. Рядом, шумно хлопая крыльями, – не отличишь от живой птицы! – сел клювастый Зверь с узкими светящимися жёлтыми глазами. Посмотрел на человека сверху вниз. На мгновение душу Меринова охватил страх. Но выигрыш в случае удачи был настолько велик, что ради этого стоило рискнуть свободой, положением и здоровьем.

Лишь бы не жизнью! – подумал он со смешком, мимолётно, настраиваясь на магическое оперирование высокого уровня – вплоть до *силы* «дьявольского восхищения».

Воздух над горным разломом струнно загудел, заискрился сотнями крохотных радуг.

Фигура птицы заколебалась, как мыльный пузырь под порывом ветра, в течение секунды претерпела множественную трансформацию, превращаясь в череду диковинных существ и жутких монстров, вытянулась вверх кисейно-прозрачной лентой, изгибающейся, как струйка дыма над костром.

Одновременно с этим изменилась и фигура магического оператора: голова Меринова раздулась пузырём, превратилась в четырёхликую голову монстра, в которой мало что осталось человеческого.

Затем «кисейная» лента Зверя вонзилась в голову Меринова, всосалась в неё без остатка, и тотчас же он обрёл прежний человеческий облик. Воздух над горной страной перестал «корчиться» и сверкать. Процедура «перезаписи программы» Зверя на новый носитель – психику человека – завершилась.

Меринов постоял несколько мгновений в ступоре, продолжая *зыбиться*: то одна его рука увеличивалась в размерах и становилась прежней, то другая, то нога, то плечи, уши, нос, рот; впечатление было такое, будто внедрившемуся в него монстру было тесно в человеческом теле. Наконец, всё успокоилось.

Меринов поднёс к глазам руку, пошевелил пальцами, посмотрел на ноги, раздвинул губы в кривой усмешке:

– Слабая основа... – Голос оказался курлыкающим, шипящим и свистящим, как у астматика.

– Для моих целей сгодится, – возразил он сам себе уже нормальным человеческим голосом.

– Я связан... – Тот же полусвист-полушипение.

– А ты чего хотел? – Меринов дёрнул себя за нос, удлиняя его на полметра, и вернул обратно. – Теперь ты часть меня, причём не главная. Сиди и молчи, пока не выпущу. Пора возвращаться.

Светлая точка просияла в зените.

Меринов поднял голову, прищурился. Показалось, что кто-то посмотрел на него из глубин космоса. Но сияющая искра больше не появлялась, и он успокоился. Шевельнул пальцем, полюбовался на появившийся от этого ничтожного движения дымящийся кратер и исчез.

Вышел он, как и рассчитал, в кабинете управляющего банком «Северо-Запад». Открылась дверь, вбежала Инна, почуявшая изменение обстановки.

– Марат Феликсович? Я уже заждалась!

Меринов посмотрел на неё *голодными* глазами, и секретарша побледнела, попятилась, меняясь в лице.

– М-марат Ф-феликс...

– Иди сюда! – проговорил он шипящим голосом, наслаждаясь её страхом.

* * *

Неподвижность и мёртвая тишина, завладевшая планетой Ибрагима Аддина, не нарушались ещё несколько мгновений после исчезновения Рыкова-Меринова-Зверя. В небе снова просияла яркая серебряная точка, и на гребень горы над свежим кратером вышел из воздуха молодой человек в белом костюме, седой, с глазами тысячелетнего старца. Он прошёлся по каменистой поверхности гребня, хрустя песком и мелкими камешками, поглядывая на то, что осталось от жилища килимтарха. Покачал головой:

– Смерть не самый удачный способ уйти от жизни, патриарх... когда же вы поймёте, дураки самоуверенные, что надо объединиться?

Рядом вдруг проявился абрис светлой женской фигурки – почти прозрачный струящийся фантом. Тихо прозвучал нежный печальный голос:

– Опоздал?

– Они всё ещё на что-то надеются, – вздохнул молодой человек с глазами мудреца. – Надеются, что за них кто-то отведёт беду, уничтожит зло, восстановит справедливость, позволит жить как прежде. И стихи не читают.

– Что ты имеешь в виду?

– Ещё в начале века поэт^[14] сказал:

Рынок? Вера? Ни хрена!
Только грозная година
Соберёт нас воедино,
Как в былые времена.

– Провидцы существовали всегда, только люди им не верят, настоящим, верят шарлатанам-астрологам и пустозвонам, обещающим рай на Земле. Что мы имеем на сегодняшний день, ИО?

– Этот сорок первый, – кивнул собеседник в белом на дымящийся кратер. – Ибрагим Аддин, килимтарх. Однако едва ли сообщение о гибели Аддина потрясёт уцелевших. Они упорны в своих заблуждениях.

– Всё равно надо звать их на Собор.

– Я пытаюсь, – мрачно оскалился молодой человек.

– Удачи тебе... – Фигурка женщины окончательно растаяла.

Мужчина в белом кинул взгляд на пейзаж мёртвой планеты и серебристым лучом вознёсся в небеса.

Глава 24

«СМЕРЧ» ПРОТИВ СС

«СМЕРЧ» должен был работать, несмотря ни на какие обстоятельства, поэтому Василий Никифорович, скрепя сердце, преодолевая приступы тоски и гнева, продолжал осуществлять руководство «чистилищем» и участвовать в его операциях.

В понедельник силами трёх мейдеров (участвовали в акции двадцать четыре человека) провели операцию по «вразумлению» тульских чиновников, полгода не выдающих пособия участникам чернобыльской трагедии. Людей довели до того, что они, больные (!), объявили голодовку, не имея других рычагов воздействовать на обнаглевшую чиновничью рать.

Всего «лечили» девятерых «слуг народа».

Мэру Тулы и областному прокурору принесли «чёрные метки» – визитки «чистилища» с требованием в два дня исправить положение.

Непосредственных руководителей департамента, ответственных за решение социальных проблем, – финансистов, бухгалтеров, клерков областной администрации, виновных в создавшейся ситуации, били долго и умело, оставив такие же «чёрные метки», но с обещанием в следующий раз применить более радикальные меры.

На следующий день наблюдатели «СМЕРЧа» в Туле доложили руководству, что мэр лично занялся делами чернобыльцев, а заодно устроил проверку работы всех низовых звеньев администрации города.

– Подействовало, – проворчал Парамонов с кривой улыбкой, услышав новость. – Нас начинают уважать.

Во вторник, шестнадцатого августа, все комиссары приняли участие в более крупном бандлике, готовились к которому почти месяц.

Давно было известно, что у чеченских боевиков нет недостатка в оружии и боеприпасах. Их снабжали самым новейшим отечественным и зарубежным вооружением, даже таким секретным, как управляемые противотанковые снаряды «малютка», огнемёты «шмель», снайперские винтовки «дракон» и психотронные излучатели «пламя», больше известные под названием «болевики».

Дознаватели «чистилища» наконец-то вышли на «бизнесменов» армейских тыловых служб, а также на тех, кто отдавал приказы продать то или иное оружие террористам.

По «мелким сошкам» работали мейдеры Вени Соколова и Володи Лемешко, по крупным фигурам – лично комиссары «чистилища». Всего за один день была ликвидирована одна из цепочек снабжения оружием чеченских – и вообще кавказских – бандитов, включающая в себя начальников складов оружия под Москвой, в Туле и Краснодаре, сеть агентов по снабжению, финансистов, силовиков, крышующих агентов, и главных заказчиков, среди которых было два генерала армии, пять полковников, военный прокурор, три высокопоставленных чекиста, чиновники и секретчики штабов и гражданские лица – вплоть до заместителей местных администраций.

Удар был нанесён мощный, «чистильщики» задействовали все свои силы, сделали объявления о бандлике по местным и центральным ТВ-каналам и наделали много шума, вдруг показав государевым людям, как надо работать с пособниками террористов и коррумпированными чиновниками любого ранга.

Ночью после завершения операции комиссары собрались в кабинете директора МИЦБИ, зная, что Центр охраняется не хуже, чем резиденции Рыкова. В кабинете Самандара подвели итоги недели и посмотрели друг на друга. Надо было принимать решение об освобождении Ульяны с Матвейкой. Стас не отзывался на постоянные вызовы Котова-старшего, и надежда на его помощь таяла с каждым часом.

– Если вы откажетесь, я пойду один, – сказал Василий Никифорович, ни на кого не глядя. – Так как Ульяна до сих пор не объявилась, значит, Рыков держит её в бессознательном состоянии, иначе она сбежала бы.

– Без сына? – в сомнении глянул на него Парамонов.

– Какое это имеет значение? – пожал плечами Самандар. – Даже если бы она сбежала, Рыков, имея в заложниках Матвейку, всё равно держал бы нас за яйца. Поэтому я за оперативное вмешательство.

– Мы все пойдём, – остался спокойным Иван Терентьевич.

– Тогда за дело. Предлагаю свой вариант операции.

Три головы склонились над экраном ноутбука.

Впервые сельцо Заморёново упоминается в писцовых книгах тысяча шестьсот двадцатого года как вотчина князя Фёдора Волконского. Затем владельцем селения стал думный дворянин Камынин, дочь которого в конце семнадцатого века вышла замуж за князя Урусова. Последним владельцем сельца из рода Урусовых стал князь Андрей Урусов, капрал лейб-гвардии Конного полка Его Величества, который в тысяча семьсот пятьдесят седьмом году продал усадьбу дворянину Савёлову. При Савёловых в имении был заново отстроен господский дом, службы, конюшня, началось благоустройство усадьбы.

Затем владельцами Заморёнова становились капитан артиллерии Тинков, бабушка Александра Пушкина Мария Алексеевна Ганнибал, её сестра Александра Козлова, семейство Орловых, семейство Нечаевых, музейный фонд СССР, музей Пушкина. В начале двадцать первого века ганнибаловское имение сгорело, и землю купил неизвестный предприниматель, пообещавший властям возродить музей. Так Заморёново присоединилось к десятку других усадеб вокруг Москвы, которыми владел Герман Довлатович Рыков, а потом его «преемник» Марат Феликсович Меринов.

Глубокой ночью семнадцатого августа к воротам в сплошном бетонном заборе, окружавшем усадьбу Заморёново, тихо подъехала машина «Скорой помощи». Из кабины выбрался врач в белом халате, вдавил кнопку на домофоне, укрепленном слева от решётки входной двери.

– Кого ещё принесло? – спустя минуту раздался из динамика хриплый голос дежурного охранника.

– Поступил вызов, – вежливо сказал врач. – Сердечный приступ. Адрес – село Заморёново, особняк господина Меринова.

– Мы никого не вызывали.

– Разберитесь, пожалуйста. Если вызов ложный, нам нужно отметить путёвку, а то начальство не поверит, что мы выезжали сюда.

Пауза.

– Ждите.

Врач достал мобильник, набрал номер:

– Мы на месте.

– Начинаем, – отозвался Самандар, которому и звонил врач, он же Венья Соколов. – Объект?

– Прослушка молчит, никто никому отсюда не звонит.

– Начинаем, – повторил Вахид Тожиевич, пряча телефон, посмотрел на ждущие лица комиссаров. – Никто никому не звонит. Рыкова на даче нет. По докладам наблюдателей, он остался на вилле у Патриарших, но секретарша поехала сюда.

– Значит, его вообще нет на Земле, – сказал Василий Никифорович, с трудом скрывая нетерпение. – Он в «розе». У нас хороший шанс освободить Улю в его отсутствие.

– Почему ты решил, что он в «розе»? – осведомился Парамонов.

– Венья разбудил охрану, та наверняка доложила секретарше как главной управительнице, а поскольку из усадьбы никто Рыкову не позвонил, значит, он отсутствует.

– Твоими б устами да мёд пить. Что ж, более удобного случая может не представиться. Матфей не подведёт?

Имелось в виду, что Хранитель Матфей пообещал комиссарам помочь снять колпак магического заклинания, не позволяющий никому проникнуть в дом через тхабс-канал.

– Матфей – человек слова.

– Тридцать секунд на проверку экипировки.

Мужчины оглядели свои пятнистые спецкомбинезоны, проверили наличие необходимого снаряжения и оружие. Каждый взял пистолет «волк-2» с запасом обойм, нож, по две мини-гранаты «орех» и метательные пластины. В запасе у Самандара были снайперские винтовки и даже пулемёт «печенег», но готовилась не войсковая операция, а скрытная атака на усадьбу Рыкова, где пулемёты были бы лишними, да и винтовки тоже. С другой стороны, такие пулемёты были у команды Вени Соколова, но предназначались они всего лишь для шумовых эффектов. Комиссарам «печенег» были ни к чему.

– Поехали! – скомандовал Иван Терентьевич.

И комиссары нырнули в «колодец» тхабс-режима, чтобы выйти из него уже на территории атакуемого объекта.

Инна вскрикнула в последний раз и расслабленно раскинула руки, высвобождаясь из объятий любовника.

Бурно дышащий потный Вахтанг Ираклишвили лежал на ней немного, отдыхая, не отнимая рук от груди женщины, потянулся было к ней усами, но она столкнула его на кровать:

– Остынь, капитан, хорошего понемножку. Босс вернётся – в шкафу не спрячешься.

– Да что он сделает? – отмахнулся Ираклишвили, враскоряку направляясь к двери спальни. – Уволит, что ли? Пусть увольняет. Такие спецы, как я, на дороге не валяются. К тому же он наверняка догадывается, но молчит. Значит, не ревнивый.

– Иди, иди, умник, тебе думать вредно. Проверь охрану на всякий случай, а то у меня плохие предчувствия.

– Что её проверять, охрану? – проворчал капитан. – Никто к нам не сунется. Только идиот может рассчитывать чем-нибудь здесь поживиться.

Он вышел, спустился на первый этаж кирпичного особняка, перекинулся парой слов с охранником и вернулся, зашумела вода в душевой.

Инна ещё немного полежала в блаженном оцепенении, потом вспомнила, что не покормила на ночь сына пленницы, и мрачно сплюнула.

– На кой хрен она ему сдалась? Утопили бы в реке, и никаких проблем с кормлением!

Однако через минуту она всё же встала, зашла в ванную, постояла под струями душа, смывая *истому*, разглядывая себя в зеркальной стене. Отражение ей понравилось.

– Готовьтесь, мальчики, – промурлыкала она, имея в виду охранников. – Я вас всех через себя пропущу, никого не забуду.

Накинула халат, взяла в столовой молоко в детской бутылочке с соской, хотела подогреть, но махнула рукой:

– Обойдётся.

Камеры с пленниками находились в полуподвале особняка, в разных концах коридора. Их охраняли двое парней в сине-серой униформе: один читал журнал «Максим», второй курил на лестничной площадке. Увидев постоянную спутницу хозяина, он вытянулся, опустив руки по швам.

– Всё тихо, хозяйка. Пацан хныкал, теперь спит. Баба стонет, похоже, ей плохо. Может, воды дать?

– Обойдётся, – буркнула Инна. – Открой.

Охранник зазвенел ключами, открыл дверь камеры, где содержался ребёнок.

Мальчик лежал голенький на узком топчане, раскинув ручонки, изредка вздрагивая. Но стоило Инне перешагнуть порог, как он проснулся, распахнул затуманенные глазки. И столько в них было *понимания* и страдания, что секретарша Меринова вздрогнула.

– На, пей, – сунула она соску в рот малышу.

Тот ухватился за бутылку ручками, зачмокал, но вдруг сморщился и заплакал, отталкивая бутылку.

– Пей, гадёныш!

– Давайте я покормлю, – предложил охранник.

– На, – сунула ему бутылку девушка, брезгливо вытерла руки о халат. – Он весь мокрый, смени подгузник.

– Слушаюсь.

Инна вышла, услышав, как парень пробормотал: «Молоко-то совсем холодное...»

– Заткнись там!

Охранник замолчал. Перестал хныкать и ребёнок.

Второй охранник открыл дверь камеры, где сидела мать мальчика. Точнее – лежала. Глаза её были открыты, но мысль в них отсутствовала. В таком состоянии она находилась уже четвёртые сутки, не ела, не пила, дышала с трудом, но жила. Смотреть на неё было тошно, ухаживать не хотелось, и секретарша тайком била женщину по голове, надеясь, что она наконец умрёт. Однако та ещё дышала.

– Когда же ты сдохнешь, дрянь?! – вполголоса проговорила Инна, прислушиваясь к стонам, изредка вырывавшимся из раскрытых пересохших губ пленницы. – Остохренело за тобой смотреть!

Она примерилась ударить пленницу кулаком в висок, но в этот момент в камеру заглянул охранник, протянул мобильник:

– Вас.

– Кто?

– Дежурный на воротах.

Инна поднесла трубку к уху:

– Что там ещё?

– Подъехала «Скорая помощь», врач утверждает, что от нас поступил вызов.

– Пошли его на...

– Слушаюсь. Он просит расписаться в путёвке, что вызов ложный.

– Ну так распишись.

Инна сунула мобильник охраннику, посмотрела на пленницу, поколебалась немного, но всё же ударила по голове, процедив сквозь зубы:

– Утром я тебя урою, стерва!

В коридоре ей вдруг стало холодно. Запахнув халат, она прислушалась к себе и поняла, что это – сигнал тревоги, интуиция подсказывала скорое изменение обстановки, связанное с визитом «Скорой помощи», и надо было принимать срочные меры.

Инна взбежала наверх, позвала охранника на входе в особняк:

– Объяви тревогу! К нам гости!

– Чего? – удивился парень.

– Пасть закрой! Все на периметр! Живо!

Охранник изменился в лице, поднёс к уху рацию, но объявить тревогу не успел.

Снаружи донёсся частый треск выстрелов, взрыв, за ним крики людей.

Вытаращив глаза, охранник метнулся из холла на крыльцо с колоннами, сдёргивая с плеча автомат.

Инна тоже бросилась было к себе на второй этаж, чтобы переодеться и вооружиться, однако наткнулась на двоих мужчин в пятнистых комбинезонах, внезапно возникших на её пути.

Один с ходу выстрелил в охранника, вывернувшегося из левого коридора, показал напарнику пальцем на замершую секретаршу, а сам легко взбежал по лестнице на второй этаж. Тихо хрустнул сучок выстрела, означавший, что выбежавший из душевой капитан Ираклишвили приказал долго жить.

Приятель спецназовца, профессионально держащий пистолет «волк» с насадкой бесшумного боя, бросил беглый взгляд на коридоры, и Инна с содроганием узнала в нём гостя Меринова, приходившего к главе СС в кабинет Госдумы. Это был Василий Котов, жена и сын которого понадобились Марату Феликсовичу для какой-то комбинации.

– Веди! – шевельнул каменными губами Василий Никифорович. Глаза его светились, как у кошки, и в них стыла такая жуткая ненависть, что Инна поняла – лучше не рыпаться: выстрелит не задумываясь!

Она покорно повернулась к лестнице в подвал, лихорадочно соображая, что делать. В таком незавидном положении она ещё никогда не была, и это бесило женщину, как полученная пощёчина.

Спустились в подвал здания.

Василий Никифорович почувствовал опасность, ткнул стволом пистолета в спину проводницы:

– Стой! Подзови охранников!

– Мальчики, подойдите, – проговорила Инна игривым тоном, зная, что охранники привыкли к другим командам и должны насторожиться.

– Хозяйка? – неуверенно выглянул из ниши слева парень, читавший журнал.

Тихо треснул выстрел. Во лбу парня расцвела кровавая розочка, он выронил автомат и откинулся обратно в нишу.

Второй охранник открыл огонь. Очередь легла в стену рядом с плечом Инны, та с криком присела, пряча голову:

– Кретин, ты чуть в меня не попал! Прекрати стрельбу!

Автомат смолк.

Воспользовавшись моментом, Котов нырнул вперёд перекатом, выстрелил дважды.

Охранник отлетел в глубь коридора, упал навзничь, затих.

Инна рванулась по лестнице наверх и наткнулась на второго гостя, смуглолицего, с глазами-щёлочками. Попыталась выбить у него пистолет, но не смогла, он прекрасно владел рукопашкой и одним ударом сбросил её с лестницы в коридор. Инна упала и сделала вид, что потеряла сознание.

Котов увидел приоткрытую дверь с торчащей в замочной скважине связкой ключей, метнулся туда.

Ульяна лежала на топчане с тонким матрацем, глаза её были открыты, но мужа она не видела.

– Уля! – упал он рядом на колени, дотронулся рукой до волос жены и озадаченно глянул на ладонь, испачканную кровью. – Уля!

В камеру заглянул Самандар.

– Что с ней? Жива?

– Жива... ранена... дышит, но в шоке... надо попробовать восстановить её энергетику...

– Попытайся, я найду Матвейку.

Самандар выскользнул в коридор и едва успел увернуться от удара разъярённой фурии, в которую превратилась секретарша Меринова. Не давая ему опомниться, она нанесла ещё несколько ударов в стиле «барса», и некоторые достигли цели, так как в узком пространстве коридора увернуться от них было трудно. И всё же уровень подготовки Вахида Тожиевича был намного выше, поэтому длилась спонтанная атака женщины всего пару секунд. Затем он перешёл в темп, «выпал» из поля зрения противницы и ответил змеевидным неотбиваемым ударом «рука-ветер», на «разрыве реальности», заставив женщину с криком отскочить в глубь коридора с прижатыми к груди руками.

Он мог бы вообще застрелить её, так как пистолет не выронил, но по-джентльменски пожалел.

– Лечь! Лицом вниз!

Инна покорно легла, подоткнув под себя полы халата.

– Руки! – Он достал из кармана резиновую ленту, умело перехватил запястья женщины, завязал без узла. – Лежи!

Заглянул в камеру, где Котов, держа ладони у висков жены, делал энергоперенос.

– Помочь?

– Ищи сына!

Самандар вытащил из двери связку ключей, нагнулся над пленницей.

– Где мальчик?

Инна дёрнула головой, указывая на конец коридора:

– Там...

Дверь открылась без скрипа.

Матвейка лежал на топчане, дёргая ручками и ножками, чмокал губками, будто пытался говорить, и не спал. Глаза его, умненькие, большие, были открыты. Увидев Самандара, он скривил губки, собираясь заплакать, но Вахид Тожиевич послал ему заботливо-доброжелательный раппорт, и мальчик шире раскрыл глаза, перестал кукушаться, уловив «добрую» энергетическую волну. Вахид Тожиевич подхватил его на руки (голым держали, сволочи, здесь же сыро и

холодно, запросто воспаление лёгких схватить!), вышел в коридор. И застыл, увидев направленный на него ствол автомата.

Инна стояла у лестницы, удивительным образом освободившись от пут, и даже успела завладеть автоматом убитого охранника.

Из камеры напротив ниши, где до этого сидели охранники, вышел Котов, ведя под руку Ульяну. Остановился, заметив женщину с автоматом. Халат её распахнулся, обнажая великолепную спортивную фигуру. Лицо Инны исказилось, став некрасивым, беспощадным, злым.

В воздухе повисла недолгая пауза. Потом женщина рассмеялась странным смехом, ненавидящим и торжествующим одновременно:

– Ну что, козлы вонючие, думали, я дам вам уйти? Считали себя круче всех? Да я таких крутых пачками мочила! Вы даже представить не можете, как я рада видеть вас здесь! До остервенения надоело возиться с этой парочкой мама-сын! Уж я её лупила по башке, лупила, а она как железная – дышит! Вот и пришёл конец моим страданиям. Уж не знаю, зачем они понадобились шефу, но теперь ему придётся обходиться без них. И без вас, козлы! Потому что у меня развязаны руки: напали на усадьбу вы! Ничего не хотите сказать напоследок?

Котов и Самандар переглянулись. И начали действовать.

Если бы Инна сразу открыла стрельбу, ситуация резко осложнилась бы, но она промедлила, наслаждаясь ложным ощущением победы, и этим подписала себе приговор.

Василий Никифорович обрушил на женщину мощный ментальный удар, затормозивший реакции Инны, смявший её эфирно-энергетические оболочки, сбивший с мысли. А Вахид Тожиевич, ускорившись, держа одной рукой малыша, другой достал сюрикен и бросил.

Метательная стрелка молнией прошла воздух и вонзилась точно в переносицу женщины.

Несколько мгновений она стояла с тем же мстительно-торжествующим выражением глаз, не понимая, что случилось, и тряпичной куклой упала на пол, не успев нажать на курок автомата.

В коридор с лестницы прыгнул Иван Терентьевич с «волком» в руке. В его задачу входил контроль особняка снаружи.

– Помощь нужна?

– Справились уже, – будничным тоном ответил Самандар.

– Я чую колебания эфира. Сейчас здесь будет Рыков.

– Уходим! – очнулся Василий Никифорович, обнял жену крепче и исчез вместе с ней.

Самандар придвинул к губам усик рации:

– Веня, сворачиваемся «ужом»!

– Понял, командир, – ответил Соколов. – Всё путём, потерь нет.

Самандар прижал к себе сына Котова и тоже исчез.

Последним усадьбу Рыкова-Мерина покинул Иван Терентьевич.

Вышли они не в квартире Котовых, а на запасной базе «чистилища» в Раменском, накрытой невидимым пузырьём «непрогляда».

Уля, бледная, с чёрными тенями под глазами, бросилась к Самандару, забрала сына, благожелательно взиравшего на всех и сосавшего палец.

– Надо их покормить, – сказал Парамонов. – Есть у нас горячая пища?

– Столовая ещё не работает, – виновато развёл руками Самандар, отвечающий за развёртку баз. – Могу притащить саморазогревающиеся консервы.

– Неси, я вскипачу воду и заварю чай.

База представляла собой одноэтажное строение – бывший вещевой склад воинской части, недавно расформированной, поэтому удобств здесь почти никаких не было. Пришлось разместиться в одной из пустующих комнат с решётками на окнах, где снабженцы «чистилища» недавно поставили стол и небольшой диван.

Самандар принёс консервы «Экспресс» и сгущёнку, на основе которой Ульяна сделала молочный напиток и напоила Матвейку. Парамонов заварил чай. Ульяна есть отказывалась, но Василий Никифорович всё-таки заставил жену съесть банку консервов и выпить чашку чая.

Пошёл шестой час утра, когда комиссары «СМЕРЧа» собрались в отдельной комнате на совещание, уложив измученную женщину и сына на диване. По «шатанию» ментального поля, ощущаемому всеми, было ясно, что вернувшийся в усадьбу Заморёново Рыков рвёт и мечет, пытаясь найти местонахождение обидчиков, и Посвящённые понимали, что возможности противника позволяют ему рано или поздно обнаружить базу «чистилища».

– Мы ходим по лезвию бритвы, – сказал Парамонов. – Так жить нельзя.

– Минздрав нашёлся, – хмыкнул Самандар.

– Что? – не понял Иван Терентьевич.

– Минздрав давно предупреждает, что так жить нельзя.

– Шутить изволите?

– Он прав, – негромко сказал Василий Никифорович. – Надо менять стратегию, иначе мы тут ничего не сможем сделать.

– Нужно ликвидировать Рыкова, – возразил Самандар. – Вот и вся стратегия. Все наши беды замкнуты на этого наёмника Тьмы.

– Не все.

– Но многие. А для этого мы должны каким-то образом депрограммировать Стаса и вернуть в нашу команду.

– Или уговорить Хранителей собрать Большой Собор и запихнуть Рыкова в тюрьму «розы», – добавил Парамонов.

Самандар покачал головой.

– Матфей, может быть, и согласится, но остальные Хранители на это не пойдут, они привыкли быть независимыми.

– Но и Стас добровольно к нам не примкнёт.

– Его надо заманить в один из МИРов, заставить войти в саркофаг царя Инсектов и включить программу очистки мозгов, нейтрализовать чёрный файл.

Парамонов и Котов скептически переглянулись.

– Как ты себе это представляешь?

– Ещё не думал. Можно также попросить Матфея дать нам доступ к Великим Вещам, операцию экзорцизма можно сделать как с помощью кодона, так и с помощью меркабы.

– Откуда ты знаешь про меркабу? – осведомился Иван Терентьевич.

– В библиотеку ходил. – Самандар имел в виду ментал.

– Хранители не отдадут нам Вещи, можешь не сомневаться.

– Тогда их одного за другим передушит Рыков.

– Надо уходить, – тем же негромким отрешённым голосом сказал Василий Никифорович.

Парамонов внимательно посмотрел на его худое, костистое, потемневшее лицо с заострившимся носом и пролёгшими у губ

морщинами. Можно было только представить, что пережил Котов за то время, пока его жена и сын находились в плену у Рыкова.

– Куда уходить?

– В «розу». Найдём надёжное убежище для Ульяны с Матвейкой и вернёмся.

– По «розе» рыщет Зверь.

– Он охотится на иерархов, мы ему не враги.

– Вряд ли он будет колебаться, решать, враги мы ему или нет. Мы люди, этого достаточно для приговора.

Василий Никифорович очнулся от своих невесёлых раздумий, глаза его мрачно сверкнули.

– Мы пробудем в «розе» недолго. А потом вернёмся и предъявим Герману счёт! Хватит бегать и прятаться по углам от всякой мрази! Надо поднимать Круг, объявить сбор Хранителей, Матфей поможет. Ничего, пусть Герман повоюет на несколько фронтов, мы отобьём у него охоту связываться с нами, брать в заложники наших жён и детей!

Парамонов и Самандар обменялись взглядами.

– Надо всё-таки найти Юрьева, – проворчал Вахид Тожиевич. – Если удастся уговорить его присоединиться к нам, Рыков сам сбежит в «розу».

– Я вот о чём подумал, джентльмены, – сказал Иван Терентьевич. – А почему бы нам не поискать связь с Матвеем Соболевым? Почему мы всё время обходим этот вариант?

Василий Никифорович вопросительно поднял брови, дёрнул себя за вихор на макушке.

– Но ведь он... после той встречи... ушёл...

– Он где-то в «розе», решает свои проблемы.

– А если ему удалось пересечь *Брахман*?

– Может быть, и удалось. Надо попробовать. Он-то уж точно знает, что происходит в «розе».

– Если бы он знал, что Монарх сбежал из тюрьмы...

– Зачем гадать? Давайте соберёмся вместе, позовём на помощь Матфея и выйдем на Соболева...

– А если он... вместе с Монархом?

Самандар посмотрел на Парамонова.

– Что скажешь, старик?

– Ничего. Попробовать можно.

– Но я обещал ему разобраться с Германом... – пробормотал Василий Никифорович.

– Рыков достиг уровня *Пуруши*, до которого нам ещё идти и идти. Был бы с нами Стас, проблема Рыкова не стояла бы на повестке дня. Но Стас теперь наёмник Конкере, поэтому нам нужен более мощный союзник.

– Стас не безнадёжен!

– Я и не утверждаю, что его «затмение» продлится долго, однако в настоящий момент он не на нашей стороне. Поэтому предлагаю ставить перед собой реальные задачи.

Иван Терентьевич вдруг сделал жест, заставивший всех замолчать.

Комиссары прислушались к своим ощущениям, обменялись быстрыми понимающими взглядами.

– Рыков... – начал Самандар.

– Уходим! – резко встал Василий Никифорович. – Первая остановка в «розе» – «мир А». Я заберу Улю и сына! – Он исчез за дверью.

– Может, устроим Герману тёплую встречу? – осклабился Вахид Тожиевич. – Поумерим пыл?

– Зачем?

– Уж очень хочется посмотреть на его слащаво-злобную физиономию.

– Мне этого не хочется. Забираем кое-какое снаряжение и уходим. Звони капитану, он останется здесь на хозяйстве на неопределённый срок. Пусть не связывается с Рыковым, ограничится наблюдением.

– Это и ежу понятно. – Самандар включил рацию.

Через минуту комиссары «чистилища» тесной группой покинули базу через «колодец» тхабса.

Ещё через минуту, взломав магическую защиту территории, на базе объявился Марат Феликсович Меринов. Впрочем, фигура маршала СС то и дело двоилась, из неё как бы прорастал призрачный контур апокалиптического зверя, и было видно, что Меринов-Рыков в ярости и плохо себя контролирует.

– Я вас всё равно догоню! – гулким металлическим голосом пролязгал он, обнаружив, что база пуста. – Слышите?!

Ответило иерарху Круга только недолгое эхо.

Тогда он вскинул вверх сжатый кулак, во все стороны от кулака полетели яркие фиолетово-зелёные молнии и разнесли здание запасной базы «СМЕРЧа» на мелкие обломки и дымные струи.

— Ищи их, Охотник! — прокрипел Меринов, обращаясь к сидевшему внутри него Зверю. — Ты знаешь «розу» лучше меня!

И зыбкая колеблющаяся фигура маршала растаяла в воздухе.

Глава 25

НЕ НАДОЕЛО?

В гостях у Юрьева Артур задержался всего на час с небольшим, но за это время узнал много нового об устройстве Большой Вселенной – *Брахмана*, а также о «розе реальностей», являющейся одним из вариантов-метавселенных, созданных миллиарды относительных ^[15] лет назад сущностью, которую люди знали под именем Творца.

Юрия Венедиктовича Юрьева, бывшего кардинала Союза Неизвестных России, а ныне иерарха Внутреннего Круга человечества, поселившегося в «розе», нельзя было назвать приятным собеседником. Говорил он нехотя, лаконично, образно, чаще полунамёками, иногда шутил. Однако на вопросы гостя всё же отвечал, а также показал свой мир и внутренние покои (далеко не все, разумеется) своей резиденции.

Оказалось, человек Круга, достигший высокого уровня самореализации, мог свободно выбрать одну из так называемых эксплицитных, то есть непроявленных реальностей «розы», в которых отсутствовали наблюдатели любого типа (иногда такие реальности назывались «пустыми»), и развернуть такую виртуальную реальность в имплицитную, проявленную, зависимую от его воли. Иерархи как бы становились творцами-богами развёрнутого мира, конструируя свои законы – физические и социальные, кому как нравится. И Юрьев смущённо признался Артуру, что это оказалось настолько увлекательной игрой, что он забыл обо всём на свете, даже о собственной дочери, оставшейся на Земле. Вспомнил только, когда в его реальности объявился Стас Котов, муж Марии.

Золотая башня, где жил Юрьев, представляла собой шедевр зодчества вселенского масштаба. Строители при её возведении использовали такие известные в мире принципы архитектуры, как золотое сечение, золотой вурф и фрактальная развёртка. Но когда Артур вслух выразил своё восхищение мастерством архитектора, имея в виду Юрия Венедиктовича, тот с иронической усмешкой признался, что это не его заслуга.

– Силуэт башни и все её сложные геометрические переходы я позаимствовал у Инсектов. Тебе должно быть известно, что они были и остаются непревзойдёнными архитекторами. Их замки, причём совершенно разные в силу особенностей того или иного вида, достойны восхищения и самых возвышенных эмоций. Недаром иерархи Круга приняли в своё время решение сохранить сооружения Инсектов для будущих поколений разумных существ. Кстати, не обязательно людей. Вот я и скопировал форму моего жилища у Инсектов.

– У кого именно? – заинтересовался Артур.

– Не поверишь, – улыбнулся Юрьев. – У слизней. Точнее, улиток – Пунктум сапиенс. Именно они творили столь геометрически совершенные башни, разве что чуть поменьше размерами. Я просто увеличил один из «улиточных минаретов» в десять раз.

Побродив по разным горизонтам башни и насмотревшись на разные чудеса, Артур устал и с радостью принял предложение хозяина помыться и пообедать.

Беседа продолжалась и за обедом, но Юрьев сделался рассеянным, отвечал редко, отчего Артур сделал вывод, что владыка «имплицитной реальности» спешит по делам, но ради приличия гостя не торопит.

– Спасибо за угощение, – сказал Суворов, заканчивая трапезу глотком настоящего эспresso. – Пожалуй, мне пора домой.

– Мы пойдём вместе. Твоя история меня заинтересовала. К тому же хочется навестить кое-кого из родственников и знакомых, прояснить судьбу Машки. Однако ты можешь навещать мой дом в любое время, тебя запомнят и пропустят, даже если я буду в отсутствии. Запоминай координаты.

– Как? – не понял Артур.

– Разве ты не умеешь пользоваться тхабсом?

– Умею, но... – замялся Артур.

– Это легко, надо лишь запомнить *восприятие* данного мира, тогда тхабс легко отыщет сюда дорогу.

– Я попробую...

– Сосредоточься на своих ощущениях, «растопырь» чувства, сделай усилие и запоминай.

– Кажется... я понял...

– Отлично. Поехали на Землю.

И не успел Артур опомниться, как оказался на родной планете.

Почему Юрьев местом высадки выбрал Австралию, – Артур с изумлением увидел вокруг песчано-кустарниковую плешь австралийского буша, – осталось загадкой. Видимо, у него были на это свои причины. А вот спутнику пришлось ещё раз нырять в «колодец» тхабс-режима, что он и сделал, попрощавшись с иерархом.

Его встретила приятная расслабляющая атмосфера квартиры.

Артур блаженно расправил плечи, с трудом разделся, поплескал на себя водой в ванной и рухнул на постель с чувством глубокого удовлетворения. Через минуту он уже спал.

Юрьев же в это время, проводив путешественника, направился к возвышенности, прекрасно зная местность, так как здесь находилась вторая, менее известная резиденция Хранителя Матфея. И не успел он приблизиться к отполированному песком и ветром красноватому каменному горбу, представлявшему собой замаскированный дом Матфея, как у колючего шара спинифекса возник мужчина в длинном сером плаще со стоячим воротником и в кожаной шляпе с загнутыми полями.

– Давно мы не встречались, гексарх, – сказал он.

– Очень рад видеть вас в добром здравии, господин Хранитель, – поклонился Юрьев. – Примете гостя непрощеного?

– Отчего же нет? Таким гостям грех отказывать в гостеприимстве. Каким ветром вас занесло на Землю? Неужто решили поучаствовать в местных разборках?

– Сначала хотелось бы уяснить, что здесь происходит. Давно не выходил в свет. Не откажетесь просветить затворника?

– Не откажусь. Мне самому нужна кое-какая информация. Кстати, давно вы знакомы с этим молодым человеком?

– С Артуром? Его случайно занесло в мой мир два зависимых часа назад. За ним гнался Стас Котов. Вы его тоже знаете?

– Это эмиссар Тараса Горшина, бывшего Отступника. Тарас доверил ему миссию...

– Абсолютно невыполнимую, на мой взгляд, если за этим нет другого расчёта. Артур мне всё рассказал, простая душа. Думаю, Горшин и в самом деле имеет относительно него какие-то двойные планы.

– Пойдёмте в келью, поговорим.

В основании каменного бугра, среди рёбер и рытвин возник прямоугольник входа.

Матфей и его гость вошли в него, вход закрылся.

* * *

Телефонный звонок Артур услышал не сразу. Сцапал трубку мобильного.

– Слушаю...

– Так ты дома и не звонишь? – заговорил в трубке возмущённый голос Светланы. – Обещал же пойти в магазин за снаряжением.

– За каким снаряжением? – вяло поинтересовался Артур.

– Издеваешься, да? Бессовестный! Мы же собрались на Валдай, отдохнуть в верховьях Волги, поплавать на байдарках.

Сон сняло как рукой.

– Точно, – сокрушённо вспомнил он. – Забыл! Прости гада! Я только что вернулся и отрубился, ничего не соображаю.

– Снова по «розе» бродил? И мне ничего не сказал?

– Да я...

– Эгоист! Я из-за него с подругами рассорилась, никуда не еду, а он гуляет один и в ус не дует!

– Я исправлюсь, честное слово! Через час... – он глянул на будильник, – нет, через два часа встречаемся возле сквера на Трофимова.

– Хорошо, – смягчилась она, – буду ждать.

Артур положил трубку, расслабился, закрывая глаза, потом всё-таки заставил себя встать, поплёлся в ванную, под холодный душ, чтобы вернуть утраченный душевный тонус. Ехать никуда не хотелось, но обещание, данное Светлане, надо было выполнять, за язык его никто не тянул.

В двенадцать часов с минутами он подъехал на своей «Ладе» к узорчатой ограде парка на улице Трофимова и сразу увидел Светлану в коротеньком платьице, стоящую возле троллейбусной остановки в окружении трёх парней в джинсовых шортах, в майках, с белыми повязками на бритых головах, с татуировкой на предплечьях: клубок

змей с раскрытыми пастями, крылья летучих мышей. Сначала Артур подумал, что девушка беседует со своими приятелями, потом обратил внимание на их поведение и понял, что они пытаются увлечь её с собой, оттирая от остановки, хватая за руки и подталкивая к стоящему поодаль чёрному «бумеру». Две пожилые женщины и старик на остановке с осуждением поглядывали на молодёжь, но не вмешивались.

Артур чертыхнулся в душе, не желая связываться с этой компанией, однако выбирать не приходилось, диктовали условия обстоятельства.

– Эй, парни, – вылез он из машины с мирной улыбкой на губках, – пропустите мою даму, мы спешим.

– Что ты вякнул? – обернулся один из бритоголовых, толстый, с висящим пузом. – Кати, пока тачка цела!

Артур перестал улыбаться. В душе вдруг вспыхнула слепящая ярость. В прежние времена он скорее всего разрулил бы конфликт мирным путём, путём уговоров и шуток, но он уже вкусил чувство *силы*, спасавшей его в мирах «розы», научился мгновенно оценивать возможности противника и перестал бояться «шестёрок» с непомерно раздутыми амбициями и худыми мозгами.

– Я сказал – отпустите её! – Артур пошёл на парней стеной, глаза его мрачно вспыхнули. И бритоголовые, почуввав мощь и силу путешественника, дрогнули, не выдержали психологического давления раппорта, неосознанно излучённого Суворовым.

Парень с рыжей порослью на щеках и подбородке отпустил руку Светланы. Девушка с пылающим лицом бросилась к Артуру, спряталась за его спину.

– Убирайтесь! – проговорил он гулким резонирующим басом, от которого, казалось, зашатался воздух. – Ещё раз встречу – придётся вызывать «Скорую»!

– Нет базара, братан, – развёл руками, отступая, толстяк. – Мы не знали, что это твоя тёлка. Хиляем, пацаны.

Троица метнулась к «бумеру», захлопали дверцы, машина сорвалась с места, влилась в поток автомобилей. Артур проводил её нехорошим взглядом, повернулся к подруге.

– Больше не отпущу тебя одну. Сегодня же переедешь ко мне жить. Возражения?

Светлана улыбнулась сквозь слёзы и уходящий страх.

– Ты изменился...

– Это хорошо или плохо?

– Ещё не знаю.

– Тогда садись, поедem в спорттовары. Но на Валдай отдыхать не поедem, у меня родилась идея получше.

– «Роза»? – улыбнулась Светлана.

– Есть возражения? – Он сел за руль, лихо рванул с места «Ладу». – Если нет, то я покажу тебе пару интереснейших реальностей.

– Да, ты изменился, – задумчиво кивнула Светлана, отвечая своим мыслям. – Стал более... решительным.

– Тебе это не нравится?

– Меня это пугает, – призналась девушка с улыбкой. – Но я согласна посетить миры «розы». Если бы мои подруги знали, где я была и что видела!

– Вряд ли они поверили бы тебе, вздумай ты им рассказать о своих экскурсиях. Приняли бы за сумасшедшую.

– Почему, не такие уж они и безнадёжные. Можно подумать, твои друзья отреагировали бы иначе.

– Я никому ничего не рассказывал. – Артур вспомнил Вадика. – Одному намекнул...

– И что?

– Ничего, пропустил сказанное мимо ушей, и я больше не возвращался к теме.

Подъехали к магазину «Спортмастер», выбрали рюкзаки, двухместную палатку класса «Альпинист», купили спортивно-туристические комплекты одежды, кроссовки, погрузили всё в машину.

– Пообедаем? – предложил Артур.

– С удовольствием, – простодушно кивнула Светлана, – я голодная.

В два часа сели за столик на летней веранде ресторана «Шаво» с грузинской кухней на Карамышевской набережной. Выпили по бокалу «Саперави», съели по шашлыку, остались довольны.

В начале пятого выгрузили купленное из машины, отнесли в квартиру Суворова. Светлана заперлась в ванной, включила душ,

утомлённая жарой. Артур зашёл в спальню переодеться и остановился как вкопанный, увидев стоящего у окна – руки в карманах брюк – человека в белом костюме.

– Тарас?!

– Привет, путешественник, – сказал гость рассеянно. – Извини, что я без приглашения. В последнее время я ко всем набиваюсь в гости без приглашения. Куда собираешься на этот раз?

Кровь бросилась Артуру в лицо.

– Я... мы... подумали, что...

– Понятно. Устал, поднадоело заниматься чужими проблемами, бегать от засранцев с мечами, захотелось отдохнуть, так?

Артур поискал ответ, не нашёл (был соблазн ответить сакраментальным «сам дурак»), отвернулся.

– Я не нанимался сражаться с... разными засранцами, владеющими мечами. Хотелось бы... – он осекся.

– Продолжай, – поощрил его Тарас. – Действительно, чего ты хочешь как свободная личность? К чему стремишься? Допустим, я освобожу тебя от навязанных мной обязательств, что ты станешь делать? Кому служить?

Артур внезапно успокоился, исподлобья посмотрел на собеседника, изучающего в свою очередь его лицо умными, с иронической искрой, невероятно спокойными глазами.

– Слово «служить» имеет разные оттенки... хотя, в принципе, подходит и оно. Я бы хотел служить добру и справедливости... если вы это имели в виду.

– Это два разных вида служения. Служение добру – Путь прощения и терпения, служение справедливости – Путь войн, тревог и потерь.

Артур смешался.

– Ну... не знаю... я считал, что это близкие понятия...

– Достаточно близкие, хотя и логически разделённые. Не единство и борьба противоположностей, но всё же трансцендентное объединение, требующее разных подходов. Однако не будем забивать голову пустопорожними рассуждениями. Мне нравятся люди, которые ставят цели и добиваются их, даже если эти цели оказываются впоследствии ложными. Ты же до сих пор не определился, считая, что можешь заниматься доверенным тебе делом в свободное время.

Верно? Может, вернёмся к вопросу, который я уже тебе задавал? Не надоело?

Артур открыл рот, собираясь отшутиться, но встретил оценивающий взгляд «колдуна», и на него повеяло космическим холодом. Он зябко передёрнул плечами, подумав, не бросить ли и в самом деле свои походы в «розу реальностей», раз от разу становящиеся более опасными. Но вопреки сидящему внутри авантюристу, пофигисту и лентяю (авантюризм хотелось применять по своему усмотрению, а не ради выполнения общественных поручений), некая остаточная гордость всё же снова взяла верх над рассудком.

– Вы слишком много от меня хотите... но я остаюсь.

– Что ж, ответ принят. Я не требую от тебя невозможного, хотя знаю, на что ты способен.

– На что? – мрачно осведомился Артур, прислушиваясь к плеску воды в ванной.

– Захочешь, сам разберёшься. Да и спутница поможет.

– Вы не даёте мне всей информации... мне трудно оценить, насколько я свободен в выборе...

– По-моему, я тебе всё рассказал. Какая ещё информация тебе нужна?

– К примеру, я так до сих пор и не понял, кто такой этот Конкере, Монарх Тьмы. Не могу представить, как он выглядит... и вообще...

– Монарх – это энергоинформационный сгусток, обладающий личностными характеристиками. Сущность, способная реализовываться в любом объекте «розы реальностей», в том числе и в Материнской реальности – после бегства из тюрьмы. А поскольку чужое мнение, чужие эмоции и мысли, планы и решения для него не имеют никакого значения, Конкере опасен для всей Вселенной. Потому что любит экспериментировать, изменять существующий Миропорядок, как и его предок – Люцифер. Он может zahaxнуться даже на Замыслы Создателя. Вот почему его надо остановить.

– Если его не смогли остановить Аморфы...

– Аморфам всё безразлично, из-за чего они и получили такое название. Судьбы цивилизаций и метавселенных «розы» их не волнуют. И не они когда-то упрятали Конкере в тюрьму.

– А кто?

– Страж Порядка, контролирующий соблюдение законов и принципов Творца. Соборная сущность, состоящая из многих и многих этических систем, таких как Архитектор Согласия, Воин Закона Справедливости, Книга Бездн и других.

– Они тоже... обитают в «розе»?

– Нет, они проявляются тогда, когда наступает потребность в их проявлении – через носителей духа, носителей психики, людей, духовно развитых и ответственных. Но я заболтался. Прощай, увидимся позже.

– Вы только за тем и приходили? – Артур выдавил кривую улыбку. – Чтобы наставить меня на путь истинный?

– Ах да. – Тарас протянул руку. – Дай-ка Свисток.

– Зачем?

– Не задавай ненужных вопросов.

Артур достал «берестяную» палочку с дырочками.

Тарас взвесил её в руке, глянул как-то по-особому, и «свирель» засветилась нежным розовым светом, сделалась прозрачно-огненной, затем снова обрела прежние размеры и вид.

– Держи.

– Что вы с ней... с ним сделали?

– Проверил на вирусы.

Тарас помахал рукой, и его не стало.

В спальне появилась завёрнутая в махровое полотенце Светлана.

– С кем ты разговаривал?

Артур очнулся, спрятал в карман Свисток, создающий впечатление шевелящейся живой твари.

– Кажется, отдыхать нам не придётся.

– Что случилось? У тебя кто-то был? Я слышала голоса.

– Тарас заходил.

– Опять? – поняла девушка, оживляясь. – Колдун?

– Тарас не колдун... вернее, он маг, иерарх Круга, отвечающий за службу безопасности «розы»... если только я правильно его понял.

– Он тебя ругал?

– Не ругал, но... я должен выполнить миссию, ради которой мне и подарили дополнительные умения и знания.

– Я пойду с тобой!

– Это невозможно, Светик. Я не стану рисковать твоей жизнью.

– Я пойду с тобой! И не возражай, обузой я не буду. У меня первый разряд по бегу, я умею стрелять, ставить палатку, готовить...

– Вышивать крестиком, – засмеялся Артур, – мыть полы.

– Издеваешься? – сдвинула брови Светлана.

– Ты идеальная спутница, и всё же я не могу взять тебя с собой. Мне надо нырнуть в прошлое на миллиарды лет, отыскать Предтеч и попросить их помочь справиться с Монархом Тьмы. Экспедиция опасна и непредсказуема. Поэтому ты останешься ждать меня дома.

– Никогда! Без меня ты пропадёшь!

Артур заколебался. Одному скитаться по прошлым временам не хотелось.

– Ты пожалеешь...

– Никогда! Значит, ты берёшь меня с собой?

– Собирайся, – махнул он рукой. – Иначе не отстанешь. Только потом не хнычь.

– Ура! – Светлана бросилась к нему на шею, поцеловала, и ему пришлось ответить тем же.

Через час они критически оглядели друг друга: новые походные костюмы сидели отлично, не жали и не стесняли движения, рюкзаки за плечами превращали их в туристов, знающих толк в экстремальных походах, а тёмные очки придавали «крутости».

– Всё взяли? – задал сам себе вопрос Артур.

– Чего не взяли, то и не нужно, – отозвалась Светлана.

– Может, останешься?

– Щас! – насмешливо поклонилась она.

– Тогда держись за воздух.

Артур сориентировал тхабс на преодоление бездны времён, и оба «упали» в «колодец» магического преодоления земных законов.

Обычно финиш при использовании тхабса заканчивался для Артура выходом в миры «розы» или в земное прошлое – в дневное время. На этот раз произошёл какой-то «сбой», и «туристы» выпали из «колодца» ночью.

Тихо ахнула Светлана.

Артур, сразу не сообразивший, что произошло, почему перед глазами не рассеивается темнота, увидел над головой звёзды и легонько сжал локоть спутницы.

– Всё в порядке, трусиха, здесь ночь.

– Где мы?

– Ты имеешь в виду конкретную местность? Не знаю. Надеюсь, я правильно объяснил тхабсу, что мне нужно. Это должно быть Подмосковье, вернее, тот район, где через миллиарды лет вырастет столица России. Но точно – это не Евразия, потому что в прошлом материки не раз соединялись и разбегались, образуя разные континенты типа Гондваны и Пангеи.

– Холодно...

Артур и сам почувствовал, что температура воздуха в точке выхода почти нулевая, да и дышалось в этом воздухе трудно: кислорода было мало, а углекислого газа и скребущих горло примесей много.

– Сейчас подкорректируем систему.

Он сосредоточился на Вишудха-чакре, управляющей тхабсом, и развернул его на полную защиту.

– Потеплело, – с недоверием проговорила Светлана. – И дышать легче... что ты сделал?

– Включил режим безопасности.

– Какой режим?

– Потом объясню. – Артур огляделся. – Предлагаю до утра устроиться где-нибудь на ночлег. Возражений нет?

– Я спать не хочу.

– Да и я тоже, – признался он. – Но ведь мы ночью ничего не увидим и никого не найдём. К тому же я не уверен, что мы вышли в нужное время.

– Тогда проще подождать рассвета.

Глаза Артура окончательно привыкли к темноте. Горизонт раздвинулся. Стали видны какие-то тёмные громады, напоминающие утёсы, оконтуренные светлыми призрачными ореольчиками. И как только Артур сосредоточил на них внимание, голову ему словно лизнул шершавый и мягкий язык огромной собаки.

Снова тихо вскрикнула Светлана, прижимаясь к спутнику.

– Ой! Кто-то смотрит на нас!

Артур напрягся, вспоминая советы Тараса, попытался заблокировать мысленную сферу невидимым слоем «психоэнергии».

«Собака» перестала «лизать» голову Суворова, удивлённо и недоверчиво посмотрела на людей, понюхала воздух, подняла лапу, собираясь потрогать необычные живые объекты – именно таковы были ощущения Артура. Он вскинул вверх руку, заставил её светиться.

Светлана вздрогнула.

«Собака задержала лапу», озадаченная поведением объекта, владеющего энергией на том уровне, который до этого момента был доступен лишь ей самой.

– Прощу прощения! – вслух заговорил Артур *шатающим* воздух голосом. – Мы пришли поговорить с вами!

При этом он усилил речь мысленно-волновым потоком, соответствующим смыслу сказанного.

«Собака» снова «понюхала» воздух, точнее, мыслеауру пришельцев, убрала «массивную когтистую лапу», зато вместо одной головы подняла целых три, превращаясь в своеобразного «Змея Горыныча».

Конечно же, глаза Артура видели другое.

Неподвижные горы и утёсы в километре от людей, стоящих в низинке между холмами, так и остались горами и утёсами, но их энергоинформационное наполнение, представляющее собой мыслесферы этих *первосуществ*, так воздействовало на мозг путешественников во времени, что те начинали видеть странные картины.

«Кто вы есть?» – бесплотным и в то же время гулким вибрирующим голосом (в мысленном диапазоне) спросила ближайшая «голова собаки».

– Мы люди, – ответил Артур. – Наша цивилизация сформируется в будущем. А вы... Предтечи? Или Аморфы? Я уже беседовал с... такими же, как вы. Или я ошибаюсь?

В голове засверкало, зашумело, родились и лопнули воздушные шарики: собеседник Артура пытался понять сказанное. Наконец, он выудил из мыслеполя человека необходимую информацию, сложил смысловую мозаику и ответил:

«Мы Камарупитва... парачикос... кто-то посреди мира... В твоём словаре нет таких понятий... приблизительное значение – Первые Думающие, обладающие способностью обходиться без определённых форм».

– Значит, я всё-таки не ошибся, вы Предтечи! Мне говорили, что вы знаете будущее и можете помочь.

«Мы не знаем будущего, мы его творим. О какой помощи ты говоришь?»

– После вас на Земле будут жить Аморфы, ваши потомки. Вслед за ними – Инсекты...

«Короче».

– Один из Аморфов – Конкере, – заторопился Артур, – проведёт эксперимент, в результате которого разум на Земле резко изменит формы. Инсекты исчезнут, станут насекомыми, а один из их видов – Блаттоптера даст начало человечеству.

«Короче».

– Да куда уж короче! – рассердился Артур. – Вот уж не думал, что вы такие нетерпеливые!

«Мы слушать твои мысли. Можешь ничего не объяснять. Говори короче».

– Это другое дело... извините. Конкере был помещён в особый мир-тюрьму «розы реальностей», но сбежал оттуда и хочет снова изменить порядок вещей. Помогите нам остановить его. Иначе изменится Материнская реальность, исчезнет наша цивилизация, а он в конце концов уничтожит и саму Вселенную.

Сверканье в голове, говор «толпы», далёкие свисточки и гудочки, напоминающие шум железнодорожного вокзала.

– Они не рассердятся? – шепнула Светлана на ухо Суворову. – Не груби им.

– Их эмоции далеки от человеческих, – успокоил её Артур. – Даже странно, что жизнь на Земле начиналась с таких удивительных существ.

«Мы проанализировать ситуацию, – заговорила вторая «собака». – Наша помощь вам не нужна. Вы справитесь сами».

– Вот те раз! – воскликнул удивлённый Артур. – За каким бы хреном меня послали к вам, если бы не было нужды?!

«Ваша разумная система не слабей, она просто не развёрнута в нужном масштабе. Вы разобщены. Вам надо объединиться по Принципу Согласия, высвобождающему большие силы».

– Объединиться не мешало бы. – Артур попытался собраться с мыслями, но мешали переполнявшие душу эмоции, растерянность,

обида и злость. – Значит, вы отказываетесь нам помочь?

– Они никогда никому не помогали, – раздался неподалёку негромкий знакомый голос. – Как и Аморфы, их дети. Ты напрасно их потревожил.

Артур и вздрогнувшая Светлана оглянулись.

На склоне холма в полусотне шагов от них на миг высветился абрис человеческой фигуры в «змеиной коже», с мечом в руке.

– Котов!

– Приятно, когда тебя узнают. А ведь я тебя предупреждал – не суйся не в своё дело, не путайся под ногами! Ничем хорошим это не кончится!

– Всё, что есть хорошего в жизни, – бледно усмехнулся Артур, – либо противозаконно, либо аморально, либо ведёт к ожирению. Ты сам-то понимаешь, что ты – зомби Монарха? Как сказал твой тесть – наёмник Тьмы.

С тихим шелестом меч в руке Стаса удлинился на два десятка метров и тут же вернул первоначальные размеры.

– Ты знаешь Юрьева?

– Встречался с ним недавно.

– Где?

Артур едва не ляпнул: «Мы же пересеклись с тобой в его реальности!» – но удержался.

– Какая разница? Вряд ли ему будет приятна встреча с зятем, погубившим дочь. Ведь твоя жена погибла?

Меч снова устремился к Артуру, но он уже активировал тхабс и нырнул вместе с подругой в канал хроноперехода, который исправно перенёс обоих в мир Юрия Венедиктовича Юрьева.

Иерарх не обманул.

Сторожевые системы его изумительной красоты жилища узнали путешественника и беспрепятственно пропустили внутрь башни-минарета.

Глава 26

VERSUM EQUILIBRIUM

Предложенный Матфеем напиток из австралийского кактуса лофофора мескалинго оказался настолько вкусным и освежающим, что Юрий Венедиктович попросил ещё стакан.

– Могу дать рецепт, – предложил Хранитель, расположившийся на деревянном стуле, в отличие от гостя, занявшего мягкое кресло.

– Запишу, – кивнул Юрьев, наблюдая за тем, как кувшин с напитком поднимается в воздух, наливает в стакан прозрачно-зелёную жидкость и возвращается на место.

Стакан так же плавно поднялся в воздух, подлетел к гостю. Юрьев подхватил стакан, сделал глоток.

– Я тоже иногда изобретаю всякие напитки, но такого не пробовал.

– Можно и мне попросить этого славного наркотика? – раздался из воздуха вежливый баритон.

– Заходите, Граф, – спокойно проговорил Матфей, давно почуявший ментальное «щупальце», запущенное в жилище сторонним наблюдателем.

Посреди кельи Хранителя, представлявшей собой нечто среднее между спальней, кухней и кабинетом, где стояли полки с книгами, стол, стулья, кровать, два кресла и кухонный комбайн, проявился светлый силуэт гостя, приобрёл цвет, плотность и форму.

– Доброе утро, джентльмены, – сказал Тарас, прижимая руку к сердцу. – Прошу прощения за вторжение. Однако ситуация требует совета.

– Садись, – кивнул на кресло Матфей.

Тарас откинул полы белого пиджака, сел.

Повторилась процедура магического разлива напитка: кувшин всплыл над столом, налил в стакан (прилетевший из кухонного шкафчика) жидкости, тот подлетел к гостю. Тарас сделал глоток, посмаковал:

– Да, это мескалинго. Очень старый рецепт, сейчас уже и не сыщешь тех, кто его знал. Не рассол, конечно, однако тоже хорошо. –

Он посмотрел на Юрьева. – Какими судьбами, господин гексарх? Спасаетесь от Зверя?

Юрий Венедиктович улыбнулся.

– Зверь мне практически не страшен. Это мощная, но недостаточно вариативная и масштабная программа.

– Ну, не скажите, Зверь уже многим доказал, что он далеко не так прост, как кажется. К тому же у меня появились определённые опасения, что он получил доступ к Материнской реальности.

Иерарх и Хранитель с одинаковым недоверием посмотрели на бывшего учителя и спутника Матвея Соболева.

– Вы шутите? – шевельнул бровью Юрьев.

– С ним встречался Рыков и, похоже, перенёс файл сущности Зверя в свою психику. В таком виде Зверь может пересекать границы «розы». В связи с этим у меня есть к вам обоим просьба.

– Слушаем тебя.

– Надо натравить их друг на друга – Рыкова на Котова-младшего. Оба они являются наёмниками Монарха, но преследуют разные цели. Этим надо воспользоваться. Идея не моя, я случайно подслушал разговор приятелей, но хорошая. Надеюсь, Юрий Венедиктович, вы в курсе событий?

– Уже в курсе. Однако что это вам даст?

– Ни много ни мало – время. Плюс внимание Монарха. Для прояснения ситуации ему тоже понадобится время. Мы успеем подготовиться.

– К чему?

– К оборудованию новой тюрьмы для господина Конкере.

– А поконкретней? – прищурился Юрьев.

– Поконкретней не могу. Вы же знаете, озвученные планы и прогнозы сбываются редко.

– Хорошо, чего ты хочешь от нас? – проговорил Матфей.

– Предлагаю взорвать парочку МИРов.

В келье стало тихо.

Хранитель и Юрьев обменялись выразительными взглядами.

– Зачем? – поинтересовался Матфей. – МИРы – не просто сейфы для хранения Великих Вещей, они ещё и базовые элементы единой энергетической сети, поддерживающей физическую основу земной реальности. Их можно использовать и как резонаторы

психодинамического катарсиса, и как образцы идеальных геометрических структур, и как примеры иных логико-эстетических подходов к формированию жилых пространств.

– Всё это так, – кивнул Тарас, допивая напиток. – Но что важнее – потерять два-три «модуля», сохранив всю систему в целом, или ничего не трогать, но потерять всё?

– Ещё неизвестно, пойдёт ли Конкере на перестройку всей матричной реальности.

– Вы хотите рискнуть? Так сказать, посмотреть издали на то, что будет происходить? Продолжать политику невмешательства в дьявольские замыслы?

– Ты знаешь мою позицию, – спокойно сказал Матфей.

– И всё же, коллеги, – заговорил Юрьев, – уничтожать МИРЫ как-то неэтично... Найдите другой способ натравить Рыкова на Котова-младшего.

– Этот – самый действенный и быстрый. Естественно, Великие Вещи придётся из обречённых МИРов перенести в другие «модули». В конце концов можно будет впоследствии воссоздать уничтоженные МИРЫ в материале, сохранив их голографические копии.

Матфей задумался.

Юрьев покачал головой, с любопытством рассматривая невозмутимое лицо Горшина.

– Вы действительно возглавляете службу безопасности «розы», Граф?

– Скажем так – временно исполняю ещё и обязанности начальника этой службы.

– Раньше этим занимался декарх Александр.

– Всё изменилось, отшельник, пришла пора менять условия существования Матрицы и её отражений в «розе». Итак, судари мои, я могу надеяться на вашу помощь?

– Я подумаю, – сказал Матфей. – Но ничего не обещаю. Не все Хранители понимают, что происходит на самом деле. Их надо убедить.

– Хорошо, я оставлю звоночек для связи. – Тарас, как фокусник, сжал пальцы в кулак, растопырил, и в его ладони возник маленький полупрозрачный шарик. Шарик слетел с ладони Горшина, опустился на блюдечко перед Матфеем.

– До встречи, друзья.

Кресло, в котором сидел гость, опустело.

Юрьев и Матфей молча смотрели на шарик, думая о человеке, ставшем когда-то учителем и ближайшим помощником аватары – Матвея Соболева.

– Вы действительно собираетесь ему помочь? – спросил Юрьев рассеянно.

– У меня нет выбора, – грустно усмехнулся Хранитель. – А вы по-прежнему предпочитаете политику нейтралитета?

– Ещё не знаю, – улыбнулся в ответ Юрий Венедиктович почти так же грустно. – Если моя дочь погибла...

– Нет смысла вмешиваться, так?

– Совершенно верно. А если она жива, но находится в плену у Конкере...

– Боюсь, надо готовиться к худшему варианту. Обе «половинки души» инфарха – Светлада и Светлана – сейчас находятся в «виртуально-несвязанном» состоянии, то есть не привязаны к носителям, а это говорит о том, что...

– Ни Машки, ни Кристины, жены Соболева, нет в живых?

– Вероятнее всего. Хотелось бы ошибаться. Есть шанс... мизерный... не всё так просто и однозначно... но он мал.

– Я всё понял, мастер. Мне тоже надо о многом подумать. Навещу кое-кого из старых приятелей и позвоню вам вечером. И вот ещё что... – Юрьев помолчал. – Вам не кажется, мастер, что Граф чего-то не договаривает?

– Не кажется, – скупое усмехнулся Хранитель. – Он многого не договаривает. Служба такая.

Юрьев засмеялся и, не вставая с кресла, исчез.

* * *

Марат Феликсович вернулся из похода по «розе» в отвратительном настроении.

Погоня за Посвящёнными, осмелившимися бросить ему вызов, освободившими заложников и убившими ближайших помощников – секретаршу и Вахтанга Ираклишвили, не удалась. Котов-старший со товарищи исчезли, растворились в пространствах Вселенной, и даже

Зверь, «собаку съевший» на охоте за иерархами и знавший «розу реальностей» как свои пять пальцев, не смог сразу обнаружить след беглецов. Поэтому Меринов, пометавшись по «лепесткам розы» и слегка поостыв, оставил там «охотничью часть» Зверя и злой как чёрт вернулся домой. В душе он поклялся страшно отомстить обидчикам, ничуть не сомневаясь, что легко справится с ними при любых обстоятельствах. К тому же у него теперь появился дополнительный козырь – бывший Ликвидатор, он же Истребитель Закона, а ныне Зверь, жаждущий крови иерархов, обладавший немалым психоэнергетическим запасом.

Тем не менее, чтобы успокоиться, Марат Феликсович проник в опечатанное спецслужбами помещение лаборатории, самолично запустил «Большой глушак» и поверг в шок чуть ли не половину Москвы, отсосав энергию у всех пассажиров наземного транспорта. В результате произошло множество автоаварий, в том числе со смертельным исходом, потому что многие водители потеряли сознание прямо за рулём. Естественно, Управление «пси» ФСБ тут же занялось расследованием этого беспрецедентного психофизического нападения, уже имея опыт работы с психотронным оружием типа суггесторов «удав» и «пламя». Однако это обстоятельство Меринова не беспокоило, противника в лице российских спецслужб – и мира в целом – он не видел.

Девятнадцатого августа, в пятницу, после обеда, он решил вновь заняться МИРами с целью захвата хранившихся в них Великих Вещей. Узнав, что под Парижем, в «модуле иной реальности» – замке царя Гемиптеров, «клопов разумных», хранится Инфран, называемый иерархами Искателем Тьмы, Рыков направился во Францию.

МИР, созданный Гемиптерами, располагался под Трафальгарской площадью столицы Франции, на глубине двухсот метров. Его форма слегка напоминала двух вставших на задние лапки и обнявшихся клопов. С другой стороны, это было совершенное произведение искусства, шедевр архитектуры, и у наблюдателей, в том числе и у Меринова, не возникало чувство отторжения и неприятия, несмотря на мерзкий облик кусачих потомков Гемиптеров – клопов.

Марат Феликсович обошёл стометровой высоты замок царя Инсектов, светящийся по всей массе угрюмым вишнёвым светом, принялся к тонкополевой ауре подземелья. Аура ему не

понравилась. Недавно в пещере побывал кто-то из Посвящённых Внутреннего Круга и оставил неприятный след, сигнализирующий об опасности. Однако что это за след, определить сразу не удалось.

Меринов вошёл в состояние *самадхи*, позволяющее контролировать пространство подземелья на всех психоэнергетических уровнях, постучал в стенку замка кулаком, заставив его вибрировать.

– Габриэль, выходи! Я знаю, что ты меня видишь.

– Я с предателями и убийцами не общаюсь, – раздался под куполом пещеры глухой бас; говорили по-французски.

Меринов улыбнулся, перешёл на французский:

– Можешь не общаться и впредь. Мне нужен Инфран. Открой к нему канал и живи как жил.

– Ни за что!

– Уговаривать не буду. Сначала я убью твою жену, потом детей, потом родственников. Тебя не трону, ты и сам повесишься, зная, что стал причиной гибели всей семьи. Устраивает тебя такой исход нашей беседы?

– Ты мерзавец!

– Это ещё слабо сказано, – осклабился Меринов. – Даю не размышление минуту. Мне некогда с тобой рассусоливать. Если дорожишь жизнью близких, соглашайся, нет – я начну их «мочить». И будь уверен – я это сделаю.

Невидимый собеседник Меринова замолчал.

Марат Феликсович демонстративно поднёс к глазам руку с часами.

Минута прошла.

– Не слышу ответа.

Кто-то вдруг тихо рассмеялся.

Меринов с недоумением поднял голову, чувствуя странные колебания пси-поля в пещере.

– Габриэль, если ты вздумал шутить со мной...

– Чёрта лысого ты получишь, а не Инфран! – донёсся чей-то голос – не Хранителя! – Прощай, ублюдок!

В следующее мгновение замок Гемиптеров взорвался!

Во все стороны полетели обломки стен, струи огня и дыма.

Если бы Меринов не был готов к скоростному оперированию пространством и временем, он был бы неминуемо травмирован, а может быть, и убит. Но сторож организма сработал бессознательно и быстро, и тхабс унёс маршала СС в глубины «розы реальностей», подальше от взорвавшегося замка Инсектов.

Вышел Марат Феликсович «недалеко» от Земли – на поверхности спутника Сатурна Энцелада. Почему тхабс «высадил» его именно здесь, было не совсем понятно, однако в данный момент Меринов думал о другом.

– Б...ь! – выругался он по-русски, изумлённый случившимся. – Вот б...ь, а?! Он осмелился поднять на меня руку!

Сатурн, опоясанный изумительной красоты кольцами, равнодушно смотрел на человека с неба малой планетки.

* * *

Встреча с Матфеем, координатором Схода Хранителей, заставила Хранителя Лю Чэна задуматься и пересмотреть своё отношение к происходящему в мире. Хранителем он стал недавно, всего девять лет назад, поэтому не успел привязаться к МИРу, перешедшему под его опеку после смерти старого Хранителя, знавшего ещё Лао Цзы. Да и речь Матфея, нарисовавшего удручающую картину деградации Круга, произвела впечатление. В результате всех встреч, бесед и переговоров с Матфеем и другими Хранителями, согласившимися присоединиться к эгрегору Согласия и выступить против Монарха Тьмы сообща, Лю Чэн тоже вступил в «новое братство» и приготовился выполнить предложенную ему миссию.

Девятнадцатого мая он вышел в ментал и сыграл роль испуганного адепта Круга, ищущего защиты у коллег и желающего поскорей снять с себя обязанности Хранителя.

Расчёт оказался верным.

Лю Чэна слышали не только коллеги, но и те, кому и предназначалась его мольба. Поэтому уже ранним утром двадцатого мая в МИР, расположенный под столицей Китая, заявился первый претендент на перехват Великой Вещи, хранившейся в «модуле». Им оказался Стас Котов.

Хранитель, нервно расхаживающий по залу с замком царя Инсектов – здесь стояло сооружение Анофелесов, «комаров разумных», похожее на гигантскую личинку комара, – с опаской отступил к замку с овальной дырой входа. Замок, созданный из наплывов стекловидного коричневого материала, не светился, в отличие от большинства подобных сооружений, но по его стенам змеились тоненькие световые прожилки, отчего казалось, что весь объём пещеры вибрирует и сотрясается.

– Я пришёл тебе помочь, – сказал посланец Монарха бесстрастно. – Отдай Вещь и уходи. Никто не станет тебя преследовать.

– Я не могу отдать тебе Вещь, – промямлил Лю Чэн, делая испуганное лицо.

– Почему?

– На неё уже есть претендент.

– Кто?

– Куратор Союзов Неизвестных...

– Рыков?!

– У него другое имя.

– Значит, это Рыков перебежал мне дорогу?!

– Он гарантировал мне жизнь.

– А я гарантирую смерть!

В руке Котова-младшего появился меч, лезвие которого мгновенно достигло груди Хранителя. И тем не менее он успел воспользоваться «колодцем» тхабса, растворяясь в воздухе.

А вслед за этим замок царя Анофелесов взорвался!

Стены замка треснули, в образовавшиеся щели ударили струи пламени и дыма.

Конечно, бывший оруженосец Воина Закона Справедливости не пострадал, зная приёмы защиты от любых космических катаклизмов. Но пребывал в бешенстве. Второй раз в жизни ему не только возразили, отказались сотрудничать, но буквально плюнули в лицо, и сделал это – по всем признакам – приспешник Рыкова, китаец Лю Чэн, заманивший Стаса в ловушку.

В таком настроении он стартовал из подземелья в тхабс-режиме, твёрдо наметив немедленно разобраться с маршалом СС.

Поиски Рыкова привели Стаса Котова в приёмную вице-спикера Госдумы Меринова. Не обращая внимания на охранника (ментальный раппорт привёл молодого мордастого парня в состояние ступора) и на жалобные причитания юной секретарши («Куда вы, гражданин? Марат Феликсович занят!»), даже не сменив костюм на гражданский – чешуйчатый комбинезон представлял собой защитную оболочку из магически настроенного материала, Стас вошёл в кабинет Меринова и наткнулся на светящиеся нити, опоясывающие кабинет вице-спикера по периметру. Они напоминали лазерные лучи, идущие параллельно полу, однако на самом деле представляли собой *проявленное* магическое поле, заклинание «от ворот поворот», не пропускающее к хозяину кабинета ни одно живое существо.

Меринов сидел на краешке стола, сложив руки на груди, болтая ногой, и мрачно смотрел на непрошеного гостя. Страха в его глазах не было. В них клубилась *тьма и сила* да изредка проглядывал некий призрачный зверь, хищник, «беззвучно раскрывающий клыкастую пасть».

Стас дотронулся пальцем до одного из лучей, озабоченно посмотрел на задымившийся палец.

– Кусается? – растянул губы в насмешливой гримасе Меринов. – Стой, где стоишь, не то произойдёт несчастный случай.

Котов-младший снова дотронулся до «лазерной сетки», нажал, не обращая внимания на побежавшие по ладони к локтю язычки огня и струйки дыма. «Лазерная стенка» прогнулась, но выдержала.

Стас отдёрнул почерневшую руку, лизнул, восстанавливая сгоревший слой кожи, достал меч.

Меринов перестал улыбаться, слез со стола.

– Синкэн тебе не поможет, мальчик, я всегда успею уйти. Чего ты хочешь?

– Прекрати вскрывать МИРы! Ещё раз попытаешься помешать мне, и я спущу на тебя Стаю!

Меринов иронически поднял бровь, но в речи Котова не было бахвальства и фальши, он говорил, что думал, а это означало, что хозяин дал ему очень высокие полномочия. Во всяком случае до этого никому из иерархов не удавалось подчинить себе Стаю – прайд хищных гарпий – магических птиц-драконов со старушечьими головами, некогда исполнявших личные поручения Конкере.

– Плевать я хотел на твою Стаю и на тебя лично! Это ты мне мешаешь, а не я тебе! Хозяин дал мне задание собрать Великие Вещи...

– Мне тоже!

– И я выполню задание любой ценой! Не посмотрю, что ты его эмиссар! И не надейся на свой «устранитель препятствий», у меня тоже найдётся оружие такого уровня.

– Чушь!

Меринов оскалился.

Матово-белый шкаф за его спиной рассыпался грудой стеклянных осколков, в воздух взлетели и закружились вокруг Меринова странные предметы: многосегментный браслет из тусклого металла, напоминающего серебро, ажурная пирамидка из ярко-красного материала, кинжал и пистолет с шестигранным дулом. Кроме того, на груди Марата Феликсовича просиял квадратик мандалы.

– Узнаёшь?

– Меркаба... – проговорил Стас с ноткой удивления в голосе. – Гхош... кодон... байё-вайё...

– Совершенно верно, друг мой. Так что, будем соревноваться в армрестлинге или заключим пакт о ненападении?

– Я должен передать эти Вещи хозяину...

– Обойдётся твой хозяин. Я сам их ему передам. Кстати, зачем тебе понадобилось взрывать МИР под Парижем? Хотел меня убить?

– Я не взрывал МИР под Парижем. Это ты взрываешь МИРЫ! Я только что стал свидетелем взрыва МИРа под Пекином. И взорвал его ты!

– Бред! – отмахнулся Меринов, вылавливая из воздуха рукоять меркабы. – Мне это ни к чему. Зачем бы я стал взрывать «модули» с находящимися внутри Вещами, если я их собираю?

– Ты лжёшь!

Марат Феликсович навёл ствол меркабы на гостя. Зверь в его глазах на мгновение оформился в призрачную фигуру, объявшую тело маршала, и снова спрятался в плывущей шевелящейся ауре Меринова.

– Пошёл вон!

Меч в руке Стаса призрачно-огненной струёй пронзил «лазерную» преграду, обесцветился, наткнулся на расплывшийся у груди Меринова световой зонтик. Глаза Марата Феликсовича расширились в испуге. Он

так надеялся на защиту Великих Вещей, что отреагировать на выпад не успел. Но гость не собирался его убивать.

– Прекрати переходить мне дорогу! Ещё раз взорвёшь МИР – я вернусь со Стаей!

– Да не взрывал я МИРЫ! – Меринову вдруг пришла в голову хорошая мысль. – Это твой дядя их взрывает! Прячется в «розе», потом появляется и уничтожает. Так что разбирайся с ним сам.

Стас несколько мгновений не сводил с маршала злобещих *чёрных* глаз, затем исчез.

Меринов с облегчением расслабился, злобно и трусливо рассмеялся.

– Ищи своего дядю, ищи, дурачок. Мне одной заботой меньше. Глядишь, вы прикончите друг друга.

В кабинет заглянула секретарша, совсем юная, красивая, длинноногая, растерянная. До Инны ей было далеко – в деловом плане, но как любовница она вполне устраивала вице-спикера.

– Ой, где ваш посетитель?!

– Выпрыгнул в окно, – пошутил Марат Феликсович, усилием воли снимая «лазерную» защиту и возвращая висящие в воздухе Великие Вещи в невидимый силовой сейф. – Сделай кофе, Наташа.

– Сейчас принесу, Марат Феликсович.

Меринов сел за стол и вдруг трезво подумал: чёрт побери, кто же и в самом деле взрывает МИРЫ, если это не Котов-младший?

Глава 27

ЛОКОН АМПАРЫ

Возможно, погоня за ними продолжалась бы долго, не предложи Ульяна спрятаться в «мире локона Ампары». Поэтому, покинув Материнскую реальность, беглецы «свернули» с «тропы», ведущей в глубь сакуалы – системы всевозможных метавселенных – и нырнули почти на «дно розы реальностей», отделённое от *Брахмана* – вечного и неуничтожимого Абсолютного Хаоса – «тонкой» прослойкой «адовых миров».

Реальность «локона Ампары» не описать с помощью слов земных языков. В этом удивительном континууме пересекаются прошлые и будущие времена «розы реальностей», а также «эманации дыхания» *Брахмана*, Большой Вселенной, Матери-Отца всех метавселенных вроде «розы» и родины Творцов Мироздания.

Многомерное «шевеление» абсолютно разных миров и времён разной физической природы невозможно не только описать, но и воспринять, причём не только человеку ординарному, сросшемуся с телевизором, но и Посвящённому в тайны Круга. Ибо то, что глаза человеческие принимают за вспышки молний, зарницы, призрачные фонтаны и пляску огней, на самом деле является отражением и реализацией эмоций живущих в прошлом и будущем существ. А гигантские чёрные реки, пронзающие причудливые горные ландшафты, превращающиеся в потоки огненных шаров, в стаи светящихся птиц, колючие заросли и змеящиеся прозрачные дымы, на самом деле представляют собой эффекты бесед каких-то разумных исполинов. Может быть, даже Творцов Вселенных, собравшихся отдохнуть на «пикнике». И вряд ли сознание человека способно оценить и понять неподвижность и молчание многоцветной тверди, напоминающей поверхность недавно остывшей планеты, покрытой миллионами спаянных основаниями пирамид, увидеть в ней «тупики реальностей», где времена текут «под разными углами» друг к другу, образуя своеобразный бесконечный «веер миров».

Естественно, Посвящённые Внутреннего Круга, в том числе Котов-старший, Иван Терентьевич Парамонов, Самандар и Ульяна,

знали и видели больше обыкновенных людей, будучи подготовленными к восприятию иных пространств, но и они не воспринимали «мир локона Ампары» в полном объёме, «цепляя» его многомерные ландшафты краешком сознания.

Вышла команда Василия Никифоровича из тхабс-канала в центре вылизанной древним взрывом котловины, окружённой отвесными дымящимися стенами. И все сразу вспомнили, как год назад именно в этом месте произошло сражение людей с воинством пентарха Удди, закодированного Монархом Тьмы. Дно этого гигантского колодца, проделанного в континууме «локона Ампары» деструктурирующими заклинаниями, так и осталось гладким, расплавленным магическим огнём, усеянным остатками армии Удди. Эта армия включала в себя когда-то и гигантских насекомых – от многоножек до тараканов, и других монстров, живущих во множестве миров-«лепестков» «розы реальностей».

– Такое впечатление, будто бой закончился вчера, – нарушил молчание Иван Терентьевич, разглядывая проломленные и разбитые вдребезги хитиновые панцири погибших Инсектов. – Неуютное зрелище.

– Отвратительное! – тихо проговорила Ульяна.

Матвейка на её руках зашевелился, открыл глаза, посмотрел на вихрящуюся световую вуаль небес и снова уснул, зачмокав губами.

– Парень явно родился воином, – одобрительно кивнул на него Самандар. – Ничего не боится.

– Лучше бы он стал человеком мирной профессии, – проворчал Василий Никифорович.

– Размечтался. В наше время это невозможно, уцелеть может только человек боя, способный постоять за себя и за своих близких.

– Но ведь когда-нибудь войны закончатся? – робко возразила Ульяна.

– Конечно, – кивнул Самандар с преувеличенной серьёзностью. – Когда человечество вымрет, закончатся и войны.

– Помолчите, – сказал Парамонов, прислушиваясь к колебаниям эфира. – Сейчас не до философских диспутов.

Василий Никифорович, также ощупывающий мыслью местный ментал, вопросительно посмотрел на него.

– Что-нибудь слышишь?

– Ничего, Рыков отстал, но, если мы будем торчать здесь, как три тополя на Плющихе, нас засекут сторожевые псы, а вслед за ними явится и Герман.

– Что предлагаешь?

– Надо поискать здесь тихое местечко, заэкранироваться и отдохнуть.

Василий Никифорович окинул местность критическим взглядом.

Изредка в воздухе, то вдали, то совсем близко, проявлялись какие-то сложные полупрозрачные конструкции и тут же таяли, как дым. Континуум «локона Ампары» продолжал жить своей жизнью и не обращал внимания на гостей.

– По-моему, это и есть самое устойчивое образование здешней реальности, – сказал Самандар. – За границами колодца идёт война физических законов, ничего хорошего мы там не найдём.

– Предлагаю позвать Асата, – сказала Ульяна, державшаяся только на воле и запасе внутренней силы. – Эта программа защиты «розы» благосклонна к нам, пусть поработает во имя добра ещё раз.

– Если только её не нейтрализовал Монарх, – проворчал Самандар.

– Попробуем, – принял решение Котов.

Они объединили психоэнергетические поля, вышли в ментал, позвали сторожа границ.

Мир «локона Ампары» отреагировал на это судорожным сокращением слоистых стен колодца, по дну впадины побежали трещины, с грохотом развалилась на куски самая большая пирамида со стёсанной вершиной. В воздухе засверкали облака искр, с неба пошёл странный светящийся снег, не долетавший до поверхности впадины.

– Не слышит... – с разочарованием сказал Парамонов.

– Я же говорил, Асат уничтожен, – развёл руками Самандар.

И в этот момент гулко лопнула стена колодца, в образовавшуюся щель вырвалась струя золотисто светящейся пыли, превратилась в четырёхрукого гиганта, закованного в блистающие изумрудами доспехи.

Люди попятились.

Таким когда-то явился на свет Первочеловек, вылупившийся из вида Блаттоптера в вид хомо сапиенс. Только этот гигант был в сто раз больше.

– Удди?! – прошептала Ульяна.

Мужчины промолчали. Они помнили последнюю схватку с пентархом, также выбравшим носителем своей «проекции» форму тела Первочеловека, и были уверены, что Удди погиб. Хотя в душе каждый подсознательно готовился и к самому худшему варианту.

Однако тревожились они напрасно. Асат услышал-таки землян и поспешил на зов, приняв облик четырёхрукого рыцаря в соответствии с какими-то своими «движениями души».

– Слушаю вас, иерархи, – пробасил он гулко. – Прошу прощения за опоздание. Я теперь не сторожу границы «розы», выполняю другие задания инфарха.

– Инфарха? – удивился Самандар. – Какого ещё инфарха? Насколько нам известно, место Мастера мастеров вакантно.

– Вы ошибаетесь.

– Кто же он?

– А вот этого я не знаю, – сокрушённо покачал головой великан. – Я всего лишь исполнительная программа, не обладающая системой накопления информации. Инфарх есть, и он делает своё дело.

Земляне переглянулись.

– Это новость! – сказал Парамонов.

– И очень хорошая, – улыбнулась Ульяна. – Знать бы, кто занял место инфарха. Уж не Хранитель Матфей ли?

– Рассуждать будем потом, – очнулся Василий Никифорович. – Асат, нам нужно кратковременное убежище, помощи найти.

– Я организую необходимую структуру, но она и в самом деле будет кратковременной. Её постоянно надо будет поддерживать энергетически, а я не смогу находиться рядом с вами долго.

– Сделай, что сможешь.

Гигант приблизился к пирамиде с плоской вершиной, на которой теснились беглецы, протянул одну из средних конечностей.

– Залезайте.

Земляне устроились на ладони, Асат прижал руку к выпуклым пластинам груди, с хрустом и грохотом зашагал к трещине в стене колодца.

Дымы, возникающие и пропадающие серо-сизые крылья, чёрные струи, темнота, странное ощущение распада тел на атомы. Но вот трещина осталась позади, и по глазам людей мазнуло горячим

оранжевым светом. Горизонт распахнулся, стал виден постоянно меняющийся грандиозный ландшафт «локона Ампары» – не поверхность планеты, а бесконечный объём всевозможных плывущих взаимопроникающих структур, создающих удивительно красочные световые и геометрические эффекты. Больше всего поражали текущие в этом мире дымящиеся чёрные реки, накрытые «шубой» электрических молний.

– Ужас! – проговорила Ульяна с дрожью в голосе.

Матвейка снова проснулся, распахнул глазищи, начал вертеть головкой, разглядывая проплывающие мимо картины. Судя по всему, никакого страха он не испытывал, только интерес и любопытство.

Вдали показалось синее озеро, не меняющее очертаний по мере приближения к нему, единственная неизменная деталь среди всех изменчивых текущих ландшафтов.

– Здесь есть настоящие моря? – поинтересовался Самандар.

– Это не море, – отозвался Асат, – это Энфор, Лагерь Порядка, созданный очень давно одним из Архонтов, который останавливался здесь.

– Поподробней, пожалуйста.

– Подробней не могу, сообщаю лишь то, что заложено в моей памяти. Насколько мне известно, Лагерь был создан как форпост для проникновения в Абсолютное будущее *Брахмана*. Но смог ли Архонт осуществить свой замысел, я не знаю.

– Кем был этот Архонт? Аморфом, человеком, Предтечей?

– Одним из иерархов.

– Ну, это понятно, а конкретней?

– Я знаю только его имя – Матви.

– Оба-на! – проговорил Самандар. – Уж не Матвей ли Соболев?

– Вряд ли, – покачал головой Парамонов, озадаченный не меньше остальных. – Асат сказал – Лагерь создан очень давно, а Соболев ушёл в «розу» всего одиннадцать лет назад.

– Кто знает, что такое время и куда оно течёт? Как говорил один академик: из всех относительностей нет ничего относительнее времени. Тем более что Соболев свободно мог опуститься в прошлое на пару-тройку миллиардов лет и создать форпост.

– Странно...

– Что странно?

– Что Лагерь попадаетеся на нашем пути именно в тот момент, когда мы нуждаемся в передышке.

– Случайность.

– Может быть.

Асат побежал, по щиколотку в огне и лаве, свернул, огибая дымящийся кратер.

– Вулкан? – указал на кратер Самандар. – Или метеорит?

– Откуда здесь метеориты? – засомневался Василий Никифорович.

– Это провал во времени, – пояснил Асат. – В прошлое. А вот те скалы с фонтанами – выбросы в будущее. Мы всё время идём по взаимодействующим временам.

– Понятно, – пробормотал Иван Терентьевич. – Без тебя мы бы и шагу не смогли ступить, не провалившись в другие измерения и времена. Как же ты ориентируешься в этом хаосе?

– В меня вложена система ориентации и вся география «розы», иначе я не смог бы сторожить её границы.

– А до «адовых миров» отсюда далеко?

– Один шаг.

Асат действительно сделал один широкий шаг и вышел к краю озера. Но синяя гладь на самом деле оказалась не водой, а стеклом. Или материалом, похожим на синее прозрачное стекло.

– Я почему-то был уверен, что это настоящее озеро, – разочарованно сказал Самандар.

– Зачем тебе озеро? – не понял Парамонов.

– Исккупаться хочу, не люблю ходить потным и грязным.

– Потерпи немного.

– Так эта стеклянная плешь и есть Лагерь? – обратился Вахид Тожиевич к Асату. – Или его крыша?

– Лагерь создан из особо организованной субстанции, исключаяющей все виды энергетических процессов.

– Интересно, как же мы в таком случае сможем находиться внутри него? Ведь внутри нас идут те же самые энергетические процессы – химические, биохимические, электрические...

– Пока мы внутри тхабс-режима, нам ничто не грозит, – сказал Парамонов.

– Не беспокойтесь, людям в Лагере действительно ничто не грозит, – заверил всех Асат. – Здесь уже отдыхали земляне.

– Кто?! – в один голос воскликнули Василий Никифорович и Ульяна, подумав о Марии, жене Стаса.

– Человек по имени Юрий Венедиктович.

– Юрьев... – пробормотал Самандар. – Жив-таки наш кардинал, шатается по «розе» в поисках развлечений.

Четырёхрукий великан с пассажирами на ладони ступил на синюю поверхность «озера», и она тотчас же ожила, превратилась в самую настоящую – с виду – водяную гладь с барашками волн. Асат вошёл в эту «воду» по колено, по грудь, предупредил:

– Возможны неприятные ощущения.

– Потерпим, – буркнул Самандар.

Гигант погрузился в «воду» по плечи, окунулся с головой.

Вокруг людей прозрачной плёнкой обозначилась сфера тхабс-защиты. Синяя мгла сгустилась, стала фиолетовой, потом чёрной. Асат продолжал идти дальше, преодолевая вязкое сопротивление среды. Наконец тьма стала рассеиваться, и носильщик со своей живой ношей с тугим треском прорвались в пространство, свободное от синей субстанции.

Зал кубической формы, с закруглёнными углами, с квадратной дырой в полу и такой же дырой в потолке. Пол и потолок – синие, «стеклянные», а стены – из материала с жёлтыми, коричневыми и красными разводами, напоминающего агат.

– Здесь вы будете в безопасности, – сказал Асат, выпуская пассажиров на пол. – К отверстию в полу зала не подходите. Время существования данного объёма – около двенадцати земных часов.

– Это и есть Лагерь? – хмыкнул Самандар.

– Лагерем является вся данная локальная интрузия, то, что вы называли озером. Я сформировал лишь объём пространства с параметрами близкими земным. Прошу прощения за отсутствие удобств.

– Я думал, это апартаменты создателя Лагеря.

– К сожалению, мне они недоступны.

– Ладно, спасибо и за это.

– Прощайте, земляне.

Четырёхрукий исполин повернулся и с треском разорвавшейся оболочки резинового шара вошёл в стену зала. Исчез.

Беглецы посмотрели друг на друга.

– Уюта тут никакого, – сказал Парамонов. – Может, напряжёмся и соорудим какую-нибудь мебель?

– Из чего?

– Сделал же Асат этот зал из «агата»? Значит, и мы сможем.

Василий Никифорович встретил усталый взгляд Ульяны, перестал колебаться:

– Попробуем.

Они снова объединили индивидуальные пси-сферы, порядком истощённые в результате непрерывных энергозатрат, с усилием перешли на уровень *силсарваса-убхагья-дайака*^[16], позволяющий реализовать мыслеволевые раппорты Посвящённых в материале.

Стены зала содрогнулись.

Пол конвульсивно дёрнулся, из него вылезли прозрачные синие «глыбы льда» и превратились в кровать, диван, кресла и стол. И всё успокоилось. Ещё некоторое время земляне держались вместе, готовые к бегству отсюда в тхабс-режиме, затем расслабились.

– Отдыхаем, – сказал Парамонов, снимая рюкзак. – Есть-пить хотите?

– Пить, – слабо улыбнулась Ульяна, прижимаясь к сыну лицом. – Родной мой, всё позади! Сейчас я тебя напою.

Василий Никифорович подошёл к ней, взял Матвейку на руки.

Иван Терентьевич открыл жестянку с березовым соком, подал ему.

Самандар направился было к дыре в полу, но остановился, пригнувшись.

– Палёным пахнет...

– Не подходи, – недовольно сказал Иван Терентьевич. – Асат же предупреждал.

– Как ты думаешь, что это такое?

– Вентиляционная шахта какая-нибудь.

– Ну и воображение у вас, патриарх! – фыркнул Вахид Тожиевич. – Что же перекачивает эта вентиляция и куда?

– Прошлое в будущее.

Самандар озадаченно взялся за подбородок. Парамонов, конечно же, пошутил, но идея оказалась интересной.

– Знаешь, над этим стоит подумать.

Словно иллюстрируя слова Ивана Терентьевича, колодец в полу зала ожил.

Края дыры подёрнулись дымком, а затем из дыры с тихим свистом вырвалась струя прозрачно-лилового пламени, очертания которой смахивали на деформированное и растянутое тело человека, и втянулась в квадратное отверстие в потолке. Зал содрогнулся, стены и пол пошатались немного и успокоились.

– Что это было?! – прошептала Ульяна, покачивая на руках проснувшегося малыша.

– Явление путешественника во времени народу, – пошутил Самандар.

– Я серьёзно.

– Если гипотеза Ивана Терентьевича верна, мы и в самом деле стали свидетелями перехода объекта из прошлого в будущее.

– Разве такой переход можно увидеть?

– Вероятно, в зоне Лагеря виртуальные процессы становятся локально реализованными, визуально наблюдаемыми. Сюда бы мою аппаратуру притащить, параметры зафиксировать...

– Зачем? – полубопытствовал Парамонов.

– Ради исследовательского интереса, – усмехнулся Самандар. – Да и практического тоже. Вдруг отсюда можно будет спуститься в самый низ земной истории, встретиться с самим Творцом матричной реальности?

– Замахнулся, – ворчливо произнёс Василий Никифорович. – Нам бы наши насущные проблемы порешать.

– Порешим, – легкомысленно отмахнулся Вахид Тожиевич. – Раз мы до сих пор вместе, живы и строим планы, никакой Рыков нам не страшен.

– Оптимист...

– Это похвала или ругательство?

– Есть хорошее высказывание на эту тему, – улыбнулся Парамонов. – Оптимист – тот, кто верит, что конец света наступит после его смерти.

Улыбнулся и Котов.

– Это как раз про него.

– Шутите, шутите, если больше нечего сказать, – пробурчал Самандар. – Слабого может пинать ногами каждый.

– Тебя попинаешь.

– Всё, джентльмены, – остановил пикировку Василий Никифорович. – У нас не так много времени для отдыха. Предлагаю всем лечь спать, дежурить будем по очереди. Сначала я, потом Вахид, последним Иван Терентьевич. Возражения есть?

Возражений не последовало.

Через десять минут все спали, расположившись кто на диване, кто на кровати. Василий Никифорович посидел возле жены и сына, глядя на них с задумчивой мягкостью, потом прошёлся по залу и сел в кресло, со вздохом вытянув ноги. Ему досталось больше всех, особенно если учесть пережитый во время освобождения Ульяны страх за жизнь жены и сына. Но думал он о другом – куда направиться после отдыха и когда выбрать момент возвращения в родную «запрещённую реальность».

* * *

Асат не обманул.

Никто команду беглецов за время отдыха не потревожил. А поскольку Посвящённым достаточно было для восстановления тонуса поспать спокойно всего два-три часа, то к концу отведённого бывшим сторожем границ срока все чувствовали себя достаточно бодрыми и отдохнувшими.

– Куда теперь? – осведомился Самандар, чей исследовательский пыл так и не угас; во время своего дежурства он таки осмелился подобраться к самому краю колодца и заглянуть в него, но увидел – по его словам – только глухую черноту.

– Асат говорил, что здесь отдыхал Юрьев, – напомнил Василий Никифорович. – Давайте спросим у него, не знает ли он координаты резиденции Юрия Венедиктовича. Было бы славно остановиться у него на пару дней. Надеюсь, нам он в приюте не откажет.

Парамонов и Самандар посмотрели друг на друга, перевели взгляды на Котова.

– Допустим, мы его найдём, – сказал Иван Терентьевич. – И он нас приютит на какое-то время. Но ведь это не решит проблемы.

– Мы ему расскажем, что творится в «розе», и предложим присоединиться к нам.

– А если он откажется? – предположил Самандар.

– Вот тогда и будем коллегиально соображать, как жить дальше. Сколько времени у нас осталось до отмеренного Асатом срока? Пора уходить отсюда.

– Минут двадцать, не больше.

– Пожалуй, не грех будет обратиться к Асату ещё раз, – пожал плечами Вахид Тожиевич. – На Землю нам всё равно рановато соваться. Поживём у Юрьева.

– Если он...

– Отставить гадание на словесной гуще! – перебил Парамонова Котов. – Включаемся!

Мужчины в который раз объединили трансперсональные поля, к ним присоединилась Ульяна, и в «мир локона Ампары» полетел псиэнергетический вызов, «взбаламутивший» одновременно и весь ментал «розы реальностей».

Ждать бывшего стража границ пришлось около пяти минут.

Он действительно был занят по горло, выполняя задания нового инфарха, но всё же выкроил время, чтобы примчаться на вызов землян. На этот раз Асат принял другой облик.

Беглецы уже начали терять терпение, с тревогой поглядывая на вздрагивающие стены и конвульсии пола и потолка убежища, готового раствориться в толще «синего льда» Лагеря Порядка. Самандар даже предположил, что Асат встретился с ними в последний раз и не обязан отвечать на вызовы. А Парамонов стукнул себя по лбу ладонью, обозвав растяпой.

Все посмотрели на него.

– В принципе, может быть, ты и прав с самооценкой, – сказал Вахид Тожиевич с подчёркнутой вежливостью. – Однако что имеется в виду конкретно?

– Надо было сразу попросить его доставить нас к инфарху, – ответил Иван Терентьевич. – Решили бы все проблемы.

– В таком случае все мы растяпы, – вздохнул Василий Никифорович. – Я тоже не подумал о таком целеполагании.

– Хороша компания, – хмыкнул Самандар. – На три головы – одна мысль, да и та, как всегда, приходит не вовремя.

– Можно подумать, эта мысль твоя.

– Не отрицаю, я тоже мыслю не всегда. Привык, знаете ли, к комфортным условиям работы.

– Как сказал один старый человек: иногда я мыслю, следовательно, иногда я существую.

Внезапно весь зал заходил ходуном, будто по нему, как по мячу, ударил гигант-футболист.

Беглецы взялись за руки, собираясь активировать тхабс-канал, и в этот момент одна из стен убежища выпятилась горбом, лопнула, в зал сквозь дыру влетела огромная птица, напоминающая четырехлапого орла.

– Прошу прощения за опоздание, – гулко возвестила птица, садясь на пол и складывая крылья. – Я был далеко.

– Мы сами готовы просить прощения, – расслабился Василий Никифорович, покосившись на захныкавшего малыша. – Всего две просьбы... или одна, если она выполнима.

– Слушаю.

– Сможешь отнести нас к инфарху или хотя бы указать координаты его резиденции?

Гигант-орёл склонил голову налево, посмотрел на людей одним янтарно-светящимся глазом, в котором на миг проявилось вполне человеческое чувство снисходительной иронии. Впрочем, Котову это могло и показаться.

– К сожалению, друзья, адрес резиденции инфарха мне неизвестен. Я получаю от него распоряжения через ментал.

– Очень жаль. Передай ему при следующем контакте, что мы хотели бы с ним встретиться.

– Непременно передам.

– И ещё одна просьба, последняя: ты знаешь Юрьева, он наш... приятель... а координаты его схрона тебе известны?

– Он мне их не давал, я с ним лично не встречался, но координаты его стройки мне известны.

– Какой стройки?

– По моим данным, он строит объект наподобие «локона Ампары».

– Зачем?

– Для соединения «лепестков розы» с разными временами.

– Странное намерение...

– Юрий Венедиктович всегда отличался умом и сообразительностью, – усмехнулся Самандар. – Да и амбиции у него будь здоров!

– Отнесёшь нас на его стройку?

– Садитесь. – Орёл подставил крыло.

Земляне с некоторым трудом взобрались на встопорщившееся перьями крыло, потом на шею птице, устроились между перьями.

Асат подпрыгнул и всем телом ударился о ставшую водной гладью стену зала, заставив седоков невольно зажмуриться.

Долгое время – по их ощущениям – летели в синем сумраке сквозь желеобразную субстанцию Лагеря, поднялись над озером, в мерцающий, вспыхивающий, расслаивающийся и взрывающийся мир «локона Ампары», после чего Асат наконец смог включить свой межконтинуальный «двигатель», и люди временно ослепли. В «колодце» тхабс-режима человеческие органы чувств не работали.

Через несколько долгих минут – опять же по внутренним ощущениям пассажиров – в глаза брызнул бледный лунный свет, и птица с седоками зависла в воздухе над удивительным ландшафтом, состоящим, казалось, из одних толстых и высоких белых стен с плоскими поверхностями. Больше всего этот ландшафт напоминал фундамент грандиозной стройки, каковым, наверное, и являлся, если принять во внимание слова Асата о том, что Юрьев затеял сотворить второй «локон Ампары».

Вдали, у самого горизонта, просияла золотом тонкая тростинка, не то антенна связи, не то шпиль башни.

Асат высадил пассажиров на одну из стен, взмыл в воздух.

– Мне пора возвращаться, дальше вы сами.

– Что это за антенна? – показал Самандар на золотистую тростинку.

– Я здесь никогда не был, – признался орёл, – но по моим ощущениям, это скорее всего замок господина Юрьева. Если он дома, он вас услышит. Прощайте, земляне, удачи вам на вашем пути.

Орёл замахал гигантскими крыльями, кругами пошёл в бледно-жёлтое, с перламутровым отливом небо планеты с двумя бледными

планетными дисками (хотя, возможно, мир Юрьева планетой и не являлся), превратился в точку, исчез.

– Кого-то он мне напоминает, – пробормотал Парамонов, глядя вслед птице.

– Орла, – пожал плечами Юрьев, – разве нет?

– Нет, конкретного человека. Его речь...

– Это же мысленная речь.

– Всё равно его речь поразительно человечна. Такое впечатление, что он знает каждого из нас лично. А ведь Асат – всего лишь программа защиты границ «розы».

Василий Никифорович промолчал. Ему тоже изредка казалось, что речь Асата действительно напоминает речь знакомого всем Тараса Горшина, Графа, спутника Матвея Соболева, но, с другой стороны, Горшин, если бы захотел, мог бы встретиться с ними и в своём естественном облике, а не в образе гигантских существ.

– Потопаем пешком? – кивнул на далёкую башню Самандар. – Или позовём хозяина?

– Он должен был сам почувствовать, что у него гости.

– Молчит же.

– Придётся звать.

Однако Посвящённые не успели собраться с силами и вызвать Юрьева в мысленном диапазоне.

Совсем недалеко из воздуха проявилась ещё одна громадная птица, точнее, дракон с огнедышащей пастью и четырьмя длинными, суставчатыми, когтистыми лапами. Лишь на мгновение люди приняли эту тварь за вернувшегося Асата. Потом пришло понимание ситуации.

– Зверь Закона! – сдавленным голосом произнёс Парамонов. – Переходим в *силу* Эл!

Произошла почти мгновенная перестройка коллективных энергетических сфер небольшого эгрегора землян. Все они были воинами по опыту и складу ума и знали цену промедлению. Именно поэтому первый ментальный удар, нанесённый охотником за иерархами, был отражён, а второй они нанести ему не дали, ответив контратакой на уровне *силы* «божественного возмущения». И дракон-Зверь отлетел назад, распадаясь на несколько зыбких силуэтов, не успев защититься.

– Он слаб! – быстро сказал Самандар. – Можем добить!

– Он не слаб, – возразил Иван Терентьевич, – перед нами просто проекция Зверя, ослабленная законами местной реальности. Если появится *проявленный* Охотник, нам несдобровать!

– Надо срочно звать Юрьева!

– Раз он до сих пор не отозвался, его здесь нет.

Дракон в это время «собрал» все свои призрачно-зыбкие тела в одно, поднялся повыше, метнулся к людям.

– Уходим! – скомандовал Василий Никифорович.

И очередной псиэнергетический выпад Зверя обрушился уже на пустую стену.

Люди исчезли.

Дракон сделал круг над местом короткого сражения, вглядываясь в провалы-ущелья между стенами, заработал крыльями, поднимаясь в небо, посмотрел на далёкую золотистую тростинку. Оттуда дул странный *ветер*, ток силы и угрозы, вызывающий ощущение колоссальной мощи, и дракон предпочёл не связываться с хозяином башни. Поворочал головой, как бы прислушиваясь к чему-то, и растаял в воздухе.

Глава 28

ЩИТ И МЕЧ

Дом-башня Юрьева не только поразил воображение гостей, но и оказался настолько сложным геометрическим лабиринтом, что в нём запросто можно было заблудиться.

Артур и Светлана с трудом разобрались в его компоновке, да и то лишь после того, как сообразили позвать невидимого управляющего и тот вежливо объяснил им, на каком этаже и в каком «закоулке» многомерного сооружения располагаются комнаты отдыха, туалеты, ванн, комнаты и гостиные.

Перед началом похода у них произошёл разговор.

Артур запомнил восклицание Стаса: «Ты?!» – относящееся к Светлане, и спросил её, что это значит. Девушка широко раскрыла ясные глаза, удивлённая не столько смыслом вопроса, сколько тоном, каким он был задан.

– Не понимаю, о чём ты говоришь!

– Стас Котов тебя узнал!

– Конечно, узнал, он ведь уже видел нас вдвоём.

– Он *не так* тебя узнал!

– А как?

Непонимание ситуации Светланой было таким неподдельно искренним, что Артур смутился.

– Ну, не знаю... мне показалось, что он тебя как-то по-особому узнал... удивился даже...

– Значит, я, по-твоему, вру? – возмутилась девушка.

– Нет, я этого не говорил. – Артур пожалел, что начал разговор, но ему и в самом деле показалось странным поведение Стаса во время последнего столкновения и его необычная нерешительность, позволившая Суворову и подруге вовремя отступить.

Светлана обиделась, надув губы.

Пришлось её поцеловать, и ещё раз, и ещё, пока она не сочла инцидент исчерпанным. После этого они и направились изучать жилище Юрьева, исполненные детского, но вполне оправданного любопытства. Несмотря на то что Юрий Венедиктович уже водил

своего гостя по дому, Артур многого не увидел, поэтому интерес его к тайнам гигантского сооружения не иссяк.

В конце концов поход по огромной башне, имевшей не меньше сотни этажей, закончился в одной из гостиных, расположенной на самой вершине башни. Вид отсюда открывался широкий, но однообразный. Лишь в одной стороне, под бледным пятном светила, виднелся на горизонте искристый белый массив, похожий на айсберг. Артур даже предложил слетать к нему, используя транспорт хозяина, однако Светлана отказалась, сославшись на усталость. Тогда и он, искупавшись под вполне земным душем, расположился на удобном диване рядом с подругой и приказал управляющему принести обед.

Юрьев, как маг, владеющий процессами автотрофии, мог вообще обходиться без пищи, получая всё необходимое из воды и воздуха. Мог он питаться и «чистой» энергией. Но Артур уже знал, что Юрий Венедиктович гурман и предпочитает европейскую кухню. Поэтому в меню хозяина входили блюда немецкой, французской, английской, итальянской и чешской кухонь. Слабо в этом разбираясь, Артур в прошлый раз выбирал себе что попроще, чтобы не выглядеть провинциалом. На этот раз он заказал себе фуа-гра из гусиной печёнки, морские гребешки и трюфели на пару, зная по отзывам знакомых, что это «настоящее царское» блюдо.

Светлана выбрала греческий салат и фондю из черепашьего мяса.

На третье они заказали белый китайский чай «серебряные иглы» и мороженое.

Вопросом: откуда здесь, так сказать, на краю света, у чёрта на куличках, берутся свежие овощи, хлеб, мясо и сливки, – не задавались. В замке Юрьева работала изошрённая магия, и все блюда казались натуральными, а главное, вкусными.

После обеда у Артура выиграло мужское, да и Светлана загорелась, чувствуя бурю страсти в душе спутника. Поэтому час времени у них просто выпал из сознания, равно как и заботы о насущных делах. Потом Артур вспомнил о своём последнем поединке с Котовым, и настроение путешественника испортилось.

– Что с тобой? – заметила Света сдвинувшиеся брови Суворова.

– Я всё-таки не боец, – признался он виновато. – Чего-то мне не хватает. Да и оружия такого нет, как у этого козла – Котова.

– У тебя есть Щит...

– Дзи-но-рин не спасёт от меча Котова, да и не простой это меч, а «устранитель препятствий». От его удара нет защиты.

– Ты говорил, что Тарас мог дать тебе другой Щит...

– Их всего пять, он упросил Хранителя дать мне Дзи-но-рин, олицетворяющий «кольцо земной мощи». А есть ещё Щит Универсума – Дзюмон.

– *Рин-хэй-то-ся-кай-рэцу-дзай-дзен.*

Артур приподнялся на локте, с удивлением посмотрел на девушку.

– Откуда ты знаешь?!

– Сама не поняла, – смутилась она. – В голове вдруг возникло.

Он пожевал губами, разглядывая умиротворённое чистое лицо подруги, хотел снова завести разговор о Стасе Котове, странным образом обратившем внимание на Светлану, однако передумал.

– Тарас тоже называл длинное имя щита, но я почти ничего не запомнил. Вполне возможно, он бы нам помог.

– Так давай найдём Хранителя... как его звали?

– Иакинф.

– Найдём Иакинфа и попросим Дзюмон.

– А он нас пошлёт... куда подальше.

– Вдруг не пошлёт? Дал же он Дзи-но-рин, почему не поменяет Щит на более мощный?

Артур заколебался, не зная, стоит ли следовать совету.

И в этот момент в гостиной, где они остались после обеда (невидимые слуги убрали со стола), раздался тихий гудок.

Оба встрепнулись, оглядываясь.

– Чего тебе? – поинтересовался Артур, сообразив, что это напомнил о себе управляющий. – Хозяин вернулся?

– Посмотрите на восточную плоскость Картана.

– Куда посмотреть? – не понял Артур.

– В окно.

Суворов натянул штаны, подошёл к стеклянной стене гостиной, венчающей вершину башни, и на ребристой поверхности «стройплощадки», километрах в десяти от владения Юрьева, увидел шевелящиеся точки. Напряг зрение.

– Вот это сюрприз!

– Что там такое? – подошла к нему Светлана, торопливо застёгивая комбинезон.

- Люди! Трое мужчин и женщина... с ребёнком!
- Откуда они тут взялись?
- Спроси что-нибудь полегче. Тарас говорил, что миры «розы» могут посещать только Посвящённые Внутреннего Круга.
- Значит, это Посвящённые. А давай пригласим их сюда?
- Зачем? Может быть, это какие-нибудь мерзавцы...
- С ребёнком?
- А что, мерзавцы не рожают детей?
- Мне почему-то кажется, что они такие же беглецы, как и мы.

Артур максимально «приблизил» к себе группу незнакомцев, взгляделся в их лица. Лица ему понравились. Один из мужчин был постарше, лет шестидесяти, второй лет сорока пяти, с жёстким волевым лицом, спокойный и несуетливый, третий – смуглолицый, с усиками, был скорее всего узбеком. Женщина выглядела усталой, судя по её бледному измученному лицу, но красотой обделена не была.

– Что молчишь? – постучала Светлана кулачком по плечу Суворова.

– Вообще-то они не мерзавцы, – очнулся он. – Вроде бы нормальные люди...

– Ты согласен пригласить их к нам? – обрадовалась девушка.

Ответить Артур не успел.

Внезапно неподалёку от группы землян в воздухе проявился громадный дракон и напал на людей.

Вскрикнула Светлана, вцепляясь в локоть Артура. Он машинально потянулся к пластинке щита.

Однако вряд ли они успели бы что-либо предпринять, даже если бы управляющий замком Юрьев согласился предоставить им какой-нибудь транспорт.

Бой команды людей с хищным монстром закончился буквально через полминуты.

Он чем-то ударил их – до замка долетело слабое ментальное эхо удара (Артур его почувствовал). Люди ответили тем же (ещё один всплеск ментала). Дракона отнесло в сторону, он разделился на несколько колеблющихся призраков, а когда обрёл прежнюю форму и плотность, люди исчезли. Вслед за ними испарился и дракон.

Ещё какое-то время Артур и Светлана зачарованно вглядывались в ландшафт «фундамента стройки», надеясь, что люди вернуться, но

этого не произошло.

Артур расслабился.

– Я знаю, кто это был...

– Кто?

– Зверь Закона! Тарас рассказывал о нём. Он охотится в «розе» за иерархами.

– Жуть какая!

– Несимпатичная тварь, согласен, лучше с ней не встречаться. Знаешь что, давай действительно вернёмся на Землю и попросим у Иакинфа Дзюмон. Чувствую, он нам пригодится.

– Как скажешь, мой господин, – смиренно сложила ладошки перед грудью Светлана.

Артур засмеялся, обнял девушку, подхватил сумку и сориентировал тхабс на возвращение домой.

Переодеваться не стали. Прошлись по комнатам, приглядываясь к обстановке, не побывал ли кто-нибудь здесь из непрошенных гостей. Но всё оставалось нетронутым, чужими в квартире не пахло, и Артур снова включил тхабс, давая ему задание найти МИР под Ташкентом, контролируемый Хранителем Иакинфом.

Переход в нужную подземную полость дался неожиданно легко. То ли подсознание Артура окончательно подстроилось под его волевые внутренние раппорты, то ли активация тхабса превратилась в инстинкт, то ли кто-то подсказал ему, как находить МИРЫ по «пси-запаху» владельцев. Последняя мысль была неприятной, так как Артур не хотел подчиняться чужим командам и действовать по чужим программам, но он тут же забыл об этом, оказавшись перед замком Акарин, «клопов разумных».

Форма замка – гигантский, свернувшийся в спираль «червь» – осталась прежней, а вот светился он иначе – в сине-фиолетовом диапазоне. Артур чувствовал, что мавзолеем царя Акарин накрыт магическим заклятием и приближаться к нему опасно. Хранитель выполнил просьбу Тараса, заблокировал МИР, и теперь попасть внутрь замка не смог бы и Посвящённый.

– Зря пришли... – пробормотал Суворов.

– Какая странная форма у него... – простодушно отметила Светлана. – Совсем не похожа на клопа... – Спихватилась: – Почему зря?

– МИР заблокирован, Хранитель не согласится открыть его.

– Мы попросим.

Артур невольно улыбнулся.

– Действительно, почему бы и нет? – Он поднял вверх сжатый кулак, резко выбросил пальцы веером, как учил Тарас. – Господин Иакинф, отзовитесь!

Пальцы метнули сноп искр, с шипением разлетевшихся по пещере.

«Взгляд» замка Акарин стал тяжелее. Магическая печать начала негативно реагировать на пришельцев. Но второй раз звать хозяина МИРа не пришлось.

– Что вам нужно? – раздался знакомый глуховатый голос; говорили с небольшим акцентом.

Из стены пещеры вышел пожилой толстяк в халате и тюбетейке, смуглолицый, с глазами-щёлочками. Он глянул на Светлану, приподнял бровь, будто узнавая девушку и одновременно сомневаясь в этом.

– Простите, что нарушили ваш покой, уважаемый Хранитель, – поклонилась Светлана, толкнула спутника локтем.

– Да, извините, – очнулся он. – Мы не хотели... но нам очень нужен Дзюмон... э-э, Щит Универсума...

– *Рин-хэй-то-ся-кай-рэцу-дзай-дзен*, – добавила Светлана скороговоркой.

Хранитель снова посмотрел на неё с необычным сомнением, не торопясь отвечать.

– Мы вернём вам Дзи-но-рин. – Артур доропливо достал из кармашка на груди коричнево-зелёный кружок, похожий на подставку под пивную кружку. – Это хороший Щит, но... слабый, непрочный... мне его недостаточно.

– Зачем тебе Дзюмон?

Артур неуверенно оглянулся на спутницу.

– Понимаете, нам... мне придётся спускаться в прошлое, встречаться с... Предтечами и другими... а там на нас может напасть Зверь Закона...

Иакинф погладил пальцами подбородок, задумчиво глядя на молодого человека, снова посмотрел на Светлану. Девушка кивнула:

– Пожалуйста, доверьте нам Щит, мы его обязательно вернём.

Хранитель потоптался на месте, странно нерешительный и колеблющийся. Он явно не знал, как себя вести и что делать.

– Я понимаю... – начал Суворов.

– Хорошо, – перебил его Иакинф, забрал у Артура Дзи-но-рин. – Я дам вам Дзюмон. Если только вы его удержите. Щиты Дхармы могут носить только герои. Но если он вам не подчинится...

– Испытайте!

Иакинф пожевал губами, всё ещё пребывая в нерешительности, покачал головой и направился к замку Акарин.

Цвет свечения мавзолея изменился, стал зеленоватым. Хранитель снял с него «печать отталкивания», скрылся внутри сооружения.

Артур передёрнул плечами, криво улыбнулся.

– Я его почему-то боюсь.

– Что в нём страшного? Обыкновенный старый человек.

– Обыкновенный! – фыркнул он. – Хранители – маги очень высокого класса! И вообще он согласился дать Щит только из-за тебя.

– Не городи чепухи!

– Если бы я пришёл сюда один, он бы отказал, будь уверена. Может быть, ты ведьма в каком-нибудь поколении?

Светлана засмеялась.

– Разве плохо в наше время быть ведьмой?

– Я хочу понять...

Девушка шагнула к нему, прижала палец к губам.

– Ищи ответы, не задавая глупых вопросов, и поймёшь суть происходящего. Тебе поручили важное задание, от которого зависит, может быть, судьба Вселенной, вот и выполняй его, прикладывая все силы, через *преодоление*.

– Преодоление чего?

– Прежде всего самого себя, своих устоявшихся привычек и оценок. Это удаётся далеко не каждому, зато тот, кто достигает успеха на этом пути, становится мастером жизни.

– Миссия спасения мира мне... – Артур хотел сказать: «не по плечу», – но взгляделся в загадочно мерцающие глаза девушки и передумал. – Ладно, я постараюсь соответствовать. Но и ты...

Она опять прижала палец к его губам.

– Обо мне потом. Думай о деле.

Он поцеловал её палец, обнял, но в это время в пещере появился Иакинф. Исподлобья глянул на смущённую пару.

– Вам бы жить в довольстве и согласии, детей побольше завести... да нет в мире покоя. Возьми Щит, человек ветра, и будь достоин его. Не допусти, чтобы он попал в недобрые руки.

– Обещаю!

Артур принял из руки Хранителя ослепительно белый кружок с тонким муаровым рисунком на поверхности: вписанные в квадрат окружности и треугольники, вязь более мелких геометрических фигур, складывающихся в рунный орнамент.

– Лёгкий...

– Великие Вещи, как правило, свёрнуты по всем измерениям, кроме трёх, поэтому размеры и вес для них не главное. Сможешь открыть его?

Артур сосредоточился на созерцании фигур, поймал фокус трёхмерного восприятия картинки, и над белым кружком встала изумительной красоты объёмная световая конструкция из пересекающихся и переходящих друг в друга геометрических фигур. Одновременно руку свело, как от электрического удара, к плечу и дальше – к шее, к голове, по телу – побежала волна мелких мышечных сокращений. Лишь громадным усилием воли Артуру удалось погасить тремор мышц и удержать отозвавшийся на его мысленный приказ Щит Дхармы. При этом ему показалось, будто кто-то поддержал его под локоть.

– Он... слушается! – пробормотал Суворов с удивлением и ноткой торжества в голосе, глядя на вставшую над кружком призрачно-световую «антенну». – Вы видите?!

– Поразительно! – качнул головой Иакинф. – Впервые вижу, чтобы Щиты Дхармы подчинялись непосвящённому. Впрочем, – он с прищуром покосился на замершую Светлану, усмехнулся, – я уже ничему не удивляюсь. Отступник... э-э, диарх прав: мир кардинально изменился. Пора меняться и нам. Больше вам ничего не нужно, молодые люди?

– Нет, спасибо, – поблагодарила Хранителя Светлана.

– Тогда прощайте.

Иакинф отступил к стене пещеры, превратился в тающий призрак, исчез.

– Спасибо... – запоздало очнулся Артур.

«Антенна» над кружком Щита погасла.

– Как он работает? – заинтересовалась Светлана, разглядывая кружок.

– Тарас говорил что-то о слое высокоамплитудных осцилляций вакуума...

– Я, конечно, в будущем физик, но... – засмеялась она.

– В общем, все Щиты Дхармы формируют вокруг обладателя защитные оболочки. Понимаешь? Но если Дзи-но-рин создавал оболочку только из «тяжёлого» вещества, представляя собой «кольцо земной мощи», то универсальный Дзюмон, по идее, должен формировать защиту из всех существующих видов материи, в том числе из всевозможных силовых полей. Интересно, выдержит он удар синкэн-гата или нет?

– Не выдержит! – сказал кто-то уверенно.

Артур, за мгновение до этого почувствовавший дуновение холодного ветра, живо обернулся и не особенно удивился появлению знакомой чешуйчатой фигуры с мечом в руке.

– Котов!

– Отдай эту Вещь мне! – продолжал гость, подходя ближе; лезвие его меча то удлинялось, то укорачивалось, то распадалось на отдельные стеклянно-дымчатые ромбы. – Не испытывай судьбу!

– Как ты меня находишь?! – изумился Артур. – Это же невозможно! Никто не знал, что я буду здесь!

– Достаточно того, что ты гудишь, как трансформатор. – Стас растянул губы в пренебрежительной усмешке. – Издалека слышно.

– Что значит – гудишь? При чем тут трансформатор?

Меч устремился к груди Артура.

– Щит!

Артур облизнул губы, испытывая странное желание доказать всем, в том числе себе самому, что он – мужчина, равный среди равных. Уйти тхабс-каналом ему почему-то не пришло в голову.

– Попробуй отними!

– Я просто убью тебя, идиот!

Лезвие меча отступило, но тут же прыгнуло вперёд.

В то же мгновение на пути клинка сформировался переливчатый прозрачный зонтик, в который острие меча воткнулось, как в упругую

пластиковую плёнку. Раздался гулкий металлический звон, будто прозвонил колокол. «Зонтик» засиял золотом. Меч тоже вспыхнул ручьём зеленого пламени, задымился, но «пластиковую» плёнку «зонтика» пробить не смог.

Тем не менее удар был все же так силен, что Артура отбросило в сторону, он выронил кружок Щита и упал на колени, оглушённый, потерявший способность видеть и соображать.

Силовой зонтик – эффект сработавшего Щита Дхармы – растаял.

Стас озабоченно посмотрел на свой пульсирующий меч, вернувший прежнюю длину, перевёл взгляд на противника. Глаза его сделались пустыми, подёрнулись патиной безумия.

– Я тебя предупреждал!

Острие меча устремилось к поверженному Артуру. Но за мгновение до этого на пути меча возникла Светлана, переместившись чудесным образом сразу на десяток метров, как призрак. Глаза её тоже вспыхнули внутренним огнём, поднятые на уровне плеч руки заискрились сеточкой электрических молний.

– Не смей! – Голос девушки, неожиданно сильный и звучный, взлетел под купол пещеры, отразился от стен замка Акарин, вернулся удивительно гармоничным аккордом эха:

– Не смей... смей... мей... эй!..

Котов вздрогнул.

Меч сам собой вернулся в исходную позицию.

– Снова ты?!

– Не я – тень! – качнула головой девушка, продолжая закрывать телом зашевелившегося Артура. – Забудь!

– Я думал...

– Уходи!

Котов провёл ладонью по лицу, на котором сквозь равнодушие и безразличие ко всему на свете проступило нечто человеческое, отражение борьбы чувств.

– Я... не могу... освободиться...

– А ты попробуй!

– Он... внутри... сильнее...

– Тогда убей нас обоих!

Артур внезапно ожил, тряхнул головой, цапнул с пола кружок Дзюмона, вскочил.

– Никого он не убьёт! И Щит не получит!

Глаза Котова, в которых плавилась боль и мука, то и дело перекрываемые злобой и бешенством, снова *почернели*. И перемену в его настроении почувствовал синкэн-гата, управляемый инстинктами владельца. И всё же какие-то остатки человеческой воли задержали клинок на мгновение, и этого оказалось достаточно, чтобы Артур успел запустить тхабс.

Меч пронзил воздух, с треском вспорол стену основания замка, проделывая дымящийся шрам.

И тотчас же в пещере объявился ещё один гость, словно специально дождавшийся финала схватки наёмника Монарха с молодыми людьми.

– Похоже, не всё решает «устранитель препятствий», мой злейший друг? – раздался насмешливый голос Марата Феликсовича Меринова. – Или у тебя вовсе не синкэн, а его заменитель?

Из-за округлости нижней спирали замка вышел Меринов в пятнистом комбинезоне, руки сложены за спиной, в глазах – сомнение и вопрос, но ни капли страха.

– Почему ты их не убил, оруженосец? Кишка тонка?

Брови Котова сомкнулись у переносицы, глаза метнули молнии.

– Опять ты! Я же предупреждал: не мешай мне!

– А то что? – осклабился Меринов, не меняя позы.

– Я вызову Стаю!

– Ну так вызывай.

Котов не сделал ни одного движения, но в пещере резко похолодало, с потолка сорвалась молния и превратилась в двенадцать гигантских птиц с чёрно-красным оперением. Вместо птичьих клювастых голов птицы имели странные, «усохшие» головы, напоминающие старушечьи.

Но и Меринов не остался в долгу.

Его глаза также метнули пламя, фигура заколебалась, как отражение в воде, и разделилась на две – человеческую и фигуру гигантского зверя – полудракона-полуптеродактиля.

– Потягаемся? – ухмыльнулся Меринов, и в самом деле не испытывая страха. – Твои старушонки против моего Зверя.

Котов шевельнул рукой, и птицы метнулись вперёд...

Между тем Артур со Светланой уже приходили в себя в гостиной суворовской квартиры, куда их перенёс тхабс. Поддерживаемый подругой, он поплёлся в ванную, но на пороге остановился.

– Почему он назвал меня трансформатором?

– Ты гудишь, – слабо улыбнулась девушка.

– В каком смысле?

– Ну, или светишься...

– В ментале? – догадался он, застревая в дверях ванной, как между деревьями лось с рогами. – А ведь точно! Мне и Тарас говорил об этом, советовал учиться блокировать пси-сферу.

– Почему же ты пренебрегаешь советом?

– Потому что постоянно забываю. – Он очнулся, с подозрением посмотрел на Светлану. – Откуда ты всё знаешь?! И вообще... Котов снова удивился, когда ты пыталась защитить меня! Кто ты на самом деле? Говори!

– Шпионка кардинала.

– Я серьёзно!

Светлана перестала улыбаться, лицо её странным образом отвердело и одновременно опечалилось.

– В данный момент я... не одна. Ты готов понять?

– Что?

– Что всё гораздо сложнее, чем ты себе представляешь.

Артур поймал во взгляде девушки отблеск грустной иронии, насунился.

– Готов. Но прежде признавайся, откуда тебя знает Котов.

– Он знает не меня.

– А кого?!

– Граф тебе не рассказывал, кто такой инфарх?

– Какой Граф?

– Тарас Горшин, Граф – его... м-м... оперативный псевдоним.

– При чем тут инфарх?

– Иди мойся, потом поговорим.

Светлана подтолкнула Артура в спину, и он вошёл в ванную, сбитый с толку, включил душ. Вышел буквально через три минуты, на ходу вытирая голову.

– Мне непонятно... – слова застряли у него на губах.

В гостиной стояли... две Светланы! Одна – из плоти и крови, другая – прозрачно-светящаяся, как привидение, в белых одеждах. И эта вторая Светлана была как две капли воды похожа на незнакомку с берегов реки Джелиндукон.

– Здравсьте... – промямлил Артур, переводя взгляд с одной Светланы на другую. – Кажется, мы встречались...

– Прошу прощения за вторжение в твою личную жизнь, – тихим шелестящим голосом проговорила Светлана-«привидение»; да и не голос то был, а мыслеречь. – Так получилось, что я увидела вас в тайге и вы мне понравились.

Артур покраснел, беспомощно глянул на «живую» Светлану. Та улыбнулась.

– Познакомься, её зовут Светлена. Она – «светлая часть» духовного образа ушедшего на покой инфарха. Как и Светлада – вторая «светлая» ипостась. До этого Светлена избрала своим материальным носителем Марию, жену Стаса Котова, твоего преследователя. А когда Маша погибла, Светлена нашла меня. Теперь я её авеша. Вот почему Котов узнавал меня. Точнее, во мне он узнавал Марию. Понимаешь?

– С ума сойти! – честно признался Артур.

Обе девушки посмотрели друг на друга.

– Он поймёт, – кивнула Светлана-«привидение». – Прощай, берегиня, держись, тебе несладко придётся. И прости меня за всё. У меня просто не было другого выхода.

– Я понимаю.

Призрачная фигурка Светлены засияла сильнее. Она приблизилась к замершему Артуру.

– Я знаю, что ты до сих пор колеблешься в душе, правильно поступил или нет. Но когда-нибудь ты действительно поймёшь, что лучше стать человеком, ответственным за судьбы мира, нежели оставаться пользователем благ цивилизации. Простым смертным.

– Я уже...

– Помолчи, – сказала «настоящая» Светлана.

– Твой путь, – продолжало «привидение», – только начинается. Сможешь подняться на вершину – честь тебе и хвала.

– А если не смогу? – хрипло выдавил Артур.

Светлена улыбнулась, и была эта улыбка так чарующе светла, нежна и мудра, что он заулыбался в ответ.

– Я в тебя верю, экстремал.

– Мы в тебя верим, – добавила Светлана.

«Привидение» отступило, подняло перед собой ладонь, прощаясь с молодыми людьми, и растаяло в воздухе.

– До свидания... – запоздало пробормотал Артур, спохватился: – Ах ты, ёлки-палки, не успел спросить...

– Может, я отвечу? – подошла к нему Светлана.

– Что мне делать дальше?

Светлана положила ему руки на плечи, заглянула в глаза:

– Тебе многое дано... в том числе – от природы, надо отрабатывать.

– Снова идти на поклон к Предтечам? – криво улыбнулся он.

– Может быть, и к ним, и не только к Предтечам, а ещё выше... или ниже, смотря как посмотреть.

– Что ты имеешь в виду?

– И до Предтеч были те, кто думал и творил.

– Боги?

– Существа, достигшие вершин самореализации. Это уже люди превратили их в богов.

– А Творец? Я имею в виду того, кто создал Вселенную.

– Он – дитя иных масштабов и глубин. К тому же надо знать, какого именно Творца ты имеешь в виду. Спектр их весьма широк. Аморфы тоже Творцы в значительной мере, в том числе – Монарх Тьмы. Предтечи – Творцы. Их Отец – Создатель. Но все они – Вторые, главным был и остаётся Безусловно Первый, тот, кто сотворил Матрицу Мироздания.

– Землю?

– Земля – первый уровень этой матричной реальности.

Артур осоловело поморгал, переваривая услышанное, поднял голову.

– Ты всегда это знала, до знакомства со мной?

– Нет, все эти знания мне передала Светлана, пять минут назад.

– С ума сойти!

– Не надо.

– Сам не хочу.

Светлана засмеялась. Улыбнулся и Артур, приходя в себя.

– Столько новостей... башка кругом! Она сказала, что делать дальше?

– Идти в «розу», шуметь, отвлекать на себя слуг Монарха – Стаса Котова, Рыкова, всяких псов, монстров и мерзавцев.

– Зачем?

– Ты ещё не понял? Чтобы тот, кто заботится о сохранении «розы», успел собрать силы и остановить Монарха.

– Вот, значит, каков мой крестный путь?

– Таков был замысел инфарха.

– А разве не Тараса Горшина, то бишь Графа? По-моему, это он предложил мне «интересные приключения».

– Граф только озвучил идею инфарха.

– Страшный человек!

– Согласна.

– Куда предлагаешь отправиться на этот раз? Может быть, вернёмся в реальность Юрьева?

Светлана не успела ответить.

В гостиной похолодало, и вместе с порывом морозного ветра из воздуха выпал человек в зеленоватом чешуйчатом трико – Стас Котов. За ним появился еще один гость, в пятнистом комбинезоне.

Артур отреагировал на вторжение адекватно, несмотря на смятение чувств. Всё-таки путешествия по «многоэтажному» Мирозданию, называемому «розой реальностей» или сакуалой, не прошли для него даром, в конце концов он научился *схватывать* опасную ситуацию на лету, без включения сознания, интуитивно.

– Как вы мне надоели! – бросил он, активируя тхабс.

Спустя мгновение они со Светланой были далеко от дома, от Москвы, Земли, Солнечной системы и всей земной реальности.

Глава 29

ЗВЕРЬ ПЛЮС ЗВЕРЬ

У них ещё была возможность договориться, остановить бой, разобраться в ситуации и достичь компромисса. Но ни Стас, ни Рыков-Меринов о такой возможности даже не подумали. Оба настолько верили в свои силы, неуязвимость, непогрешимость решений и вседозволенность, что забыли о своей службе одному хозяину.

Впрочем, если Котов-младший действительно выполнял приказы Монарха, не имея собственных целей, то Рыков лишь делал вид, что подчиняется бывшему Создателю рода человеческого, имея свои расчёты и планы.

– Хочешь пари? – предложил Марат Феликсович. – Ставлю свой кодон против твоего меча, что мой Зверь уделает твою Стаю, как бог черепаху!

Котов боднул лбом воздух, и стая гарпий с визгом бросилась на дракона, выпущенного Мериновым на свободу из тайников психики.

В понимании обывателя, бой – это стрельба из всех видов оружия, взрывы, огонь, пулемётные и автоматные очереди, бомбы, снаряды, гранаты, ракеты, летящие пули, рукопашные поединки, драки с применением мечей, ножей, дубинок или без применения какого-либо оружия. Однако магический бой – это иное дело. В ход идут в первую очередь заклинания, иницирующие те или иные физические процессы, а также мыслеволевые приказы – рапорты, управляющие всеми видами полей и «тонких» энергий. Поэтому бой магических существ может быть как совсем незрелищным – умер человек или просто испарился, так и очень эффектным, с демонстрацией потоков огня, тех же взрывов, мгновенных искажений формы предметов либо с потрясающим воображение исчезновением-появлением разного рода объектов – животных, людей, стен, скал и целых горных хребтов.

Бой в пещере с МИРом Акарин между магическими тварями, олицетворяющими собой *абсолютное* Зло, созданными только для разрушения и убийства, не входил в разряд особо зрелищных, однако мощь противников была очевидна, а отсутствие огня и взрывов совсем

не означало, что они играют в военную игру. Отнюдь! Гарпии и Зверь Закона дрались насмерть!

Стая потому и называлась Стаей, что действовала как единый разумный «диффузный» организм, нападая на противника сразу со всех сторон, используя все его просчёты в обороне, уязвимые места и щели. Поэтому дракон-Зверь в первые мгновения боя получил не меньше десятка «пробоин» в защите и потерял часть лап, клыков, когтей, хвоста и крыльев.

Конечно, все эти атрибуты физического облика Зверя, проявленного в реальности в виде дракона, не имели абсолютного значения, а раны на его теле не кровоточили и не были фатально смертельными. Хотя и отражали потери дракона – *силовые*, сущностно-энергетические, снижающие его мощь, подвижность и вероятностную вариативность контратак.

Однако уже спустя сотую долю секунды Зверь проанализировал тактику врага, изменил собственную стратегию и тут же нанёс удар, сокративший численность Стаи.

Четыре его лапы (точнее – три, одна была сломана гарпиями) цапнули вёрткую гарпию и разорвали в клочья, а ещё одна визжащая тварь была перекушена пополам и проглочена.

Правда, бой на этом не закончился.

Гарпии тоже умели извлекать уроки из неудач, перестроились и снова бросились в атаку на «израненного» противника.

А вот повелители поединщиков вели себя по-разному.

Котов стоял у стены пещеры, нагнув голову, опустив руки, угрюмо наблюдая за схваткой.

Меринов же вёл себя как футбольный болельщик, азартно хлопая в ладоши или вскидывая руки над головой, когда его бойцу крепко доставалось от соперника. Он первым и начал помогать Зверю, задержав волевым рапортом опасную атаку гарпий.

К этому моменту замок Акарин был уже сильно повреждён, в стенах пещеры появились ниши, дыры и трещины, зал заполнили клубы дыма и пыли, что тем не менее не мешало бойцам сражаться, а зрителям наблюдать за боем.

Зверь-дракон скушал ещё три гарпии, взамен потеряв лапу и часть крыла.

Меринов снова вмешался в бой, подтолкнув одну из летучих тварей Стаи к пасти дракона.

Котов наконец заметил это и взялся за меч.

– Мерзавец!

– Не тебе судить! – оскалился Марат Феликсович. – У самого рыльце в пушку! Отдавай синкэн, твоя Стая проигрывает!

– Это твой Зверь проигрывает! Верни Вещи!

Меринов сделал неприличный жест, означавший: хрен тебе!

– А это не хочешь?!

Клинок меча с тугим шелестом пронзил пространство зала, наткнулся на просиявшую зелёным огнём плёнку магической защиты Меринова. Сфера защиты лопнула мыльным пузырьём, меч превратился в струю светящегося дыма и белых электрических искр, опаливших комбинезон Меринова. Он отпрыгнул в сторону.

– Полегче, приятель! Хозяину нужны мы оба!

– Ты лишний!

– Это ты лишний!

Меч снова прыгнул к Меринову, разделяясь на струю прозрачно-стеклянных ромбов.

Но в этот момент Зверь снова поймал одну из гарпий, и оставшиеся пять птиц отступили. Дракон, потерявший крылья и хвост, с рёвом бросился на них. И меч Котова, изменив направление, снёс ему полголовы.

Дракон с гулом и грохотом рухнул на пол, мотая уцелевшей частью черепа; из раны ударил в потолок фонтан оранжево светящегося дыма. Гарпии как по команде устремились к нему, начали рвать когтями и пастями его плоть.

– Ах ты, сволочь! – изумился Меринов, ошеломлённый поражением гаранта своей защиты. – Мы же так не договаривались!

По стенам зала пробежала волна искривления, с потолка на сражавшихся тварей посыпались каменные глыбы.

Котов снова взмахнул мечом, перечеркивая фигуру Меринова – и осевший замок Акарин заодно – смертоносным лезвием. Но Марат Феликсович уже давно перешёл в диапазон *сил* Элохим Гибор и превратился в магическое существо, управляющее мощными потоками энергии и реагирующее на изменение обстановки в течение миллионных долей секунды.

Он вдруг исчез – меч прочертил только воздух – и возник снова за спиной противника, олицетворяя собой демона ярости. Ударил! Весь объём пещеры *содрогнулся* от псиэнергетического импульса, зашатались стены, с потолка снова обрушились камни и целые пласты горных пород, грозя засыпать замок Акарин, а заодно и всех сражавшихся.

Котов, обладая такой же реакцией, что и противник, успел защититься силовым пузырьком *силы* Эл, но удар всё же был так внезапен и тяжёл, что бывшего оруженосца Воина Закона унесло в угол пещеры.

Меринов снова исчез и объявился через мгновение слева от Стаса, собираясь продолжить бой в метафизическом плане, обрушиться на противника всей «массой», отобрать меч и добить. Однако ему помешали.

Внезапно дымящийся, полуразрушенный замок Акарин ожил!

Пещера снова содрогнулась, но иначе – *изнутри*, будто каждый атом, каждая молекула горных пород обрели вдруг глаза и одновременно посмотрели на сражавшихся.

Затем замок потёк струями и пузырями, превратился в дышащий вибрирующий слиток жидкого стекла, приобрёл форму гигантского человеческого черепа. Глазницы черепа наполнились фиолетово-багровым свечением, и на замерших поединщиков, гарпий и покалеченного Зверя, посмотрел *некто*, гораздо более могучий, чем каждый из них.

«Остановитесь, идиоты! – раздался в головах Меринова и Котова гулкий и одновременно шипящий мыслеголос. – Что вы не поделили?!»

– Хозяин! – пробормотал Котов.

– Конкере! – изменился в лице Меринов.

Одна из гарпий сорвалась с места, сделала пируэт и атаковала израненного Зверя, но, не успев коснуться его, рассыпалась облачком сизого дыма.

«Отвечайте!»

– Он мешает мне выполнять ваши... – начал Котов.

– Я начал собирать Великие Вещи раньше! – перебил Стаса Марат Феликсович. – А он пытается...

«Прекратите выяснять отношения между собой! Вы оба служите мне! Вместо того чтобы отслеживать ситуацию и выяснять планы врага, вы занялись личными делами!»

– Я не занимаюсь... – попытался оправдаться Стас.

«Молчи, debil! Ты не однажды перехватывал эмиссара инфарха и каждый раз упускал его!»

– Вы имеете в виду этого парня, с девицей? – оживился Меринов.

«Он опасен! У него не только Щит Дхармы, его снабдили Иерихонской Трубой! Последствия её включения могут быть самыми печальными!»

– Для вас, – ухмыльнулся Марат Феликсович.

«Для всех! Немедленно отправляйтесь в погоню за ним, оба! Ещё раз посмеете устроить личные разборки, я брошу вас псам!»

– Я всё сделаю, хозяин! – поклонился Котов.

– Вообще-то я предпочитаю действовать один... – проговорил Меринов осторожно.

«Заткнись! Будешь делать то, что я прикажу! После того как вы догоните и уничтожите эмиссара, найдите МИР, в котором хранится Трансформатор. Пора его включать!»

– Но ведь вы хотели соединить все Вещи и все МИРЫ в одну систему... – возразил Котов.

«Нет времени, ищейки инфарха идут по пятам, перекрывают все пути отхода. Их надо опередить».

– Но инфарх низложен, – поддержал спутника Меринов.

«Инфарх – не личность, это *соборная* система. Враг перехитрил меня. Чем быстрее вы выполните задание, тем раньше я его уничтожу! За дело!»

Грозная сила искривила пещеру и всё, что в ней находилось. Жуткий череп – «проекция» Монарха Тьмы на МИР Акарин – начал оплывать, как стеариновая свеча, глазницы его перестали светиться, и через несколько секунд в центре пещеры образовалась многоскладчатая тускнеющая стеклянная гора, всё, что осталось от замка царя разумных клещей. Конкере вытащил своё пси-щупальце из земной реальности.

Котов и Меринов оценивающе посмотрели друг на друга.

И тот и другой остро хотели закончить «разборку», но приказ хозяина проигнорировать не решились.

– Побеседуем в другой раз, – растянул посиневшие губы в кривой улыбке Марат Феликсович.

– Обещаю! – глухо ответил Стас.

– Кстати, каким образом Щит Дхармы оказался в руках непосвящённого? Далеко не каждый иерарх способен его включить.

– Щит Суворову передал помощник инфарха.

– Что ещё за помощник? Хранитель Матфей, что ли?

– Нет.

– А кто?

– Это не имеет значения.

– Надо же знать, с кем придётся столкнуться в «розе». А какой именно Щит подарили этому малому, Суворову?

– Дзюмон.

– Недурно! – покачал головой Меринов. – Этот Щит не возьмёт, наверное, и твой синкэн.

– Посмотрим.

– Ладно, приказы хозяина надо исполнять. Где будем искать этого поганца со Щитом?

Котов задумался на мгновение, прислушиваясь к вечному шёпоту ментала.

– Он сейчас в Москве, у себя дома.

– Никак ты его пометил?

– Он «светится» в пси-диапазоне, я запомнил частоту.

– Тогда веди. Покончим с этим по-быстрому и вернёмся к своим проблемам.

– Ты должен отдать Вещи...

– Да пошёл ты! Хозяин ничего не сказал насчёт передачи, так что обойдётся. Лучше найди Трансформатор. И хватит дискутировать! У меня полно дел.

Котов смерил фигуру бывшего соперника уничтожающим взглядом, но спорить не стал, поманил пальцем поредевшую Стаю, и гарпии одна за другой растаяли в воздухе.

Тогда и Меринов позвал искалеченного Зверя.

Дракон пересталлизывать раны, превратился в призрачный силуэт и эффектно втянулся в палец Марата Феликсовича.

– Следуй за мной, – буркнул Стас, исчезая.

Через несколько мгновений оба вышли из тхабс-канала в квартире Суворова.

Однако объект погони оказался проворнее Котова и Меринова.

Не успели они определиться и отреагировать на встречу должным образом, как Суворов и его подруга исчезли.

В ярости Марат Феликсович *размазал* по квартире всю её мебель и превратил в пыль шкаф с одеждой.

Котов повёл себя сдержанней. Прошёлся по комнатам, принохиваясь, присматриваясь к деталям обстановки, нашёл женский халат, постоял в непонятной задумчивости, держа его перед собой в вытянутой руке.

— Чего остановился? — окрысился на него Марат Феликсович. — Кайф ловишь? Женских гормонов не хватает? Могу поделиться своей секретаршей.

Котов пропустил слова спутника мимо ушей.

— Я знаю, где их искать.

— Знамо дело, в «розе», только где именно? Придётся обшаривать ментал.

— Не придётся. Я встречался с Суворовым в реальности Юрьева.

— Какого Юрьева? Уж не Юрия ли Венедиктовича, бывшего кардинала?

— Он добился шестой ступени самореализации.

— Так Юрьев теперь гексарх? Растёт бывший советник президента, замах у него хороший, да и амбиции будь здоров. Значит, ты думаешь, беглецы отправились туда?

Котов отбросил халат.

— Проверим. Цепляйтесь за меня.

— Юрьев не обрадуется.

— Плевать! — И Стас включил тхабс.

Вышли преследователи в «локоне Ампары № 2», который вознамерился создать Юрьев. Глазам обоих предстала бесконечная «строительная площадка», толстые стены и фундаменты которой сливались к горизонту в ребристую «стиральную доску». Золотом просияла на горизонте тоненькая тростинка — штаб-квартира хозяина реальности.

— Я в эти края еще не забредал, — с некоторым удивлением сказал Меринов, озираясь. — Что это он здесь возводит?

– Выход, – равнодушно ответил Котов.

– Какой выход, куда?

– В *Брахман*.

– Зачем?!

– Не знаю.

Марат Феликсович с новым интересом принялся разглядывать однообразный ландшафт.

– Юрий Венедиктович всегда был не от мира сего... Кстати, в «розу» удрал и твой бывший воспитатель. Вот бы его отыскать! Сильно он меня огорчил.

Стас озабоченно сдвинул брови.

– Дядя Вася в «розе»?

– Плюс его приятели, плюс жена с дитём. Я послал за ними охотничью сущность Зверя, но что-то от него ни слуху ни духу. Поможешь найти своих родственничков липовых? Я в долгу не останусь.

Стас прошёлся по толстой белой поверхности «фундамента», думая о чём-то своём.

– Ну что, по рукам? – поторопил его Меринов.

– Они здесь, – напомнил Стас о деле.

– Кто? – не понял Меринов.

– Суворов и девчонка.

– Тьфу, чёрт! – сплюнул Меринов. – Я ему про Фому, он мне про Ерёму! Договорились, спрашиваю? Поможешь найти Котова-старшего, я отдам тебе одну из Вещей.

– Все!

– Э-э, нема разговору! – покачал пальцем Марат Феликсович. – Он того не стоит.

– Посмотрим.

– Посмотрим да посмотрим... слепой сказал: посмотрим! Ладно, подожду, пока ты отелишься. Так где они, говоришь, Суворов с девкой?

Котов ткнул пальцем в золотую тростинку на горизонте.

– Ясно. Однако, если их приютил господин Юрьев, придётся встречаться с ним самим. А мужик он крутой.

– Я вызову Стаю.

– Твоя Стая – фуфло!

– Я вызову другую Стаю.

– Тогда вызывай, иначе Юрий Венедиктович не станет с нами разговаривать, он уважает только силу.

– Вот – сила! – Стас потянул меч за рукоять.

Меринов усмехнулся.

– Что-то он у тебя больно ласковый стал. Или боишься использовать синкэн на всю мощь?

– Не ваше дело!

– Не моё так не моё, тебе видней. Итак, вызываем Юрьева или попытаемся прорваться силой? Учти, его владения наверняка защищены всякой магической хренью и системами наблюдения. Нас давно засекли.

– Выпускайте Зверя.

– Что? Зачем?

– Проверим защиту иерарха.

Меринов подумал, почесал темя, махнул рукой.

– В конце концов, почему бы и нет? Мы ничего не теряем. Но и ты в таком случае вызывай своих псов.

– Уже вызвал.

Марат Феликсович прислушался к сонной тишине местного энергоинформационного поля, скомандовал сидящему внутри «файлу» Зверя реализоваться материально и выпустил изо рта колечко огня, которое в течение секунды развернулось в гигантского четырехлапого дракона. Этот дракон как две капли воды походил на первого, покалеченного в бою с гарпиями, но так как Зверь представлял по сути бестелесную психоэнергетическую матрицу и умел восстанавливать первоначальную программу, вид он имел грозный.

Примерно теми же параметрами обладала и Стая. Только на этот раз особи Стаи выглядели не гарпиями, а гигантскими летучими мышами с кошмарными мордами. Они вынырнули из ниоткуда, закрутили было карусель над ошетилившимся драконом, но по мысленной команде Стаса успокоились и сели на стены, сложив кожисто-перепончатые крылья.

– Уточним задачу, – предложил Котов.

– Пусть разнесут этот замок вдребезги, – пожал плечами Меринов. – А мы попытаемся во время атаки проникнуть внутрь и перехватить беглецов.

Стас кивнул.

Стая тотчас же сорвалась с мест и понеслась к золотой тростинке резиденции Юрьева.

– Вперёд! – махнул рукой Марат Феликсович.

Дракон раскрыл пасть, показав два ряда кинжаловидных зубов, и устремился вслед за Стаей. Обогнал её, первым приблизился к башне владыки реальности и... налетел на серебристо вспыхнувшую плёнку, накрывшую куполом башню. Вслед за ним в эту внезапно возникшую преграду воткнулись и «летучие мыши».

Стас и Меринов переглянулись.

– «Печать отталкивания», – сказал Котов.

– Бери выше, это «заклинание горы», – качнул головой Марат Феликсович. – Такой уровень оперирования доступен лишь иерархам первой десятки. Внутрь замка Юрьева нам не прорваться даже тхабсом.

– Любое заклинание можно нейтрализовать.

–хлопотно это, – почесал затылок Меринов. – Да и связываться с Юрием Венедиктовичем не хочется.

– У нас приказ!

– Ничего не попишешь, надо выполнять, – вздохнул Меринов, добавил мысленно: «До поры до времени...»

Стая и Зверь принялись штурмовать защитный бастион владений Юрьева, изменяя уровни и принципы нейтрализации магических полей.

– Попробуем пройти по «краю» тхабса, – проговорил Котов. – В одной связке, подстраховываясь.

– Я бы всё-таки... – Меринов не закончил.

Недалеко от них на стене вспыхнуло перламутровое облачко, оформилось в фигуру человека в строгом чёрном костюме.

– Прошу прощения, господа, я управляющий этим частным владением. Хозяина нет дома. Чего вы хотите?

– С вашим хозяином приятно иметь дело, – усмехнулся Меринов. – Он всегда отличался обходительностью и вежливостью. Мы знаем, что у вас в гостях сейчас находятся молодые люди, так вот выдайте их нам, и мы не станем ломать ваш дом.

– Я не уполномочен решать такие вопросы в отсутствие хозяина.

– Ну так передай им, – вмешался Котов, – что, если они не выйдут добровольно, мы разнесём этот ваш сарай на куски!

– Вряд ли это возможно, – ответил невозмутимо управляющий. – Но я передам гостям вашу просьбу.

Он поклонился, рассыпался облачком искр, исчез. Однако отсутствовал недолго.

– Прошу извинить, господа, но гости хозяина не пожелали познакомиться с вами и ушли.

– Куда? – одновременно спросили Котов и Меринов.

Управляющий развёл руками.

– Мне они не сказали.

– Гадёныш! – процедил сквозь зубы Марат Феликсович.

– Извините, у меня дела. – Управляющий ещё раз поклонился и пропал, но тут же появился снова: – Не могли бы вы отозвать своё войско, господа? Хозяину это может не понравиться.

– Плевать мы хотели на твоего хозяина!

Управляющий исчез и больше уже не появился.

– Ну, куда теперь? – осведомился Меринов.

– Я догадываюсь, где они могут быть, – сказал Котов.

– Где?

– В «локоне Ампары».

– С чего ты взял?

– Предчувствие.

Меринов скептически хмыкнул, ощупал равнодушно-угрюмое лицо спутника заинтересованным взглядом.

– Конкере дал тебе «седьмой глаз»?

Марат Феликсович имел в виду способность видеть мыслесферы любого человека в любом «лепестке розы реальностей».

– Не имеет значения, – сухо ответил Стас.

– Что ж, веда, Сусанин.

Оба отозвали своих магических бойцов и покинули реальность Юрия Венедиктовича Юрьева.

Глава 30

УСИЛЕНИЕ КОМАНДЫ

– Ох и надоело мне бегать! – со вздохом признался Артур, глядя на тучу монстровидных летучих мышей и дракона, штурмующих защитный купол убежища Юрьева. – Ей-богу, будь у меня соответствующее оружие, уложил бы всю эту гвардию безвозвратно!

– Укладывать надо не Стаю и не Зверя, – возразила Светлана, – а тех, кто ими командует.

– Легко сказать! Они вооружены лучше, чем я. К тому же все они маги, а я простой искатель приключений.

– Не такой уж и простой, – улыбнулась девушка, – коль тебе подчиняются Дзюмон и тхабс.

– Ты думаешь, этого достаточно?

– На первых порах.

Помолчали. Потом Артур кивнул на таранивших прозрачный силовой колпак жутких созданий.

– Ну и твари! Кто их только придумал!

– Наше воображение.

– Не понял.

– Магические существа многолики, их воздействие на сознание людей тоже многосторонне, поэтому такими уродинами их делает наша фантазия да стереотипы, заложенные воспитанием, литературой и кино.

– Я думал, они всегда такие...

– В другой реальности они будут выглядеть иначе.

Снаружи в башню проник глухой гул, здание содрогнулось. Это дракон нанёс по защитному куполу особенно мощный удар.

– Надо уходить, – озабоченно сказал Артур.

В гостиной бесшумно объявился управляющий Юрьева.

– Прошу извинить, дорогие гости, но эти господа просят вас выйти.

Артур посмотрел на подругу.

– Что-то они больно вежливы, ты не находишь? Могли ведь сразу прорваться сюда по тхабс-линии.

– Не могли, – вежливо возразил безликий управляющий. – Хозяин поставил трансперсональную векторную защиту, ориентированную на определённые личности. Никто, кроме них, не сможет проникнуть в замок хозяина без его разрешения.

– Это здорово! И всё же нам пора уходить.

– Передайте хозяину нашу благодарность за гостеприимство, – добавила Светлана.

Артур бросил взгляд на свору летучих мышей, изменивших тактику: теперь они не бросались на защитный купол каждая в отдельности в поисках «щели», а как таран били по очереди в одну точку, так что прозрачно-«стеклянный» купол начал шататься, искриться и дымиться.

– Ты готова?

Светлана подняла глаза на спутника, храбро кивнула с улыбкой:

– Двум смертям не бывать, а одной не миновать.

Артур погладил её по волосам, улыбнулся в ответ:

– Поживём ещё назло всем врагам.

Через мгновение их не стало.

Из тхабс-«колодца» они вышли в мире «локона Ампары».

То есть место, куда беглецов перенёс волевой импульс Артура, лично ему было незнакомо, однако Светлана определила его быстро, питаемая информацией, оставленной ей Светленой.

Ландшафт напоминал кратер вулкана или же гигантский колодец с вертикальными дымящимися стенами. По всему дну кратера валялись какие-то камни, кучи странных обломков и детали машин. Затем Артур пригляделся и понял, что это не детали и не обломки, а останки гигантских насекомых и скелеты погибших когда-то существ.

– С ума сойти! – проговорил он с дрожью в голосе. – Куда это мы попали?!

– Здесь недавно произошло сражение Сил Тьмы с Силами Света, – задумчиво сказала девушка.

– А поточнее?

– Иерархи, поддержавшие инфарха, и просто Посвящённые бились здесь с армией пентарха Удди, принявшего сторону Монарха Тьмы.

– И кто победил?

– Инфарх и его друзья. С помощью светлого аватары Матвея Соболева.

– Почему же они допустили, что Монарх вырвался из тюрьмы?

– Этого я не знаю. Оба потом куда-то ушли, по слухам – искать выходы в *Брахман*.

– Зачем?

Светлана пожала плечами.

– Они достигли вершин самореализации, мне трудно представить, какие планы и цели возникают у таких людей.

Артур кивнул, соглашаясь, огляделся.

– Что это за мир?

– Реальность «локона Ампары», где встречаются прошлые и будущие времена.

– Как это?

Светлана смущённо развела руками.

– Я сама не всё понимаю. Но за стенами этого колодца мир настолько сложен и неустойчив, что нам туда не пройти.

– Взглянуть бы хоть одним глазком...

– Ничего ты там не увидишь, кроме мелькания световых струй и пляшущих геометрий.

– Сама же утверждала, что я чуть ли не маг.

– Даже Посвящённые высоких ступеней не смогут ориентироваться в «локоне Ампары», это доступно, наверное, только иерархам первой десятки.

– Жаль, ты задушила мою инициативу в зародыше. Хотя в душе я уверен, что смог бы там определиться.

– Лучше не рисковать.

– Уговорила, не буду. Странно, что тхабс перенёс нас сюда, я заказывал самое «глубокое дно» «розы».

– Мир «локона Ампары» в принципе располагается у трансфизических границ «розы», глубже – только «адовы миры».

– Это там, где тюрьма Монарха?

– Примерно.

– А давай махнём туда! – загорелся Артур. – Посмотрим, что это за тюрьма такая, откуда бегут маги-уголовники.

Светлана засмеялась и вдруг прижала ко рту ладошку.

Артур обернулся.

В сотне метров от них возникли знакомые фигуры Котова и его мерзкого спутника с глазами ядовитой змеи.

– Бежим! – схватил Артур Светлану за руку, включая тхабс.

«Падение» в бездны «розы» длилось долго – по внутренним ощущениям Артура. Поэтому он буквально «запыхался», как после продолжительного бега, когда наконец в глаза брызнул унылый серый свет, а ноги ударились о твердь.

С минуту беглецы стояли, не дыша, озираясь, ожидая появления преследователей. Потом чуть-чуть расслабились. И Артур впервые в жизни увидел «ад», в котором сотни миллионов лет назад могучие Вершителы создали тюрьму для экспериментатора – Аморфа Конкере, получившего по деяниям своим второе имя – Монарх Тьмы.

Бугристая чёрная, с красными и серыми проплешинами, равнина от горизонта до горизонта, усеянная кратерами и дырами, как головка сыра, а также скалами, похожими на почерневшие от копоти витые свечи. Складки, трещины, горы пепла. Мутное серое небо с фиолетовыми размытыми струями. И гигантская стеклянная стена, перегородившая равнину из конца в конец.

Пейзаж за стеной был практически таким же, разве что ещё угрюмей и черней. Кроме того, за горизонтом в той стороне вставало дымное оранжевое зарево, будто там горела степь.

– Монарх сидел за стеной? – мотнул головой Артур, налюбовавшись пейзажем.

– Наверное.

– Как же он выбрался? Стена целая...

– Где-то должна быть дыра.

– Поищем?

Светлана передёрнула плечами, продолжая разглядывать ландшафт магической тюрьмы. Её поразил не столько «ад», сколько его угрюмая, давящая на психику атмосфера.

– Мне здесь не нравится...

– Мне тоже, но коль уж мы попали сюда, в самый «низ» «розы», давай хоть погуляем немного, будет что рассказать детям.

– Хорошо, погуляем, – вздохнула девушка, – только недолго.

Артур взял её за руку, направился к ближайшему холмику, обходя цепочку мелких дымящихся кратеров. Потом остановился, глядя на стену из-под козырька руки.

– Что ты там увидел? – поинтересовалась Светлана.

– Попробую поколдовать.

Она с любопытством глянула на спутника.

– Ты умеешь колдовать?

– Тарас немножко учил меня пси-сканированию местности.

Можно попытаться определить, в какой стороне находится дыра в стене, через которую выбрался Монарх.

Он закрыл глаза, приводя в порядок мысли и чувства, сосредоточился на внутренних энергетических центрах. Вокруг него спиралью завертелись тонюсенькие электрические змейки, над головой тонким обручем засветился воздух, погас. Артур открыл глаза, уверенно ткнул пальцем в одну из уходящих в бесконечность сторон стены:

– Там.

– Ты уверен?

– Абсолютно!

– Идём.

– Нет. – Артур прищурился. – Колдун я или не колдун? Пешком идти слишком долго, полетим на метле.

– На какой метле? – не поняла Светлана.

Он засмеялся, притянул её к себе и активировал тхабс.

Через несколько секунд они снова вынырнули из «колодца» трансфизического движения на той же равнине, усеянной струйками дымов. Всё здесь было таким же, как и в том месте, где вышли беглецы в первый раз. Только в стене, пересекающей равнину «ада», появилось гигантское звездообразное отверстие с застывшими в виде стеклянных фестонов краями.

– Не промахнулся, – с облегчением сказал Артур. – Такое впечатление, будто мне кто-то мешал.

Светлана с тревогой посмотрела на него.

– Монарх мог оставить здесь следящие системы, и нас запеленговали!

– Да чёрт с ними! Оглядимся и сбежим. Кстати, это происходило здесь.

– Что?

– Я видел сон... двое подошли к стене, парень ударил по ней мечом, она лопнула...

– Стас Котов!

– Он.

– Мне его почему-то жаль.

– А мне нет. Возомнил себя непобедимым, оруженосец хренов! Жену погубил...

– Не суди его строго, ещё неизвестно, как бы ты поступил на его месте.

– Уж точно не стал бы рисковать, – фыркнул Артур, – пробуя на стене остроту меча.

– Это правда, – согласилась Светлана.

Он порозовел.

– Ты меня неправильно поняла... я не трус!

Светлана улыбнулась.

– Я не обвиняю тебя в трусости. Но, к счастью, ты тоже способен ошибаться.

– Почему – к счастью? – удивился Артур.

– Потому что я не люблю непогрешимых людей, ещё при жизни превратившихся в памятники. У тебя же есть одно несомненное достоинство: ты учишься на своих ошибках.

– Спасибо, – пробормотал он, не зная, как относиться к словам подруги, как к похвале или как к тонкому упрёку. – Идём?

Светлана поёжилась.

– Страшно...

– Не бойся, я в любой момент готов запустить тхабс.

– Идём, упрямец.

Они спустились с холма к стене, обходя трещины, груды камней и вставшие дыбом пласты горных пород – результат схватки Стаса Котова с Монархом Тьмы. Казалось, до сих пор в воздухе витает *дрожь* пространства, взбитого, как сливки, «миксером» магического обмена мощными энергоударами. Артур даже остановился на мгновение, почуяв «запах жареного вакуума»: в непосредственной близости от дыры в стене и в самом деле ещё не рассосалась «опухоль зла». Но любопытство пересилило.

Подошли к громадной бреши в толстой «стеклянной» стене.

Конечно, стена стеклянной не была, таким периметр тюрьмы Монарха представляла фантазия зрителей. Но выглядела она так

натурально, что не вызывала никаких сомнений в консистенции материала.

– Хороша дырка! – проговорил Артур, ёжась в душе от подсознательного ощущения опасности. – Это его меч её проковырял?

– Синкэн-гата не меч по предназначению...

– Знаю, это «нейтрализатор высших непреодолимостей», «устранитель препятствий» и так далее. Однако выглядит он как меч.

– Таким его нашли люди.

– Кто именно, не знаешь?

– Воспитатель Стаса Котова.

– Котов-старший?

– Он Посвящённый четвёртой ступени Круга, а может быть, и выше.

– Где он сейчас?

– Может быть, тебе ещё и бар показать, где он пиво пьёт?

– Почему пиво?

– Я шучу, – сердито сказала девушка. – Но я не знаю, где сейчас Котов-старший.

Артур хотел задать ещё вопрос, потом понял, что просто-напросто боится идти дальше, разозлился.

– Ну-с, посмотрим, что собой представляет «тюремная камера» Монарха. Держись рядом, не отходи ни на шаг.

– Можешь не сомневаться, не отойду.

Взявшись за руки, они двинулись вниз по склону холма, поднимая облачка летучей чёрной пыли, приблизились к фестончатому краю дыры.

У Артура появилось ощущение зуда на коже лица и вибрации в нервных окончаниях глаз, отчего острота зрения слегка снизилась.

Те же ощущения возникли, наверное, и у Светланы, так как она покосилась на спутника и сильнее сжала его ладонь. Всё-таки защитные возможности тхабса не являли собой абсолют безопасности, и она это чувствовала.

Перелезли через гладкие, омерзительно скользкие и очень холодные фестоны нижнего обреза дыры. Ступили на чёрно-коричневую, спёкшуюся, пористую, как пемза, почву. Медленно двинулись дальше, всматриваясь в давящиеся мёртвой тишиной низкие горбы и скалы монарховой тюрьмы. Подсознание Артура

автоматически включило пси-сканирование местности, и он стал слышать низкий клокочущий «инфразвуковой» гул, доносившийся из недр плато, и магнитное «шатание» пространства, потревоженного дыханием сбежавшего пленника.

– Как он здесь обитал, хотел бы я знать, – проговорил Артур. – Неужели под открытым небом?

– Едва ли это можно назвать небом, – заметила Светлана, глянув на твердый и блестящий – в отличие от неба за стеной – купол над равниной, по которому изредка змеились чёрные, быстро исчезающие трещины.

– Я имею в виду, что у него должно быть какое-то убежище.

– Аморфы не нуждались в крыше над головой. Разве ты не помнишь, как они выглядят?

– Как часть пейзажа.

– Совершенно верно, за это их наши предки называли Первоформами. Предтечи вовсе были бесформенными.

– Тогда ничего примечательного мы тут не отыщем.

– И я так думаю. Предлагаю вернуться.

Артур остановился, приставил ко лбу ладонь, глядя на ландшафт, действительно напоминающий преисподнюю. И вдруг ему показалось, что кто-то удивлённо посмотрел на него: будто оглянулся одинокий путник, почуяв, что его догоняют.

– Чёрт!

Светлана сильнее вцепилась в его руку.

– Что ты там увидел?

– Похоже, мы здесь не одни...

– Снова Котов?!

– Аура не та...

– Здесь никого не должно быть!

– Тем не менее нас обнаружили.

– Бежим?

– погоди, интересно, кто это... убежать мы всегда успеем.

Артур вытянул вперёд мысленное «щупальце», наткнулся на встречное «мыследвижение», отпрянул, оцетинился, но, уловив заинтересованность незнакомца (похоже, их там трое-четверо) и его доброжелательный настрой, снова протянул «щупальце дружбы».

В голове сквозь шелесты пси-фона раздался тихий прозрачный голос:

«Кто ты?»

«А вы кто?» – агрессивно ответил Артур вопросом на вопрос.

В голове вспыхнул фонтанчик искрящегося недоумения, любопытства и удивления.

«Ты не человек Круга!»

«Я просто человек».

Ещё один пузырчатый фонтанчик эмоциональных «световых» проявлений.

«Как тебе удалось пройти в «розу»?

«А вам?»

«Ершистый, однако... покажись, если не боишься».

«Где вы?»

Новый световой фонтанчик, включающий нотки смеха и тонкие «шипы» сомнений.

«Если уж ты добрался до тюрьмы Монарха, тебе ничего не стоит найти нас».

«Сколько же вас?»

«Мы ждём».

Артур очнулся, встретил взгляд спутницы, скривил губы.

– Они хотят встретиться...

– Они? Их много?

– Человека три... или четыре.

– Что ты решил?

Артур покраснел.

– Они... предлагают... чтобы я их сам нашёл.

– Так в чём дело?

– Никогда не пробовал искать людей по их мысленному излучению.

– А ты попытайся, – серьёзно, без насмешки предложила Светлана.

Артур заставил себя успокоиться, сбросить «пар» эмоций, сосредоточился на энергетическом центре на горле, называемом вишуддха-чакра.

Мир вокруг приобрёл вдруг глубину и плотность голубой водной бездны, затем распался на клочковатое туманно-облачное

пространство, в котором тускло высветились — очень далеко! — золотистые паутинки «живых» мыслей.

— Есть!

— Нашёл?

— Летим!

Артур привычно сориентировал тхабс... и получил довольно ощутимую оплеуху! Схватился за ухо.

— Собака бешеная!

— В чем дело?! — встревожилась Светлана.

— Меня не пускают...

— Как это — не пускают? Кто?!

— Не знаю... получил по уху... и вообще всё время чувствую дискомфорт, голова тяжёлая, горло пересыхает...

— Понятно, — с облегчением вздохнула девушка. — Мы уже находимся внутри тюрьмы, которая призвана удерживать пленника, вот она и создаёт атмосферу психического давления, а может быть, и физического, чтобы Монарх не сильно тут гулял.

— Значит, нам не удастся пройти туда глубже?

— Попробуй ещё раз. Прошли же тут те, кто тебя вычислил.

Артур снова погрузился в недра своей психики, вызвал состояние самадхи, включил тхабс.

На сей раз никто его по уху не бил, лишь показалось, что тело с натугой продавило некую упругую плёнку и «упало» в привычный «колодец» темноты.

Вынырнули молодые люди из него посреди всё той же равнины-тюрьмы Монарха, но уже без прозрачной стены: она осталась далеко позади.

Сначала пришло разочарование: никого живого поблизости не оказалось.

Потом на вершине пологого холма из-за развалин какого-то сооружения показались люди, и Артур с облегчением расправил плечи.

— Не промахнулся...

Их было четверо взрослых: трое мужчин и женщина с ребёнком на руках. Спустились к молодым людям, остановились напротив, разглядывая беглецов.

— Здравствуйте, — проговорила Светлана смущённо.

— Привет, — сказал смуглолицый мужчина восточного облика.

Артур понял, что именно этих людей он видел вблизи замка Юрьева.

Кто-то погладил его по волосам (таково было ощущение), попытался просунуть в голову «усик антенны». Артур напрягся. Ощущение прошло.

Смуглолицый усмехнулся.

– Неплохо, просто человек. Кто обучал тебя премудростям М-оперирования?

– погоди, Вахид, – остановила его женщина, оценивающе глядя на Светлану. – Давайте знакомиться. Меня зовут Ульяна, это Вахид Тожиевич, Иван Терентьевич и...

– Котов, – сказала Светлана.

Стало тихо.

– Похоже, нас знает уже по крайней мере полмира, – хмыкнул Вахид Тожиевич.

– Я не ошиблась? – продолжала Ульяна. – Ты авеша Светлены? Уж очень похожа.

– Светлана дала мне информацию... и ушла. Меня зовут Светлана.

– Что ж, это знак. – Ульяна посмотрела на спутников. – Что скажете, комиссары?

– Странно всё это... – проговорил смуглолицый.

– Что именно?

– Такие встречи случайными не бывают.

– Значит, она не случайна. Пойдёмте поговорим.

Мужчины беспрекословно начали подниматься на холм, к развалинам, обмениваясь короткими фразами. Артур и Светлана двинулись за ними в сопровождении женщины с ребёнком, назвавшейся Ульяной. Почувствовав их волнение и смущение, она ободряюще улыбнулась:

– Давно с Земли?

– Несколько часов, – ответила Светлана. – Пришлось бежать...

Она замялась, посмотрела на Артура.

Ульяна снова показала свою обаятельную улыбку. Ребёнок у нее – головка на плече – зачмокал губами, но не проснулся.

– Я не прошу выдавать секреты, но кое-что услышать от вас хотелось бы. От кого вы бежите, если не секрет?

– От Стаса Котова, – отрывисто бросил Артур.

Брови Ульяны сдвинулись.

– Вы его знаете?

– Пришлось познакомиться.

– Где, когда?

– Долго рассказывать.

– Для меня это сюрприз. – Ульяна кивнула на спину одного из мужчин. – Это его дядя, Василий Никифорович.

– Поистине мир тесен, – криво усмехнулся Артур. – Для нас встреча с вами тоже сюрприз.

Ульяна некоторое время поглядывала на него вопросительно, потом догнала спутников. Те остановились у гигантских каменных глыб правильной – кубической и пирамидальной – формы. Артур и Света, переглядываясь, остановились тоже.

– Расскажите, как вы познакомились со Стасом, – сказал тот, кого Ульяна назвала Василием Никифоровичем. – Это важно.

Артур посмотрел на подругу. Светлана кивнула.

– Можете опустить подробности, – сказал Вахид Тожиевич. – Только главное.

Артур набрал в грудь воздуха и начал рассказывать о том, как на берегу Джелиндукона он встретился с женщиной в белой одежде.

Рассказ длился четверть часа.

Его не прерывали, слушали молча, ни одним жестом не выдав своего отношения к истории рассказчика.

– Так мы оказались здесь, – закончил Артур с облегчением.

Мужчины переглянулись.

– Граф, – сказал тот, кого называли Иваном Терентьевичем. – Чувствуется его рука. Но я не знал, что он стал диархом. Это почти Ангел в иерархии Круга.

– Начальник службы безопасности всей «розы», – хмыкнул Вахид Тожиевич. – Весьма высокая должность. Но я кое-чего не понимаю. Зачем ему понадобилось вводить в игру новую фигуру?

– Какую фигуру? – не понял Артур.

– Вас, друг мой.

Артур смутился, почуяв скрытый подтекст ответа: вас – дилетанта, мало знающего и мало понимающего, что происходит.

– Не знаю...

– Разберёмся, – сказал Иван Терентьевич. – Уверен, наша встреча и в самом деле не случайна, коль в игре замешан ещё и Рыков. Предлагаю разбить здесь временный лагерь и отдохнуть. Тхабс не сможет защищать нас долго в условиях постоянного давления Тьмы.

– А я бы зашёл поглубже в эту пустыню, – сказал Вахид Тожиевич. – Интересно посмотреть, чем занимался здесь господин Конкере.

– Развалины, наверное, его работа? – осмелился спросить Артур, кивнув на горы каменных блоков.

– Это скелет, – равнодушно сказал Котов-старший.

– Какой скелет? – удивился Суворов.

– Конкере экспериментировал и в тюрьме, – усмехнулся Иван Терентьевич. – Создавал разные формы нежити. А те, что ему по каким-то причинам не нравились, уничтожал. Развалины – один из таких уничтоженных псевдоживых гигантов.

Артур сглотнул, по-новому разглядывая геометрически правильный контур «скелета».

– Вот неплохое местечко. – Самандар остановился перед спуском в круглую впадину, отгороженную со всех сторон клыкастыми скалами. – Можем поставить палатку и накрыть «непроглядом».

– Пожалуй, – согласился Василий Никифорович.

И в этот момент все, в том числе и Артур, почувствовали дуновение холодного пронизывающего ветра – на инстинктивном, ментальном плане. В местном пси-поле проявились некие мощные источники энергии, имеющие не техногенное происхождение.

В кармане куртки Артура сам собой шевельнулся Дзюмон, реагируя на всплеск поля: он как бы «открыл глаза» и «осмотрелся» в поисках источника опасности.

– Нас догнали, – хладнокровно проговорил Самандар. – Похоже, наш новый приятель оставил след.

Мужчины посмотрели на Артура. Он покраснел.

– Я не виноват... мне поставили задачу...

– Какую?

– Отвлекать на себя слуг Монарха...

– Понятно. – Вахид Тожиевич с усмешкой глянул на спутников. – Граф, как всегда, играет по своим правилам. Не удивлюсь, если

окажется, что и мы входим в его игровые расчеты в качестве жертв. Или пешек.

– Не преувеличивай, – буркнул Иван Терентьевич. – Что будем делать, парни? Отступим или попробуем дать бой? Наверняка это Рыков или Стас. Бойцы мощные, но вряд ли непобедимые.

– Отступим пока, – очнулся от странного полузабытья Василий Никифорович. – Примерно в полумиллионе километров отсюда я засёк город... или скопление каких-то построек... что-то необычное... Предлагаю перепрыгнуть туда и сразу накинуть шапку-невидимку.

– Вряд ли этот маневр остановит Германа, – усомнился Иван Терентьевич.

– Он даст нам время на подготовку адекватного ответа. Да и надоело мне бегать от солдат Конкере, пора давать отпор.

– Вася... – тихо сказала Ульяна.

Котов шагнул к ней, обнял, прижался щекой к щеке.

– Я всё понимаю, родная, и не стану рисковать без надобности ни тобой, ни Матвейкой. Будет тяжело, но мы пробьёмся.

Новое дуновение морозного ветра накрыло землян.

– Они близко, – оценил ситуацию Вахид Тожиевич. – Веди.

– Объединяемся, тхабс-перенос здесь требует больших затрат энергии. – Котов посмотрел на Артура. – Сможешь подключиться к общему эгрегору?

– Смогу... наверное...

Артур сосредоточился на вхождении в пси-сферу, объединяющую Посвящённых, кто-то помог ему (лишь позже он узнал, что это была Светлана!), и он неожиданно для себя самого приобрёл свойство солитонно-модулированной псиэнергетической структуры, стал частью мини-эгрегора Посвящённых.

– Порядок, – похлопал его по плечу Самандар. – Из этого хлопца выйдет толк.

– Прыгаем, – скомандовал Котов.

И семёрка землян нырнула в «колодец» тхабс-режима.

Глава 31

ПРАВАЯ РУКА ТЬМЫ

То, что увидели беглецы, преодолев за пару мгновений пятьсот тысяч километров, городом назвать было трудно. И всё же, несомненно, это был город. Только ни одно здание этого колоссального архитектурного заповедника не повторяло другое, а строили их, судя по геометрии, Инсекты. Или же тот, кто хорошо знал особенности строения разумных насекомых Земли, а также их предпочтения, логику и психологию. Даже Артур, повидавший не так уж и много законсервированных в подземельях МИРов, легко узнал замки царей Акарин, Акридидов и Симелидов. Всего же город насчитывал сотни тысяч замков, принадлежащих самым различным видам насекомых, от шмелей – Бомбусов до клопов – Маргинатусов.

– Вот так музей! – нарушил молчание Самандар, налюбовавшись городом. – У Конкере явно был приступ ностальгии, когда он его создавал.

– Может быть, это не его рук дело? – робко спросила Ульяна. – Может, он просто перебрросил сюда Инсектов-строителей?

– Каким образом?

– Через мир «локона Ампары».

– Едва ли это целесообразно – перемещать сюда целые армии строителей МИРов. Я думаю, Монарх поступил иначе: воссоздал копии всех мавзолеев Инсектов.

– Зачем?

– Ну, логика Аморфов мне недоступна. Кто знает, что взбрело ему в голову.

– Если ещё учесть, что головы как таковой Аморфы не имели, – проворчал Иван Терентьевич. – Но вид потрясающий, не правда ли? – Он посмотрел на Артура и его спутницу.

– Красиво! – отозвалась задумчивая Светлана.

Артур промолчал, хотя и его ужаснула и восхитила грандиозная, потрясающая воображение панорама «мультиархитектурного города».

– Красиво, – подтвердила Ульяна, зачарованная пейзажем не меньше девушки.

Котов отобрал у ней проснувшегося сына, оглядел горизонты, но ничего не сказал. Мысли его были заняты другим.

Тхабс высадил весь отряд на вершине горы, нависающей над городом подобием бивня мамонта. Ещё три таких же горы располагались на равном расстоянии одна от другой по его периметру. Возможно, это были наблюдательные пункты самого Конкере, возможно, он создавал их как защитные бастионы или же антенны силовых полей. Хотя истинные цели создания столь странных часовых знал только сам конструктор.

– Сорок тысяч, – сказал Самандар, встретив его взгляд.

– Чего сорок тысяч? – оглянулся на него Парамонов.

– Площадь города – сорок тысяч квадратных километров. Около двух миллионов зданий! Наш враг – великий строитель!

– У него было время, чтобы построить здесь любое количество монументов и памятников.

– Вопрос: почему он выбрал именно архитектурные сооружения Инсектов? Он же уничтожил их цивилизацию на Земле.

– Может быть, он осознал свою вину? – нерешительно проговорила Ульяна.

– Наши эмоциональные оценки к нему неприменимы, – не согласился Самандар. – Вряд ли Монарх Тьмы способен чувствовать что-либо, кроме тяги к экспериментированию. Способность осознавать свою вину изначально не была заложена в психику Аморфов. Их нельзя судить с точки зрения человеческой логики.

– Инсекты тоже отличались от людей способами обработки информации, – сказал Парамонов, – однако именно из них Монарх трансмутировал род хомо сапиенс. Не значит ли это, что он привнёс в психику Блаттоптера чисто человеческие качества? В таком случае он должен был хотя бы знать, что это такое.

– Или же ему кто-то помог, – тихо сказала Светлана.

Мужчины озадаченно посмотрели на неё.

– Девушка... – начал Вахид Тожиевич.

– Не забывай, она – авеша Светлены, – остановил его Иван Терентьевич. – Ей должны быть доступны иные запасы информации – из библиотеки инфарха.

Светлана искоса посмотрела на Артура, как бы приглашая его присоединиться к беседе, но он не решился, понимая, что знает

принципы мироустройства хуже всех.

– Вам что-то известно? – изменил тон Вахид Тожиевич. – По натуре я скептик и всегда ищу прямые доказательства любых утверждений.

– Монарх – представитель расы холодного интеллекта...

– Расы Аморфов.

– До Аморфов на Земле жили Предтечи, они тоже представляли собой «живые конструкции» формальной математики, не обладающие сферой чувств и мистических озарений.

– Насколько мне известно, именно Предтечи – прямые потомки Люцифера.

– Вахид, помолчи, – оборвал Самандара Василий Никифорович, поглядывая на сына, засунувшего в рот палец.

– В общем, Конкере – далеко не первый корректор Мироздания, – продолжала Светлана, немного смущённая вниманием слушателей. – Перед ним были Предтечи, а перед ними – тот, кого вы называете Сатаной, Денницей и Люцифером. Земная реальность, в том виде, каким мы её видим, его детище. Он считал, что его Замысел лучше Замысла Творца Вселенной, и перекроил Мироздание по своему усмотрению. В результате появились...

– Расслоённые реальности, – подхватил Самандар, – временные тупики и норы, пересечения противоположностей, иерархия земных отражений, «размазанные неопределённости» и «высшие непреодолимости». Вот, кстати, зачем был создан впоследствии синкэн-гата – «устранитель препятствий» и нейтрализатор этих самых «высших непреодолимостей». Но я хотел выяснить другое: является ли человек последней ошибкой в цепи других Великих Ошибок? Кто придёт нам на смену? Что задумал Монарх? Кого он избрал в качестве нашего преемника?

– Крокодилов, – пошутил Иван Терентьевич.

– Я не знаю, – беспомощно развела руками Светлана.

– А что, если нам вернуться в мир «локона Ампары»? – воодушевился вдруг Самандар.

– Зачем?

– Найдём нужную временную линию и рванём в будущее! Узнаем, кто там командует парадом.

– Ты серьёзно?

– Разве я похож на шутника? – Вахид Тожиевич подмигнул Артуру.

Парамонов с сомнением покачал головой.

– Тебе вредно долго путешествовать по «розе», флюиды оставшихся в ней иерархов начинают бить в голову.

– А между тем идея неплохая, – пожал плечами Самандар. – Когда-нибудь я её осуществлю.

– Тише! – поднял руку Василий Никифорович, передавая сына Ульяне.

Все замерли.

Артур прислушался к тишине «адовой реальности», миллионы лет служившей тюрьмой для Монарха Конкере, одного из величайших оппонентов Творца, и на грани ментального слуха уловил *дыхание* непреодолимой злобной *силы*.

– По запаху – сторожевые псы, – заметил Самандар. – Наша маскировка их не обманет.

Вахид Тожиевич имел в виду «шапку-невидимку» – купол защитного магического поля, которым они накрылись при появлении возле города.

– Это не псы, – тихо возразила Светлана.

Артур посмотрел на неё и пораился изменению облика девушки: она как будто стала выше и светлее, глаза засияли внутренним огнём.

Почувствовали изменение и Посвящённые.

– Вернулась? – прищурился Иван Терентьевич.

– Я нужна здесь, – улыбнулась Светлана; впрочем, это была уже скорее улыбка Светлены – мудрая и слегка печальная.

– Я рада, что ты с нами, – дотронулась до её руки Ульяна, добавила еле слышно: – Отступить-то больше некуда, впереди только *Брахман*.

– Вот он! – вытянул вперёд руку Самандар.

Над городом показалась чёрная точка, превратилась в воробья, увеличилась, стала коршуном, затем гигантским чешуйчатым драконом.

– Зверь! – пробормотал Артур.

Иван Терентьевич покосился на него.

– Ты уже встречался с этой тварью?

Артур кивнул.

– Он летит прямо к нам, – сказал Вахид Тожиевич. – Неужели видит нас сквозь «непрогляд»?

– Он не один, – заметил Василий Никифорович. – Обратите внимание на его пассажиров.

– Рыков! – сжал зубы Самандар.

– И Котов, – добавил Артур торопливо, узнав одного из седоков на шее дракона.

Парамонов и Самандар оглянулись на Василия Никифоровича, стоявшего со сложенными на груди руками.

– Отступаем?

– Куда? – глухо ответил Котов-старший. – Они везде нас найдут. Не они, так другие псы Монарха.

– Значит, будем драться?

– Давай отпустим женщин, – предложил Иван Терентьевич. – Зачем рисковать?

– Мы не уйдём! – в один голос воскликнули Ульяна со Светой.

Дракон в этот момент сделал круг над «бивнем мамонта», сел на самый кончик «бивня», сложил крылья. Стас Котов и Меринов-Рыков соскочили с него на пористую серую поверхность горы, повернулись к группе землян, всё ещё накрытой заклинанием «непрогляда».

– Эй, там, под «шапкой», – позвал Меринов с пренебрежительной гримасой, – выходите, обговорим условия капитуляции.

– Выходим? – вполголоса проговорил Самандар.

Василий Никифорович не ответил, стоя в прежней позе.

Стас Котов вытащил меч.

– «Непрогляд» не выдержит удара синкэн-гата.

– Снимайте «шапку».

Прозрачная стена магического поля, делавшая отряд невидимым, исчезла.

– Это правильно, – кивнул Марат Феликсович. – У вас всё равно нет никаких перспектив. Надеюсь, вы не станете сопротивляться, а тем более прятаться за спины дам?

– Что тебе нужно? – процедил сквозь зубы Вахид Тожиевич.

Василий Никифорович хотел что-то добавить, но не стал, разглядывая воспитанника, в свою очередь не спускавшего глаз со Светланы.

– В принципе, ни ты, ни старший Котов, ни его жена и сын мне уже не нужны. Но мне нужен этот молодой человек, – Меринов перевёл взгляд на Артура, – который украл у меня кое-какие Вещи, и его подружка. Отдайте их нам, и можете уходить.

– Я ничего не крал! – огрызнулся Артур.

– Это наши друзья, – ровным голосом произнёс Василий Никифорович.

– В таком случае тебе придётся выбирать. – Меринов ухмыльнулся. – Кто дороже, эти двое или твоя жена и сын.

– Послушай, ты, омоложенный-отмороженный! – сказал Вахид Тожиевич с ледяной учтивостью. – Как там тебя теперь зовут? Маразм Феликсович? Прежнее имя звучало несколько приятней. Ну да не суть. Рыков ли Меринов – форма разная, а содержание одно – дерьмо! У меня к тебе лишь один вопрос: ты уже купил билет?

Ухмылку на лице Меринова сменила гримаса досады.

– Какой билет?

– На кладбище. – Самандар перевёл взгляд на Котова-младшего. – Стас, по молодости лет мы все совершали ошибки, однако никто из нас никогда не связывался с предателями. Неужели ты не видишь, кто твой друг?

Меч Стаса с шелестом вырос в размерах, острое прыгнуло вперёд... и наткнулось на серебристую паутинку Щита Дхармы, породив целый сноп шипучих искр.

Артур, успевший закрыть собой Вахида Тожиевича, упал на колено, оглушённый ударом.

– Стас! – вскрикнула Светлана, бросаясь вперёд, раскинув руки. – Остановись!

Синкэн-гата втянулся обратно, пульсируя струёй прозрачного пламени. В глазах Стаса впервые промелькнула тень сомнения.

– Слабак! – прошипел Меринов. – Смотри, как это делается!

Он выбросил вперёд кулак, обрушил на отряд беглецов ливень ядовито-зелёных молний.

Однако и на этот раз Дзюмон Артура, усиленный энергопотоками Посвящённых, не сплоховал, отбил мощный психофизический импульс, способный изменить атомарную структуру любого объекта.

Артур получил ещё один потрясший сознание удар, уронил голову на грудь, борясь с приступом слабости.

В то же мгновение все трое Посвящённых метнули в Меринова «изделия абсолюта», созданные в земной реальности: звездочки сякенов, иглы сюрикенов и нож. Их движения были столь стремительными, что на них не успел отреагировать даже владеющий т е м— п о м Стас.

Меринов вскрикнул.

Ни одна метательная звезда не прошла мимо, все попали в цель, поразив грудь, щёки, шею и лоб наёмника Монарха. И хотя раны его смертельными не были, сам факт атаки вызвал у него шок. И приступ бешенства.

— Убей их! — прохрипел Марат Феликсович, вырывая из груди нож, а из шеи и лица — иглы и звёзды.

Дракон расправил крылья, взлетел. Но атаковать отряд Котова-старшего не успел.

Внезапно неяркая молния прошила воздух, за ней вторая, и рядом с Посвящёнными возникли фигуры двоих мужчин в плащах разного — синего и серого — цвета. Это были Хранитель Матфей и Юрий Венедиктович Юрьев. Не говоря ни слова, они *вспыхнули* на уровне сил «божественного укора», и дракон, зависший над горой с людьми, взорвался! Во все стороны полетели чёрные, бурые и алые клочья, струи дыма и крошечных радуг. Через несколько мгновений от Зверя Закона не осталось ничего!

Все замерли. Застыл и Меринов, открыв рот, глядя на то место, где только что парил Зверь, воплощённая в материале программа ликвидации иерархов Круга. Кровь перестала сочиться из ран на его лице, раны затянулись, но теперь сквозь маску Марата Феликсовича Меринова проявилось прежнее лицо иерарха, лицо Германа Довлатовича Рыкова, перекошенное злобой и... страхом!

Стас Котов поднял над головой удлинившийся меч, но Светлана снова проговорила-пропела: «Ста-а-ас!» — и он в нерешительности опустил синкэн-гата.

— Глубоко же вас занесло, — заметил как ни в чём не бывало Юрий Венедиктович, повернув голову к комиссарам «чистилища». — Мы еле вас нашли.

— Гексарх... — пробормотал Рыков-Меринов, очнувшись.

— И триарх, — добавил Юрьев, кивнув на Матфея. — Тебе с нами не справиться, Герман. Мы уполномочены объявить тебе шактипат.

– Убей их, Котов! – оглянулся на Стаса Рыков. – Вызывай Стаю! И хозяина!

Все посмотрели на бывшего оруженосца Воина Закона, в душе которого явно происходила какая-то борьба.

– Не вмешивайся, друг мой, – качнул головой Юрьев. – Не стоит умирать ради подонка, способного предать кого угодно. Он и тебя предаст, как только представится случай.

– Убей их! – оскалился Меринов-Рыков, озираясь. – Хозяин уничтожит тебя, если ты нарушишь приказ!

Стас поднял меч, опустил, поднял снова. Рука его дрожала.

В небе бесшумно лопнул световой шарик, и на город спикировали жуткие птицы с крокодильими головами и змеиными хвостами. Стас всё-таки вызвал Стаю – одно из уцелевших в «розе» подразделений личной гвардии пентарха Удди.

– Превосходно! – захлопал в ладоши Меринов. – Попробуйте поражайтесь с этими птичками.

– Держитесь плотнее! – спокойно сказал Матфей, отходя к группе землян. – Мы берём вас в свой уровень. Подключайтесь.

Произошла очередная мгновенная перестройка полевого «организма», созданного пси-сферами Посвящённых. Запоздал лишь Артур, не сразу сообразивший, что от него требуется. Но Светлана помогла ему мысленным усилием, и у него «выросли крылья»: Артур почувствовал, как волна энергии перестроила его тело, насытила каждую клеточку, каждый нерв, и ему захотелось прыгнуть вверх и взлететь.

– Полное отражение! – скомандовал Матфей.

Воздух над горой вспыхнул чистым смарагдовым пламенем, превратился в два десятка копий, эти копыя устремились к приближающимся крокодило-птицам и разнесли их в световые брызги.

Ещё одна Стая программ-убийц перестала существовать.

– А теперь твоя очередь, Герман, – произнёс Юрьев гулким вибрирующим голосом. – Мы сошлём тебя в «тюрьму героев», хотя ты и не герой. Посиди там пару миллионов лет, поразмышляй над смыслом жизни. Шакти... – Юрий Венедиктович не договорил.

Небо над мультигородом Инсектов вдруг пошло волнами, как море под порывом урагана, и потекло вниз струями жидкого светящегося стекла! Равнина содрогнулась.

Все замерли, глядя на непонятное явление.

Перекошенное от страха при чтении приговора лицо Рыкова разгладилось, он злобно и презрительно рассмеялся.

– Что, законники, дождались?! Вот и сам хозяин прибыл! Но я, в отличие от вас, жалеть никого не стану! Всех уничтожу! Всех! А тебя, – скрюченный палец Рыкова указал на Василия Никифоровича, – помучаю особенно! Помнишь своё обещание Соболеву? «Рыков – мой!» Ну, вот он я, и что ты сделаешь?

Никто не успел двинуться с места.

Василий Никифорович исчез. И проявился рядом с Германом Довлатовичем, торжествующим победу. Удара никто не заметил, даже мастера боя Самандар и Парамонов. Кулак Котова-старшего пробил тело Рыкова насквозь – с выплеском энергии «смертельного касания», на физическом и ментальном плане одновременно, а на обратном пути вырвал сердце Германа Довлатовича!

Изумлённо ахнув, Рыков ещё несколько мгновений смотрел на противника, державшего в руке его пульсирующее сердце, попытался перейти на другую частоту психического состояния и сбежать по тхабс-линии, но все его психофизические и эфирные оболочки уже лопнули, как мыльные пузыри, и внутренние защитные программы не сработали. Рыков перестал быть магом. Да и сердце восстановить уже не мог.

Из глаз его вынеслись струйки чёрного тумана, поднялись вверх, метнулись к «водопаду жидкого стекла». Качнувшись, он упал навзничь, стал сморщиваться, сохнуть, будто к нему возвращались его годы. Застыл мумией.

Василий Никифорович проводил его *тёмным* взглядом, посмотрел на трепыхнувшееся в руке окровавленное сердце иерарха, сжал пальцы.

Полыхнул алый огонь.

Василий Никифорович разжал пальцы, высыпал из ладони горсть праха.

– Аминь предателю! – прокомментировал вполголоса Вахид Тожиевич. Поймал взгляд Ульяны, добавил хладнокровно: – Он того заслужил.

Между тем метаморфозы «стеклянного водопада» продолжались.

Потоки и струи жидкого стекла завертелись в косичку, превратились в огненно-жидкий смерч, соединивший небо и землю. Основание смерча коснулось города и начало всасывать в себя удивительно красивые строения Инсектов. Смерч качнулся, потускнел, стал наливаясь чернотой, лишь внутри пробивалась сквозь эту муть пульсирующая багровая молния. Затем он с гулом двинулся к горе, на вершине которой стояли земляне. Изредка его передёргивали судороги, и тогда форма столба приобретала черты диковинных существ, сменявшихся карикатурно искажёнными ликами людей.

– Конкере! – первым догадался Вахид Тожиевич.

– Нет ещё, – возразил Юрий Венедиктович. – Это пока лишь проявление эффекта оптимизации реальности, канал для просачивания солитонно-модулированного потока сознания, который и есть Конкере.

– Уходим? – посмотрел на Василия Никифоровича Самандар.

– Поздно, – шевельнул тот окаменевшими губами. – Это тюрьма. Её границы непреодолимы для тхабс-магии, а до пробоины в стене мы добежать не успеем. Наёмник перехватит нас.

Словно услышав его слова, Стас, до сих пор испытывающий какие-то трудности в акцентировании своих намерений, вздрогнул, выпрямился, глаза его загорелись свирепым беспощадным огнём. Монарх Тьмы вдохнул в своего слугу новые *чёрные* силы.

Меч текучей струёй металла рванулся к тесной группке людей.

И снова на его пути возникла преграда: Артур, успевший прийти в себя, не задумываясь закрыл собой Светлану и Василия Никифоровича, прыгнув вперед и включая Дзюмон.

Вспышка чистого золотого света!

Тяжкий звон, будто по бронзовому блюду ударили дубинкой!

Сначала все подумали, что лезвие меча разлетелось на мелкие осколки. Потом стало видно, что синкэн-гата не пробил Щит, а распался на рой прозрачно-светящихся ромбов, тут же скрутившийся в спираль.

Артур отлетел на несколько шагов назад и упал бы, не подхвати его Василий Никифорович.

– Стас! – отчаянно крикнула Светлана, бросаясь к Суворову. – Остановись! Ты не наёмный убийца!

– Здесь нет Стаса! – гулким басом проговорил Котов-младший; спираль вспыхивающих язычками пламени ромбов распрямилась,

обретая форму меча. – Я выполняю приказ!

Смерч за его спиной полыхнул зарницей, показал в глубине дергавшееся оскаленное лицо, наполовину человеческое, наполовину звериное, и меч Стаса снова метнулся к группе тех, кто недавно был с ним по одну сторону баррикад.

Неизвестно, смогли бы Посвящённые и соратники их – Матфей, Светлана-Светлена, Юрьев – отбить удар «устранителя препятствий», даже соединив энергосферы, но делать этого им не пришлось.

Молния слетела с «жидких» качающихся небес тюрьмы Конкере, и перед Стасом возник человек в белом костюме, с белыми как снег волосами. И Котов-младший удержал удар.

– Граф... – расслабился Самандар.

– Тарас! – прошептала Ульяна.

– Диарх... – почти беззвучно выговорила Светлана.

– Здоровеньки булы, шановны панове, – белозубо улыбнулся Горшин, поклонился, – и гарни жинкы. Давно мы с вами не встречались в таком составе. А что это с господином Рыковым?

– Он не пережил счастья встречи с хозяином, – пошутил Самандар.

– С хозяином. – Тарас мельком посмотрел на приближавшийся смерч. – Его душа давно уже там, во Тьме.

– Осторожнее, сзади!

Тарас оглянулся на Стаса, игравшего мечом, перестал улыбаться.

– Оруженосец... правая рука Монарха... так ты и не освободился от чёрной зависимости.

– Я... вас... убью! – с натугой проговорил-проклокотал Стас.

– Попробуй, – кивнул Горшин, и в руке его появился меч, такой же, что и у противника.

Мечи – струи прозрачного огня – столкнулись, породив удар молнии и грозный грохот. Гора под ногами людей содрогнулась.

Стас отступил, озадаченно глянув на свой меч. Снова прыгнул вперёд, нанося сразу несколько сверхбыстрых ударов-вспышек с разных направлений.

Тарас отбил выпады, двигаясь легко и непринуждённо, будто показывал урок фехтования ученику.

Стас опять отступил, с недоумением переводя взгляд с лезвия меча на меч противника и обратно.

Самандар, Парамонов и Василий Никифорович, Юрьев и Матфей обменялись взглядами, начиная догадываться об истинном положении вещей.

Стас потемнел, его фигура стала двоиться, плыть, пульсировать, светиться. Он снова бросился в атаку, яростно рубя воздух мечом, оставляя дымящиеся шрамы на поверхности горы и тающие сеточки молний в воздухе.

Тарас невозмутимо парировал выпады, затем сделал неуловимое глазу движение и выбил меч из руки бывшего оруженосца. Стас кинулся за мечом, но отпрянул, избегая укола острием меча противника. Его меч, зашипев, как рассерженный кот, расплылся струёй дыма, превратился в обычный стальной клинок и словно заржавел, покрылся красноватой коростой.

– Стас! – слабо воскликнула Светлана, порываясь бежать к проигравшему бой, но Матфей остановил её:

– Не мешай им, Светлая.

Тарас, продолжая держать меч острием к груди Стаса, прыгавшего то вправо, то влево, пытавшегося сойти с вектора удара, проговорил медленно, свистяще-гулким голосом:

– Иногда мне кажется, что я напрасно взялся за эту работу.

– Какую? – ощерился Котов-младший.

– Работу чистильщика. Гордыня человеческая неистребима. Смертные грехи бессмертны. Никто не хочет учиться на своих ошибках. Тьма всё время находит своих апологетов. Бросить всё к чёртовой матери, что ли?

– Ты не сможешь меня убить! – Стас оглянулся, ткнул пальцем в колонну смерча. – Он не позволит!

– А я никого не собираюсь спрашивать. К тому же ты напрасно надеешься на него. Увы, друг мой, хозяева редко ценят и защищают своих слуг, а тем более такие, как Аморф Конкере.

– Не убивай его, диарх, – проговорил Юрьев.

Горшин качнул головой.

– Иногда приходится стрелять в человека, чтобы убить в нём Зверя.

– Граф! – прошептала Светлана.

И только Василий Никифорович и Матфей промолчали.

Меч Тараса вдруг изменил форму.

Он превратился в спиральный рог, затем в кристаллическую друзу, в язык огня, в копьё с ледяным наконечником, в рогатину, в кружевной веер, в лазерную нить, в цепь сверкающих ромбов, в суковатую дубину. Дубина выросла в размерах, становясь дымно-прозрачной, воздух сотрясли четыре сложнейших, музыкальных, нежно-сладостных и одновременно грозных аккорда, четыре «трубных гласа», потрясших пространство и сознание людей.

– Синкэн-гата! – пробормотал Самандар. – Настоящий!

Тарас поднял «дубину» и опустил на голову не сумевшего увернуться Котова-младшего.

Раздался звук гонга, чистый и ясный.

Вскрикнули Светлана и Ульяна. Малыш на руках заплакал, но тут же перестал.

Стас схватился за голову, покрываясь тонким слоем чёрного дыма, упал. Дым собрался над ним кисейно-прозрачным облачком, и облачко вдруг метнулось змеей к грозной колонне смерча, продолжавшего пожирать творения Инсектов.

Движение на вершине горы прекратилось. Люди молча смотрели на человека в белом и лежащего в десятке шагов от него человека в чешуйчатых зелёных доспехах.

Дубина Тараса превратилась в обычный стальной меч, потом в нож, который он небрежно сунул за пояс. Подошёл к противнику, склонился над ним, выпрямился, отступил.

Стас зашевелился, сел, держась за голову, открыл глаза.

– Что... это... было?

– Дурной сон, – усмехнулся Горшин.

Глаза Котова-младшего наполнились светом, он увидел рассматривающих его бывших друзей и близких, всё понял. Встал, пошатываясь.

– Маша...

– Погибла.

– Господи! – Стас прижал к ушам ладони, побледнел до синевы. – Я... считал... что она...

– Ты убил её! – безжалостно сказал Горшин.

Стас оглянулся на крутящийся смерч, на свой меч, покачал головой и вдруг заплакал, тихо, молча, только слёзы лились по щекам, но он их не вытирал.

Тяжкий удар потряс город.

Смерч напомнил о себе рождением внутри колонны жуткого звероподобного лика, ускорил движение, круша всё на своём пути.

– Граф, сейчас здесь будет Монарх, – сказал Юрьев негромко.

Горшин, прищурясь, посмотрел на смерч, перевёл взгляд на Артура.

– Что ж, давайте встретим его как подобает. Артур, друг мой, дунь-ка в свисточек.

Артур, чувствуя на локте вздрагивающую руку Светланы, очнулся, достал из кармана нагретую «свирель».

Глава 32

АНГЕЛ-ХРАНИТЕЛЬ

– Что это? – полюбобытствовал Вахид Тожиевич.

– Иерихонская Труба, – небрежно ответил Горшин.

– Вы шутите, Граф? – удивился Юрьев.

– *Так* я ещё не шутил. – Тарас подошёл к Артуру. – Спокойно, Суворов, мы ничуть не рискуем. Отойди чуток и дуй.

Артур, бледнея, глянул на Светлану, в глазах которой сквозь пламя *силы* вдруг пробился удивительный свет любви. Вздогнул, выпрямился, сделал несколько шагов к краю обрыва на негнущихся ногах. Приложил «свирель» к губам. Губы свело, как от электрического разряда. Но он всё же героическим усилием удержал трубочку у рта и дунул в отверстие изо всех сил.

Раздалось тусклое шипение.

Лицо Артура пошло красными пятнами.

«Успокойся, Артурчик, милый!» – прилетела чья-то тёплая мысль.

Тогда он глубоко вздохнул, уже не обращая ни на кого внимания, сосредоточился на *вызове*, успокоил сердце и дунул ещё раз.

Всё пространство монаршей тюрьмы потряс мягкий, чем-то похожий на голос синкэн-гата, трубный певучий звук. Даже не звук – нечто большее, «музыка сфер», трансцендентное сотрясение психики и глубин материи, перехватившее дыхание, вызвавшее у всех невольное рыдание и слёзы! В этом звуке чудесным образом сплелись птичьи трели, звон капли, шум водопада, треск огня в костре, певучий вскрик затачиваемой оселком косы, детский смех и женский голос, допевший печальную песню.

И стало совсем тихо.

Чёрный смерч остановился, закрутился сильнее, перемешивая в спиральных струях образы и хищные оскалы невиданных зверей.

А с другой стороны горы ударил вдруг в небо огненный фонтан и превратился в смерч, только ослепительно белый, и все почувствовали его великодушную и в то же время грозную силу.

Артур выронил «дудочку», покачнулся.

Светлана бросилась к нему, поддержала, обняла, шепча на ухо какие-то слова.

– Я же сказал, он справится, – сказал Тарас, посмотрев на молчаливого Матфея. Подошёл к Артуру, похлопал его по плечу, поднял «свирель». – А эту вещицу надо поберечь до лучших времён.

– Что происходит? – кивнул на белый искрящийся смерч Василий Никифорович.

– Явление Ангела.

– А конкретнее? – не выдержал Самандар.

– Сейчас всё выяснится.

– И всё же я не понял: у Стаса был не настоящий синкэн?

– Идеальная копия – *нун*, сакральный модус, воплощение *силы* Даат. Если бы у него был настоящий синкэн-гата, мы бы с вами тут не стояли.

Стас сел на корточки, закрыв лицо ладонями.

Все посмотрели на него, кто с жалостью и сочувствием – женщины, кто с осуждением и неприязнью, кто с грустью и верой.

– Как же вам удалось подменить синкэн копией? – продолжал допытываться Вахид Тожиевич. – Я так понимаю, произошло это ещё до встречи Стаса с Монархом?

– Правильно понимаешь.

– Значит, всё было рассчитано заранее? Поход Стаса, выход из тюрьмы Монарха? Наши скитания?

– Ошибка оруженосца запланирована не была. В нашу задачу входило создание в «розе» «божественных» духовно-этических структур для программирования будущих цивилизованных форм человеческой расы. Но тайная деятельность Монарха – все эти «просачивания, вселения и внедрения», скупка человеческих душ, попытки изменить матричную реальность, находясь в тюрьме, – мешали нам. Пришлось пойти на применение стратагем, неизвестных господину Конкере, чтобы вернуться к Изначальному Плану Бытия. А поскольку мне доверили возглавить службу безопасности «розы», пришлось разработать и применить режим скрытой защиты Материнской реальности. Поэтому корректировка почти не коснулась социума Земли. Это доверено сделать вам.

– Кем доверено?

Тарас кивнул на сияющий белый смерч.

– Им.

– Значит, это правда? Иерихонская Труба действительно может вызвать... Создателя?

Горшин улыбнулся.

– Создатель не придёт. Пришёл Аватара, материальное воплощение Творца. Или вас это не устраивает?

Самандар смешался, не зная, что сказать, пожевал губами.

– Хотелось бы повидаться с Самим... А мы знаем этого... Аватару?

– Конечно, – кивнул Тарас, посмотрел на Котова-старшего. – Василий Никифорович, у тебя не пропало желание стать разработчиком технологий Согласия? Помнишь разговор с Юрием Венедиктовичем в квартире Анны Павловны?

– Помню, – тихо ответил Котов. – Мне предлагали стать кардиналом Союза Неизвестных...

– Но ты отказался, затронув тему баланса сил. У тебя есть возможность стать воспитателем Архитектора Согласия.

Василий Никифорович непонимающе прищурился.

– Сын, – кивнул Горшин на малыша, которого укачивала Ульяна. – Он вполне может вырасти Архитектором.

Котов посмотрел на жену, на сына, изменился в лице.

– Матвейка?! Архитектор Согласия?!

– Почему бы и нет?

Ульяна прижала к себе сына, глаза её стали большими и тревожными.

– Не хочу! Не хочу, чтобы он вечно воевал и вечно скитался по «розе»!

– Никто вас не неволит. И никто не говорит, что ему придётся воевать и скитаться. Архитектору и на Земле полно забот.

– Не знаю... – тяжело сказал Василий Никифорович. – Социум Земли болен... без драк и войн не обойтись... хотелось бы, чтобы эта судьба обошла моего сына.

– Не уверен, что это достижимо. Зло неуничтожимо, но, если его не ограничивать, мы потеряем всё.

– Я никому не желаю зла. Я не желаю зла даже моим врагам. Я просто хочу, чтобы их не было.

– Это правильная философия. Но мы ещё поговорим на эту тему, ладно? Вот она останется для связи. – Тарас указал на Светлану, всё ещё поддерживающую Артура. – Подскажет место встречи.

– А что будет с ним? – Ульяна зябко повела плечиком, глянув на Стаса.

– Я только убил в нём *зверя* – зомби-программу Монарха, но ему нужно время, чтобы осознать цену ошибки, найти в себе силы преодолеть боль и отчаяние и вернуть душу. Какое-то время ему придётся побыть одному.

– *Vae soli*^[17], – проговорил Самандар, кинув странный взгляд на Ульяну. И только Василий Никифорович понял значение этого взгляда. Вахид Тожиевич продолжал любить его жену и поэтому был обречён на одиночество.

Сияющий белый смерч остановился.

Стало совсем тихо, как в подземелье.

Затем на краю обрыва соткалось переливчатое световое облачко, приобрело форму человека в таком же белом костюме, что был на Горшине.

– Матвей! – выдохнул Котов-старший.

– Соболев! – проговорил Парамонов в унисон с Юрьевым.

– Хранитель, – почтительно склонил голову Матфей.

– Почему Хранитель? – удивился Самандар.

– Потому что он инфарх, – ответил Горшин. – Мастер мастеров. И ещё Ангел-Хранитель «розы».

– Здравствуйте, – звучным голосом произнёс Матвей Соболев; он практически не изменился со времени последней встречи с бывшими соратниками, только в глазах плескался *огонь* знания, мудрости и... печали. – Рад видеть вас, друзья.

– Здравсьте... привет... добрый день, – недружно ответили ему.

Соболев посмотрел на Тараса.

– Выход перекрыт?

– Разумеется, Мастер, всё готово.

Соболев сделал несколько шагов к замершим людям.

– Вы сделали своё дело, друзья, теперь моя очередь. Подождите меня где-нибудь, я скоро.

Он превратился в облачко света, облачко вытянулось лучом и исчезло внутри белого смерча. Смерч бесшумно двинулся к замершему

посреди мультигорода чёрному вихрю.

– Идёмте, подождём его на Земле, – сказал Тарас. – Здесь нам оставаться опасно. У кого можно остановиться?

– У меня, – ожил Артур.

– Отлично, поехали.

– Один маленький вопрос, – поднял руку сомневающийся Самандар. – Ты только что заявил, что выход перекрыт. Я правильно понял? Отсюда никто теперь не сможет выйти?

– Мы сможем. Монарху же в эту щель не пролезть. Он останется здесь навечно.

– Что вы собираетесь делать?

– Объявить ему абсолютный шактипат.

– Разве это возможно?

– Ну, если иметь то, что у нас имеется, да настроить его соответствующим образом...

– Что?

– Игла Парабрахмы.

– Умертвие?!

– Рыков так долго подбирался к нему, что мы успели направить его по ложному пути – собирать Великие Вещи, якобы необходимые для включения Умертвия, и перехватили инициативу.

– Вы действительно всё рассчитали...

Тарас вдруг сделался строгим и серьёзным, оглядел смятённые лица беглецов и иерархов, прижал руку к сердцу.

– Прежде чем мы отправимся на Землю, хочу выразить вам огромную благодарность и извиниться за все беды, тревоги, потери и боль! Только благодаря вам – вы стали силой! – мы вынудили Монарха вернуться в свою тюрьму. Возможно, были и другие варианты остановить Монарха, более оптимальные, но я их не нашёл. Простите ещё раз!

Тарас поклонился, застыл в полупоклоне.

– Вы меня удивляете, Граф, – покачал головой Юрьев. – Никогда бы не подумал, что вы способны признать свои ошибки и просить прощения.

Горшин выпрямился. На миг его глаза стали растерянными и несчастными, полными муки и страдания. Всего лишь на один миг. И всё прошло.

– Я – человек, – просто, без обычной мягкой иронии ответил он. – И остаюсь им, несмотря на соблазны. Хотя, может быть, зря. – Он улыбнулся. – Поехали?

– А... он? – кивнула на Котова-младшего Ульяна.

Все одновременно посмотрели на Стаса.

– Если он захочет, я возьму с собой и его. Поторопимся, друзья.

Смерчи столкнулись!

Земляне подняли глаза, разглядывая два крутящихся гигантских смерча, и на всю оставшуюся жизнь им запомнилась эта картина: чёрная равнина, «жидкое» серое небо, золотые замки и два столкнувшихся смерча – чёрный и белый, олицетворяющие силы Света и Тьмы...

Москва, май 2005 г.

notes

Примечания

1

Именно в этот бассейн свалилось ядро кометы, известной под названием Тунгусский метеорит.

Гамчикот — «дьявольское милосердие» (Каббала).

В последний момент казнь Ф.М. Достоевского была заменена ссылкой.

Сиддхи, паранормальные способности человека; мохана – приведение людей в бессознательное состояние; стамбхана – введение людей в состояние неподвижности.

Тамас — принцип материальной природы в индуизме, означает сопротивление всем изменениям.

Алдан-Семенов А. На краю океана.

ШАР – Школа адекватного реагирования.

Е. Лукин.

Прапти – получение желаемого (инд. эзотерич. практики).

Кхекара – полёт.

Брахман – безличная абсолютная реальность, основа всего сущего (инд. мифология).

Стхула-шарира – одна из сиддх: оставление материального тела.

Меркаба – единение Духа и тела (египет. эзотерич. традиция).

Е. Лукин.

В прошлом Земля вращалась вокруг Солнца быстрее, что естественно отражалось на продолжительности года.

Сарваса-убхагья-дайака — «царство возможностей в духовном восхождении» (инд. йогич. практики).

Тяжко одинокому (*лат.*).